

М.Ю. Крысин

ПРИБАЛТИКА МЕЖДУ СТАЛИНЫМ И ГИТЛЕРОМ

• ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА •

М.Ю. Крысин

ПРИБАЛТИКА МЕЖДУ СТАЛИНЫМ И ГИТЛЕРОМ

• ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА •

Москва
«Вече»

УДК 94
ББК 63.3(2)62
К85

Издание 2-е, исправленное

Крысин, М.Ю.

К85 Прибалтика между Сталиным и Гитлером / М.Ю. Крысин. — М. : Вече, 2018. — 416 с. : ил. — (Военно-историческая библиотека).

ISBN 978-5-4444-3270-9

Знак информационной продукции **12+**

Миф о «борьбе за независимость», которую вели эстонцы, латыши и литовцы под знаменами Третьего рейха против «большевизма», стал в 1990-е годы господствующей идеологией в Прибалтике — особенно в Латвии и Эстонии. В годы войны коллаборационисты Эстонии, Латвии и Литвы заявляли, что они отстаивают свой суверенитет. Так ли это? Почему прибалтийские «борцы за независимость» не поднялись на вооруженную борьбу против немецко-фашистских оккупантов? Почему они не сражались бок о бок с советскими партизанами, несмотря на идейные разногласия? О какой независимости при гитлеровском режиме могла идти речь? Кто были истинные хозяева прибалтийских коллаборационистов? Эти и другие вопросы исследует в своей книге историк М.Ю. Крысин.

УДК 94
ББК 63.3(2)62

ISBN 978-5-4444-3270-9

© Крысин М.Ю., 2018
© ООО «Издательство «Вече», 2018

ВВЕДЕНИЕ

Миф о «борьбе за независимость», которую вели эстонцы, латыши и литовцы под знаменами Третьего рейха против «большевизма», стал в 1990-е годы господствующей идеологией в республиках Прибалтики — особенно в Латвии и Эстонии. Еще в годы войны коллаборационисты Эстонии, Латвии и Литвы заявляли, что они отстаивают свой суверенитет. Так ли это? Ведь ни сам Гитлер, ни оккупационные власти рейха никогда не собирались предоставлять им независимости, да и сами коллаборационисты надеялись максимум на предоставление автономии в рамках рейха... В то же время в составе Советского Союза республики Прибалтики получили гораздо более независимый статус союзных республик, имевших, кстати, формальное право выхода из Союза (что и было сделано в конце 1980-х — начале 1990-х годов). Так что винить во всем Советский Союз, якобы вероломно захвативший Прибалтику, было бы наивно. Да и представлять «советскую оккупацию», как это модно стало называть, чуть ли не более кровавой, чем нацистскую, неверно — цифры не позволяют. Причем цифры эти приводят не только советские, но и западные историки...

Так почему же прибалтийские «борцы за независимость» не поднялись на вооруженную борьбу против немецко-фашистских оккупантов? Почему они не сражались бок о бок с советскими партизанами, несмотря на идейные разногласия, как это было, например, в оккупированной Франции? Напротив, прибалтийские

коллорабационисты охотно сотрудничали с оккупантами (откуда, собственно, и пошло само это слово — collaboration (франц.) — сотрудничество). Факты показывают, что роль местных коллаборационистов — органов самоуправления, полиции, латышских и эстонских дивизий СС — была сугубо подчиненной по отношению к немецким властям, что делало их добровольными соучастниками в геноциде своего собственного народа, не говоря уже о русских, евреях, поляках... О какой борьбе за независимость могла идти речь в таком случае? Коллорабационисты были готовы принести фашистам любые жертвы из числа своих соотечественников, обещая немецким властям тотальную военную мобилизацию, любое количество людских ресурсов для военной промышленности — вплоть до последнего человека. Так ради чего же? Ради защиты своей независимости, которой они не имели при немецкой оккупации и которой немцы им не собирались предоставлять? Только ради того, чтобы противостоять Советам и... вернуть себе власть и собственность, отнятые в годы советской власти. Достаточно лишь посмотреть, кем были до войны те люди, которые впоследствии сотрудничали с оккупантами, и их мотивы станут ясны. Политика всегда вращалась вокруг денег и собственности...

Бороться с мифами можно только с помощью фактов. Справедливо заклеив коллаборационистов как соучастников преступлений нацизма и подтвердив этот вывод огромным количеством фактов, советская историография тем не менее предпочла обойти стороной вопрос о причинах этого явления. Подобные чересчур щекотливые темы предпочитали не обсуждать вообще. Именно это и открыло простор для откровенных фальсификаций и мифов — таких как миф «Ледокола», миф о послевоенной «советской угрозе», о Советском Союзе как «тюрьме народов», а также о борьбе этих народов «за независимость» против большевизма.

Кто были истинные хозяева коллаборационистов? Каковы были мотивы этого явления в республиках Прибалтики в годы Второй мировой войны? Наконец, о какой борьбе за «независимость» могла идти речь, если Германия и не думала предоставлять им суверенитет, да и сами правящие круги Прибалтики как

в 1918, так и в 1939—1940 годах неоднократно просили Гитлера нарушить этот «суверенитет» и принять их под протекторат рейха, а позднее, в годы Второй мировой войны, как настоящие бизнесмены, назначали цену в человеческих жизнях — несколько десятков тысяч латышей, литовцев, эстонцев в качестве «пушечного мяса» — всего лишь за «независимость по образцу протектората Богемии и Моравии»? Национально-освободительные лозунги предназначались для простого народа, понятия не имевшего, о чем беседовали в узком кругу их самозванные лидеры с высшими чинами нацистских спецслужб и оккупационной администрации. В действительности под ними скрывалась всего лишь борьба правящей верхушки за передел собственности и возвращение себе своих привилегий при германском «новом порядке».

Глава I

РОЖДЕНИЕ ПРИБАЛТИЙСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

ПЕРВАЯ ГЕРМАНСКАЯ ОККУПАЦИЯ

В течение XX века Прибалтика дважды побывала под германской оккупацией. Впервые большая часть Прибалтики была оккупирована кайзеровскими войсками в годы Первой мировой войны. В ходе немецкого наступления летом — осенью 1915 года немецкая армия вторглась на территорию нынешней Латвии. Одновременно к августу 1915 года немцы заняли большую часть Польши и, таким образом, открыли себе путь на Литву. 18 августа 1915 года немцы овладели Каунасом (Ковно) и продолжили наступление на Вильнюс (Вильно). В результате очень скоро вся юго-западная, западная и северная части Литвы (включая город Каунас) оказалась под немецкой оккупацией.

На всей оккупированной территории Белоруссии, Литвы и Курляндии в июне 1915 года по приказу фельдмаршала Гинденбурга была создана так называемая Область восточного управления. Военные власти сосредоточили в своих руках практически всю власть, а гражданское управление было частично возложено на органы самоуправления, создававшиеся из местных прибалтийских немцев (в основном — помещиков, или «баронов»). Их пресса объявила Прибалтику территорией будущей германской колонизации и потребовала, чтобы земли латышских крестьян были переданы немецким колонистам. Так, в одной только Курляндии предполагалось поселить около 60 тысяч семей немец-

ких поселенцев. Проводилось онемечивание местного населения. В первую очередь это коснулось языка: официальным языком делопроизводства и обучения в школе был провозглашен немецкий. Все материальные ценности и природные ресурсы этих областей считались военной добычей и беспощадно вывозились в Германию. С населения собирались непосильные налоги и платежи, как установленные еще царским правительством, так и введенные оккупационными властями. Проводились широкомасштабные реквизиции. Неудивительно, что одним из следствий немецкой оккупации стали потоки беженцев, устремившихся из прифронтовых районов вглубь России перед приближением германских войск. Если накануне войны в 1913 году в Курляндии, например, проживало около 800 тысяч жителей (из них 600 тысяч латышей), то в сентябре 1915 года по переписи, проведенной оккупационными властями, там оставалось всего 250 тысяч человек¹.

Но как говорится, кому война, а кому мать родна. Еще одним следствием германской оккупации стало образование на территории Прибалтики органов самоуправления, которые тесно сотрудничали с захватчиками. После капитуляции Германии, с одобрения оккупационных властей, образованные на ее территории органы местного самоуправления получили статус «независимых правительств».

На занятой немцами территории Литвы местные националисты в сентябре (октябре) 1917 года создали так называемую «Литовскую тарибу» (совет) во главе с Антанасом Сметоной, бывшую под контролем германских властей. То, что в стране находились кайзеровские войска и оккупационная администрация, не мешало им считать Тарибу прообразом правительства независимой Литвы. Тем не менее, когда Германия и Советская Россия начали мирные переговоры в Брест-Литовске, Тариба не без влияния оккупационных властей вдруг вспомнила о том, что когда-то Литва была самостоятельным государством. Чтобы сохранить свою «независимость» от революционных событий в России, под защитой немецких штыков, 11 декабря 1917 года она провозгласила восстановление Литовского государства и приняла акт «О вечных союзных связях Литовского государства с Германией», которые долж-

ны были быть закреплены военной конвенцией о транспортном сообщении, таможенным союзом и введением единой валюты. Но общественность Литвы воспротивилась этому акту, сочтя его предательством национальных интересов. В результате 16 февраля 1918 года, Литовская тарига была вынуждена принять новый акт «О независимости Литвы», в котором о военной конвенции с Германией уже не упоминалось. В нем лишь содержался призыв к правительствам Германской и Российской империй признать восстановление независимого Литовского государства. О действительной независимости, конечно же, по-прежнему не могло быть и речи, поскольку все эти заявления издавались с ведома германских оккупационных властей! Неудивительно, что уже 4 июля 1918 года Тарига приняла решение провозгласить Литву монархией и пригласить на литовский престол принца Вильгельма фон Ураха графа Вюртембергского, который после коронации должен был принять имя короля Миндаугаса II².

Латвия была оккупирована кайзеровскими войсками лишь частично. В результате августовских боев 1915 года в руки немцев перешла большая часть Курляндии (северо-западная часть Латвии, образующая выдающийся в Балтийское море полуостров), а в следующем месяце началось продвижение кайзеровских войск в направлении Даугавпилса (Двинска). 13 октября кайзеровские войска овладели городом Илуксте и подошли вплотную к Даугавпилсу, однако форсировать Двину и занять город им так и не удалось. В конце 1915 года немцы предприняли еще одно наступление на Ригу, так как попытка взять город с моря в августе 1915 года закончилась неудачей, но наступление было остановлено в 20—30 километрах от Риги, в Тирельских болотах у озера Бабите.

В результате находившиеся в прифронтовой полосе Курляндская и Лифляндская губернии в течение трех последующих лет были почти полностью разорены войной. В оккупированной части Латвии немцы не рискнули создавать какие-либо органы самоуправления — вся власть находилась в руках немецких военных комендантов. Из неоккупированной части Латвии все бывшие царские чиновники бежали сразу после Февральской революции.

Не случайно здесь в течение трех последующих лет, с 1917 по 1920 год, советская власть устанавливалась дважды. Хотя временное правительство Керенского назначило исполняющим обязанности комиссара по Лифляндской губернии адвоката Красткална, через несколько месяцев Рижский Совет рабочих депутатов взял всю власть в свои руки, а Красткалн был арестован и отправлен под конвоем в Петроград. После Октябрьской революции большинство солдат латышских полков, созданных еще царским правительством — знаменитые «латышские стрелки», — перешли на сторону большевиков.

В Эстонии, куда кайзеровские войска не дошли в 1915 году, после Февральской революции появилось на свет множество националистических партий. Крупнейшей из них стал «Демократический блок», который возглавляли Иван Поска, будущий диктатор Эстонии Константин Пятс и будущий лидер парламентской оппозиции Ян Тыниссон. В то время ни эстонские националисты, ни правительство Керенского не были заинтересованы в отделении Эстонии от Российской империи, о чем свидетельствуют многочисленные документы. Но, опасаясь развития революционных событий, националисты выдвинули лозунг автономии и выдвинули свой проект самоуправления. Так был создан Губернский земский совет (эст.: Маапяэв), председателем которого стал Иван Поска. Закон о выборах в Маапяэв был составлен так, что обеспечивал представительство только высшим слоям населения.

Установившаяся в декабре 1915 года линия фронта в Прибалтике не претерпела практически никаких изменений вплоть до августа 1917 года, когда Корнилов сдал немцам Ригу, а 29 сентября того же года группа эстонских офицеров царской армии сдала германским войскам острова Сааремаа и Муху (при этом попала в плен большая часть солдат 1-го эстонского полка)³. Пятс, Тыниссон и Поска поддержали корниловский мятеж, однако после его подавления расклад сил оказался не в их пользу. В советах рабочих и крестьянских депутатов начали набирать влияние большевики. В ноябре 1917 года они провозгласили создание так называемой «Эстляндской коммуны» в Нарве и Нарвском уезде. Вскоре после этого администрация Ивана Поски была смещена, дела гу-

бернского комитета принял большевик Виктор Кингисепп, а «Эстляндская коммуна» стала фактическим правительством Эстонии. Она провела ряд преобразований в экономике, административном устройстве и прочих областях. Были конфискованы помещичьи земли и переданы в ведение Советов трудящихся, отменена ежегодная арендная плата «баронам» (помещикам, в основном из прибалтийских немцев) за пользование землей, введен рабочий контроль на предприятиях и т.д. Любопытно, что официальное делопроизводство и преподавание в школах на эстонском языке были впервые введены в Эстонии не националистами вроде Пятса и Тыниссона, а большевиками.

Националисты были обеспокоены тем, что власть ускользала у них из рук. В январе 1918 года по инициативе Константина Пятса и бывшего подполковника царской армии Йохана (Ивана Яковлевича) Лайдонера они направили в Стокгольм «инострannую миссию». Глава миссии, Ян Тыниссон, представил германскому послу в Стокгольме докладную записку, адресовannую правительству Германии, с просьбой о немедленной оккупации Эстонии. Одновременно Пятс и Лайдонер установили прямой контакт с командованием германских войск, направив в немецкий штаб в г. Куресааре своего уполномоченного. По их указанию офицеры размещенной в Хаапсалу эстонской воинской части открыли немцам фронт. В результате этого кайзеровские войска с острова Сааремаа высадились в континентальной Эстонии и были брошены прямо на Таллин, вместо того чтобы двинуться на соединение с немецкими войсками, наступавшими с юга на Пярну.

Германское министерство иностранных дел в январе 1918 года через эстляндское рыцарство предложило лидерам эстонских националистов провозгласить независимость, чтобы под предлогом помощи ввести в Эстонию войска. Но провозгласить «независимое правительство» относительно легко, гораздо труднее удержать власть в своих руках. Поэтому ради этой цели националисты начали создавать в Тарту, Вильянди, Мярьямаа и других городах свои вооруженные отряды. Предводитель дворянства Деллингсхаузен собирал в имениях седла для организуемого в Вильянди кавалерийского полка под руководством эстонского офицера Питки (бу-

душий главком военно-морского флота в независимой Эстонии). В имении Пюсси Вирусского уезда отряды немецких помещиков открыли стрельбу по крестьянам, явившимся конфисковать имение в сопровождении двоих красногвардейцев. Примерно в то же время органы ЧК раскрыли подпольную организацию эстонских националистов и немецких баронов в Эстонии, которая собирала подписи под прошением кайзеру Вильгельму II прислать в Эстонию германские войска. Они также передавали в Германию шпионские сведения о расположенных в Эстонии русских войсках и готовили мятеж с целью провозглашения независимости под защитой немцев.

Одновременно Пятс и Лайдонер пытались искать поддержки у стран Антанты, в то время являвшихся противниками Германии, и с этой целью направили своих эмиссаров в Петроград — в посольства Англии, Франции и США — и за границу. В феврале 1918 года Лайдонер отправился в Петроград, где помогал организовать шпионаж в эстонских частях Красной Армии в пользу Антанты, и в Мурманск, где при поддержке английских и американских интервентов начал формирование «Эстонского легиона». Он посылал своих офицеров в качестве представителей и к белогвардейским генералам все с той же просьбой о помощи⁴. Пятсу и Лайдонеру было не важно, откуда они получают эту помощь — от Германии, стран Антанты или белогвардейцев — лишь бы найти союзников в борьбе с Советами. Точно такую же картину можно было видеть в Прибалтике в 1944 году, накануне отступления вермахта и освобождения Прибалтики частями Красной Армии...

МЕЧТА КАЙЗЕРА ВИЛЬГЕЛЬМА II: «БАЛТИЙСКОЕ ГЕРЦОГСТВО»

В феврале 1918 года началось широкомасштабное германское наступление по всему фронту от Балтийского моря до Карпат. На петроградском направлении в Прибалтике действовали 8-я армия под командованием генерал-полковника Г. фон Кирхбаха (9 пехотных и 1 кавалерийская дивизии) и армейская группа «D» (4 пехотных и 2 кавалерийских дивизии) из группы армий генерал-

фельдмаршала Г. Эйхгорна. Они должны были разбить войска русского Северного фронта (1-я, 5-я и 12-я армии) и, овладев Псковом и Нарвой, создать плацдарм для наступления на Петроград. Немецкий 68-й (Северный) армейский корпус должен был нанести вспомогательный удар с Моонзундских островов на Таллин и Нарву.

18 февраля кайзеровские войска заняли Даугавпилс (Двинск), а 21 февраля — Минск. Вооруженной силы, способной сдержать их натиск, на фронте не было, так как старая армия была дезорганизована и охвачена революционным движением. Незадолго до того, 28 января (10 февраля) 1918 года, новый главнокомандующий Л.Д. Троцкий издал преступный приказ о прекращении войны и демобилизации. (Уже на следующий день Ленин дал указание о его отмене.) Интервенты встретили сопротивление лишь на отдельных участках фронта — северо-восточнее Риги, на подступах к Цесису, Валмиере и Валге, где отважно сражались 6 полков латышских стрелков и несколько красногвардейских отрядов — всего около 6 тысяч человек. К 23 февраля германские войска вышли на подступы к Таллину, Пскову и Полоцку; под их контролем оказалась практически вся Прибалтика, включая территорию Литвы, Латвии и Эстонии. В этих условиях 3 марта 1918 года советская делегация была вынуждена подписать в Бресте мирный договор с Германией, по которому все эти территории и другие западные районы бывшей Российской империи оставались под немецкой оккупацией.

Буквально через несколько дней после заключения Брестского мира, 8 марта 1918 года, в Митаве (современная Елгава) по инициативе оккупационных властей собрался так называемый «Курляндский ландтаг» из 80 делегатов, избранных в основном из прибалтийских немцев. Он провозгласил создание «Курляндского герцогства» «под скипетром германского императора и прусского короля Вильгельма II». 15 марта кайзер Вильгельм подписал акт о признании «самостоятельности» Курляндского герцогства под своей властью. Месяцем позже так называемый Совет прибалтийских земель (объединенный ландесрат Лифляндии, Эстляндии, города Риги и острова Эзель) из 58 делегатов объявил о создании

«Балтийского герцогства», в состав которого вошло также герцогство Курляндское. Совет объявил об отделении Эстонии и Латвии от России и установлении персональной унии «Балтийского герцогства» с Пруссией. Правителем этого государства-анахронизма стал принц Генрих Гогенцоллерн, брат Вильгельма II⁵.

На территории «Балтийского герцогства» были запрещены все партии, профсоюзы и общественные организации, закрыты газеты и журналы. В качестве единственного официального языка для делопроизводства и обучения в школах был введен немецкий язык, Тартуский университет в Эстонии был объявлен немецким. Все это было частью целого комплекса мер, направленных на германизацию и колонизацию Прибалтики и включение ее в состав Германской империи. Однако экономическая эксплуатация этих земель началась еще до полной аннексии. Оккупанты вывозили из страны все мало-мальски ценное — вплоть до древесины и чернозема. Доходило даже до вывоза в Германию рабочей силы, хотя и не в тех масштабах, как это делали позднее гитлеровцы. Ущерб, нанесенный Эстонии в годы первой немецкой оккупации, превысил 190 миллионов рублей золотом; в Литве оккупанты за три с половиной года отобрали у крестьян более 620,5 тысячи тонн зерна, вырубili около 20 % лесов, сожгли 1200 деревень, 2 тысячи хуторов и 50 местечек; не менее беспощадному ограблению подверглись также Латвия и Белоруссия⁶.

Жестокость немецких властей вызывала сопротивление местного населения. В Литве с 1915 года против интервентов действовали «лесные братья» — в одной только Ковенской губернии их насчитывалось до 20 тысяч. В Латвии и Эстонии сопротивление проявлялось в основном в форме стачек и саботажа среди рабочих, отказов от выполнения повинностей среди крестьян. В некоторых уездах Латвии и Эстонии действовали отряды латышских и эстонских «лесных братьев», причем в то время многие из этих партизанских отрядов находились под непосредственным руководством созданного в августе 1918 года Оргбюро (позднее — Центрального бюро коммунистических организаций оккупированных областей при ЦК РКП(б)). Оккупационным властям то и дело приходилось проводить карательные экспедиции, в которых участвовали

прибалтийские бароны со своими «дружинами» и вооруженные формирования местных националистов. Например, в таллинских тюрьмах находилось больше 5 тысяч заключенных; захваченные большевики, пленные красноармейцы и партизаны подвергались пыткам и казням.

Но «Балтийскому герцогству» было суждено просуществовать всего несколько месяцев. В ноябре 1918 года в Германии произошла революция, и 11 ноября командование кайзеровской армии было вынуждено подписать перемирие во французском городке в Компьене. Одним из тех, кто особенно тяжело переживал поражение Германии, был молодой ефрейтор 16-го Баварского резервного пехотного полка Адольф Гитлер, проходивший лечение в военном госпитале в Пазевалке. «Я знал, — писал он, — что все потеряно. Лишь глупцы, лжецы и преступники могли надеяться на снисходительность противника. ...И тогда я понял, чему должен посвятить себя. Я решил заняться политикой»⁷. Это роковое для всего мира решение было принято в ночь с 10 на 11 ноября 1918 года, как раз накануне подписания перемирия в Компьене.

В действительности условия перемирия, которое так остро переживал молодой Адольф Гитлер, были довольно великодушными. Как ни странно, страны Антанты все же проявили снисходительность и настояли на том, чтобы германские войска остались на занятых ими территориях бывшей Российской империи, включая Литву, часть Латвии и часть Эстонии. Правительства Англии и Франции объясняли эту меру необходимостью поддержания «порядка» на этих землях, где новые национальные правительства еще не имели реальной власти, в то время как у самой Антанты не было лишних войск, которые можно было бы направить для оккупации Прибалтики после ухода оттуда немецких войск. Но истинной причиной этого шага был страх перед «красной заразой». Таким образом, до своей эвакуации в декабре 1919 года немецкие войска выступали союзниками держав Антанты, создавая «санитарный кордон» против распространения революции из Советской России. Впоследствии их пребывание в Прибалтике было одобрено Версальским мирным договором 1919 года — до тех пор пока Антанта будет считать это необходимым.

В тот же день, когда командование кайзеровской армии подписало перемирие в Компьене, главнокомандующий германскими войсками на Восточном фронте фон Кирхбах отдал приказ о начале частичной эвакуации. Однако в связи с разложением дисциплины в своих войсках, фон Кирхбах и его штаб были не уверены в боеспособности оставшихся частей, и поэтому в декабре 1918 года приступили к формированию новой так называемой «Железной дивизии» из немецких солдат-добровольцев, служивших в частях 8-й армии. Добровольцам, изъявившим желание вступить в нее, были обещаны жалованье, премиальные и земля для поселения в Латвии. Германия явно не собиралась отказываться от своих прежних планов колонизации Прибалтики.

Но одна дивизия не могла контролировать всю Прибалтику и выполнять роль «санитарного кордона» против революции, в то время как созданные при оккупации органы самоуправления рушились. Так, «Балтийское герцогство» распалось сразу же после капитуляции Германии. Правда, прибалтийские бароны все же предприняли попытку сохранить его, создав в начале ноября 1918 года в Риге регентский совет во главе с бароном фон Пиларом, в который вошли представители латвийских и эстонских немцев⁸. Однако он просуществовал недолго. Страны Антанты, равно как и Германия, понимали, что в их интересах оградить Прибалтику от революции. Поэтому по условиям Компьенского перемирия германское командование обязывалось передать гражданскую власть в этих районах местным националистическим правительствам, которые были созданы еще в период оккупации. 19 ноября 1918 года в Риге был подписан акт, которым была оформлена передача власти временным правительствам Литвы (во главе с Августинасом Вальдемарасом), Латвии (во главе с Карлисом Ульманисом) и Эстонии (во главе с Константином Пятсом). Предполагалось, что с помощью займов и субсидий, полученных от Англии, Франции и Соединенных Штатов, а также с помощью германских офицеров, эти правительства смогут создать собственные армии, чтобы противостоять Советской России. Командование германских войск было по-своему заинтересовано в создании белогвардейских и местных националистиче-

ских вооруженных формирований для борьбы с революционным движением и создания «санитарного кордона» против Советской России в случае вынужденной эвакуации своих войск. Германские военные власти не только взяли на себя материально-техническое обеспечение «Эстонской дивизии»; содействовали созданию «Балтийского ландесвера» в Латвии и белогвардейского Северного корпуса в Пскове, но и предоставили националистическим правительствам Литвы, Латвии и Эстонии займы на организацию собственных вооруженных сил⁹.

НЕМЕЦКИЕ АВАНТЮРИСТЫ В ПРИБАЛТИКЕ: ДОБРОВОЛЬЧЕСКИЙ КОРПУС ФОН ДЕР ГОЛЬЦА

В связи с революционными событиями в Германии и ее капитуляцией, Советская Россия сочла возможным аннулировать навязанный ей Брестский мир и начала открытую военную и политическую борьбу за освобождение от германской оккупации Эстонии, Латвии и Литвы, а также Белоруссии, Украины и Закавказья.

В городах и селах Латвии уже в ноябре — декабре 1918 года проходили массовые выступления против интервентов и правительства Ульманиса, предпринимавшего все усилия, чтобы удерживать этих интервентов в стране как можно дольше. На территориях Курляндской, части Лифляндской и Витебской губерний в декабре 1918 года была провозглашена Латвийская социалистическая республика, правительство которой возглавил профессор Ф.А. Розинь (Азис). На помощь Советской Латвии двинулись части Красной Армии. За две недели, с 18 декабря 1918 по 3 января 1919 года, они заняли города Валку, Валмиеру, Цесис и Ригу. К концу января на территории всей Латвии (за исключением Лиепай с окрестностями, куда бежало под защиту войск оккупантов правительство Ульманиса) была вторично установлена советская власть. Таким образом, в течение ближайших нескольких месяцев в Латвии существовало два правительства — одно во главе с Ф.А. Розинем находилось в Риге, а другое — во главе с Ульманисом — в Лиепae.

Ради того, чтобы сохранить свою власть и оградить страну от «революционной заразы», правительство Ульманиса готово было

обратиться за помощью хоть к самому дьяволу, поэтому просьбы об оказании военной помощи были направлены обеим бывшим враждующим сторонам — как Германии, так и странам Антанты. Правительство Ульманиса обратилось с предложением о сотрудничестве к командиру немецкого VI резервного корпуса Рюдигеру фон дер Гольцу и одновременно заключило соглашение с германским представителем о формировании так называемого «Балтийского ландесвера».

Почти в то же время, в декабре 1918 года, в Ригу прибыла британская эскадра, на борту которой находились представители английского и американского командований. 18 февраля 1919 года по инициативе военных миссий стран Антанты между националистическими правительствами Латвии и Эстонии была достигнута договоренность о военном союзе против Советской России и координации совместных действий. 1 марта того же года аналогичный договор был заключен между правительствами Латвии и Литвы, в соответствии с которым правительство Ульманиса предоставило последней заем на 5 миллионов немецких марок.

Американцы также не остались в стороне. Вслед за немцами и англичанами, в марте 1919 года в Лиепаю прибыла специальная американская военная миссия во главе с подполковником Уорвиком Грином для непосредственного руководства контрреволюционными силами в Прибалтике. Один из членов миссии, Грант-Смит, докладывая госдепартаменту США о своих наблюдениях, писал, что «правительство Латвии исключительно слабо и не имеет полномочий от латышского народа. Оно было бы немедленно сброшено в случае народных выборов. Это самозванное правительство»¹⁰. Не лучшим образом он оценивал и боеспособность латышских частей, сформированных правительством Ульманиса (по крайней мере в начальный период). Вследствие этого миссия Грина была вынуждена сотрудничать и с бывшими врагами — немецким штабом фон дер Гольца, так как его войска составляли единственную боеспособную силу в Латвии.

Добровольческий корпус фон дер Гольца («фрейкор», от немецкого *Freiwilligenkorps*) был сформирован в январе 1919 года, после того как месяцем раньше германские войска официально покинули

Прибалтику, сохранив в своих руках лишь район западнее линии Каунас — Вентспилс. Подобные части создавались на основе секретного распоряжения Верховного командования сухопутных войск (ОХЛ) от 10 ноября 1918 года. Их главной задачей ставилось подавление революции как в самой Германии, так и в Прибалтике. Формированием корпуса фон дер Гольца еще с ноября 1918 года занималось вербовочное бюро «Балтика», с центром в Берлине и филиалами во многих городах. Корпус был набран в основном из солдат и офицеров частей бывшей 8-й немецкой армии, воевавшей в Прибалтике. В его состав входили VI резервный корпус германской армии, которым командовал лично Рюдигер фон дер Гольц, и «генеральное командование особого назначения 52» (позднее преобразованное в «Шяуляйскую бригаду») — формирование, действовавшее в Северной Литве, в том числе против армии Литовского националистического правительства Слежявичуса.

Среди других частей корпуса фон дер Гольца находилась и печально известная добровольческая «бригада Эрхарда». Ее командир, капитан Герман Эрхард (1881—1971), впоследствии прославился как один из участников «капповского путча» в Германии, когда в 1920 году группа генералов, политиков и бизнесменов предприняла попытку установления военной диктатуры. В числе заговорщиков помимо Эрхарда были генералы фон Лютвиц и Людендорф, финансисты Стиннес, Крупп и Рёйш, во главе с Вольфгангом Каппом — никому не известным тогда генеральным ландесдиректором в правительстве Восточной Пруссии, являвшимся, однако, членом наблюдательного совета «Дойче Банка». Тогда части «бригады Эрхарда» вошли в Берлин и учинили зверскую расправу над рабочими, однако всеобщая стачка сорвала их планы. После этого Эрхард, подобно «кондотьерам» прошлых времен, неоднократно предлагал свою военную помощь другим политическим авантюристам в разных землях Германии — в Саксонии, а затем в Баварии, помогая подавлять революционные выступления. Впоследствии многие из бойцов «бригады Эрхарда» присоединились к создававшимся тогда в Баварии штурмовым отрядам национал-социалистской партии и принимали участие в «Пивном путче» в Мюнхене в 1923 году.

Любопытно, что эмблемой, украшавшей каски солдат Эрхарда, была свастика. В походной песне бригады даже были такие слова: «Свастикой украшен шлем стальной...»¹¹ Этот символ встречается во многих мировых культурах — в индуизме, буддизме, а также у языческих славянских племен; его изображение находили при раскопках древних развалин Трои, Египта и Китая. В древнегерманской мифологии свастика, как одна из рун, была символом бога-громовержца Тора. Однако еще с XIX века в Австрии и в Германии она стала олицетворять национализм и антисемитизм. Именно в этом последнем значении свастика была заимствована Гитлером как эмблема национал-социалистской партии¹². По мнению известного американского журналиста Уильяма Ширера, много лет изучавшего историю Третьего рейха и видевшего своими глазами приход нацистов к власти, Гитлер без сомнения встречал этот символ в Австрии на эмблемах некоторых антисемитских партий и на касках солдат бригады Эрхарда, вступивших в Мюнхен¹³.

Свастика, кстати сказать, являлась одним из государственных символов в Эстонии, Латвии и Финляндии в годы Гражданской войны и после провозглашения ими независимости. Кое-кто утверждал даже, что сам капитан Эрхард впервые увидел этот «нордический» символ именно здесь и сделал его эмблемой своей бригады. В годы советско-финской войны солдаты Красной Армии могли часто видеть черную свастику с белым контуром на крыльях финских самолетов и башнях захваченных танков. Неудивительно, что Финляндия после этого воспринималась не иначе как страна-сателлит нацистской Германии и «пособница фашизма». Так или иначе, выбор этого символа национализма и антисемитизма по-прежнему наводит на самые мрачные догадки.

Помимо «бригады Эрхарда», VI резервный корпус фон дер Гольца к марту 1919 года включал в себя так называемую «Железную дивизию», немецкую 1-ю гвардейскую резервную дивизию, подразделения 45-й резервной дивизии и части «Балтийского ландесвера» (балтийский полк и балтийские отряды самообороны), сформированные на основе соглашения Временного правительства Латвии с германским командованием от 7 декабря 1918 года из числа латышей, прибалтийских немцев, русских белогвардей-

цев и немецких добровольцев. Формально «Балтийский ландесвер» находился в подчинении правительства Ульманиса, однако фактически верховное командование осуществлял штаб немецкого VI корпуса. К марту 1919 года общая численность войск фон дер Гольца в Курляндии и Северной Литве достигала примерно 25 тысяч человек, а позднее — 40 тысяч человек, причем они имели хорошее вооружение, включая самолеты и бронепоезда¹⁴. Впоследствии объединенные силы фон дер Гольца и латышских националистов достигли 80 тысяч человек¹⁵.

Одновременно с формированием «Балтийского ландесвера» и «Железной дивизии» была проведена принудительная мобилизация латышей, проживавших на территории Эстонии. Из них был сформирован «Валмиерский батальон» (позднее развернутый в полк). В захваченных уездах Северного Видземе (Лифляндия) чуть позднее были проведены аналогичные мобилизации, в результате чего были сформированы «Цесисский полк», «Партизанский полк» и «Отдельный кавалерийский эскадрон» из латышей. Все эти части составили Северо-Латвийскую бригаду под командованием бывшего офицера царской армии капитана Земитана. Латышские националистические части в Эстонии были подчинены главнокомандующему Эстонской армии генералу Лайдонеру, однако они также были вынуждены координировать все свои действия со штабом фон дер Гольца.

Именно так рождалась легенда о «боевом братстве» немцев, латышей и эстонцев, в годы Гражданской войны плечом к плечу сражавшихся против Советов. Впоследствии, в годы Второй мировой войны, гитлеровцы не переставали напоминать об этом при проведении каждой новой мобилизации в Прибалтике.

3 марта 1919 года фон дер Гольц начал наступление против Красной Армии. Незадолго до того германские войска заняли Кулдигу, а 24 февраля части «Балтийского ландесвера» захватили Вентспилс. К концу марта 1919 года, в ходе целого ряда военных операций, объединенные силы немцев и латышских националистов захватили большую часть Курляндии.

Однако, рассчитывая присоединить территорию Латвии к Германии (ведь местные земли были обещаны немецким солдатам-

добровольцам!), генерал фон дер Гольц 1 апреля совершил переворот и сверг правительство Ульманиса, которое начало слишком явно ориентироваться на Великобританию. Вместо него у власти было поставлено марионеточное правительство во главе с латышским черносотенцем А. Ниедрой. В июне 1919 года страны Антанты предприняли попытку восстановить правительство Ульманиса, но уже через три дня оно вновь ушло в отставку. В результате войска фон дер Гольца продолжали одновременно вести боевые действия как против Советской Латвии, так и против оставшихся верными Ульманису латышских войск.

Тем временем с севера на Советскую Латвию наступали эстонские войска, а с юга — польские легионеры Пилсудского. В феврале 1919 года армия Эстонского временного правительства захватила города Валку и Руиену. Силы Красной Армии, противостоявшие им на Курляндском фронте, были сравнительно невелики — около 7 тысяч человек пехоты и 500 человек кавалерии, имевших 184 пулемета и 22 орудия. В их числе были некоторые части латышских стрелков, а также «Интернациональная дивизия» и «Интернациональный легион имени Карла Либкнехта», в которых, кстати, сражались многие бывшие немецкие солдаты¹⁶.

При участии латышской бригады Балодиса и при поддержке английской эскадры с моря, в мае 1919 года корпус фон дер Гольца прорвал фронт и окружил Ригу. 22 мая части Красной Армии были вынуждены оставить город и отступить к восточным границам Латвии — в Латгалию, где советская власть удерживалась до января 1920 года. Захватив Ригу, германские войска развернули наступление в направлении Латгалии, но потерпели поражение (22 июня около Цесиса) от эстонских и латышских националистов и вскоре покинули Ригу (при этом оставив за собой Курляндию). Тем временем в ходе совместных действий войск латышских и эстонских националистов против правительства Советской Латвии вспыхнула спровоцированная латышскими германофилами латвийско-эстонская война.

Страны Антанты увидели угрозу своим интересам в германском наступлении. Немецкий командующий фон дер Гольц слишком «распоясался» — начал сеять раздор в лагере антисоветских

сил, свергать правительства... 3 июля 1919 года под нажимом стран Антанты фон дер Гольц был вынужден подписать перемирие. Его войска должны были до 5 июля 1919 года покинуть Ригу и отступить за Двину (Даугаву). Несколькими днями позже (14 июля 1919 года) в Лиепае создано новое Временное правительство Латвии во главе с Ульманисом, в которое вошли представители партии «Крестьянский союз» и меньшевиков Латвийской социал-демократической рабочей партии, а также представителей немецких баронов. 26 августа на совещании в Риге с участием представителей Латвии, Эстонии и Литвы страны Антанты добились заключения соглашения о совместных действиях против Советской России. На основании этого соглашения в 1918—1920 годах. США поставили в Латвию вооружение и обмундирование на сумму 5 миллионов долларов; Великобритания — на сумму 1,3 миллиона фунтов стерлингов. «Балтийский ландесвер» вышел из-под контроля германского командования и перешел в подчинение вновь созданного правительства; немецких офицеров сменили британские. Устранив конкурента в лице немцев, страны Антанты стремились поставить новое латвийское правительство под свой контроль.

В это время фон дер Гольц предпринял новый политический маневр: 1 сентября 1919 года он передал свои войска в Курляндии в подчинение белогвардейской Русской Западной армии, сформированной еще в декабре 1918 года при помощи немцев из русских военнопленных в Германии и эмигрантов, под командованием бывших офицеров царской армии. Немецкие офицеры корпуса фон дер Гольца заняли все руководящие посты в ее штабе. В начале октября 1919 года Русская Западная армия насчитывала примерно 51—55 тысяч человек, из которых 40 тысяч составляли немецкие солдаты и офицеры¹⁷. Главнокомандующий Западной армии П.Р. Бермондт-Авалов сформировал собственное Западное центральное правительство (Русский западный правительственный совет) в Елгаве во главе с графом А.А. Паленом, а 8 октября 1919 года, вопреки приказу Юденича, предпринял новый поход на Ригу и 10 октября захватил ее предместья. Однако 1 ноября Латвийская армия Ульманиса, которая находилась теперь под ко-

мандованием английских офицеров и насчитывала в то время около 20 тысяч человек, перешла в контрнаступление. Потерпев поражение под Ригой, войска Бермондт-Авалова были вынуждены в начале декабря отступить в Германию вместе с действовавшими в ее составе немецкими «Железной дивизией» и «Германским легионом» (только Конный полк перешел из ее состава в Северо-Западную армию Юденича). В середине декабря 1919 года, в соответствии с ультимативным требованием стран Антанты, последние германские войска были выведены из Латвии и Литвы.

ОБРАЗОВАНИЕ НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ В ПРИБАЛТИКЕ

11 сентября 1919 года правительство РСФСР предложило всем трем республикам Прибалтики заключить мирные договоры. Первым на этот призыв откликнулось правительство Эстонии, которое 17 сентября 1919 года начало мирные переговоры с советским правительством в Пскове. Но эстонская делегация потребовала вывода всех частей РККА за линию Петроград — Дно — Великие Луки — Витебск — Орша и ликвидации Балтийского флота. Эти условия оказались неприемлемыми, и переговоры были прекращены. Правительство Эстонии выжидало, чем закончится поход Северо-Западной армии Юденича на Петроград, в котором участвовали и эстонские националисты. Однако уже через несколько дней после разгрома Юденича под Петроградом (21 октября) эстонская делегация была вынуждена вернуться за стол переговоров, которые на этот раз завершились подписанием мирного договора в Тарту 2 февраля 1920 года¹⁸.

В апреле 1920 года, вопреки давлению Антанты, переговоры о мире начало также правительство Латвии, подписавшее 11 августа в Риге мирный договор с Россией.

7 мая 1920 года в Москве начались советско-литовские переговоры, которые завершились 12 июля того же года, когда правительство Галвануаскаса подписало в Москве советско-литовский мирный договор. Надо признать, что Советская Россия стала первым государством, признавшим независимость Литвы, а также

справедливость ее притязаний на Вильнюс и Виленскую область, города Гродно, Лида и Ошмяны, оккупированные к тому времени Польшей. Договор был подписан в самый разгар советско-польской войны. Уже через два дня после его подписания Красная Армия освободила Вильнюс от польских войск. 8 августа 1920 года между командованием РККА и литовской армии было заключено соглашение о передаче Вильнюса Литве. 27 августа туда вступили литовские войска, которые удерживали город от поляков и после успешного польского контрнаступления против Красной Армии¹⁹.

Такова история возникновения независимых республик Литвы, Латвии и Эстонии в самом кратком изложении, без претензий на детальный анализ. Однако даже из этой общей картины становится очевидным: во-первых, националисты изначально составляли лишь социальную верхушку народа — дворянство, помещиков (среди которых было немало и прибалтийских немцев), предпринимателей, духовенство, военных. Во-вторых, прибалтийские «борцы за независимость» уже тогда готовы были отдать свои страны и народы под чью угодно оккупацию — лишь бы не допустить установления в них советской власти. Эстонские, латвийские и литовские националисты охотно шли на сотрудничество со всеми, кто был против советской власти — как между собой, так и с бывшими воюющими странами — с Российской империей и Временным правительством Керенского, с белогвардейскими генералами, с Великобританией и США, кайзеровской Германией и бандами фон дер Гольца. Их не отпугивали ни колонизаторские планы Германии, ни экономическая экспансия стран Антанты, ни вероломство немецких наемников или своих же соседей-националистов. (Достаточно вспомнить, сколько конфликтов происходило между Латвией и Эстонией, между Литвой и Латвией или между латвийскими и литовскими националистами и «добровольцами» фон дер Гольца!) Их пугала лишь Советская Россия, единственная из стран, кто не имел и не мог иметь экспансионистских планов, по крайней мере в то время. Да и зачем было правящей верхушке стремиться к независимости от Германской или от Российской империй, которые уважали их право собствен-

ности и их привилегии? Им нужна была независимость только от революции и от Советов, чтобы не делиться властью и собственностью со своими народами.

Таким образом, борьбы за независимость как таковой не было — была лишь борьба представителей правящей верхушки за сохранение своих привилегий от советской власти. Если с любым из оккупантов они могли еще как-то договориться и выбить себе определенные привилегии (пусть хоть ценой страданий всего народа!), то с Советами никакой компромисс невозможен. Они хорошо знали — их власть и собственность будут отняты немедленно. Национализм оказался выгоден прежде всего им, так как он позволял все социальные проблемы объяснить притеснением малой нации со стороны другой, «великой», позволял сплотить весь народ по национальному признаку против «инородцев», несущих «хаос и революцию». Разумеется, и ошибки, допущенные советской властью в Литве, Латвии и Эстонии в 1918—1919 годах в аграрном вопросе, в значительной степени оттолкнули местное крестьянство от нее и от идей интернационализма и социализма. Это создало благодатную почву для националистической идеологии, которая усиленно пропагандировалась в республиках Прибалтики с 1920 по 1940 год.

Такой экскурс в историю дает возможность по-новому осмыслить причины коллаборационизма в Прибалтике в 1941—1945 годах. С одной стороны, это позволяет понять, почему националистические правительства Эстонии, Латвии и Литвы были готовы заключить союз хоть с самым дьяволом, лишь бы не допустить установления в своих странах советской власти. С другой стороны, это во многом объясняет и то, почему значительная часть жителей республик Прибалтики как в годы Гражданской, так и в годы Великой Отечественной войны встала на сторону Советской России. Эта картина во многом схожа с той, которая наблюдалась в годы Великой Отечественной войны. По сути, в Прибалтике с 1940 по 1945 год шла вторая гражданская война.

Глава II

«ПРИБАЛТИЙСКИЙ ПЛАЦДАРМ»

ЛИТВА: КТО ЖЕ ТЕПЕРЬ ДРУГ, А КТО ВРАГ?

Отношения Советской России с Литвой после заключения мирного договора 1920 года развивались достаточно неплохо. 7 октября 1920 года между Литвой и Польшей, при участии западных держав, был заключен Сувалкский мир. Страны Антанты были вынуждены признать Вильнюс и область литовской территорией. Но это продолжалось недолго. Через два дня, 9 октября, сформированные из уроженцев Виленской области польские части под командованием генерала Л. Желиговского вновь захватили Виленский край. Вся акция была представлена как внутренний мятеж. В Вильнюсе было провозглашено марионеточное государство «Срединная Литва». Правительство Литвы, только что переехавшее из Каунаса в Вильнюс, было вынуждено вновь бежать в Каунас. В итоге, по условиям перемирия от 29 ноября 1920 года, выработанным при участии Желиговского, Лиги Наций и литовского правительства, Вильнюс вошел в состав Польши.

В течение двух последующих лет страны Антанты упорно пытались склонить Литву к унии с Польшей и втянуть в анти-советский блок, взамен на передачу ей Вильнюса и Клайпеды (так называемый план Гиманса). Следует признать, что именно дружественная позиция Советской России помогла Литве отстоять независимость от попыток стран Антанты навязать ей унию с Польшей. Советская сторона не признала ни демаркационную линию, принятую на конференции послов стран Антанты в Па-

риже 15 марта 1923 года, которая закрепляла Вильнюс и Виленский край за Польшей, ни аналогичное решение Совета Лиги Наций от 3 февраля того же года. Правительство РСФСР заявило, что конференция послов и ее решения «не имеют для России и ее союзников никакой силы». В заключенном между СССР и Литвой 28 сентября 1926 года договоре о ненападении и нейтралитете было записано, что Советское правительство по-прежнему признает Вильнюс и Виленскую область территорией Литвы¹. Со своей стороны, Литва опять же стала единственной из республик Прибалтики, которая заключила подобный договор с Советским Союзом.

Другую территориальную проблему новой Литвы составляли город Мемель (Клайпеда) и Мемельская область. Так как на Парижской мирной конференции 1918 года Германия была вынуждена отказаться от своих прав на эту территорию, ранее входившую в состав Восточной Пруссии, которая в 1920—1923 годах была отдана под управление стран Антанты и оккупирована французскими войсками, литовское правительство продолжало требовать возвращения ей Клайпеды и области, населенных преимущественно литовцами.

Впрочем, в начале 1923 года Литве удалось вернуть себе Мемельскую область без какой-либо помощи извне. 10 января в город и область вступили переодетые в штатское литовские военные и добровольцы (в основном — молодежь из военизированной организации «Шаулю Саюнга» — «Союз стрелков»). Они инсценировали восстание, в ходе которого один французский солдат был убит и двое ранено. «Повстанцы» заняли город, а затем и всю область. После этого созданная «повстанцами» директория объявила о присоединении Клайпеды к Литве. Хитрость и остроумие плана заключались в том, что он почти полностью повторял действия Польши по присоединению Вильнюса в 1920 году.

Правительства Франции и Польши выразили протест и даже послали к Клайпедо военную эскадру. Но очень скоро французские войска были вынуждены эвакуироваться. Англия не поддерживала их, так как именно в это время (11 января 1923 года) французы ввели свои армейские части в Рурскую область Германии,

что вызвало явное недовольство англичан. 16 февраля 1923 года конференция послов приняла решение о передаче Литве суверенных прав на Клайпеду и область (на условиях автономии и права использования Клайпедского порта Польшей).

Это была своего рода запоздалая компенсация Литве за потерю Вильнюса². Тем не менее впоследствии при возникновении конфликтов Англия и Франция всякий раз стремились оказать нажим на Литву, требуя уступок то в пользу Польши, то в пользу Германии. Дважды, в 1927 и в 1938 годах между Польшей и Литвой грозила вспыхнуть война, и оба раза на помощь Литве приходил Советский Союз.

ЭСТОНИЯ: «ЛАГЕРЯ ДЛЯ ЛОДЫРЕЙ» И КОРРУПЦИЯ

В Эстонии, как и в Литве, после провозглашения независимости была принята конституция, которая вступила в силу с 1920 года и закрепила ее суверенный статус. Согласно ее положениям, Эстония становилась парламентской республикой, а высшим законодательным органом страны становился однопалатный парламент — Государственное собрание, перед которым правительство должно было отчитываться. В стране практически до 1940 года продолжали действовать законы, принятые еще во времена царского правительства. Конституция давала гражданам независимой Эстонии лишь некоторые из демократических прав и свобод (и это не говоря уже о том, что при капитализме каждый имеет ровно столько прав, сколько может купить). Например, положения конституции грубо нарушали свободу совести, право участия в организациях и т.п. К тому же даже эти ограниченные «демократические свободы» сводились на нет «военным положением», установленным в стране в начале 1920-х годов³.

Современные политические деятели Эстонии утверждают, что к 1940 году «экономическое положение в стране было стабильным, трудовая занятость высокой, жизненный уровень приближался к уровню жизни Швеции и Норвегии, будучи при этом выше, чем в Финляндии. В Эстонии существовала традиционная для западных стран многопартийная система, и... говоря языком

марксистских историков, ни экономическая, ни политическая ситуация в 1940 году в Эстонии не подтверждали наличия революционной ситуации, соответствующей классической формуле «низы не хотят жить по-старому, а верхи не могут управлять по-старому»⁴.

Так ли это было в действительности? Факты полностью опровергают эту радужную картину. Вот лишь некоторые из них. В 1920-х годах рост заработной платы эстонских рабочих резко отставал от роста цен. Номинально заработок увеличивался, но реальная зарплата в 1924—1928 годах была даже намного ниже уровня 1913 года. Кодекс законов о труде, действовавший в Эстонии, был принят еще царским правительством, однако даже он не всегда соблюдался. В марте 1926 года Государственное собрание Эстонии приняло закон о компенсации за земли, отчужденные у помещиков на основании аграрного закона 1919 года, причем сумма компенсации превышала ту сумму, которую крестьяне когда-то уплачивали помещикам при освобождении от крепостной зависимости. Согласно новому закону, крестьяне, поселившиеся на отчужденных землях, фактически превращались на 60 лет должников помещиков и их банкиров-посредников (именно такой срок потребовался бы на выплату компенсаций за землю при среднем доходе крестьянина)⁵.

Что же касается «многопартийности» и «демократизма» государственного строя Эстонии, то здесь тоже есть над чем задуматься. Например, крупнейшей оппозиционной партией Эстонии с 1930 года являлся «Союз ветеранов освободительной войны» (называвшийся также партией «вапсов»). Руководителями его являлись Сирк, Ларка и еще мало известный в то время доктор Хялмар Мяэ, возглавлявший так называемое «Эстонское самоуправление» в годы гитлеровской оккупации. «Вапсы» в своей политической борьбе добивались создания фашистской диктатуры по образцу германских нацистов и играли на недовольстве крестьян, безработных, квартиросъемщиков, мелкой буржуазии и интеллигенции. В своей деятельности они открыто ориентировались на Германию и в особенности на национал-социалистов Гитлера, а ее лидеры непосредственно сотрудничали с немецкими спецслужбами.

Правящей партией в течение долгого времени был «Союз земледельцев» — вопреки названию представлявший в основном интересы крупных собственников и ориентировавшийся на Англию и США. Его лидерами являлись Константин Пятс и генерал Йохан Лайдонер. «Лояльную» оппозицию представляли «народная партия» Яна Тыниссона и социал-демократическая партия во главе с Августом Рзем. Существовали и более мелкие партии: «христианско-демократическая» и «трудовая»; «партия домовладельцев», объединявшая купцов и фабрикантов во главе с Мазином; националистические военизированные организации «Молодые орлы» и «Скауты»; молодежные организации «Домашние дочери», «Объединение сельской молодежи», «Союз молодых христианок» и т.п.⁶ Коммунистическая партия в Эстонии была запрещена еще с 1920 года, и даже членство в ней каралось смертной казнью⁷.

Политические страсти в Эстонии достигли своего накала в 1934 году, когда вступила в действие новая конституция, вводившая в стране пост президента с практически неограниченными полномочиями. Это был лакомый кусок, и политики спорили — кому он достанется. Кандидатами на президентский пост были выдвинуты Пятс, Лайдонер, Рэй и Ларка. Лидер «народной партии» Тыниссон играл в оппозицию и нередко выступал с обвинениями в нарушении «демократических принципов» в адрес своих соперников. Каждый хотел стать диктатором.

Но в последний момент лидеры правящей партии испугались, что кандидат от «вапсов» может обойти их. Действующий премьер-министр страны Константин Пятс и его давний друг генерал Лайдонер решили опередить их и 12 марта 1934 года совершили военный переворот. В тот же день в Таллине было введено военное положение, которое было вскоре распространено на всю Эстонию. Предлогом для этого стала деятельность «вапсов», которые, как утверждала пресса, тоже готовили переворот с целью установления своей диктатуры в стране. За антиправительственную прогерманскую деятельность партия «вапсов» была закрыта, а часть ее руководителей была арестована. Правда, наказание оказалось на деле не таким уж страшным. Впоследствии их амнистировали и выпустили на свободу, а многие бывшие руководители

«вапсов» даже вернулись в политику и тесно сотрудничали с правительством Пятса.

Уже на следующий день после переворота все эстонские политики были вынуждены принять этот переворот как неизбежность. Даже «оппозиционер» Тыниссон поспешил заявить о своей лояльности новому режиму, охарактеризовав произошедшие накануне события как «государственную необходимость», которая отвечает «интересам народа». В середине апреля 1934 года Государственное собрание было отправлено «на летние каникулы», а после их окончания — распущено вообще. Все эти меры — иначе как грубым нарушением демократии их назвать нельзя — были опять же проведены под видом «защиты демократии» (от «вапсов»), хотя Пятс впоследствии заимствовал почти все их лозунги. Как метко отмечалось в «Истории Эстонской ССР» в советском изложении, «Пятс украл у дубинщиков дубинку»⁸.

Годом позже, в марте 1935 года, в Эстонии была официально введена однопартийная система. Все политические партии были запрещены, а вместо них была создана единственная правящая партия «Изамаалиит» («Союз Отечества»). Парламент с 1934 по 1938 год не собирался. Лишь в 1936 году на основе «народного голосования» была принята новая конституция, которая должна была вступить в силу с 1938 года. Она была еще более авторитарной и фашистской, чем даже конституционный проект «вапсов».

Референдум по поводу конституции, как и выборы нового парламента, стали чистым фарсом. Например, при подготовке референдума был издан секретный циркуляр правительства органам исполнительной власти на местах, в котором говорилось, что «к голосованию не надо допускать таких лиц, о которых известно, что они могут голосовать против национального собрания... Их надо немедленно препровождать в руки полиции». На выборах в парламент кандидатов могли выставлять только «общественные комитеты» из членов «Изамаалиита» или «Кайтселиита» (военизированной организации наподобие национальной гвардии), к тому же под строгим контролем полиции. В 50 округах из 80 выборы вообще не проводились под тем предлогом, что в них все равно выдвинуто по одному кандидату, а значит, и выбирать незачем.

Однако там, где выборы состоялись, число голосов, поданных за правительственных кандидатов, составило менее 50 % (например, в Таллине и Вильянди — 10—20 %). Согласно новой конституции, парламент отныне состоял из двух палат: первая палата (Государственная дума) была выборной, вторая (Государственный совет) состояла из людей, которых назначал сам президент или которые входили туда по должности (в том числе епископы, члены правительства). Президент мог в любое время распустить Государственное собрание или отменить принятые им законы. Так в Эстонии были ликвидированы последние остатки демократии.

Процесс обнищания народа тем временем продолжался. В 1937 году было продано с аукциона рекордное число разорившихся крестьянских хозяйств — 7923. Сумма задолженности крестьянских хозяйств в 1940 году составила 150 миллионов крон. Зато правительством поощрялась скупка земель крупными собственниками — некоторым из них удавалось сосредоточить в своих руках по 3—4 и более усадеб, общей площадью от 100 до 600 гектаров. Например, барон Врангель сосредоточил в своих руках в уезде Вирумаа более 1 тысячи гектаров земель. Таким же путем большинство помещиков вновь восстановило свои владения. Права народа также все более ограничивались, чему служили принятые новым парламентом «Закон об обществах и союзах», «Закон о профессиональных обществах работников и их союзах», «Закон о собраниях» и другие. Вся их деятельность должна была строиться «в государственном духе», любое неодобрение политики правительства вело к их запрету. Полиция имела право под этим предлогом закрыть любую газету или общество. Права профсоюзов были фактически упразднены — любые их акции протеста квалифицировались как «наносящие вред народному хозяйству» или «направленные на достижение политических целей». На основании «Закона о городах» и «Закона об уездах» полномочия бургомистров, волостных и уездных старшин были расширены настолько, что «даже в царской России власть этих должностных лиц не простиралась так далеко».

В довершение всего, в 1938 году были созданы так называемые лагеря для лодырей — лагеря для принудительного тру-

да безработных. В них заключали на срок от 6 месяцев до 3 лет всех «шатающихся без работы и средств к существованию». Там для них был установлен тюремный режим, 12-часовой рабочий день и телесные наказания розгами. Такие «лагеря для лодырей» в Эстонии, по сути, были прототипом концлагерей и гетто, созданных позднее гитлеровцами по всей Прибалтике.

В то же самое время коррупция среди правительства Пятса достигла невиданных размеров, сравнимых разве что с коррупцией в Соединенных Штатах Америки в 1920-е годы. Причем разграбление страны чиновниками осуществлялось на законных основаниях. Например, генерал Лайдонер задолжал государству сумму в 207 478 крон (!), но в 1935 году секретным решением правительства этот долг был погашен. В стране постепенно складывалось новое дворянство — так называемые 100 семей, сосредоточившие в своих руках всю власть и собственность⁹, совсем как в некоторых «банановых республиках» Латинской Америки.

ЛАТВИЯ: «ЕСЛИ ВЫБИРАТЬ МЕЖДУ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТЬЮ И ФАШИЗМОМ, ТО ЛУЧШЕ ВЫБРАТЬ ФАШИЗМ»

В Латвии в феврале 1922 года также была принята Конституция, в которой Латвия провозглашалась «демократической республикой». В том же году были проведены выборы нового парламента — сейма. Провозглашенные в конституции принципы «демократии» были нарушены уже при подготовке к выборам: избирательные списки кандидатов от профсоюзов были отклонены, а политическая полиция арестовала большую часть коммунистов, профсоюзных лидеров и других «инакомыслящих». Все партии, принявшие участие в выборах (а их было около 20), играли на националистических лозунгах. В результате из 100 депутатских мест 38 получили социал-демократы (меньшевики), 17 — «Крестьянский союз» Ульманиса, остальные места разделили между собой другие партии¹⁰.

Постоянно сменявшие друг друга правительства А. Бергса — К. Ульманиса (1931), М. Скуениека (1932), А. Блодниека (1933) и другие последовательно проводили курс на милитари-

зацию страны и ориентировались на антисоветский западный блок, а с 1933 года — на гитлеровскую Германию. В этом были едины все партии — «Крестьянский союз», «Национальное объединение», «Прогрессивное объединение». Даже ЦК Латвийской социал-демократической партии в декабре 1928 года постановил, что «если выбирать между Советской властью и фашизмом, то лучше выбрать фашизм»¹¹.

Особенно активно стали ориентироваться на нацистскую Германию лидеры партии «Крестьянский союз». Осенью 1933 года Карлис Ульманис, позабыв об обиде, некогда нанесенной ему немецкими наемниками фон дер Гольца, посетил с визитом Германию и был принят Гитлером. Вскоре после этого, в декабре 1933 года, на одном из съездов «Крестьянского союза» уже открыто прозвучали слова о необходимости переворота в стране¹². 15 мая 1934 года фракция Ульманиса попыталась проташить в сейме законопроект об изменении государственного устройства. Когда им это не удалось, лидеры «Крестьянского союза» приняли окончательное решение свергнуть существующее правительство.

В ночь с 15 на 16 мая 1934 года в Латвии произошел военный переворот при поддержке армии и военизированной организации «Айзсаргов» (созданной по образцу нацистских штурмовых отрядов). Было сформировано новое правительство во главе с Ульманисом. Несмотря на прогитлеровскую ориентацию последнего, есть сведения, что правительства Великобритании и США обещали моральную поддержку лидерам «Крестьянского союза» накануне переворота¹³. Поддержку заговорщикам оказали также полуфашистская организация «Перконкруст» во главе с Густавом Целминьшем и национал-социалистская организация латвийских немцев во главе со Штельмахером.

На следующий день айзсарги устроили в Риге большое «аутодафе» по примеру нацистов. На кострах жгли книги, объявленные запрещенными, подобно тому, как это было в Германии. С первых же часов своего существования правительство Ульманиса объявило в стране военное положение сроком на 6 месяцев, которое впоследствии растянулось на 6 лет. Все политические партии

и организации в стране были запрещены. Военное положение давало формальное право подавлять все выступления против нового правительства. Так, 16 мая была расстреляна демонстрация коммунистов, а 17 мая была подавлена силой оружия стачка рабочих-деревообрабочников. Вzbунтовались также некоторые армейские части, много солдат и офицеров было арестовано. Всего в ходе путча военные, полиция и айзсарги арестовали около 10 тысяч человек. Был создан ряд концлагерей для «инакомыслящих» (в основном коммунистов и профсоюзных деятелей) — один из них находился в Лиепае, другой — в Калнциемских каторжных каменоломнях¹⁴.

Экономическое положение большинства населения Латвии тем временем продолжало ухудшаться, а во времена диктатуры Ульманиса стало просто отчаянным. С 1935 по 1939 год более 26 тысяч крестьянских хозяйств было распродано с молотка за долги. Цены на продукты, одежду, обувь, дрова, а также квартирная плата с 1934 по 1939 год продолжали расти быстрее, чем доходы населения.

В 1939 году правительство Ульманиса издало «Закон о предоставлении работы и распределении рабочей силы», согласно которому без разрешения Центрального управления труда рабочий не мог сам выбирать работу. В соответствии с законом, предприятиям Вентспилса, Даугавпилса, Лиепая, Елгавы и Риги запрещалось принимать на работу людей, которые в течение последних 5 лет (то есть со дня переворота 1934 года) не жили постоянно в перечисленных городах. Центральное управление труда в принудительном порядке отправляло рабочих на лесо- и торфоразработки и в кулацкие хозяйства. Зарплата была нищенской — 1—2 лата в день — и позволяла лишь с трудом существовать. Вся страна фактически была превращена в большой концлагерь, и не удивительно, что среди рабочих нередко были случаи самоубийств. Не легче было и положение малоземельных крестьян. Налоги с крестьянских хозяйств составляли 70 % бюджета государства в 1938—1939 годах. И большая часть этих денег ушла за рубеж в 1939—1940 годах. Как только в 1939 году было заключено соглашение о вводе советских войск на территорию Латвии, члены

правительства и крупные предприниматели начали переводить свои капиталы в зарубежные банки¹⁵.

Таково было внутривойсковое положение в странах Прибалтики к началу новой мировой войны.

ЧТО ДЕЛАТЬ В ПРИБАЛТИКЕ «ИНДИЙСКОЙ СЕКРЕТНОЙ СЛУЖБЕ»?

«Прибалтийские государства, — говорил Уинстон Черчилль, — были самыми яркими антибольшевистскими странами в Европе. Все они грубыми методами создавали общества и правительства, главным принципом которых была враждебность... к России...» Так, с первых же лет своего независимого существования республики Прибалтики превратились в плацдарм для разведывательной и подрывной деятельности целого ряда стран против Советского Союза. С начала 1920-х годов, а фактически с начала интервенции, здесь обосновались резидентуры разведок Великобритании, Германии, США, Франции, Финляндии, Швеции, Японии. Центром большинства иностранных резидентур стала Латвия.

Первыми, кто освоил этот плацдарм, были англичане. В 1920-х годах здесь действовала агентура не только «Сикрет Интеллидженс Сервис» (СИС), но и разведотделы отдельных британских министерств, а также сотрудники Скотленд-Ярда. Не остались в стороне даже спецслужбы Британской Индии — так называемая «Индийская секретная служба» («Индиан Сикрет Сервис», сокр.: ИСС). Спрашивается, что делать спецслужбам Британской Индии в Прибалтике?

Все они собирали развединформацию о Советской России и Красной Армии (ведь Британская Индия граничила с советской Средней Азией!). В составе английской разведки СИС был создан специальный русский отдел, наиболее активная резидентура которого находилась в Риге. Прикрытием для британской разведки служили паспортное бюро дипломатического представительства Великобритании в Риге и представительство Латвийского акционерного банка. По данным закордонных источников Иностранного отдела (ИНО) ОГПУ, на британские спецслужбы работало

большинство официально аккредитованных в Латвии английских дипломатов: посол в Риге Эфиксон, второй секретарь посольства Никелсон, сотрудник посольства Дж. У. Берри. Руководителем широко разветвленной английской резидентуры в Риге являлся бывший полковник Белой армии Роман Судаков, который с 1922 по 1939 год. занимал официальную должность в упомянутом паспортном бюро. В 1939—1940 годах., после ввода советских войск в Латвию, он стал действовать под «крышей» коммерческой фирмы «Роман Судаков», представлявшей интересы нескольких иностранных компаний во всей Прибалтике. Рижская резидентура СИС имела свои филиалы также в Каунасе и Таллине — под видом представителей фирмы «Роман Судаков» в Литве и Эстонии. Сам Судаков часто выезжал для встреч с резидентом английской разведки в Эстонии Гиффи, официально занимавшем пост сотрудника британского консульства в Таллине¹⁶.

С британскими спецслужбами сотрудничали многие из высокопоставленных военных и гражданских чиновников Латвии, придерживавшиеся проанглийских взглядов (что, впрочем, не помешало им со временем переориентироваться на гитлеровскую Германию). Среди них были начальник Генштаба Латвийской армии генерал Розенштейн, начальник информационного отдела Генштаба (фактически — разведывательного отдела) полковник Фридрихсон, начальник агентурного отдела политической полиции Латвии Штиглиц и другие. (Кстати, Штиглиц впоследствии занимал пост префекта полиции города Риги в период немецко-фашистской оккупации и руководил массовыми арестами и расстрелами коммунистов и евреев.)¹⁷ В Эстонии еще со времен гражданской войны с британскими спецслужбами сотрудничали видные политические деятели лидер «Народной партии» Ян Тыниссон и лидер эстонских социал-демократов Рэй¹⁸.

В 1920 году в Риге был создан центр американской разведки, сразу же включившийся в активную работу против Советской России. Прикрытием для него служили Общество Красного Креста, филиал молодежной организации ИМКА, центр которой находился в США, Администрация американской помощи голодающим

(АРА) и другие организации, в основном работавшие на территории Латвии, а также многочисленные пункты помощи, клубы, миссии, союзы, размещавшиеся в небольших городках вдоль границы с Россией. Отсюда было удобно вести сбор сведений о РСФСР, вербовать агентуру из местных жителей, поддерживающих родственные и деловые связи с советской стороной. Одним из резидентов американской разведки был Майес Сплицкий — директор акционерного общества «Норд-кредит», являвшегося отделения «Северного банка». Другим резидентом был корреспондент «Чикаго трибюн» Доналд Дэй.

Не остались в стороне и разведки других стран. Спецслужбы Франции также открыли на территории прибалтийских государств в 1920-е годы ряд резидентур для шпионажа против Советской России. Например, аппарат французского посольства в Риге работал под непосредственным руководством 2-го бюро французского Генштаба, ведавшего разведкой.

Своих агентов в Латвии имела японская разведка — ими являлись редактор газеты «Латвис» («Латыш») и член профашистской организации «Перконкруст» Вейсманис, а также служащая ресторанов «Янис Берзиньш» и «Альгамбра» Куликовская. (Впоследствии «перконкрустовец» Вейсманис сотрудничал и с гитлеровцами в период немецкой оккупации Латвии.)

Шведскую разведку в Латвии представлял военно-морской атташе шведского посольства в Риге. Он получал информацию от своего резидента — доцента Рижского университета Даго Троцика, который в свою очередь имел сеть агентов, проводивших разведывательную работу под прикрытием научной деятельности¹⁹.

В ИГРУ ВСТУПАЕТ АБВЕР

С середины 1930-х годов у английских, американских, японских и других спецслужб появился в Прибалтике серьезный конкурент — Германия. В июне 1935 года между Англией и Германией было подписано морское соглашение, на основании которого Гитлер объявил всему миру, что отныне Балтийское море является «внутренним морем Германии». Правительства Эстонии, Латвии

и Литвы предпочли промолчать, не представив никакого протеста²⁰. Тем самым Прибалтика фактически была провозглашена сферой интересов германского рейха, а англо-германское морское соглашение 1935 года можно расценивать как договор о разграничении сфер влияния. Англия «подарила» немцам Прибалтику, зная, что те сумеют успешно использовать этот плацдарм против Советского Союза.

Германская военная разведка (абвер) имела в своем составе 3 управления: «Абвер—I» (занимавшееся собственно разведкой), «Абвер—II» (саботаж и диверсии) и «Абвер—III» (контрразведка). Абвер имел свои филиалы как в рейхе, так и на оккупированных территориях — 33 полевых разведпункта (Abwehrstelle) и подпункта (Abwehrnebenstelle). Они находились в каждом из 21 военных округов, при каждой группе армий и военно-морской базе и в административном отношении подчинялись местному военному руководству²¹. Всей разведывательной работой против СССР руководил центр под названием «Abwehrstelle Koenigsberg» (абверштелле «Кёнигсберг»). (Он был создан сразу после Первой мировой войны на основе кайзеровской секретной службы и назывался первоначально «Abwehrstelle Ostpreussen» (абверштелле «Восточная Пруссия»), но после прихода Гитлера к власти был переименован.) Этот орган возглавляли майор фон Даванц (до сентября 1939), затем полковник Кип (сентябрь 1939 — март 1942) и полковник Нонци (март 1942 — май 1945.). В сферу деятельности этого разведпункта входили Польша, Финляндия, Литва, Латвия, Эстония и, конечно, Советский Союз. Абверштелле «Кёнигсберг» имела свои филиалы — абвернебенштелле «Инстербрук», «Летцен», «Эльбинг» (Эльблонг, Польша) и «Варшава». После нападения на Советский Союз личный состав абверштелле «Кёнигсберг» был направлен на укомплектование абверкоманд и абвергрупп при 3-й танковой армии, в 9-й, 11-й и 18-й армиях (в составе групп армий «Центр», «Юг» и «Север» соответственно).

В нейтральных странах и странах — союзниках Германии такие филиалы абвера назывались «военными организациями» (Kriegsorganisation, сокр.: KO). Так, например, в Финляндии действовала «Kriegsorganisation Finland» (KOF) — Военная орга-

низация «Финляндия», которую возглавлял корветтен-капитан (капитана 3-го ранга) Александр Целлариус (род. в 1898 года). С 1936 года он занимался вербовкой агентуры для «Абверштелле Кёнигсберг» в Хельсинки и Таллине, и за успехи в этом деле был скоро повышен в звании до фрегатен-капитана (капитана 1-го ранга). В июне 1939 года Целлариус был назначен офицером связи абвера при штабе эстонской армии, и одновременно — при штабе финской армии. В следующем месяце он возглавил уже упомянутую «военную организацию «Финляндия», созданную с согласия финской разведки. Эта организация должна была заниматься сбором сведений о советских частях в Ленинградском военном округе, а позднее также на территории Эстонии (с июля 1940 года входившей в состав Прибалтийского Особого военного округа). Между собой сотрудники абвера чаще называли эту организацию «Бюро Целлариуса»²².

Помимо абвера, в республиках Прибалтики действовал целый ряд обществ, клубов и частных лиц, вполне легально занимавшихся прогерманской и профашистской пропагандой. На территории Прибалтики, главным образом в Латвии, активно проводили про-гитлеровскую агитацию такие общества, как «Немецко-балтийский трудовой центр», «Немецко-балтийское народное объединение», «Орден балтийского братства», «Союз молодежи» (Jugendverband), которые объединяли главным образом прибалтийских немцев и, по свидетельствам современников, фактически являлись прибалтийским филиалом национал-социалистской партии.

Все эти организации непосредственно контролировались «Великогерманским балтийским союзом» в Кёнигсберге. Там были даже открыты курсы для подготовки активистов «Союза» в качестве нацистских агитаторов, которых часто возили на экскурсии в рейх «для знакомства с национал-социализмом».

Возглавлял этот союз Альфред Розенберг²³, будущий министр по делам оккупированных восточных территорий, один из давних соратников Гитлера и идеологов нацизма, а также автор такого идеологического опуса, как «Миф XX века» — второго по значимости (и по своей бредовости) после гитлеровской «Майн кампф».

ФИЛОСОФ ИЗ ОБЩЕСТВА «ТУЛЕ»

Альфред Розенберг родился 12 января 1893 года в семье башмачника. Его детство прошло в эстонском городе Ревеле (нынешнем Таллине), в то время входившем в состав Российской империи — именно поэтому будущий рейхслейтер довольно сносно говорил по-русски. Одно время он был студентом Рижского политехнического института, но впоследствии перевелся в Московский университет, где учился на архитектора. Он окончил его как раз в том же году, когда в России подряд разразились две революции — Февральская и Октябрьская. По словам одного из биографов Гитлера, в то время Розенберг, «будучи молодым и не интересовавшимся политикой студентом, занимался Шопенгауэром, Рихардом Вагнером, проблемами архитектуры и индийским учением о мудрости»²⁴.

В дни Октябрьской революции 1917 года молодой Розенберг как раз находился в Москве и стал очевидцем происходивших там событий. Видимо, все это порядком напугало его, так как его взгляды круто изменились. Вернувшись в феврале 1918 года в Ревель, он изъявил желание вступить в германскую армию, когда немцы заняли город. Но в армию его не взяли как «русского»...

Обиженный Розенберг, спасаясь от революции, вместе со своими родителями перебрался в Париж, а затем — в Мюнхен, где находилась местная штаб-квартира белой эмиграции. В первое время он вращался в кругах белых эмигрантов, но одновременно, будучи этническим немцем, завязывал контакты и с некоторыми баварскими «тайными обществами». Увлечение всевозможными мистическими учениями привело Розенберга в антисемитское оккультное общество «Туле», построенное по образцу тайных масонских лож²⁵. Это общество хорошо известно всем любителям «оккультной истории» нацизма и окутано множеством загадок. Одна из них связана с его основателем — неким Рудольфом фон Зеботтендорфом. Дело в том, что Зеботтендорф, которого считают чуть ли не пророком нацизма, окончил свое земное существование в тот же самый день, когда была подписана безоговорочная капитуляция гитлеровской Германии. 9 мая 1945 года он утонул

во время купания. Любителям всего загадочного, видимо, не приходит в голову, что этот несчастный случай мог быть простым совпадением, или даже самоубийством человека, «заикленного» на антисемитских идеях и вдруг увидевшего их крушение. Большинство других «загадок», связанных с обществом «Туле», было порождено в основном самими же членами этого общества вроде Розенберга, чересчур увлекавшимися мистикой. Тем не менее никакие «оккультные силы» не пришли ему на помощь в Нюрнберге и не спасли от виселицы...

Именно здесь, в Мюнхене, вращаясь среди подобных «интеллектуалов», Розенберг познакомился со многими колоритными личностями, стоявшими у истоков национал-социалистской партии. Одной из этих личностей был прибалтийский барон фон Шейбнер-Рихтер, с которым Розенберг познакомился еще в Риге и который так же, как и сам Розенберг, бежал из России от революции. Другой — один из основателей нацизма, чье имя впоследствии было начисто забыто — некий Дитрих Эккарт, постепенно спивавшийся богемный поэт и публицист, каких было много в Германии в те годы. Благодаря Эккарту Розенберг познакомился и с Гитлером. В партию они вступили почти одновременно — в конце 1919 года²⁶.

Таким образом, Альфред Розенберг с самых первых дней участвовал в нацистском движении в Германии. В ноябре 1923 года он принял участие в так называемом «пивном путче» в Мюнхене. Путч провалился, и Гитлер оказался в тюрьме за попытку переворота, вместе с несколькими другими «соратниками». Однако Розенбергу тогда удалось избежать скамьи подсудимых. В следующем году он стал главным редактором официального печатного органа НСДАП — газеты «Фёлькишер беобахтер» И таким образом, на какое-то время остался единственным идеологом партии. (Говорят, Гитлер как-то в шутку заметил, что «Фёлькишер беобахтер» следовало бы снабдить подзаголовком «Прибалтийское издание» — настолько заметно было в ее содержании балтийское происхождение Розенберга.)

Впоследствии Розенберг поднялся на самую верхушку нацистской иерархии: с 1 апреля 1933 года возглавил Внешнеполитиче-

ское управление НСДАП, в 1934 году стал рейхслейтером НСДАП, а с 20 апреля 1941 году официально занял пост «уполномоченного по изучению проблем восточноевропейского пространства». В июле 1941 года его аппарат был преобразован в Министерство по делам оккупированных восточных территорий.

На первых порах Розенберг, по свидетельству некоторых, даже оказывал влияние на Гитлера. И это неудивительно — архитектор, увлекающийся Вагнером и индийской философией, без особого труда произвел впечатление на недоучившегося ефрейтора, который не смог поступить даже в художественную школу. Считается, что именно Розенберг был автором идей о «тождественности коммунизма и всемирного еврейства», а также о праве «германской нации» на свое жизненное пространство на Востоке, добавив их к мировоззрению Гитлера⁴⁶. В последующие годы, по всей видимости, это влияние заметно ослабевало по мере того, как Гитлер проникался верой в собственную «историческую миссию». Как замечает американский историк и журналист Уильям Ширер, Гитлер все чаще позволял себе подшучивать над своим бывшим наставником, в частности говоря о его псевдофилософских опусах.

«Апогеем его [Розенберга] сочинительства, — пишет далее Ширер, — явился 700-страничный труд, озаглавленный «Миф XX века». Книга эта являла собой нелепое нагромождение незрелых идей о превосходстве нордической расы — идей, выдававшихся в нацистских кругах за ученость. Гитлер часто в шутку говаривал, что пытался прочесть ее, а Ширах [имперский шеф Гитлерюгенда. — *Авт.*], воображавший себя писателем, заметил однажды, что Розенберг «продал больше экземпляров книги, которую никто не читает, чем какой-либо другой автор»²⁸.

В довершение этих слов остается лишь добавить, что не только сама эта книга, но даже ее заглавие содержало ошибку — слово «Миф», которое в немецком языке принято в исконной, греческой, орфографии — «Mythos», было написано на латинский манер — «Mythus». Куда уж было спорить с таким грамотеем!

Разумеется, идеи Розенберга, особенно относительно «жизненного пространства на Востоке», под которым подразумевалась не только Россия, но и Прибалтика, не вызывали восхищения в При-

балтике — по крайней мере среди здравомыслящих людей. Однако тогдашнее руководство прибалтийских республик явно не относилось к этой категории, так как предпочитало видеть главную угрозу в лице Советского Союза, а гитлеровскую Германию вопреки здравому смыслу считало своим естественным союзником.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ «ПРИБАЛТИЙСКИХ БРАТЬЕВ» В ЛАТВИИ

Одним из тех, кто еще в 1930-е годы разглядел угрозу Прибалтике со стороны Германии, был Артур Стегманис — некогда 1-й секретарь посольства, а затем посол Латвии в Берлине, с 1939 года руководивший специальным ведомством по выполнению латвийско-германского соглашения по репатриации немцев из Латвии.

«Отношения между Германией и буржуазной Латвией были очень сложными, как бывают отношения между двумя диктатурами, — рассказывал Стегманис после войны. — ...Среди лидеров тогдашней Латвии было много тех, кто склонялся к сотрудничеству с Германией. Однако они упускали из виду тот факт, что фашистская Германия имела собственные планы касательно Прибалтики. Посещая по служебным делам Ригу, я не раз имел случай докладывать министру иностранных дел Мунтерсу о своих впечатлениях по поводу немецкой политики...»²⁹

К тому же и сам латвийский президент Ульманис был хорошо знаком с германской политикой экспансии в Латвии еще по событиям 1919 года, когда весной его собственное Временное правительство было свергнуто солдатами Рюдигера фон дер Гольца, а осенью того же года латвийские войска были вынуждены оборонять Ригу от немецких войск. Но с другой стороны, разве не немецкие оккупационные власти позволили сформировать ему правительство в 1918 году? Да и кто еще, кроме Германии, мог защитить капиталистический строй в Латвии от Советов?

Переубеждать правительство Ульманиса было бесполезно — голоса людей вроде Стегманиса там просто не хотели слышать. Поэтому не случайно многие в Латвии приходили к выводу о том, что правящие круги видят в Гитлере союзника. Так, в манифесте,

опубликованном подпольной типографией Латвийской компартии в мае 1935 года, говорилось: «Сам переворот Ульманис провел при прямой поддержке Гитлера... Ульманис преследует рабочие организации. Латгальских рабочих и крестьян Мурина, Бондаренко и Ворслава, которые агитировали против угрозы войны, Ульманис осудил на смерть, а гитлеровских шпионов — «прибалтийских братьев» — на 1—6 месяцев ареста»³⁰. Слова насчет «прямой поддержки» со стороны Гитлера, конечно, были преувеличением, однако явная ориентация Ульманиса на фашистскую Германию была очевидна.

31 декабря 1935 года правительство Ульманиса приняло решение закрыть все иностранные общества на территории Латвии, включая и немецкие. Однако это не коснулось обществ этнических прибалтийских немцев (фольксдойче), постоянно проживавших в Латвии. Например, «Орден балтийского братства» (о котором упоминалось в коммунистическом манифесте) продолжал существовать и после 1935 года, проводя свою пронацистскую агитацию. Аналогичную организационно-пропагандистскую работу продолжали организации этнических немцев «Движенцы» и «Система». Наибольшую активность развивали «Движенцы», распространявшие свое влияние на большую часть молодых прибалтийских немцев. Они создавали нелегальные группы по 5—12 человек, устраивали нелегальные собрания под видом «пивных вечеров» и «благотворительных балов», а при случае — проводили военное обучение под прикрытием «обществ туризма и спорта». Как и организация «Айзсаргов», они по сути представляли собой аналог штурмовых отрядов, существовавших в Германии с начала 1920-х годов. В их «спортивных обществах» существовала строгая военная дисциплина, отличники учебы посылались в Германию на стажировку, а по возвращении становились руководителями отдельных групп³¹. Имелись и латышские аналоги фашистских организаций, также ориентировавшиеся на Германию, как, например, организация «Latvijas vacu savienība» (Немецкий союз Латвии) во главе с Рюдигером³².

В одной только Риге в 1939 году насчитывалось 66 обществ прибалтийских немцев. «Главным штабом» прогерманской про-

паганды к тому времени являлось «Германо-латвийское народное сообщество». Оно являлось официальным учреждением и занималось тем, что пересылало из рейха местным латвийским немцам «расовые паспорта» для подтверждения их расовой принадлежности (введенные в Германии после прихода Гитлера к власти). Излюбленным приемом прогерманской пропаганды подобных обществ было «напоминать правителям буржуазной Латвии, что именно германской интервенции те были обязаны сохранением капитализма в этой стране». Под этим лозунгом, например, проходило в начале 1939 года торжественное празднование 20-летнего юбилея боев германского добровольческого корпуса за Ригу³³.

Все или многие из организаций прибалтийских немцев поддерживали постоянный контакт с германским посольством в Риге. Неофициально они были связаны и со спецслужбами рейха — как через посольство, по линии германского МИДа, так и по линии Внешнеполитического управления НСДАП во главе с Розенбергом и Иностранной организации НСДАП во главе с гаулейтером Вильгельмом Боле. Непосредственно работой обществ прибалтийских немцев руководили германский посол в Риге Котце, подчиненный ему представитель РСХА при посольстве Шенкельберг и 2-й секретарь посольства, ведавший делами НСДАП в Латвии Ганс Крёгер. Многие из активистов этих организаций также являлись кадровыми разведчиками.

Помимо дипломатических представительств, разведка рейха использовала для сбора информации и прогерманской пропаганды многие торгово-промышленные фирмы или представительства в Прибалтике, в том числе расположенные в Латвии филиалы фирм «Железо и сталь», «Хельмслинг и Гримм», Родлауэр и К», «Вольдемар Майер» и другие. Немцы имели ряд источников-осведомителей в государственном аппарате Латвии. Например, в МИДе Латвии долгое время служила некая госпожа Хинце, кадровая немецкая разведчица. Другой германский агент работал в качестве личного курьера у министра иностранных дел Латвии Мунтерса³⁴.

Все эти факты показывают, что решение Ульманиса от 31 декабря 1935 года фактически обеспечило германской разведке моно-

польное право вести профашистскую агитацию и разведку против СССР с территории Латвии. По многочисленным свидетельствам, даже после 1935 года германская разведка в Латвии «работала в режиме максимального благоприятствования, почти не заботясь о конспиративных играх»³⁵.

В 1939 году сотрудничество Латвии со «странами оси» стало приобретать все более официальную форму. Так, например, Латвия первой признала оккупацию Абиссинии фашистской Италией. 7 июня 1939 года Германия заключила договоры о ненападении с Латвией и Эстонией. Как писала подпольная газета Компартии Латвии «Циня», «с подписанием этого пакта фашистская Латвия официально примкнула к оси Берлин — Рим... Правительство Ульманиса — Мунтерса — Балодиса добровольно отдает Латвию под протекторат Гитлера, обязуется сдать в аренду свои порты (Лиепая) и другие стратегически важные пункты гитлеровской Германии»³⁶. В июле 1939 года председатель Палаты труда Латвии Эгле и генеральный секретарь Палаты Клейнхоф посетили Германию. Вместе с группой латвийских немцев из 35 человек во главе с Р. фон Радецким они участвовали в 5-м съезде национал-социалистской организации «Сила через радость» в Гамбурге, где присутствовал также Герман Геринг. Консул Латвии в Гамбурге сообщал, как будто даже с гордостью, что латвийские немцы, как и представители «фольксдойче» из других стран, были одеты в униформу с рунами СС, участвовали в общем параде, и вообще «группа держалась очень воинственно»³⁷.

АБВЕР В ЭСТОНИИ

В Эстонии германские спецслужбы обосновались еще со времен окончания Первой мировой войны, развив там бурную деятельность. Согласно сохранившемуся отчету французского посольства о деятельности германской разведки в Эстонии (отчет был направлен во 2-е бюро французского Генштаба в конце 1939 года), Германия в годы Гражданской войны послала в Эстонию группу агентов разведки, чтобы вербовать офицеров Российской армии в отряд Бермондт-Авалова, формировавшийся в Германии (впоследствии

он стал называться Русской Западной армией, хотя в его состав входили в основном немецкие части, включая небезызвестную «Железную дивизию»). В 1920—1923 годах Германия «избрала путь широкой пропаганды» в Эстонии (указания по ее проведению готовились в Берлине при участии бывшего чиновника русской полиции, а впоследствии агента германской разведки Беранского).

В 1939 году в Эстонии насчитывалось уже около 160 германских обществ и ассоциаций, которые занимались распространением прогерманской пропаганды и идей национал-социализма. В этом им оказывал помощь целый ряд газет, выходивших на немецком языке, в том числе «Revaler Zeitung» в Таллине (редактор Вриз), «Dorpatser Zeitung» в Тарту (редактор Меден) и «Aufsteig» (редактор — Эрнст Туурман)³⁸. Кроме того, распространением национал-социалистской идеологии в Эстонии вплоть до начала Второй мировой войны вполне легально занимались прибалтийские немцы Георг Таубе, Вальтер Мюлен, Теодор Таубе, Эдуард Штакельберг, Андрей Юкскюль, Георг фон Раух, Мансдорф, Борис Мейснер и многие другие³⁹.

Правительство рейха всячески способствовало такой деятельности. Так, 12 мая 1933 года в гавань Таллина с дружеским визитом прибыл германский броненосец «Эмден». В действительности визит носил прежде всего пропагандистский характер: на борту броненосца и на берегу устраивались вечера пропаганды, обставленные нацистской символикой, с соответствующими речами в честь фюрера и т.д. А в ноябре 1933 года в Таллин прибыла делегация крупнейших немецких экономистов, среди которых было два офицера разведки. Они должны были вести коммерческие переговоры, а попутно ознакомиться с некоторыми крупными трудами и тщательно изучить Эстонию. В Нарве еще с 1928 года была установлена немецкая радиостанция «для контроля над русской деятельностью»⁴⁰.

Немецкая военная разведка (абвер) к 1935 году имела в Таллине как минимум одну резидентуру (действовавшую под прикрытием германского посольства) и 4 агентов в подчинении «Абверштелле Кёнигсберг». Один из этих агентов принадлежал к «Союзу балтийских немцев», другой — капитан в отставке, ком-

мерсант — являлся человеком, близким к правительственным кругам Эстонии. Все они занимались сбором сведений о частях Красной Армии в Ленинградском военном округе. В августе 1936 года отделу иностранных армий Востока в составе ОКВ (Верховного командования вермахта) потребовалась информация о техническом перевооружении РККА. В связи с этим агентура абвера в Эстонии получила задание активизировать свою деятельность и привлечь к ней бывших офицеров армии Юденича и их родственников, проживающих в Эстонии. Вербовку новой агентуры в Таллине и Хельсинки проводили под видом военных дипломатов полковник абвера Рессинг — с 1935 по 1939 год, капитан Кернер и капитан фон Бонин — с 1936 по 1939 год, фрегатен-капитан Целлариус — с 1936 по 1944 год. Так была создана новая резидентура абвера в Эстонии во главе с Борисом Энгельгардтом, бывшим полковником царской армии, который впоследствии сам стал заниматься вербовкой новой агентуры⁴¹.

Германская разведка имела множество сторонников и официальных агентов и среди эстонских националистов. Еще в июне 1923 года председатель Эстонского парламента Ян Тыниссон сам связался с немецкой разведкой «в целях объединения стран Прибалтики для консолидации сил против России»⁴². К концу 1930-х годов прогерманскую группировку составляли начальник канцелярии президента Эстонии Эльмар Тамбек, заместитель начальника Генштаба эстонской армии полковник Рихард Маазинг, начальник разведывательного отдела Генштаба полковник Виллем Саарсен, председатель палаты депутатов Отто Пукк, министр иностранных дел Карл Сельтер, его помощник Оскар Эпик, ряд руководящих чиновников МВД, в том числе Оскар Ангелус и некоторые другие. (Впоследствии, в годы немецко-фашистской оккупации, Эпик и Ангелус занимали высокие посты в так называемом Эстонском самоуправлении, а Отто Пукк и бывший премьер-министр и председатель Государственной думы Эстонии Юрий Улуотс изображали националистическую оппозицию, время от времени также предлагая свои услуги оккупантам.)

О прогерманских настроениях своих коллег, так же, как и о сотрудничестве прибалтийских немцев с разведслужбами рейха,

в эстонских официальных учреждениях было известно. Как показал судебный процесс, проходивший в ноябре 1934 года над группой из 25 германских агентов во главе с Виктором цур Мюленом, которым было вынесено обвинение в шпионаже в пользу Германии, эстонское правительство относилось к такой деятельности очень снисходительно. Все подсудимые получили наказание в виде денежных штрафов на разные суммы; никто даже не был заключен в тюрьму⁴³. И это в то время, когда за одно лишь членство в компартии Эстонии выносились смертные приговоры!

Осенью 1935 года в штабе Эстонской армии одержала верх группировка пронацистски настроенных офицеров во главе с полковником Маазингом, начальником 2-го (разведывательного) отдела Генштаба. С этого времени сотрудничество с разведывательными и военными ведомствами рейха стало развиваться по официальным каналам.

Весной 1936 года полковник Маазинг, а вслед за ним и начальник штаба Эстонской армии генерал Рээк приняли приглашение руководства вермахта посетить Берлин. В ходе своего пребывания там они установили деловые отношения с шефом абвера адмиралом Канарисом и другими высшими офицерами военной разведки, а также заключили соглашение о взаимном обмене информацией. Абвер обязывался оснастить эстонскую разведку оперативно-техническими средствами; Маазинг и Рээк, со своей стороны, дали согласие на использование территории Эстонии для работы против СССР. В распоряжение эстонской разведки была предоставлена фотоаппаратура для производства снимков советских военных кораблей с маяков Финского залива, а также устройства радиоперехвата, которые были установлены вдоль всей советско-эстонской границы. Для оказания технической помощи в Таллин были направлены специалисты отдела дешифровки ОКВ⁴⁴. Помимо этого, в Эстонию стали часто отправлять немецких офицеров в качестве «стажеров», «отпускников», «изучающих иностранные языки» и т.п., которые в обязательном порядке посещали эстонские части. Все чаще стали навещать Эстонию целые подразделения германских ВМФ и ВВС.

В апреле 1939 года начальник Генштаба Эстонской армии генерал Рээк был вновь приглашен в Германию по случаю дня рож-

дения фюрера и связанных с этим торжеств. Однако помимо официальной части, визит должен был способствовать углублению взаимодействия между эстонскими и немецкими разведслужбами. В результате этого сотрудничества в 1938—1940 годах абверу удалось при помощи 2-го отдела Генштаба Эстонской армии забросить в СССР несколько групп шпионов и диверсантов. В составе отдела, кроме того, было создано специальное отделение во главе с капитаном Кальмусте, которое занималось радиоразведкой. Вдоль границы Эстонии и Советского Союза продолжали функционировать 4 радиостанции, которые осуществляли радиоперехват радиogramм; одновременно из радиоточек велось слежение за работой радиостанций на территории СССР⁴⁵.

Руководители абвера с 1936 года регулярно, один раз в год, приезжали в Эстонию. Когда срочно требовалось передать необходимые сведения, с обеих сторон направлялись специальные курьеры, а иногда для этого использовались военные атташе при эстонском и немецком посольствах.

Главнокомандующий Эстонской армией генерал Лайдонер был вынужден признать впоследствии: «Начальник немецкой разведки Канарис посетил Эстонию в первый раз в 1936 году. После этого он навещался сюда дважды или трижды. Я принимал его лично. Переговоры по вопросам разведывательной работы велись с ним руководителем штаба армии и начальником 2-го отдела [генералом Рээком и полковником Маазингом]. Тогда было установлено более конкретно, какие сведения требовались для обеих стран и что мы можем дать друг другу...» «Нас интересовали сведения о дислокации советских военных сил в районе нашей границы и о происходящих там перемещениях, — продолжал далее Лайдонер. — Все эти сведения, поскольку они имелись у них, немцы охотно сообщали нам. Что касается нашего разведывательного отдела, то он снабжал немцев всеми данными, которыми мы располагали относительно тыла и внутреннего положения в СССР»⁴⁶.

7 июня 1939 года между Германией и Эстонией был заключен пакт о ненападении; тогда же был заключен аналогичный пакт с Латвией. В связи с этим английская газета «The News Review» писала, что «нацисты уже рассматривают Эстонию как государ-

ство, которое политически и экономически в их руках». Уже через несколько дней после заключения пакта в Эстонии с 4-дневным визитом (26—29 июня) побывал начальник Генштаба сухопутных войск Германии генерал-лейтенант Франц Гальдер. Он выяснял мобилизационные возможности СССР, уточняя данные относительно транспорта, людских ресурсов, запасов вооружения, производственных мощностях военных предприятий, состоянии авиации и т.п.⁴⁷

В эти же дни, в июне 1939 года с согласия президента Эстонии Пятса и генерала Лайдонера, абвер учредил при Генштабе Эстонской армии должность «офицера связи», назначив на нее специалиста по Прибалтике, капитана Целлариуса (тогда же он занял аналогичный пост при Генштабе финской армии, а в июле 1939 года создал «Бюро Целлариуса» со штабом в Хельсинки). Агентами «Бюро Целлариуса» в Хельсинки являлись бывший генерал Российской императорской армии Добровольский, бывшие царские офицеры Пушкарев, Алексеев, Соколов и Батуев, а также эстонские националисты Веллер, Хорн, Аксель Кристиан и Кург, являвшиеся резидентами «Бюро» в Хельсинки⁴⁸.

18 июля 1939 года адмирал Канарис снова побывал в Эстонии в сопровождении начальника управления «Абвер-I» (разведка) Ганса Пикенброка и начальника управления «Абвер-III» (контрразведка) Франца Бентивеньи. (Последний должен был проверить работу подчиненной ему группы «3F», осуществлявшие в Таллине закордонные мероприятия по линии контрразведки.)

Вот что рассказывал об этом визите генерал Лайдонер: «Последний раз Канарис посетил Эстонию в июле 1939 года. Речь шла главным образом о разведывательной деятельности. С Канарисом я довольно подробно разговаривал о нашей позиции в случае столкновения между Германией и Англией и между Германией и СССР. Он интересовался вопросом, много ли Советскому Союзу потребуется времени для полной мобилизации своих вооруженных сил и каково состояние его транспорта (железнодорожного, автомобильного и гужевого)...»⁴⁹

Как свидетельствует германский посланник в Эстонии Фроо-вейн, в это время правительственные и военные круги Эстонии

чрезвычайно интересовал вопрос о перспективах будущей войны. Сообщая о своей беседе с генералом Рээком, имевшей место в эти же дни, Фроовейн писал, что эстонское правительство желает знать, возьмет ли Германия на себя контроль над Балтийским морем в случае войны, и даже предлагал в этом свою помощь. «Генерал Рээк, — по словам германского посланника, — признал, что Эстония также может легко оказать содействие в этом деле. Например, Финский залив очень легко заминировать против советских военных кораблей, не привлекая никакого внимания. Имеются и другие возможности»⁵⁰.

Советская сторона, разумеется, была недовольна таким положением, когда на эстонской границе — особенно в Нарве — постоянно появлялись немецкие офицеры, да и не только немецкие... Полпред Советского Союза К.Н. Никитин 30 августа 1939 года в беседе с министром иностранных дел Эстонии Сельтером отметил эти факты. «...Я указал Сельтеру и на то, — записал в своем служебном дневнике Никитин, — что посещение японцами эсто-советской границы, как это имело место текущим летом и весной, не дает должного спокойствия, какое необходимо двум добрососедским державам, ибо это граница эсто-советская и японским генералам здесь как будто бы делать нечего. Сельтер проглотил эту пилюлю и обычным своим мертвым тоном протянул: «Да, эти туристы шумят, что в Нарве много исторических мест, что там туристам есть что посмотреть, а на самом деле там и смотреть-то нечего. Я им и то говорю: «Идите в Аренсбург (Куресаре) и смотрите там».

Затем Никитин указал Сельтеру на военные приготовления Эстонии, которые явно координировались с германским Генштабом. «Я его спросил, — пишет Никитин, — «зачем же вы готовитесь к войне, когда вам ни с той, ни с другой стороны не угрожают?» Сельтер сказал: «Ну, все готовятся, так и мы готовимся. На всякий случай».

А приготовления были нешуточные. Никитин записал в своем дневнике: «Из конфиденциальных кругов через торгпредство получены сообщения о том, что эстонцы упорно укрепляют левый берег реки Наровы. Эстонцы думают, что СССР теперь восполь-

зуются моментом и отрежет от них пограничные русские районы, двинув против них Красную Армию. С этой целью они отнесли свои укрепления на левый берег реки Наровы и готовятся допустить захват территории до правого берега реки, а левый держать. Сообщают, что у эстонцев оружия хватает на 120 тыс. человек, что же касается обмундирования и вообще амуниции, то этого у них есть лишь на 60 тыс. человек»⁵¹.

«УЛЬТИМАТУМ РИББЕНТРОПА»

Литва была единственной из прибалтийских республик, чьи отношения с Германией складывались не всегда гладко. Юозас Урбшис, бывший генеральный секретарь МИД, а с конца 1939 года — министр иностранных дел Литвы, так характеризовал их: «Конечно, отношения между Литвой и Германией имели особенность. Она заключалась в прямых территориальных притязаниях Германии. Если по отношению к Латвии и Эстонии Германия внешне придерживалась дипломатических норм, то к нам прямо предъявлялись претензии. Антилитовская линия проводилась и в веймарскую эпоху, но Гитлер, придя к власти, резко ее усилил. Стала активно действовать его агентура в Литве — национал-социалистская партия в Клайпеде. Клайпедские нацисты, базируясь на Кёнигсберг и Тильзит, готовили акты саботажа и террора. Знаменитый процесс Неймана — Засса показал, как далеко зашли провокационные действия Германии. И все это завершилось ультиматумом Риббентропа»⁵².

«Ультиматум Риббентропа» был вручен Урбшису (в то время исполняющему обязанности министра иностранных дел Литвы) гитлеровским министром иностранных дел 20 марта 1939 года. В нем содержалось требование о возвращении Мемеля и Мемельской области Германии; в противном случае было обещано, что местные «фольксдойче» поднимут беспорядки, а если хоть один из них будет убит в ходе этих беспорядков, то в Литву вступят части вермахта. 21 марта литовское правительство было вынуждено принять условия ультиматума, а 22 марта состоялось подписание германо-литовского договора о воссоединении Мемельской области с Германией.

Посланник Литвы в Москве Ю. Балтрушайтис сообщил о подробностях этих переговоров наркому иностранных дел СССР М.М. Литвинову 29 марта 1939 года: «Риббентроп обращался с Урбшисом весьма грубо, вручив ему проект соглашения и потребовав немедленного подписания. Когда Урбшис стал возражать, Риббентроп заявил, что Ковно будет сровнен с землей, и что у немцев все для этого готово».

Однако правительство Литвы решило извлечь из этого свою выгоду и обратить потерю Клайпеды в свою пользу. 4 мая 1939 года литовский посланник в Берлине Казис Шкирпа по поручению правительства Литвы обсудил вопрос о возвращении Литве Виленской области в случае германо-польской войны с начальником отдела Прибалтики в МИД Германии В. Грундхерром. А уже 20 мая 1939 года между правительствами Литвы и Германии были подписаны четыре договора: о товарообмене, о платежах, пограничном сообщении и сооружении литовского водного порта в Мемеле. Это означало переориентацию Литвы на союз с Германией⁵³. Невольно напрашивается логическая связь: если после столь недружественного ультиматума по поводу Мемельской области между Германией и Литвой вдруг наметилось сближение, то как германскому МИДУ удалось расположить к себе литовское правительство? Не был ли подписан 20 мая 1939 года еще и секретный протокол, по которому Германия обязывалась вернуть Литве Виленскую область в случае германо-польской войны? А если так, то значит, первый раздел Польши намечался между Германией и Литвой...

ОТ «ВОСТОЧНОГО ПАКТА» ДО «ПАКТА МОЛОТОВА — РИББЕНТРОПА»

Почему республики Прибалтики так искали дружбы с гитлеровской Германией? Из страха перед Советами или по каким-то другим причинам? Наконец, если в Эстонии, Латвии и Литве действительно осознавали угрозу, исходящую от германского фашизма, то была ли у них возможность обеспечить свою безопасность?

Идея такого договора о коллективной безопасности и взаимопомощи впервые была выдвинута правительствами Советского

Союза и Франции в декабре 1933 года. Проект договора, получившего название «Восточного пакта», в Советском Союзе рассматривался как коллективная гарантия на случай агрессии со стороны фашистской Германии. Предложения присоединиться к этому договору были сделаны Финляндии, Чехословакии, Польше, Румынии, Эстонии, Латвии и Литве. Но тогда Англия выставила ряд условий (в том числе перевооружение Германии), а Соединенные Штаты не одобрили идею договора вообще. Польша и Румыния также отказались присоединиться к договору, не желая никаких гарантий со стороны СССР. В результате пакт так и не был заключен⁵⁴.

Весной 1939 года идея заключения так называемого «восточного пакта» вновь стала предметом обсуждения. 21 марта 1939 года британский посол в Москве Сидс вручил наркому иностранных дел СССР проект декларации Англии, Франции и Польши. Советский Союз одобрил эту идею, но поставил условием, чтобы в нем участвовали также страны Прибалтики, скандинавские и балканские страны. В итоге переговоров Англия снова отказалась от своего предложения, так как «рассчитывала на такое соглашение, которое позволило бы втянуть СССР в войну с Германией и в то же время избежать оказания ему помощи»⁵⁵. Но была и другая причина для отказа британской стороны от первоначального проекта. Как свидетельствует в своих мемуарах Уинстон Черчилль, «препятствием к заключению соглашения служил ужас, который эти самые пограничные государства испытывали перед советской помощью в виде советских армий, которые могли пройти через их территории чтобы защитить их от немцев и попутно включить их в советско-коммунистическую систему. Ведь они были самыми яростными противниками этой системы. Польша, Румыния, Финляндия и три прибалтийских государства не знали, чего они больше боялись, германской агрессии или русского спасения»⁵⁶. «Финляндия и Эстония, — пишет Черчилль, — даже утверждали, что они будут рассматривать как акт агрессии гарантию, которая будет дана им без их согласия. В тот же день, 31 мая, Эстония и Латвия подписали с Германией пакты о ненападении. Таким образом, Гитлеру удалось без труда проникнуть вглубь самой оборо-

ны запоздалой и нерешительной коалиции, направленной против него»⁵⁷.

Таким образом, правительства республик Прибалтики из страха перед установлением в них советской власти предпочли гарантии со стороны Германии. Их не смущали откровенные высказывания Гитлера о колонизации Прибалтики, хотя они не были тайной ни для кого. Они боялись лишь Советского Союза, не имевшего в то время никаких экспансионистских планов в отношении прибалтийских государств. Этот страх перед военной агрессией со стороны Советского Союза был ничем не обоснован, так как многосторонний характер этого договора исключал даже гипотетически возможность какой-либо агрессии со стороны СССР. К тому же до сих пор ни одному историку еще не удалось найти документов, которые доказывали бы, что Сталин при всех его диктаторских замашках собирался аннексировать Прибалтику до 1940 года.

Напротив, как-то в беседе с французским послом 10 апреля 1933 года нарком иностранных дел СССР М.М. Литвинов подчеркивал, что для СССР в Прибалтике «так же нежелательна польская экспансия, как и германская. Мы заинтересованы в сохранении независимости всех прибалтийских государств и особенно Литвы»⁵⁸. (Как раз в первые месяцы своего пребывания у власти Гитлер высказывал идею «территориального обмена», предлагая польскому правительству вернуть Германии Данцигский коридор в обмен на присоединение к Польше всей Литвы!)

А тем временем Германия уже давно и всерьез задумывалась об аннексии прибалтийских государств. 18 февраля 1935 года на конференции рейхслейтеров, гаулейтеров и фюреров СА и СС группенфюрер СС Юлиус Шауб заявил: «Наш отказ от подписи под Восточным пактом остается твердым и неизменным. Фюрер скорее отрубит себе руку, чем подпишет акт, ограничивающий справедливые и исторически законные притязания в Прибалтике и пойдет на отказ германской нации от ее исторической миссии на Востоке»⁵⁹.

Будущий чиновник оккупационного аппарата в Прибалтике в 1941—1942 годах Петер Клейст, в то время занимавший высо-

кий пост в германском МИДе, в своем официальном меморандуме от 2 мая 1939 года писал, что Германия в данный момент добивается нейтралитета республик Прибалтики, то есть «решительного отхода их от Советского Союза» (о том, что означал в действительности этот «нейтралитет», уже говорилось выше). «В случае войны, — пишет далее Клейст, — нейтралитет прибалтийских стран для нас так же важен, как и нейтралитет Бельгии или Голландии; когда-то позже, если это нас устроит, мы нарушим этот нейтралитет, и тогда, в силу заключенных нами ранее пактов о ненападении, не будет иметь места механизм соглашений между прибалтийскими государствами и Советским Союзом, который ведет к автоматическому вмешательству СССР»⁶⁰.

Лишь после провала идеи «Восточного пакта», не найдя общего языка ни с Англией и Францией, ни с прибалтийскими республиками, Советский Союз был вынужден в спешном порядке заключить Договор о ненападении с Германией от 23 августа 1939 года. В секретном дополнительном протоколе к нему были разделены сферы влияния в Восточной Европе, включая и Прибалтику. В частности, в нем говорилось, что «северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению к Виленской области признаются обеими сторонами». Таким образом, Литва первоначально должна была остаться в сфере влияния Германии⁶¹.

Как результат этого соглашения, 20 сентября 1939 года был подписан «Договор о защите между Германским рейхом и Литовской республикой», в котором говорилось, что для обеспечения «взаимно дополняющих интересов обеих стран» и «не в ущерб своей самостоятельности Литва становится под защиту германского рейха». С этой целью предусматривалось также заключение двусторонней военной конвенции⁶². Так Германия без лишних проволочек закрепила свой военный и политический контроль над Литвой.

Это не могло не обеспокоить Москву, так как создавало плацдарм для возможной агрессии против СССР в Прибалтике. В ходе очередного визита Риббентропа в Москву в конце сентября 1939 года, Сталин потребовал, чтобы Литва была также включена

в сферу влияния Советского Союза. Рейхсминистр иностранных дел, по его же собственным словам, позвонил Гитлеру прямо из Кремля, чтобы запросить указаний по этому вопросу. «Некоторое время спустя, — пишет Риббентроп, — он [фюрер] сам позвонил мне и заявил — явно не с легким сердцем, что согласен включить Литву в сферу советских интересов»⁶³. В результате в секретном дополнительном протоколе к советско-германскому «Договору о дружбе и границе» от 28 сентября 1939 года говорилось, что «территория литовского государства включается в сферу интересов СССР, так как, с другой стороны, Люблинское воеводство и части Варшавского воеводства включаются в сферу интересов Германии»⁶⁴.

Решение Гитлера пожертвовать Прибалтикой, занимавшей важное место в экспансионистских планах нацистов, ради того чтобы «успокоить» Советский Союз и заручиться его нейтралитетом, стало неожиданностью для многих в Германии (тем более, что и протокол был секретным). Даже ввод советских войск в Польшу вызвал недоумение у многих военных. Один из офицеров абвера Гельмут Гросскурт записал в своем дневнике, что в верхушке вермахта царило подлинное возмущение по поводу того, что немцы дали «большевикам возможность беспрепятственно продвинуться вперед»⁶⁵, а начальник Генштаба сухопутных войск генерал Гальдер назвал 17 сентября 1939 года (день вступления Красной Армии в восточные районы Польши) днем «позора немецкого политического руководства»⁶⁶.

Лишь ограниченному кругу людей было известно, что это решение являлось лишь тактическим маневром (подобно тому, как Гитлер «уговорил» румынского диктатора Антонеску пожертвовать Северной Буковиной и Бессарабией в пользу СССР и Северной Трансильванией в пользу Венгрии в 1940 году). Не случайно уже осенью 1939 года командование вермахта получило распоряжение подготовить печально известную директиву № 21 (план «Барбаросса»), предусматривавшую вторжение в Советский Союз. Гитлер надеялся вернуть все, что было отдано, и получить еще больше сверх того — захватить не только всю Прибалтику, но и весь Советский Союз.

Пакт Молотова — Риббентропа от 23 августа 1939 года поверг в растерянность правящие круги Эстонии, Латвии и Литвы, которые опасались, что Германия их бросила на произвол судьбы. Обо всем происходившем вслед за этим красноречиво говорили события в Эстонии, чье правительство наиболее активно сотрудничало с военными и разведывательными ведомствами рейха, а впоследствии проявило максимум усилий по созданию антисоветского военного блока под покровительством Германии.

Сразу же после того, как новость о заключении советско-германского договора о ненападении стала известна в Эстонии, эстонское правительство постаралось немедленно выяснить все его детали — конечно же через немцев.

«Пятс предложил мне послать кого-либо из военных немедленно в Берлин, — рассказал впоследствии генерал Лайдонер, главнокомандующий эстонской армией, — чтобы постараться узнать через военные круги, а если можно — через адмирала Канариса истину по этому вопросу. Я предложил послать туда полковника Маазинга, как наиболее известного Канарису. В тот же день или днем позже Маазинг вылетел в Берлин и очень быстро вернулся обратно. Особенных результатов он там не достиг, так как адмирал Канарис заявил ему, что относительно договора Германии с Советским Союзом он ничего сказать не может. По возвращении из Германии Маазинг был настроен пессимистически. Во время доклада о результатах поездки в Берлин он заявил мне, что лучше было бы нам до заключения пакта начать войну с СССР».

Вслед за Маазингом в Берлин отправился сотрудник политической полиции Эстонии, прибалтийский немец, барон Андрей Юкскуль с тем же поручением — выяснить, может ли Эстония по-прежнему надеяться на поддержку Германии. Но и ему не удалось узнать ничего определенного. Руководство рейха держало в тайне содержание секретных протоколов к советско-германскому договору от 23 августа 1939 года. Лишь в середине сентября в Таллин прибыл руководящий работник абвера доктор Клее, который несколько раз встретился с Пятсом и туманно заверил того: война с Советским Союзом лишь отложена по стратегическим соображениям, но подготовка к ней продолжается⁶⁷.

В сентябре 1939 года правительство СССР предложило правительствам Эстонии, Латвии и Литвы заключить договоры о взаимной помощи. Последние были вынуждены начать переговоры в Москве, которые завершились подписанием соответствующих договоров: 28 сентября — с Эстонией, 5 октября — с Латвией, а 10 октября — с Литвой. По условиям договоров, Советский Союз обязывался оказывать помощь этим странам в случае нападения или угрозы нападения на них со стороны любой европейской державы.

По общему мнению иностранных наблюдателей, под «любой европейской державой» подразумевалась Германия. Например, посланник США в Эстонии и Латвии Дж. К. Уайли в своем сообщении в Вашингтон от 3 октября 1939 года писал: «Эстонско-советские договоры, с точки зрения зарубежного наблюдателя, представляются политическим парадоксом. Достоверная информация подтверждает впечатление того, что Германия далеко не в восторге от подобного нового появления Советского Союза в Прибалтике. Действительно, текст пакта о взаимопомощи может показаться направленным в первую очередь против Германии. Не нужно сложных вычислений, чтобы точно определить единственного «возможного агрессора» в лице Рейха. В то время как заключался советско-эстонский договор, Риббентроп вел в Москве переговоры с целью создать впечатление о тесном политическом и экономическом сотрудничестве Советского Союза и германского Рейха. Но истина может заключаться в том, что советская политика останется неизменной. Сохранится и далее настороженность Советов, в первую очередь по отношению к Центральной и Западной Европе, включая, несомненно, и Германию». «Как сообщила мне высокопоставленная особа из министерства иностранных дел Эстонии, — пишет далее Уайли, — тревоги Советов, связанные в основном с Рейхом, основаны на опасении, что шаг к всеобщему миру будет сделан за счет Советского Союза, или что западные демократии потерпят поражение. Мой информатор уверен, что в последнем случае Советский Союз предусматривает следующую возможность: Германия, повернув с запада, начнет пробиваться на восток. Он сообщил, что советская превентивная тактика в Поль-

ше... подтверждает этот тезис, поскольку очевидно, что советская политика не только не соответствует основным положениям политики Германии, но даже препятствует ее продвижению в Центральной Европе на юго-восток»⁶⁸.

В советском руководстве также не отрицали того, что улучшение отношений с Германией — явление временное, а договоры со странами Прибалтики должны служить именно защите от возможной германской агрессии. В ответ на ироничную реплику эстонского посланника Августа Рэя по этому поводу, во время переговоров в Москве 24—25 сентября 1939 года, нарком иностранных дел В.М. Молотов прямо признал это. «Договор с Германией имеет определенный срок действия, — сказал он. — Так что ни мы, ни Германия не сложили оружия»⁶⁹.

Как значилось в договорах о взаимопомощи со странами Прибалтики, Советскому Союзу предоставлялось право разместить свои войска и создать ряд военно-морских и военно-воздушных баз на их территории «для обеспечения взятых на себя обязательств». Прибалтийские страны, со своей стороны, обязывались оказывать помощь Советскому Союзу (в том числе и военную) в случае нападения любой европейской державы на СССР через их территории или со стороны Балтийского моря. Стороны обязывались не заключать каких-либо союзов и не участвовать в коалициях, направленных друг против друга. При этом правительство СССР безвозмездно передавало Литве город Вильнюс и Виленскую область, захваченные у нее Польшей в 1920 году и занятые советскими войсками в сентябре 1939 года. По условиям договоров, советским войскам было запрещено вмешиваться во внутренние дела этих стран и факты такого вмешательства действительно неизвестны⁷⁰.

Правительства республик Прибалтики были вынуждены согласиться на заключение подобных договоров с Советским Союзом. Справедливости ради следует сказать, что договоры о взаимопомощи служили не столько защите стран Прибалтики от возможного нападения со стороны Германии, сколько защите СССР от германской агрессии, которая могла развернуться с «прибалтийского плацдарма», так как давали возможность контроля за

внешней политикой Эстонии, Латвии и Литвы, которая до сих пор развивалась в прогерманском духе и представляла опасность для СССР.

Как показали дальнейшие события, правительства республик Прибалтики не видели угрозы для существующего капиталистического строя со стороны Германии, а ради его сохранения они готовы были пожертвовать даже своим суверенитетом. Договоры о взаимопомощи с Советским Союзом, напротив, давали гарантию их суверенитета при условии их соблюдения, но само соседство с коммунистической державой заставляло правящие круги Прибалтики опасаться распространения советской пропаганды и, как следствия, крушения существующего строя.

Правительство Советского Союза хорошо понимало эти опасения и поэтому приняло меры (порой даже чересчур жесткие), чтобы не допустить коммунистической революции в странах Прибалтики. Об этих мерах советской стороны, в частности, сообщал в Рим итальянский посол в Эстонии В. Чикконарди 11 ноября 1939 года: «В настоящий момент Советский Союз не заинтересован в ускорении хода событий в Прибалтике... Когда во время прибытия русских войск в Эстонию представители местных коммунистов направились в советское полпредство, чтобы передать послание Сталину, то полпредство само попросило эстонскую полицию вмешаться и арестовать их. Утверждается, что московское правительство сообщило эстонскому правительству о своем намерении не только не одобрять ни одного движения местных коммунистов, но и оставить за эстонским правительством полную свободу противодействия этому и даже подавления, с использованием в случае необходимости крайних мер»⁷¹. Все эти жесткие меры предпринимались сталинским руководством с единственной целью — успокоить правительства прибалтийских республик и, таким образом, обеспечить честное соблюдение договора с их стороны.

Чтобы воспрепятствовать выступлениям коммунистов в Прибалтике, нарком иностранных дел Молотов даже направил телеграмму полпреду СССР в Эстонии К.Н. Никитину 23 октября 1939 года, в которой предостерег последнего от любых попыток

распространения советской идеологии в Эстонии. «Нашей политики в Эстонии в связи с советско-эстонским Пактом взаимопомощи Вы не поняли, — писал Молотов. — Из Ваших последних шифровок... видно, что Вас ветром понесло по линии настроений «советизации» Эстонии, что в корне противоречит нашей политике. Вы обязаны, наконец, понять, что всякое поощрение этих настроений насчет «советизации» Эстонии или даже простое непротивление этим настроениям на руку нашим врагам и антисоветским провокаторам. Вы таким неправильным поведением сбиваете с толку и эстонцев, вроде Пийпа⁷², который думает, видимо, что ему теперь необходимо говорить просоветские речи 7 Ноября. Вы должны заботиться только о том, чтобы наши люди, и в том числе наши военные в Эстонии, в точности и добросовестно выполняли Пакт взаимопомощи и принцип невмешательства в дела Эстонии, и обеспечить такое же отношение к пакту со стороны Эстонии. Во всем остальном, и в частности 7 Ноября, Вы не должны выходить за обычные рамки работы полпредства. Главное, о чем Вы должны помнить, — это не допускать никакого вмешательства в дела Эстонии»⁷³.

В ОЖИДАНИИ НОВОЙ ВОЙНЫ

Несмотря на доверительные жесты Молотова, правящие круги республик Прибалтики все же опасались, что с заключением договоров коммунисты могут прийти к власти. Так, например, президент Эстонии Пятс в эти дни заявлял о своих опасениях, что «заключение договора вызовет подъем коммунистического движения, против которого тяжело бороться. Но выбора нет», — констатировал он⁷⁴.

В связи с этим в республиках Прибалтики всерьез подумывали о том, не начать ли военные действия против Советского Союза немедленно. В особенности агрессивную позицию заняла Эстония, чьи связи с гитлеровской Германией были наиболее тесными. Ее правительство даже провело некоторые подготовительные мероприятия, о чем с тревогой докладывал заместитель наркома внутренних дел СССР И.И. Масленников наркому обороны

СССР, маршалу Советского Союза К.Е. Ворошилову 27 сентября 1939 года.

Масленников писал: «По данным Ленинградского пограничного округа, в прилегающей к СССР пограничной полосе Эстонии, под видом проведения осенних маневров, происходит сосредоточение полевых частей эстонской армии. В г. Нарва прибыло несколько войсковых подразделений, которые приведены в боевую готовность. Офицеры группами проводят рекогносцировку местности вблизи границы. В районе Усть-Нарова отмечено передвижение танков. В 5 км южнее г. Нарва, против участка 7-го Кингисеппского пограничного отряда и на линии деревень Поптово-Турок, против участка 9-го Псковского пограничного отряда, установлены орудия в направлении территории СССР. В начале октября сего года назначен призыв в армию личного состава запаса 1909—1916 годов рождения, а приписанных к артиллерийским частям — в возрасте до 40 лет». И далее в том же документе сообщалось: «На текстильных фабриках г. Нарва уволено большое количество рабочих, что вызвало возмущение и недовольство населения. Рабочие заявляют, что, если им не будет предоставлена работа, они организованно перейдут на территорию СССР. Трудовое крестьянство эстонских пограничных сел высказывает симпатии к СССР и выражает желание о присоединении Эстонии к Советскому Союзу»⁷⁵.

Вопрос о войне с Советским Союзом обсуждался в Госсовете Эстонии 26 сентября 1939 года⁷⁶. Но в итоге от военных действий было решено отказаться. В связи с этим генерал Лайдонер признавал: «...Нельзя сомневаться, что если мы с Россией не достигнем соглашения, то будет война. Этот проект договора не ультиматум. До сих пор с нами обходились вежливо». Но, констатировал он далее: «Известное время мы, определенно, можем сопротивляться. Как долго может продолжаться — сказать трудно, может быть несколько месяцев или дольше. Однако конец ясен. Хотя Россия, возможно, и не очень сильна в военном отношении, она все же в состоянии выставить против нас достаточное количество войск. ...Кроме всего прочего, трудно начинать войну, когда тебе предлагают договор о помощи. Это было бы таким пропагандистским козырем для России, воздействие которого нетрудно предста-

вить... Нас ставят в такое положение, что мы должны сделать первый выстрел»⁷⁷.

По единодушному мнению членов правительства и Госсовета, помощи ждали только от Германии, но после заключения советско-германского договора от 23 августа 1939 года, рассчитывать на нее было трудно. «...Реальным противовесом России могли бы быть Польша и Германия, и никто другой, — подчеркивал посланник Эстонии в Москве Август Рэй, — британская мощь сюда не дойдет — у нее много дел в других местах. Также не в состоянии сделать это и Франция. Теперь и Германия нейтрализована пактом с Россией. Как представляется, Россия еще разрешает торговаться с собой, и это указывает на то, что Германия не хочет усиления России на берегах Балтики... Германия хочет «status quo». Ничуть не следует полагать, однако, что Германия слаба по отношению к России, хотя Россия и получила большую часть Польши... Россия могла бы потребовать от нас большего, и мы считали, что так и будет сделано. Молотов пояснил с величайшим миролюбием, что мы вам ничего не навязываем, ни коммунизма, ничего, все сохранится — ваша внешняя политика, правительство, парламент и т.д. Если вы не желаете выполнить эти минимальные требования, тогда мы будем вынуждены использовать другие пути. Молотов сказал, что он гарантирует согласие Германии. Останется ли все это так — трудно сказать. Если Германия не будет слишком разорена, то равновесие сохранится. Мы — оптимисты и надеемся, что какой-то противовес найдется».

И все же, как говорится, надежда умирает последней. Эту надежду лидеры Эстонии видели в лице Германии, и посланник Рэй был не одинок в этом. «Будем надеяться, что и в будущем Германия не пожелает того, чтобы мы были уничтожены, — обнадежил собравшихся Пятс. — В нынешних условиях Германии самой пришлось пойти на уступки, иначе бы ей пришлось тяжело».

Ему вторил член Госсовета Маурер: «...Я оптимист в отношении скорого окончания войны. Германия не жертвует Прибалтийскими государствами».

«...Молотов заявил достаточно ясно, что Германия нам помочь не сможет, — подытожил министр иностранных дел Сельтер. —

Однако я думаю, что чем сильнее Германия на Востоке, тем лучше для нас».

Опасность такой двойной игры — с советским правительством и с секретными службами Германии — отметил лишь один Ян Тыниссон. «Дружественные отношения с Германией стоили нам дорого, — предостерег он. — Если Россия будет в безопасности, тогда у нас будут лояльные отношения с ней. При определении судьбы Прибалтийских государств Германия сейчас не играет сколько-нибудь значительной роли. В конце войны у Британии определено будет что сказать о Прибалтике. Россия не хочет конфликта с Британией, это ясно. Также мы должны выиграть время и найти другие возможности для определения правильной позиции. Мы должны избегать того, чтобы нам приписывали дружественные отношения с Германией. В будущем это приобретет большое значение. Соглашение с Россией сейчас менее опасно, чем дружба с Германией»⁷⁸.

Однако все то, что говорилось на заседании госсовета Эстонии, было в той или иной мере демонстративно. Основное действие разворачивалось за кулисами.

Как только было получено предложение советского правительства о заключении договора о взаимопомощи, Пятс и Лайдонер вновь направили в Германию своих эмиссаров — полковника Маазинга и барона Юксюля. В Берлине их заверили, что ввод советских войск — явление временное, и беспокоиться нет причин. Примерно в то же время в Эстонию приехал один из директоров концерна «ИГ Фарбениндустри» Фриц Тер-Меер, который лично встретился с Пятсом. «В частном разговоре со мной, — вспоминал позднее сам Пятс, — директор не скрывал, что Германия и после заключения договора с Советским Союзом продолжает старую политику по отношению к СССР. В Германии, по его словам, все больше и больше распространяется мнение, что природные богатства Советского Союза должны быть доступны только ей. В Германии прекрасно понимают, что Россия их добровольно не уступит и придется бороться. Без борьбы не обойтись, и надо ждать столкновения вооруженных сил. Все руководящие круги Германии это понимают и уже продолжительное время готовятся к борьбе»⁷⁹.

«БАЛТИЙСКАЯ АНТАНТА»

Итак, правительственные круги Прибалтики надеялись на «большую войну», в результате которой Советский Союз будет разгромлен и кто-нибудь — Германия или Англия — помогут им восстановить утраченные позиции... В то же время государственные деятели Эстонии, Латвии и Литвы неустанно повторяли о своей приверженности заключенным договорам, чтобы не провоцировать Советский Союз на более радикальные меры по обеспечению своей безопасности. По-видимому, заверения немцев повлияли на позицию эстонского правительства на переговорах в Москве по поводу заключения договора о взаимопомощи. На деле же в Прибалтике полным ходом шла подготовка к войне — войне Германии против СССР, в которой им будет уготовано место союзников рейха.

Опасаясь распространения «красной заразы», правительства Эстонии, Латвии и Литвы запрещали местному населению под угрозой наказания разговоры с солдатами Красной Армии. Гражданам этих стран запрещалось так или иначе выражать симпатии к СССР, читать советские газеты и слушать радиопередачи из СССР. Гарнизоны Красной Армии были окружены местными воинскими частями, а местные власти саботировали снабжение и бытовое обслуживание советских гарнизонов⁸⁰.

В то же время правительство Эстонии и командование эстонской армии, вопреки условиям недавно заключенного договора, продолжали контакты с германской разведкой.

Как следует из сохранившегося доклада Лайдонера президенту Эстонии Пятсу, осенью 1939 года шеф абвера адмирал Канарис еще раз под чужим именем приезжал в Таллин. Его встреча с Лайдонером и Пятсом проходила в условиях секретности, поскольку к тому времени Германия была вынуждена признать Прибалтику сферой влияния Советского Союза. Главной темой беседы были заключенные между Германией и СССР договоры и германско-эстонские отношения⁸¹.

Аналогичные контакты с Германией продолжала поддерживать и Латвия. После ввода на ее территорию частей РККА и соз-

дания советских военных баз в Лиенае и Вентспилсе, германская и японская разведки также не прекращали своей деятельности. Они лично посещали места дислокации здесь советских гарнизонов, часто проезжали на автомобилях через эти районы и производили фотосъемку. Командование Латвийской армии оказывало им в этом негласную поддержку. Начальник департамента государственной безопасности Латвии Фридрихсон распорядился регулярно поставлять ему информацию о советских гарнизонах на территории страны, данные о численности гарнизонов, вооружении, характере и количестве грузов, перевозившихся туда из СССР. Латвийская разведка осуществляла постоянное наблюдение за советскими офицерами.

Латвийская политическая полиция приняла целый ряд мер, чтобы ограничить контакты местных жителей с советскими военнослужащими. С этой целью министр внутренних дел Латвии Вейденекс распорядился, чтобы в поездках на линиях Лиена — Рига и Вентспилс — Рига специально курсировали сотрудники политической полиции. Они должны были устанавливать личности всех латвийских граждан, вступавших в разговоры с красноармейцами, чтобы в дальнейшем привлекать первых к административной ответственности «за нарушение порядка и спокойствия»⁸². В январе 1940 года в Риге, Лиенае, Даугавпилсе, Елгаве и Вентспилсе были проведены аресты многих просоветски настроенных граждан, в том числе и коммунистов, а в мае-июне в Латвии и Эстонии развернулась антисоветская кампания в прессе⁸³.

Не отставало и правительство Литвы. 4 декабря 1939 года департамент политической полиции Литвы направил уездному начальнику полиции Каунаса секретный циркуляр, в котором, в частности, требовал «следить и сообщать о всей жизни советской армии»⁸⁴. Участились случаи похищения советских военнослужащих из гарнизонов, расположенных на территории Литвы; таким образом спецслужбы Литвы пытались силой получить от них секретную информацию⁸⁵.

Одновременно предпринимались активные меры по организации военной коалиции против СССР. Еще в 1934 году в Женеве был заключен военный союз Латвии и Эстонии, известный как

«Балтийская Антанта», а в начале декабря 1934 года командования эстонской и латвийской армий провели первые совместные учения штабов в Валге (Латвия), на которых детально разбирались планы военных действий против СССР. В мае — июне 1938 года командования вооруженных сил Эстонии и Латвии вновь провели полевые учения на уровне штабов. Предполагаемый противник был все тот же⁸⁶. Осенью 1939 года, после вынужденного заключения договоров о взаимопомощи с СССР, военные контакты прибалтийских стран активизировались с новой силой. Особую активность проявляло правительство Эстонии и командование эстонской армии, которые уже давно стремились вовлечь в «Балтийскую Антанту» также Литву, Финляндию и Польшу. Эстонский главнокомандующий генерал Лайдонер уже видел себя во главе объединенных вооруженных сил «Балтийской Антанты» и зондировал мнение на этот счет своих союзников. О его далеко идущих планах военный министр Латвии Я. Балодис специально докладывал латвийскому президенту Ульманису.

«Я лично, — сообщал впоследствии Лайдонер, — как главнокомандующий эстонской армией, говоря откровенно, исходил из того, что пятеро всегда сильнее одного. Поэтому я считал, что военный союз, направленный против СССР, должен состоять из Финляндии, Эстонии, Латвии, Польши и Литвы. Интересы анти-советской политики требовали, чтобы наши государства из года в год сообща усиливали свои вооруженные силы». Во время своей поездки в Финляндию в январе 1939 года Лайдонер в одном из публичных выступлений открыто призвал к объединению военно-политических усилий Эстонии и Финляндии. В июне того же года в Эстонию с визитом прибыл министр иностранных дел Польши Юзеф Бек, и Лайдонер вел с ним переговоры на ту же тему⁸⁷.

Но склонить к участию в одной коалиции двух давних противников — Польшу и Литву — было не так-то просто. Территориальный спор этих двух стран из-за Вильнюса и Виленской области сделал невозможным этот союз. К тому же и Польша и Литва рассчитывали на помощь Германии в разрешении этого спора. Гитлеровская Германия в разное время обещала Польше присоединение к ней всей Литвы, а Литве — возвращение захваченной поляка-

ми Виленской области. Так, весной 1933 года, с первых же дней нахождения у власти, Гитлер выдвигал идею «территориального обмена» — возвращения Германии Польшей Данцигского коридора взамен на присоединение к Польше всей Литвы⁸⁸. С другой стороны, накануне заключения германо-литовских договоров от 20 мая 1939 года (о товарообмене, о платежах, пограничном сообщении и сооружении литовского водного порта в Мемеле) литовский посол в Берлине Казис Шкирпа зондировал почву в МИД Германии по вопросу о возвращении Литве Виленской области. Судя по тому, что переговоры между Литвой и Германией прошли успешно, а также по тому, что Германия в секретном протоколе к договору с Советским Союзом от 28 сентября 1939 года признала права Литвы на Виленскую область, Литва получила такое обещание со стороны Германии.

После того как Польское государство перестало существовать, задача вовлечения Литвы в «Балтийскую Антанту» значительно упростилась. Министр иностранных дел Эстонии Сельтер лишь констатировал 26 сентября 1939 года: «Мы пытались разъяснить Польше, что она не в состоянии сопротивляться Германии. Нас посчитали предателями»⁸⁹. Как видно, Сельтер считал, что Польша первой допустила ошибку и спровоцировала войну с Германией!

В декабре 1939 года в Таллине в обстановке строжайшей секретности прошла конференция министров иностранных дел прибалтийских государств. Одновременно состоялось совещание главнокомандующих и начальников отделов снабжения эстонской, латвийской и литовской армий. Главнокомандующий латвийской армии генерал Беркис провел переговоры с высшими чинами Генштаба эстонской армии и произвел смотр артиллерийских частей, военного училища, арсенала и других объектов⁹⁰. Месяцем позже, в январе 1940 года, начальник генерального штаба эстонской армии Яксон (сменивший к тому времени генерала Рээка) встретился с военным министром Латвии Балодисом чтобы обсудить вопросы координации оборонных усилий. В феврале был создан специальный печатный орган «Балтийской Антанты» — «The Baltic Review», издававшийся на английском, немецком и французском языках⁹¹. А еще месяц спустя, в марте, в Риге прошла но-

вая конференция министров иностранных дел, на которую прибыли также представители Литвы — министр иностранных дел Урбшис и главнокомандующий литовской армией генерал Раштикис. В ходе нее фактически оформился военный союз Эстонии, Латвии и Литвы против СССР. Впоследствии командующий литовской армии генерал Стасис Раштикис признавал, что в 1940 году генеральные штабы армий прибалтийских государств разрабатывали оперативные планы на случай совместных военных действий против Советского Союза⁹².

В эстонских правительственных кругах выдвигалась идея объединения не только армий, но и самих прибалтийских государств в одну «прибалтийскую державу». 15 апреля 1940 года председатель торгово-промышленной палаты Эстонии Иоаким Пухк выступил с речью, в которой заявил: «Жизнь показывает, что установление контактов лишь посредством конференций и проявления инициативы по отдельным вопросам никогда не приведут к цели. Объединение в едином государстве устранил препятствия в экономической деятельности и раздробленность в производстве... Какой эффект это даст в обеспечении нашей безопасности, само по себе понятно каждому»⁹³.

Однако было очевидно, что даже в случае заключения союза трех прибалтийских государств против СССР, их армии едва ли смогли бы долго противостоять Красной Армии, хотя поражение Советского Союза в Финской войне и внушало какие-то надежды. Командования и правительства Эстонии, Латвии и Литвы это прекрасно осознавали, поэтому по-прежнему уповали на помощь Германии и на «большую войну».

Литовский диктатор Антанас Сметона дважды — в ноябре 1939 и в конце февраля 1940 года — направлял в Берлин директора департамента государственной безопасности МВД Литвы А. Повилайтиса с секретной миссией. Последний должен был добиться согласия Германии установить протекторат над Литвой или взять ее под свою защиту (как в годы Первой мировой войны). Правительство рейха обещало сделать это осенью 1940 года, после завершения военных операций на Западе⁹⁴. И действительно, еще 25 октября 1939 года (то есть до того, как Гитлер решил

«уступить» Литву Сталину), Верховное командование вермахта приняло директиву № 4, в которой речь шла о том, чтобы «держат в Восточной Пруссии наготове силы, достаточные для того, чтобы быстро захватить Литву, даже в случае ее вооруженного сопротивления»⁹⁵. Так что договор о взаимопомощи с СССР в какой-то мере даже спас суверенитет Литвы, хотя и ненадолго... Но, очевидно, суверенитет заботил литовское правительство Сметоны гораздо меньше, чем сохранение собственной власти.

Тогда же, в ноябре 1939 года, с аналогичной просьбой об установлении германского протектората в Берлин ездил эмиссар эстонского правительства⁹⁶. В мае 1940 года в Эстонии с «ответным» визитом побывал высокопоставленный офицер абвера д-р Клее. Очевидно, целью его поездки было удостовериться, насколько эстонские вооруженные силы готовы к возможной войне против СССР в союзе с Германией. Через барона Андрея Юкскуля у правительства Эстонии была срочно затребована виза для д-ра Клее, имевшего «важное поручение от генерала Кейтеля, главнокомандующего германской армией, об установлении связи с германским правительством». Виза была выдана немедленно, и Клее вскоре прибыл в Таллин.

«Клее дал понять, — свидетельствовал впоследствии начальник политической полиции Эстонии Сооман, — что поскольку он послан генералом Кейтелем, то мы должны устроить ему встречу с Юримаа, министром внутренних дел...» Встреча состоялась в тот же день. По словам Соомана, «Клее заявил, что Германия скоро начнет войну с Советским Союзом, о чем Гитлер неоднократно заявляет в партийных и военных кругах». Правительствам прибалтийских стран была дана рекомендация готовиться к скорой войне.

Последняя попытка установить в Эстонии германский протекторат была предпринята Пятсом в июне 1940 года. На этот раз в Берлин с этой просьбой был послан не кто иной, как доктор Хялмар Мяз, один из бывших лидеров партии «вапсов» и будущий глава Эстонского самоуправления в период немецко-фашистской оккупации. Уже будучи главой эстонских коллаборационистов, Мяз признал как-то в одном из своих выступлений, в газете «Linna

Teataja» 21 октября 1941 года: «26 июня прошлого года меня вызвал к себе Константин Пяте и сделал предложение поехать в Германию и просить у правительства германского государства помощи, чтобы спасти то, что еще возможно. Но было уже поздно, и поэтому я не смог ничего сделать»⁹⁷. Этим планам помешали события июня 1940 года в республиках Прибалтики.

СОВЕТСКИЙ УЛЬТИМАТУМ

По советским данным, решающим шагом в подготовке к будущей войне на стороне Германии против Советского Союза должна была стать так называемая «Прибалтийская конференция». Предполагалось провести серию совещаний между представителями Эстонии, Латвии и Литвы и заключить новое соглашение в развитие идей «Балтийской Антанты». Конференция открылась 15 июня 1940 года в Таллине под видом «Балтийской недели»⁹⁸.

На следующий день после ее открытия правительство СССР вручило представителям Эстонии, Латвии и Литвы ноты протеста. Оно потребовало формирования новых правительств, способных честно выполнять условия пакта о взаимопомощи с СССР, а также ввода на территорию Прибалтики дополнительных контингентов РККА. Одновременно Москва предоставила «карт-бланш» прибалтийским коммунистам и просоветски настроенным силам, которые Молотов до последнего времени старался сдерживать.

В Вильнюсе, Каунасе, Шяуляе еще накануне прошли демонстрации протеста против режима Антанаса Сметоны, в которых приняли участие несколько тысяч человек. Сметона и многие члены правительства в тот же день предпочли бежать за границу. На следующий день в Литве вновь прошли митинги и манифестации с требованиями сформировать народное демократическое правительство. Оно было сформировано 17 июня; по предложению ЦК Компартии Литвы его возглавил известный антифашистский деятель Ю. Палецкис.

Иной была реакция латвийского правительства Ульманиса, которое 17 июня ввело в стране военное положение. В Риге в тот же день прошла антиправительственная демонстрация, которая

была жестоко подавлена полицией с помощью оружия. В помощь полицейским были вызваны части латвийской армии и айзсарги. Вечером того же дня Ульманис пришел к выводу о необходимости пойти на уступки, изменив состав правительства. Но это не спасло положение. 20 июня вместо него было сформировано про-советское правительство во главе с профессором А.М. Кирхенштейном. 20 и 21 июня по улицам Риги прошли демонстрации, в которых приняли участие около 70 тысяч человек, в поддержку нового правительства и с требованием освободить из тюрем политических заключенных, брошенных туда в период правления Ульманиса, что и было сделано в тот же день. Тогда же прошли митинги и манифестации в Лиепае, Резекне, Даугавпилсе и других городах.

Эстонское правительство также получило советскую ноту 16 июня 1940 года, а на следующий день на территорию страны вступили советские войска. Тем временем еще в апреле 1940 года в Таллине прошла подпольная конференция эстонской компартии, на которой было принято решение о подготовке к выступлению против существующего строя. Для руководства выступлением был создан партийный центр во главе с И. Лауристином. В июне 1940 года на многих предприятиях Эстонии состоялись собрания рабочих, а 21 июня в Таллине, Тарту, Нарве, Кохтла-Ярве, Кивиыли и других городах прошли демонстрации с требованием создания демократического правительства. В Таллине в 9 часов утра началась всеобщая стачка. Демонстранты направились к дворцу Кадриорг, где находилась резиденция президента Пятса, и передали ему свои требования. Пятс отказался их удовлетворить. Однако в это же самое время демонстранты захватили Батарейную тюрьму, освободили политических заключенных, а затем заняли резиденцию правительства — дворец Тоомпеа. Правительство Улуотса было вынуждено подать в отставку. Полиция не решилась помешать им. В тот же день было сформировано новое правительство во главе с известным общественным деятелем И. Варесом.

14—15 июля 1940 года в республиках Прибалтики одновременно прошли выборы в высшие законодательные органы власти (в Государственную думу Эстонии и в сеймы Латвии и Литвы) на

основе всеобщего тайного голосования. В Эстонии для участия в выборах по инициативе компартии был создан «Союз трудового народа Эстонии», который в итоге набрал 92,8 % голосов избирателей (всего в выборах приняли участие 84 % избирателей). В Латвии в ходе выборов победу одержал «Блок трудового народа Латвии» — его кандидаты получили 97,6 % голосов избирателей. Националисты пытались выдвинуть свой список кандидатов от имени «демократических латышских избирателей», но, как выяснилось, за этой акцией стояла лишь группировка во главе с генералом Балодисом, бывшим военным министром Латвии. 21—22 июля 1940 года на сессиях вновь избранных парламентов Эстонии, Латвии и Литвы депутаты приняли решения об установлении в республиках советской власти и обратились с просьбами к Верховному Совету СССР о включении их в состав Советского Союза. На очередной своей сессии Верховный Совет принял Эстонию, Латвию и Литву в состав СССР в качестве равноправных союзных республик.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О НАЦИОНАЛИЗМЕ И ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМЕ

Вопрос о законности или незаконности выборов июля 1940 года в республиках Прибалтики и их вхождения в состав СССР до сих пор является спорным. Итоги голосования в республиках Прибалтики при выборах новых законодательных органов, действительно, наводят на мысль о фальсификации. Однако нельзя отрицать и того, что в Прибалтике было значительное число тех, кто был недоволен существующим строем и приветствовал присоединение к Советскому Союзу. Об этом говорит хотя бы количество тех эстонцев, латышей и литовцев, которые в последующие годы, с началом Великой Отечественной войны, сражались на стороне СССР. Эти цифры есть в любой справочной литературе по этому вопросу.

Современный историк из Эстонии Пеэтер Варес в своей книге дает такую оценку событиям 1940 года: «Новое правительство Эстонии было навязано эстонскому народу. Формирование пра-

вительства произошло в обход предусмотренной эстонским законодательством процедуры переговоров... Уличные демонстрации, начиная с 21 июня, были организованы под руководством сотрудников НКВД и при участии советских военнослужащих... Созданию просоветского законодательного органа была придана видимость законности, однако условия объявления, подготовки и проведения выборов в Государственную думу Эстонии 14—15 июля являлись нарушением действовавшего Основного закона и закона о выборах Эстонии и циничным посягательством на демократические основы выборов, так, были втрое сокращены сроки избирательной кампании, отменена судебная правозащита, с помощью подлога, шантажа и угроз устранены неудобные кандидаты, избирательные участки патрулировали военнослужащие советской армии, избирательные инструкции были нарушены и итоги выборов фальсифицированы. Таким образом, решение об изменении государственного строя, принятое пришедшими в Думу представителями Союза трудового народа Эстонии 21 июля 1940 года, не входило в их полномочия и противоречило принципу свободного волеизъявления всего народа Эстонии. С точки зрения законодательства Эстонской республики и международного права, результаты любой деятельности противоправно сформированной Государственной думы, в том числе и изменение государственного строя и присоединение Эстонии к Советскому Союзу, несостоятельны сами по себе»⁹⁹.

Но разве сами же правительства Эстонии, Латвии и Литвы не нарушали все принципы демократии и избирательного права в своих странах — лишая права голоса целые социальные слои населения, отклоняя избирательные списки от профсоюзов, левых партий и прочих оппозиционных движений, устраняя или запугивая неудобных общественных деятелей, запрещая целые организации, фальсифицируя результаты выборов? Разве не являлись их действия, говоря теми же словами, «циничным посягательством на демократические основы выборов»? И разве сами правительства Пятса, Ульманиса и Сметоны не были диктаторскими режимами, пришедшими к власти в результате военных переворотов? Наконец, само законодательство этих республик предполагало

вполне открытое нарушение демократических прав населения. Примером тому может служить Конституция Эстонии 1920 года, ограничивавшая свободу слова, печати, собраний, участия в организациях, свободу совести, избирательное право целых групп населения, а также права национальных меньшинств. И все это называлось «демократией»!

Но если понимать демократию *формально*, как это делает Пезтер Варес, то есть как набор определенных государственных институтов и демагогически провозглашенных прав, которые по сути никто не гарантирует, тогда следует признать, что вхождение республик Прибалтики также *формально* не нарушало международно-правовых норм. Ибо если с формальной точки зрения режимы Пятса, Ульманиса и Сметоны можно назвать «демократическими республиками» (да и то с огромной натяжкой!), то выборы, проведенные в республиках Прибалтики в июле 1940 года, с формальной стороны опять же были проведены почти безупречно. Принятое новыми законодательными органами решение о вхождении в состав СССР являлось добровольным и, следовательно, с формальной точки зрения было тем более законным.

История знает множество примеров, когда захват чужих территорий и целых государств осуществлялся без учета воли народа и даже без подобных формальностей — просто по праву сильного. Такие факты можно наблюдать и по сей день, причем западные «защитники прав человека» не протестовали против этого, когда в роли агрессора выступало их собственное правительство или их союзники. И это неудивительно. Большинство «демократических», «цивилизованных» стран по-прежнему владеет колониями и прочими зависимыми территориями, которые формально получили суверенитет, но фактически находятся в полной экономической зависимости от бывших метрополий. Среди этих «цивилизованных» и «демократических» государств, построивших свое относительное благосостояние на эксплуатации колоний и экономически зависимых стран, по сей день в ходу такие термины, как «сфера жизненных интересов», «разграничение сфер влияния» и т.п.

Зато термин «право наций на самоопределение», впервые выдвинутый большевиками, в их политическом лексиконе прижился

сравнительно недавно — когда обладание колониями с политической и экономической стороны стало невыгодным, и на смену колониальной (политической) зависимости пришла неоколониальная (экономическая) зависимость. Тем более что последняя формально не ущемляет право наций на самоопределение...

Таким образом, заключив в 1939 году пакт о разграничении «сфер интересов» с Германией, Сталин просто-напросто позаимствовал методы у «западных демократий» и у того же Гитлера (кстати, между последними гораздо больше общего, чем, например, между гитлеровской Германией и Советской Россией). Как говорится, «вор у вора дубинку украл»... Именно поэтому любая критика действий Советского Союза в отношении Прибалтики в 1940 году с точки зрения принципов «западной демократии» разбивается в щепки, так как противоречит сама себе (особенно это касается трудов бывших агентов абвера в Прибалтике Бориса Мейснера¹⁰⁰ и Георга фон Рауха, которые после войны занялись изучением «советской оккупации» Прибалтики¹⁰¹). Разве не противоречие, к примеру, защищать «демократическое» правительство Чемберлена, пожертвовавшее правами граждан Чехословакии в 1938 году (не говоря уже о праве на самоопределение британских колоний), или режимы Пятса, Ульманиса или Сметоны, нарушавшие права как национальных меньшинств, так и своих собственных народов, и в то же время осуждать не менее «демократические» выборы в республиках Прибалтики в июле 1940 года?

Присоединение республик Прибалтики к Советскому Союзу можно признать фактическим нарушением права наций на самоопределение лишь с точки зрения принципов интернационализма, которые были сформулированы еще Лениным. «...Необходимо отличать, — подчеркивал он, — национализм нации угнетающей и национализм нации угнетенной, национализм большой нации и национализм нации маленькой... Поэтому интернационализм со стороны угнетающей или так называемой «великой» нации (хотя великой только своими насилиями, великой только так, как велик держиморда) должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большой, то неравен-

ство, которое складывается в жизни фактически... Ни к чему так не чутки «обиженные» националы, как к чувству равенства и к нарушению этого равенства, хотя бы даже по небрежности... Вот почему в данном случае лучше пересолить в сторону уступчивости и мягкости, чем недосолить...»¹⁰² «При таких условиях очень естественно, — пишет Ленин далее, — что «свобода выхода из союза», которой мы оправдываем себя, окажется пустою бумажкою, неспособной защитить российских инородцев от нашествия того истинно русского человека, великоросса-шовиниста, в сущности, подлеца и насильника, каким является типичный русский бюрократ. Нет сомнения, что ничтожный процент советских и советизированных рабочих будет тонуть в этом море шовинистической великорусской швали как муха в молоке. ...Тут встает уже важный принципиальный вопрос: как понимать интернационализм?»¹⁰³

Эти слова Ленин адресовал когда-то именно Сталину, и даже в 1940 или в 1945 году они могли бы служить предостережением в вопросе отношений с Прибалтикой. Следует признать, что не только в 1920-м, но и в 1940-х годах под лозунгами интернационализма сталинское руководство часто проводило великодержавную политику, хотя и не ради экономической эксплуатации других народов, как Гитлер или пресловутые английская и французская «демократии», а прежде всего ради обеспечения безопасности собственной страны. Если западные политики создавали «санитарный кордон» вокруг СССР, опасаясь не столько военной агрессии, сколько «коммунистической заразы», то в Советском Союзе были не меньше заинтересованы в создании такого кордона, опасаясь новой вооруженной интервенции.

Единственным оправданием действий Советского Союза могут служить интересы его безопасности накануне мировой войны. И это признают даже на Западе. Известный английский историк и специалист по международным отношениям А. Тойнби еще в 1934 году отмечал, что в будущей войне Прибалтика будет либо отдушиной в блокаде Советского Союза, либо — что более вероятно — воротами для вторжения на территорию СССР, если прибалтийские страны будут захвачены нападающей державой. В роли последней, как предполагал Тойнби, скорее всего, высту-

пит Германия¹⁰⁴. Его мнение подтверждает и израильский историк Г. Городецкий. «Оккупация балтийских государств, — пишет он, — удлинила общую границу с Германией и теоретически усложнила ее защиту. Однако эта акция покончила с проблемами, проистекавшими из исчезновения буферной зоны, которая ранее отвечала потребностям обороны Советского Союза. Стратегическое положение России явно улучшилось за счет того, что не был создан «балтийский плацдарм», который мог бы служить базой для нападения на Ленинград или Минск, как это имело место во время гражданской войны. ...Разумеется, оккупация Прибалтики может и должна быть осуждена по моральным соображениям, но она была вызвана угрозой, нависшей над Советским Союзом»¹⁰⁵.

Даже Уинстон Черчилль признавал, что присоединение Прибалтики было вынужденной мерой. «В пользу Советов нужно сказать, — пишет он, — что Советскому Союзу было жизненно необходимо отодвинуть как можно дальше на запад исходные позиции германских армий, с тем чтобы русские получили время и могли собрать силы со всех концов своей колоссальной империи. В умах русских каленым железом запечатлелись катастрофы, которые потерпели их армии в 1914 году, когда они бросились в наступление на немцев, еще не закончив мобилизации. А теперь их границы были значительно восточнее, чем во время Первой мировой войны. Им нужно было силой или обманом оккупировать прибалтийские государства и большую часть Польши, прежде чем на них нападут. Если их политика и была холодно расчетливой, то она была также в тот момент в высшей степени реалистичной»¹⁰⁶.

И наконец, следует привести слова некоторых государственных деятелей прибалтийских государств — бывшего министра иностранных дел Литвы Юозаса Урбшиса и бывшего статс-секретаря МИД Латвии Артура Стегманиса. Через много лет после окончания войны известный советский историк Лев Безыменский задал им один и тот же вопрос: «Как Вы считаете, в случае отсутствия пакта о ненападении между Германией и Советским Союзом, Гитлер напал бы на прибалтийские республики?»

«Да, пожалуй, они двинулись бы на нас, — признал Урбшис, — Или, может быть, решили бы немного подождать, сделать

паузу и захватить наши республики, когда пошли бы на Советский Союз. Но если учесть, что тогда немцы находились в состоянии полного опьянения своими успехами, можно полагать, что они не стали бы дожидаться...»

Бывший латвийский дипломат Артур Стегманис ответил на тот же вопрос еще более категорично: «У меня нет никакого сомнения, что Гитлер немедленно захватил бы все прибалтийские республики. Могут возразить, что существовал пакт между Германией и Латвией, между Германией и Эстонией о ненападении. Но разве для Гитлера пакты что-либо значили?»¹⁰⁷

Говорят, история не знает сослагательного наклонения. Но с другой стороны, на ошибках прошлого учатся для того, чтобы не совершать их в будущем. Если бы прибалтийские республики согласились на участие в «Восточном пакте», если бы их правительства не действовали по указке германских спецслужб и не нарушили договоры о взаимопомощи с Советским Союзом, то, возможно, не было бы ни пакта Молотова — Риббентропа, ни ввода войск на территорию республик Прибалтики, ни их включения в состав СССР в 1940 году.

Глава III

РЕЙХСКОМИССАРИАТ «ОСТЛАНД»: АНАТОМИЯ ОККУПАЦИИ

РЕСПУБЛИКИ ПРИБАЛТИКИ: МЕСТО В РАСОВОЙ ШКАЛЕ НАЦИСТОВ И В «НОВОЙ ЕВРОПЕ» ГИТЛЕРА

Главным принципом оккупационной политики гитлеровской Германии был принцип «Разделяй и властвуй». Он был хорошо знаком уже самим нацистам по колониальной политике европейских государств, проводившейся еще задолго до появления нацизма. «Восточные пространства станут для нас тем, чем была для Англии Индия», — говорил Адольф Гитлер в одной из своих бесед «в узком кругу», 10 сентября 1941 года¹. Тем не менее оккупационная политика Третьего рейха была несколько иным явлением, нежели, например, колониальная политика Великобритании в Индии.

Прежде всего сам национал-социализм был принципиально новым в истории явлением, хотя и имел некоторые общие черты с колониализмом XVIII, XIX и первой половины XX веков. «Колонии — весьма сомнительное приобретение, — заявлял Гитлер, имея в виду заморские территории. — На здешней земле мы чувствуем себя гораздо увереннее. Европа — это не географическое понятие. Это проблема кровной близости»².

Под «кровной близостью» Гитлер понимал родство между *отдельными* представителями *отдельных* европейских наций, со-

хранивших «германские корни». Имперское ведомство по выяснению родства (при НСДАП), Главное управление СС по делам рас и поселений, рейхскомиссариат по делам укрепления германской нации, в которых работали нацистские «расоведы», выстраивали все народы в своеобразный реестр, в иерархическом порядке по принципу «чистоты германской крови». Составлялись даже расовые таблицы и система очков для определения чистоты нордической расы³.

В результате этих разработок народы Европы образовывали примерно следующую шкалу по принципу «расовой чистоты»:

- 1) немцы, как единственная «арийская раса господ»;
- 2) народы родственной «германской крови», к которым относились норвежцы, шведы, датчане;
- 3) голландцы и фламандцы;
- 4) швейцарцы, валлоны и французы (частично);
- 5) романские народы, славяне (некоторый процент) и т.д.

Нацистские «расоведы» вычисляли не только процент «расово полноценных» людей в рамках каждой нации, но и процент «германской крови» для каждого ее представителя. Например, даже немцы для зачисления в ряды СС или в случае отсутствия «расового паспорта» (документального подтверждения, что их предки на столько-то поколений назад были чистокровными немцами) были обязаны проходить расовую проверку. Первоначально вступить в ряды СС могли далеко не все немцы, а только с «образцовой чистотой крови». Шведы, норвежцы, датчане в расовом отношении считались даже чище некоторых немцев, поскольку как скандинавы — потомки викингов — «не успели смешаться с низшими расами» (особенно евреями), в отличие от жителей континента. Рейхскомиссар Норвегии Йозеф Тербовен, к примеру, считал, что легче «объединить воедино норвежцев и немцев, чем баварцев и пруссаков»⁴.

Фламандцы и голландцы образовывали чуть более низшую ступень, хотя также относились к «германским народам». По словам одного из секретарей ставки фюрера, Генри Пикера, Гитлер так отзывался о фламандцах: «Фламандцы настроены гораздо более дружелюбно по отношению к немцам, и гораздо более самоот-

верженны, чем сражающиеся на Восточном фронте легионеры из Нидерландов. Несомненно, это объясняется тем, что фламандцы веками испытывали гнет со стороны валлонов, которые всячески притесняли их»⁵. Что же касается голландцев, то рейхскомиссар Нидерландов Артур Зейсс-Инкварт в одном из своих выступлений назвал Голландию страной, населенной полностью германскими народами, готовыми к тесному сотрудничеству с Германией⁶.

Романские народы стояли в этой шкале на несколько ступенек ниже. «Швейцарцы будут у нас трактирщиками, не более», — заявлял сам Гитлер⁷, видимо, имея в виду то, что население Швейцарии (даже по языковому признаку) слишком смешанное — помимо немцев, там проживают французы, итальянцы и остатки более древних народов, говорящих на ретороманском языке. Примерно к той же категории впоследствии отнесли валлонов и часть французов (население Северной Франции — бретонцев, нормандцев и др.), признав их «родственными германскими народами» лишь к концу войны. Вообще, французов, а следовательно и валлонов (бельгийцев французского происхождения), говорящих на диалекте французского языка, Гитлер считал расово неполноценным народом, имевшим слишком большой процент... негритянской крови! Это не помешало тому, что лидер валлонских националистов (Рексистской партии) Леон Дегрелль — чрезвычайно примечательная фигура — стал фаворитом Гитлера, дослужился до генеральского чина в войсках СС, будучи командиром Валлонского легиона СС, а затем — добровольческой дивизии СС «Валлония». Гитлеру даже приписывают слова, сказанные якобы в адрес Дегрелля: «Если бы у меня был сын, я бы хотел, чтобы он был похож на него».

Славяне, по мнению Гитлера, имели столь же большой процент «монгольской крови», как французы — «негритянской». Относительно славян фюрер заявлял, что «невозможно говорить о способности к онемечиванию славян в целом, ибо само понятие «славяне» широко пропагандировалось царской Россией в рамках проводимой ею политики панславизма в качестве общего наименования для совершенно разных народов...» «К примеру, — разглагольствовал далее Гитлер, — глупо и нелепо называть болгар

славянами, ибо они по происхождению туркмены. И чехи — никакие не славяне. Чеху достаточно хоть раз не подстричь усы, и по тому, как они будут расти книзу, сразу можно будет распознать выходца из монголоидного племени. У так называемых южных славян сплошь и рядом отчетливо чувствуется примесь динарской крови. Поэтому с расовой точки зрения онемечивание хорватов можно было бы только приветствовать, но это... неприемлемо по политическим мотивам»⁸ (так называемая динарская раса занимала 5-е место в 6-балльной шкале рас, более или менее приемлемых для германизации, по мнению германских расоведов⁹) Ниже славян в расовой шкале стояли лишь евреи.

О том, как именно можно использовать национальные устремления мелких народов в целях германской политики «разделяй и властвуй», подробно говорится в документе под названием «Соображения рейхсфюрера СС Гиммлера об обращении с местным населением восточных областей»¹⁰ (еще от 28 мая 1940 года!). В нем Гиммлер перечисляет целый ряд мелких народов Восточной Европы, на сепаратистских настроениях которых можно сыграть. Это — гораки (этническая группа чехов), кашубы (западнославянская народность, проживающая в Польше, к западу от течения Вислы), лемки (этническая группа западных украинцев), западные пруссы (группа балтийских племен, некогда населявшая южное побережье Балтийского моря, между устьями Немана и Вислы) и т.д. «...Мы заинтересованы в том, — откровенно признавал Гиммлер, — чтобы ни в коем случае не объединить народы восточных областей, а наоборот, дробить их на возможно более мелкие ветви и группы. Что же касается отдельных народностей, мы не намерены стремиться к их сплочению... тем более к постепенному привитию им национального сознания и национальной культуры...»¹¹

В соответствии со своим местом в шкале «расовой полноценности», каждый народ должен был исполнять определенные функции в «Новой Европе» Гитлера — наемного солдата, надсмотрщика, лакея, чернорабочего и т.д. Это должно было превратить народы Европы в обособленные «касты» на манер тех, что существовали в средневековой Индии. В известном документе,

озаглавленном «Замечания и предложения по генеральному плану «Ост» от 27 апреля 1942 года, говорилось, что «...неприятные для русского населения мероприятия будет проводить, например, не немец, а используемый для этого немецкой администрацией латыш или литовец... Представителям этой прослойки следует прививать чувство и сознание того, что они представляют собой нечто особенное по сравнению с русскими»¹².

Преданность немецким хозяевам должна была стать единственным способом перейти из низшей касты в более высокую. Подобный «прогерманский национализм» намеренно культивировался по двум причинам. Во-первых, поскольку позволял привлечь на сторону оккупационных властей достаточное число коллаборационистов — взамен на признание их «большей расовой чистоты» по сравнению с другими народами. В таком случае пределом мечтаний каждого народа и каждого человека в отдельности было приблизиться как можно ближе к «расе господ», подняться чуть выше по «расовой шкале». А германские оккупационные власти умели ценить лояльность и послушание, которые всегда могли компенсировать «расовую неполноценность» (примером тому могут служить, например, валлоны и командир Валлонского легиона Леон Дегрелль, или те же эстонцы и латыши).

Во-вторых, эта политика способствовала разделению целых народов на мелкие национальные, точнее даже — этнические, группы и тем самым уничтожала их национальное самосознание. Так, польский народ можно было разделить на кашубов, лемков, этнических украинцев, этнических немцев, пригодных к германизации поляков и поляков, непригодных для германизации. Латышей — разделить на земгальцев, курземцев (курляндцев), латгальцев... И так далее. Причем это дробление происходило по иерархическому признаку, с градацией «по чистоте крови», и каждый должен был стремиться попасть в более «полноценную расовую группу», тем более что от этого зависело и социальное положение, и благосостояние, а иногда — само выживание. Характерно, что призывы к населению (о вербовке на работу в Германию, в Имперскую службу трудовой повинности, части СС и местной полиции) обычно адресовались не латышскому, эстонскому, литовскому, бе-

лорусскому или любому другому народу, а чаще — земгальцам, латгальцам, лифляндцам, курляндцам (в Латвии), жемайтийцам или, например, русским старообрядцам (в Литве) и т.д.

Спрашивается, какое национальное самосознание или стремление к независимости могут быть у кашуба или земгальца? Они могут лишь кичиться друг перед другом своей относительной «расовой чистотой», процентом «германской крови». Их стремление к независимости должно было ограничиваться некоторой автономией в рамках рейха, причем такой сепаратизм был даже выгоден немецким хозяевам — ведь удобнее иметь дело с кучкой марионеточных, но формально независимых государств, чем с одним насильственно поработанным, но морально сплоченным народом.

* * *

У некоторых может возникнуть вопрос: какая связь между проблемой коллаборационизма и национально-освободительного движения, с одной стороны, и бредовыми расовыми теориями нацистов, с другой?

Все разработки гитлеровских расоведов имели практическое применение, а именно: «научно» обосновать переселение, онемечивание или уничтожение того или иного народа. Таким образом, расовая теория во многом определяла будущее народов Европы, а следовательно — и их будущий государственный статус. Останутся ли они единой нацией или будут раздроблены на множество мелких этнических групп, получают ли те или иные народы автономию, формальную независимость, статус протектората или зависимой территории (рейхскомиссариата), будут ли их территории включены в состав рейха, а сами они онемечены, выселены, или уничтожены — решение всех этих вопросов оправдывалось с помощью расовой теории.

Относительно «расовой чистоты» населения Прибалтики, а следовательно и будущего статуса республик Эстонии, Латвии и Литвы в составе рейха, существовали разные мнения. Согласно терминологии нацистских расоведов, население Прибалтики относилось к «восточно-балтийскому типу» (3-е место в шкале рас, более или менее пригодных для германизации)¹³ — обладавшему

светлыми волосами и голубыми глазами, но не особенно чистому в расовом отношении и нестойкому морально.

Вместе с тем в большинстве немецких документов отмечалась возможность германизации Прибалтики. Однако это вовсе не означало полной германизации ее населения. Как отмечалось в статье рейхсфюрера СС Гимmlера «Германизировать ли?» от 20 августа 1942 года¹⁴, германизации подлежало *не столько население, сколько территория*. «Наша задача, — говорилось в статье, — не германизация Востока в старом смысле слова, не обучение местного населения немецкому языку и немецким законам. Наша задача — обеспечить, чтобы на Востоке жили только люди действительно немецкой, германской крови...»¹⁵

Подобного же содержания меморандум был направлен в германский МИД в начале июля 1941 года (озаглавленный «Различные предложения и соображения относительно организации оккупации восточных областей»). Его автором был Вернер Хассельблатт, известный «защитник прав германских меньшинств», уроженец Эстонии, немец по национальности. В 1908—1912 годах он изучал право в университете в Тарту; в 1923—1932 годах являлся депутатом парламента Эстонии и председателем германо-шведской фракции; в 1931 году уехал в Германию в качестве юридического советника «Союза в защиту интересов германских национальных групп в Европе»¹⁶. В меморандуме говорилось: «Мы должны в общих чертах определить, какую территорию следует германизировать, то есть заселить немецким населением, и какие народы или группы людей будут намечены для онемечивания, каким областям или народам мы дадим немецкий господский высший класс или немецкий административный аппарат для осуществления власти рейха»¹⁷. Предложения Хассельблатта во многом совпадали с мнением руководства рейха, о чем свидетельствовал документ под названием «Принципы обращения с латышами». «Прибалтийские земли будут онемечиваться, — говорилось в нем, — из чего следует, что живущие здесь народы частично подлежат ассимиляции, частично выселению»¹⁸. Расхождения касались лишь того, какой именно процент эстонцев, латышей и литовцев подлежит онемечива-

нию, а какой — выселению, уничтожению или использованию в качестве рабочей силы на прежней территории.

Согласно разработкам Розенберга и руководимого им «Министерства по делам оккупированных восточных территорий», эстонцы годились для онемечивания, поскольку якобы «на 50 % уже были сильно германизированы за счет датской, немецкой и шведской крови». Их можно было даже считать родственным («германским») народом. Латыши и литовцы, по его мнению, имели значительно меньший процент населения, пригодного для ассимиляции. Следовало также учесть, что интеллигенция, особенно латышская, должна быть немедленно после оккупации депортирована в «исконно русские области»¹⁹.

По мнению другого «специалиста» — рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера, «...только ничтожная часть латышей, эстонцев и литовцев является достойной стать германскими гражданами». Согласно показаниям высшего фюрера СС и полиции в Прибалтике Фридриха Йекельна, «Гиммлер хотел в течение ближайших 5 лет уничтожить и выселить большую часть населения Прибалтики, и на его место поселить немцев». «Напутствуя меня, — сообщил Йекельн, — Гиммлер говорил буквально следующее: «Остланд», то есть Литва, Латвия и Эстония, являются древними областями поселения немцев». По свидетельству Йекельна, «Гиммлер особо подчеркивал свою ненависть к литовцам, считая их низшей расой. О латышах он отзывался несколько мягче, но и к ним высказывал свое пренебрежение...» Он считал возможным онемечивание латышей максимум на 30 %. «Эстонцев Гиммлер также относил к низшей расе, — сообщает далее Йекельн, — особенно проживающих в сторону Балтийского моря. Белорусов Гиммлер называл недочеловеками. А о русских вообще говорил, что это якобы отсталая, некультурная, не способная руководить государством нация»²⁰.

Основополагающим документом в этом вопросе стал уже упомянутый документ «Замечания и предложения по генеральному плану «Ост» от 27 апреля 1942 года за подписью д-ра Ветцеля (начальник особого реферата по расовой политике в Министерстве по делам восточных оккупированных территорий)²¹. Документ

был составлен в Министерстве по делам восточных оккупированных территорий (для краткости его называли «Восточным министерством») на основе предложений рейхсфюрера СС Гимmlера и его представителя, сотрудника Главного управления имперской безопасности штандартенфюрера СС Элиха. Со стороны Восточного министерства в разработке плана также приняли участие «расоведы» — профессора Абель и Фишер.

Относительно народов Прибалтики в этом документе говорилось следующее: «Независимо от предложенного здесь более или менее добровольного переселения нежелательных в расовом отношении жителей из бывших прибалтийских государств на Восток, следовало бы также допустить возможность их переселения в другие страны. Что касается литовцев, чьи общие расовые данные значительно хуже, чем у эстонцев и латышей, и среди которых поэтому имеется очень значительное число нежелательных в расовом отношении людей, то следовало бы подумать о предоставлении им пригодной для колонизации территории на Востоке...» Для белорусов предполагались следующие цифры: 25 % населения подлежали онемечиванию, 75 % — выселению в Сибирь. Для украинцев — выселение в Сибирь около 65 % (отмечалось, что это «значительно ниже, чем процент польского населения, подлежащего выселению»)²².

Сохранился еще один любопытный документ — «Принципы обращения с латышами»²³, в котором подробно говорится о будущем населения Латвии, но во многом он, видимо, был применим ко всей Прибалтике в целом. Он представляет собой характерный пример осуществления политики «разделяй и властвуй» (в рамках одного народа). «Поскольку латышский народ на протяжении веков впитал в себя много германской крови, — говорилось в нем, — его расовую субстанцию в целом следует считать ценной (преимущественно нордической). Однако, — говорилось далее, — национальные устремления латышей нужно поворачивать в сторону безобидной культурной деятельности, и в частности, в сферу народного искусства (песни, национальные костюмы, традиционные праздничные обряды). Их политическую самостоятельность с самого начала следует свести к минимуму. Чтобы компенсиро-

вать неизбежную политическую бесправность латышей, их нужно хорошо обеспечить экономически... В целом они уже довольны, когда могут хорошо жить и пользоваться маленькими культурными свободами».

Немецкие чиновники делали ставку на следующее: «Латыши не способны подчинить свою жизнь другим идеалам, кроме интересов своей выгоды... Используя это качество... мы сможем легко манипулировать ими, сталкивать их друг с другом, препятствуя тем самым их единению. При этом, однако, мы не должны заходить так далеко, чтобы они почувствовали, куда мы клоним. Это сразу же побудит их объединиться со своими недругами против нас. Нужно заставить их поверить, что немцы желают им добра. Они привыкли видеть в немцах представителей порядка... Такое отношение поможет нам удерживать их в послушании... Безоглядная политика «Разделяй и властвуй» поставит их на место...»

Важную роль в германизации латышей (и других народов Прибалтики), по мнению немцев, должна была сыграть «притягательная сила» немецкого народа и стремление латышей (разумеется, расово полноценной и лояльной части латышского народа) влиться в «германскую общность». Пределом мечтаний должно было быть желание — стать немцем. «...Через десяток лет, а возможно, и раньше, — говорилось в документе, — онемечивание латышей уже не будет составлять проблему. Немецкий народ, являющийся господствующей в мире нацией, обладает такой притягательной силой, которая требует лишь отбрасывать непригодный человеческий материал»²⁴.

Хотя данный документ касался одних латышей, прочие сохранившиеся документы свидетельствуют, что в основных чертах он был применим также и к эстонцам, литовцам и некоторым другим народам. Об этом свидетельствуют, например, слова Гитлера на совещании с руководством рейха о целях и задачах войны против Советского Союза (от 16 июля 1941 года): «...Мы должны поступать таким же образом, как в случае с Норвегией, Данией, Голландией и Бельгией. ...В этих случаях мы ведь ничего не говорили о наших намерениях, и мы впредь также будем умными, и не будем этого делать. ...Мы снова будем подчеркивать, что ...были

вынуждены занять район, навести в нем порядок и установить безопасность. ...Не должно быть распознано, что эти меры касаются окончательного урегулирования. Все необходимые меры — расстрелы, выселения и т.п. мы, несмотря на это, осуществляем и можем осуществлять»²⁵.

Относительно будущего статуса Литвы, Латвии и Эстонии в германском руководстве существовали различные мнения. В меморандуме уже упомянутого Хассельблатта, направленном в МИД Германии в начале июля 1941 года, была представлена следующая схема устройства будущей «новой Европы»:

а) Юридически суверенные, но тесно связанные с нами государства, в отношении которых мы не стремимся к онемечиванию земель или народов: Дания, Норвегия, Швеция, Финляндия, Венгрия, Румыния, Болгария.

б) Государства с ограниченной негерманской государственностью: Словакия, Украина, Кавказ (как федеративное государство).

в) Области, где намечается сохранить на длительное время германский общий контроль и германскую администрацию: часть восточных имперских гау, Польша, Белоруссия.

г) Автономные области в составе рейха: Эстония, Латвия — с расширенной на Восток зоной обитания латышей (и эстонцев), Литва в тех же границах.

д) Области, где предполагается надолго сохранить германскую администрацию... Этими областями являются генерал-губернаторство, часть СССР (кроме указанных в пунктах а-г территорий). Далее — внеевропейские колонии²⁶.

Однако Хассельблатт, видимо, не знал, что судьбу восточных оккупированных территорий будут определять не в МИДе, а в Восточном министерстве Розенберга и в различных ведомствах Гимmlера, иначе он адресовал бы его туда. Тем не менее за исключением деталей, он не содержал принципиальных отличий от разработок Гимmlера и Розенберга. По словам высшего фюрера СС и полиции в Прибалтике Фридриха Йекельна, в вопросе о будущем прибалтийских республик общим для всех — Гимmlера, Розенберга, Лозе — было стремление к «уничтожению независимости прибалтийских государств»²⁷.

Согласно записи германского правительственного чиновника Георга Вильгельма Гросскопфа от 4 июня 1941 года, в это время окончательное решение о создании на оккупированных территориях СССР 4 рейхскомиссариатов еще не было принято. Статс-секретарь МИД Штуккарт считал, что следует «предоставить этим государствам некоторую самостоятельность». Рейхсминистр Розенберг намерал включить их в состав рейха. Относительно белорусских областей в документе говорилось, что они «должны быть объединены вместе с балтийскими государствами в один рейхскомиссариат». Высказывалось мнение о создании там «независимого белорусского государства под немецким управлением» (!), причем его граница на востоке должна была быть расширена до Валдайских гор... Также высказывалось мнение, что Западная Украина может образовать «особую административную область», до некоторого времени над всей Украиной предполагалось поставить немецкую администрацию во главе с рейхскомиссаром²⁸. Впоследствии, на совещании руководства рейха 16 июля 1941 года, рейхсмаршал Геринг предлагал [имея в виду предполагаемый рейхскомиссариат «Остланд», включавший и Белоруссию] «присоединить к Восточной Пруссии различные части Прибалтики, например, белостокские леса». (Рейхсмаршал был заядлым охотником!) В ответ Гитлер заметил, что «вся Прибалтика должна стать областью империи»²⁹.

Высокопоставленный чиновник Восточного министерства Петер Клейст³⁰ в своих воспоминаниях, например, пытается представить себя сторонником независимости Литвы, Латвии и Эстонии (правда, не уточняя степень этой «независимости», так как в политике это слово имеет множество оттенков). Однако он ссылается на то, что в Восточном министерстве у многих были иные планы. Так, уроженец Таллина, Лейббрандт (начальник одного из главных отделов министерства), намерал присоединение к рейху этих территорий, «ранее бывших немецкими». В результате, по утверждению Клейста, он «был вынужден подготовить проект постепенной германизации и аншлюса этих земель», но предупредил, что «любая попытка *немедленной* германизации... вызовет подъем национальных чувств у литовцев, латышей и эстонцев»³¹.

В итоге Розенберг отказался от идеи немедленной германизации и дал разрешение на создание так называемых «Советов доверия» во всех трех прибалтийских республиках. Такие советы предполагалось создать при немецких рейхскомиссарах, генеральных комиссарах и окружных комиссарах из «надежных представителей местного населения». Их функции должны были заключаться в том, чтобы «консультировать германские административные органы по вопросам администрации, культуры и хозяйства, поскольку в этих вопросах заинтересовано местное население». Их состав должен был утверждаться рейхсминистром по делам оккупированных восточных территорий, то есть Розенбергом. Также говорилось, что «для «советов доверенных лиц» необходимо создать условия, которые не давали бы оснований упрекать их в том, что они являются платными германскими представителями»³². Таким образом, полномочия местного самоуправления на оккупированных территориях были заранее сведены на нет этими жесткими требованиями.

Для формирования подобных «советов доверенных лиц» Розенберг еще 30 мая 1941 года, за 23 дня до начала операции «Барбаросса», просил шефа абвера адмирала Канариса выделить в распоряжение его министерства надежных людей, которых можно использовать для участия в овладении и управлении восточными землями. О будущем государственно-правовом статусе государств Прибалтики после германского «освобождения» немецким должностным лицам было запрещено давать какие-либо обещания. Тогда же Розенберг в беседе с Канарисом высказал мнение, что Прибалтика должна стать немецким протекторатом с перспективой последующей германизации³³. Однако, хотя «советы доверия» в форме местных органов самоуправления по сути были созданы, П. Клейст пишет, что Гитлер воспротивился этому и издал инструкцию, предписывавшую отказаться от их создания и ввести везде чисто немецкую администрацию³⁴.

20 июня 1941 года Розенберг в своей речи о политических целях Германии в предстоящей войне против СССР³⁵ уже вполне определенно говорил о рейхскомиссариате «Прибалтика» в составе 4 генеральных комиссариатов. Генеральные комиссариаты

должны в свою очередь подразделяться на округа. Граница рейхскомиссариата должна проходить западнее Ленинграда, южнее Гатчины, вдоль озера Ильмень, затем на юг — вплоть до «границы украинского населения». Розенберг считал, что граница должна быть отодвинута еще дальше на восток «с одной стороны, потому, что в этих областях живут остатки древних народностей эстонцев и латышей, и с другой стороны, это будет разумно, так как мы планируем в Западной Прибалтике провести серьезную германизацию и освежение крови»³⁶.

Летом и осенью 1941 года, в надежде на дальнейшее скорое продвижение германских войск, планировалось расширить территорию генеральных комиссариатов Эстонии и Латвии до «исторической границы области германского влияния» — линии Ленинград — Новгород — озеро Ильмень — река Ловать. Таким образом, территория Эстонии и Латвии должна была увеличиться почти в два раза. Эти планы были тесно связаны с проектами германизации Прибалтики и так называемой «Ингерманландии» (Псковская и Новгородская области). Рейхсминистр Розенберг, в первые месяцы войны чувствовавший себя творцом истории и склонный к грандиозным планам, предполагал переименовать расширенную таким образом Эстонию в «Peipusland», а Латвию — в «Dynaaland» (правда, переименование не предполагало значительного изменения в их статусе германских колоний)³⁷. Еще большим фантазером был разве что рейхсфюрер СС Гиммлер, который также мечтал о создании собственного «государства СС» на территории северо-западной Франции под названием «Бургундия». Правда, о подобных планах Гиммлера в отношении Прибалтики неизвестно.

В конечном счете, границы генеральных комиссариатов Эстонии, Латвии и Литвы соответствовали их бывшим государственным границам, за некоторыми исключениями: Эстония получила город Нарву и его окрестности (они оставались в ведении германской военной администрации)³⁸, а Литве в начале 1942 года были переданы 3 уезда, ранее принадлежавшие Белоруссии — Ишмянский, Свирайский и Эйшишкяйский, площадью около 4000 квадратных километров и с населением около 200 000 человек³⁹.

Как следует из всех этих откровений, установление «нового порядка в Европе» вовсе не означало объединения всех европейских государств на борьбу с мифической «большевистской угрозой». «Новая Европа» Гитлера должна была стать ни больше ни меньше как внутренней колонией Германии — территорией, подлежащей заселению, онемечиванию и в конечном счете включению в состав рейха. Объединение действительно осуществлялось против Советского Союза, так как еще в «Майн кампф» «восточные территории» были определены в качестве будущего «жизненного пространства» для немцев. Однако, это объединение мыслилось вокруг Германии и под ее руководством. Какие-либо национальные элементы в нем имели лишь ограниченное право на существование, однако именно они служили инструментом политики «разделяй и властвуй».

Любопытно отметить, что на совещании руководства рейха 16 июля 1941 года сам Гитлер отвергал идею «войны всей Европы» против Советского Союза. «По словам одной бесстыдной газеты из Виши, — возмущенно заявил Гитлер, — война против СССР является войной Европы... Этим высказыванием газета из Виши, очевидно, хочет добиться того, чтобы пользу из этой войны могли извлечь не только немцы, но и все европейские государства». Фюрер заверил, что об этом не может быть и речи, но одновременно предостерег от того, чтобы опровергать этот лозунг открыто. «Теперь является важным, чтобы мы не раскрывали своих целеустановок перед всем миром... Главное, чтобы мы сами знали, чего хотим», — заключил он⁴⁰.

Таким образом, немецкие оккупационные власти и спецслужбы умело использовали как идеи о национальной независимости разных народов, так и идею «Объединенной Европы» в своих целях. Германский фашизм в принципе не допускал даже идеи национально-освободительной борьбы, но успешно сотрудничал с националистами из разных стран. Именно так рождался миф о борьбе коллаборационистов за независимость под знаменами Третьего рейха.

НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИЙ ОККУПАЦИОННЫЙ АППАРАТ В ПРИБАЛТИКЕ

ВОЕННАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ

Сразу после вступления вермахта на территорию СССР в тылу наступающих войск начали создаваться комендатуры и особые штабы для управления «тыловой зоной». Тыловая зона делилась продольно на 1) район боевых действий, 2) тыловой район армий (16-я и 18-я армии), находившийся в ведении соответствующего «командующего тыловым районом армии» (*Befehlshaber des rückwärtigen Armeegebiets*) и 3) тыловой район группы армий «Север» под началом «военного командующего тыловым районом группы армий» (*Militärbefehlshaber des rückwärtigen Heeresgebiets*).

Тыловой район группы армий «Север» после взятия Таллина в сентябре 1941 года занимал всю территорию Эстонии, кроме города Нарвы и соседних с ним сельских районов (последние находились в тыловом районе 18-й армии)⁴¹. Командующим тыловым районом группы армий «Север» (тыловой район 101⁴²) с июня 1941 года являлся генерал пехоты Карл фон Рок⁴³, начальником его штаба — подполковник Арно Кригсхайм, а с начала военных действий штабу группы армий был придан представитель Министерства по делам оккупированных восточных территорий Петер Клейст (июнь — ноябрь 1941 года), одновременно являвшийся в Восточном министерстве начальником Отдела I.2 «Остланд» (*Abteilung I.2 Ostland*) и сотрудником «Бюро Риббентропа». Позднее, по распоряжению генерал-квартирмейстера ОКХ Вагнера, Клейста на посту представителя министерства при штабе группы армий «Север» сменил гауптман Унтерштаб (с конца ноября 1941 года). Представителем Восточного министерства при Главном командовании сухопутных войск (ОКХ) был назначен Отто Бройтигам (одновременно являвшийся в министерстве начальником Общего отдела I.1 (*Abteilung I.1 Allgemein*))⁴⁴.

Формально фон Рок подчинялся командующему группой армий «Север» фон Леебу, но фактически в административных вопросах

он пользовался относительной независимостью, по крайней мере в рамках инструкций, данных ему генерал-квартирмейстером ОКХ Адольфом Вагнером. Территориально с 1 июля 1941 года его полномочия распространялись на все районы юго-западнее линии Лиепая — Шяуляй — Ионава; с середины июля 1941 года — юго-западнее линии Рижская бухта (между Ригой и Пярну) — Цесис — Валмиера — Резекне — Даугавпилс⁴⁵. Но по мере установления немецкой гражданской администрации в Литве, Латвии и Эстонии область его полномочий соответственно сокращалась. В подчинении фон Рока находилось 5 полевых и 17 гарнизонных комендатур (нем.: Feld- und Ortskommandanturen), 689-й батальон полевой жандармерии, 520-я группа тайной полевой полиции, 32-й главный строительный штаб (эквивалентный штабу бригады) с подчиненными ему 32-м, 35-м, 71-м и 519-м пионерными полками особого назначения⁴⁶.

Патрулирование в тыловом районе группы армий «Север» (тыловой район 101) несли германские охранные дивизии вермахта — 207-я, 281-я и 285-я (по штатам они находились в его подчинении до начала войны, 4 марта 1941 года). После начала войны к ним добавилась также 388-я полевая учебная дивизия⁴⁷. Им был придан ряд «охранных батальонов», сформированных уже в России и Прибалтике из местных жителей и военнопленных, в том числе 5 эстонских «охранных батальонов». Летом 1942 года все они были переданы в ведение полицейской администрации и переименованы.

В тыловых районах 16-й и 18-й армий действовали еще по меньшей мере 14 «охранных батальонов» (эстонские, латышские, русские, 1 литовский и 1 карело-финский), несшие службу при германских охранных дивизиях. В октябре 1942 года часть их была переименована в «восточные батальоны» (Ost-Bataillone), другие — переданы под контроль полицейской администрации и одновременно переименованы. Первоначально при 18-й армии действовало 9 таких батальонов: 6 эстонских, 2 русских, 1 карело-финский, 1 русская рота. При 16-й армии было сформировано 6 батальонов — 1 эстонский, 2 латышских, 1 литовский, 2 русских. В 1942—1944 годах все латышские, литовские и эстонские бата-

льоны были переданы в подчинение полиции, а русские «восточные» батальоны в 1943 году были переведены на Западный фронт (главным образом во Францию и в Данию). В подчинении военной администрации также находилось небольшое количество местных рот (Hundertschaften) и батальонов (Abteilungen) «самообороны»; в тыловых районах группы армий «Север» они назывались «местные вооруженные отряды» (Einwohnerkampfverbände)⁴⁸. Они служили источником людских резервов для формирования новых охранных батальонов.

Взгляды временной военной администрации на оккупационную политику в Прибалтике во многом отличались от официального германского курса, который проводили гражданская и полицейская администрации. Согласно заявлению Петера Клейста, генерал фон Рок летом 1941 года называл весь поход на Россию «военным безумием», членов зондеркоманд СС — «головорезами», а Риббентропа — «идиотом». Впрочем, эти взгляды не помешали фон Року впоследствии запятнать себя участием в военных преступлениях. Его начальник штаба, Кригсхайм, в августе 1941 года открыто выражал сомнения в возможности победы Германии над Англией, осуждал массовые казни евреев и считал, что немцам не удастся установить свое господство над восточными народами. За это Кригсхайм был исключен из рядов «Общих СС», а в мае 1942 года вообще уволен из вермахта. По сообщению шефа РСХА Р. Гейдриха, мнение фон Рока и Кригсхайма в большей или меньшей степени разделяли и остальные члены штаба. В соответствии с нацистской терминологией, подобных им представителей старой германской армии называли «ультрареакционерами»⁴⁹.

По мере продвижения линии фронта, тыловая зона отодвигалась на восток и на территории Литвы, Латвии, а затем и Эстонии постепенно вводилось гражданское управление. Однако военная администрация не была полностью упразднена в этих районах — военную власть там представлял командующий вермахта в рейхскомиссариате «Остланд» (Wehrmachtbefehlshaber Ostland), штаб-квартира которого располагалась в Риге⁵⁰. Этот пост был учрежден в июле 1941 года; с самого начала его занимал генерал кавалерии Фридрих Бремер⁵¹. Первоначально в его подчинении находились

4 оберфельдкомендатуры: № 392 — в Минске (охранный район «Белоруссия»), № 394 — в Риге («Латвия»), № 396 — в Каунасе («Литва») и еще одна — в Эстонии, сформированная лишь в декабре 1941 года, когда на значительной части эстонской территории было введено немецкое гражданское управление (предположительно — № 398). Однако никаких воинских частей в его распоряжении не было до 1943 года. Лишь в июне 1943 года он получил LXI резервный корпус в составе 141-й и 151-й учебных дивизий. Позднее, 8 ноября 1943 года, в его подчинение перешел командующий охранными войсками и военный командующий в Белоруссии (Kommandierender General der Sicherungstruppen und Militärbefehlshaber Weissruthenien) со всеми вверенными ему частями — 221-й охранной дивизией, кавалерийским полком «Центр» и венгерским VIII корпусом в составе 4 дивизий. В подчинении командующего силами вермахта в «Остланде» в 1943 году были также сформированы как минимум 4 латышских и 5 литовских строительных батальонов⁵².

ГРАЖДАНСКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ

Специально для управления оккупированными территориями Советского Союза 17 июля 1941 года указом фюрера было создано Министерство по делам оккупированных восточных территорий, которое возглавил рейхслейтер Альфред Розенберг. Оно являлось в некотором роде аналогом британского Министерства по делам Индии, так как Гитлер был давним поклонником английской колониальной политики в этой стране.

В тот же день указом фюрера от 17 июля 1941 года на захваченных землях Прибалтики и Белоруссии был создан так называемый рейхскомиссариат «Остланд» (или сокр: РК «Остланд»). Первоначально он включал в себя территории Литвы, Латвии, Эстонии и Белоруссии, имевших статус генеральных комиссариатов (сокр.: ГК «Литва», «Латвия» и «Эстония»). Белоруссия входила в состав рейхскомиссариата фактически до апреля 1943 года (официально — до апреля 1944 года), когда ее решили передать в непосредственное подчинение имперского министерства по де-

лам оккупированных восточных территорий. Рейхскомиссаром «Остланда» был назначен гаулейтер Лозе, подчинявшийся непосредственно Розенбергу.

Хинрих Лозе родился в городе Мюленбарбен в земле Шлезвиг-Гольштейн 2 сентября 1896 года. Политикой Лозе занялся в начале 1920-х годов, став членом партии «Народный социальный блок». Однако вскоре он перешел в национал-социалистскую партию Гитлера, став одним из первых членов недавно организованного отделения НСДАП у себя на родине, в Шлезвиг-Гольштейне. В 1925 году Лозе стал гаулейтером земли Шлезвиг-Гольштейн⁵³.

В те далекие времена будущий рейхскомиссар был близок к левому крылу НСДАН, которое возглавлял Грегор Штрассер. Последний пользовался тогда едва ли не большим влиянием в партии, чем сам Гитлер. Попытки Штрассера взять руководство национал-социалистской партией в свои руки привели к созданию 10 сентября 1925 года так называемого «Рабочего содружества северных и северо-западных областей НСДАП». В это «содружество», которое возглавили Грегор Штрассер и его брат Отто, вошли гаулейтеры Роберт Лей, Хайнц Хааке, Франц Пфедффер фон Заломон, Бернхард Руст, Карл Динклаг, Отто Тельшов, Теодор Вален, Лудольф Хаазе, Герман Фобке и, наконец, сам Хинрих Лозе. Организационная работа и издание официального печатного органа «содружества», газеты «Nationalsozialistische Briefe», были возложены на Йозефа Геббельса, будущего министра пропаганды рейха. Впоследствии общество раскололось и прекратило свое существование. Некоторые, вроде Пфедффера фон Заломона и Отто Штрассера, впоследствии вышли из партии и стали заклятыми врагами Гитлера, так как считали себя прежде всего «соци» а не «наци», и отвергали его расистские идеи. Однако большая часть его членов пошла за Гитлером и добилась высших постов в Третьем рейхе. После прихода нацистов к власти Геббельс, Руст и Лей стали рейхслейтерами и министрами, остальные — гаулейтерами в своих землях⁵⁴.

Лозе тоже оказался среди тех, кто был щедро вознагражден фюрером за лояльность и измену прежним убеждениям. В 1933 году Гитлер назначил его обер-президентом (то есть главой земельного правительства) земли Шлезвиг-Гольштейн, гаулейтером которой

он являлся одновременно. С февраля 1934 года Лозе получил еще и чин группенфюрера СА. Но главной наградой он сам считал свое назначение на пост рейхскомиссара «Остланда»⁵⁵. 25 июля 1941 года Лозе въехал в Каунас, чтобы вступить во владение прибалтийскими землями. По-видимому, при этом он представлял себя крестоносцем, почитателем варваров-язычников...

В каждой из трех оккупированных прибалтийских республик уже 17 июля 1941 года был назначен наместник или «генеральный комиссар», подчиненный рейхскомиссару. Однако фактически оккупационная власть устанавливалась в Прибалтике не одновременно, а в 3 этапа, по мере продвижения вермахта на восток. Первыми, 25 июля 1941 года, были переданы из ведения военных властей в ведение гражданской администрации районы южнее реки Двина, вся территория Литвы и часть Латвии (Курляндия)⁵⁶. 1 сентября 1941 года территория гражданского управления была расширена: теперь уже вся Латвия перешла в ведение гражданской администрации. Лишь после этого аппарат рейхскомиссара «Остланда» смог переехать в Ригу, где в течение всего последующего времени находилась его резиденция⁵⁷. Наконец, 15 декабря 1941 года в ведение гражданской администрации была передана большая часть Эстонии. Тогда же был назначен генеральный комиссар Эстонии и его аппарат чиновников⁵⁸. Посты генеральных комиссаров занимали:

- в Литве — д-р Адриан фон Рентельн,
- в Латвии — д-р Отто Дрекслер,
- в Эстонии — д-р Карл Сигизмунд Литцман,
- в Белоруссии — гаулейтер Вильгельм Кубе.

Генеральные комиссариаты делились на городские и областные (сельские) округа во главе с 19 городскими и областными комиссарами (*Stadt- und Gebietskommissare*)⁵⁹. Гебитскомиссары и штатткомиссары занимали нижнюю ступень в немецкой гражданской администрации. Их задачей было контролировать деятельность местных (коммунальных) органов самоуправления и обеспечивать с их помощью выполнение сельскохозяйственных норм. В области управления сельским хозяйством в немецкой гражданской администрации имелаась и еще более низкая

ступень — сельхозфюреры (нем.: Landwirtschaftsfuhrer, сокр. La-Fuhrer), получавшие указания от окружных сельхозфюреров (нем. сокр. Kreis-La-Fuhrer), которые, в свою очередь, входили в аппарат каждого гебитскомиссара⁶⁰.

В начале сентября 1941 года рейхскомиссар Лозе прибыл со своим штабом в Ригу, где отныне находилась его официальная резиденция. Его аппарат сотрудников включал в себя личного референта и 4 главных отдела, в свою очередь делившихся на отделы и подотделы. Кроме того, штабу рейхскомиссара «Остланда» были приданы представители министерства иностранных дел и министерств транспорта и почты, не имевшие филиалов на местах. Независимо от гражданской администрации, но в тесном контакте с ней, действовала также «Хозяйственная инспекция «Север» (с резиденцией в Риге), имевшая свои филиалы — «хозяйственные команды». Этот орган был подчинен ведомству Имперского уполномоченного по 4-летнему плану Германа Геринга⁶¹.

Гражданская администрация занималась всеми вопросами, касающимися управления захваченными землями, их экономической эксплуатации (совместно с Ведомством имперского уполномоченного по 4-летнему плану Германа Геринга, которое действовало самостоятельно), мобилизацией рабочей силы и военных ресурсов (также во взаимодействии с соответствующими военными и полицейскими органами) и т.п. Полицейская администрация формально была подчинена гражданской и должна была проводить все карательные мероприятия для успешного проведения оккупационной политики. Однако по ряду частных вопросов полицейский аппарат действовал самостоятельно, а подчас даже вмешивался в дела гражданской администрации.

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

С первых же дней германского вторжения в оккупированных республиках Прибалтики образовалось множество политических группировок, рассчитывавших с помощью немцев прийти к власти. В основном это были возрожденные политические партии, существовавшие в республиках Прибалтики до 1940 года.

Однако после того как оккупационный режим прочно установился на этих территориях, нацисты перестали нуждаться в каких-либо политических силах там, кроме тех, которые были готовы безоговорочно исполнять их волю. В связи с этим 20 сентября 1941 года рейхскомиссар Хинрих Лозе издал приказ, запрещающий все объединения и собрания на территории Прибалтики, а также создание каких-либо политических партий и движений. Деятельность существующих партий была приостановлена «до соответствующего разрешения» генеральных комиссаров, если те сочтут их достаточно лояльными по отношению к «новому порядку»⁶². В сфере пропаганды было решено закрыть большинство редакций газет, сохранив лишь столько, «сколько это необходимо, чтобы избежать пустых сообщений, ...которые в политическом смысле не служат делу». Последнее зависело от числа надежных издателей, редакторов, а также от чиновников в германских органах цензуры. Вопрос об издании немецких газет также решался рейхсминистром на основании предложений рейхскомиссаров⁶³.

Тем не менее в Литве и Латвии к тому времени уже были созданы местные органы самоуправления (вплоть до «правительств»), которые оказывали значительную помощь оккупантам в уничтожении коммунистов, евреев, окруженных групп красноармейцев и др. Германские военные, полицейские и гражданские власти были вынуждены постоянно прибегать к их помощи, таким образом, признавая их *de facto*. Поэтому высокопоставленный чиновник германского министерства по делам оккупированных восточных территорий Петер Клейст в письме от 14 января 1942 года отмечал, что теперь уже было невозможно распустить их⁶⁴. В своих воспоминаниях Клейст писал следующее: «Я добился... полного одобрения генерала фон Рока. Он добавил, что мы располагаем для этого [для управления оккупированными территориями Прибалтики. — *М.К.*] всего лишь полудюжиной немецких функционеров, и что в этих условиях все равно не остается ничего, кроме как ввести автономную литовскую администрацию»⁶⁵. Полномочия этой местной администрации должны были «ограничиваться лишь военной необходимостью». «Однако при этом, — замечает Клейст, — следовало избегать давать ей наименование,

напоминающее о суверенитете, а лучше называть ее «местным самоуправлением»⁶⁶. (Любопытно отметить, что тот же Петер Клейст в своих воспоминаниях называет себя сторонником независимости республик Прибалтики!⁶⁷)

13—14 февраля 1942 года в Восточном министерстве состоялась конференция, посвященная вопросам отношений с местными органами самоуправления, на котором присутствовали и представители от рейхскомиссариата «Остланд». По словам Розенберга, к этому времени все областные комиссары единодушно считали необходимым сохранение самоуправления во всех трех генеральных комиссариатах. Таким образом, конференция высказалась за признание местных самоуправлений в рейхскомиссариате *de jure*. На основе ее постановлений 7 марта 1942 года рейхсминистр Розенберг издал «Организационный указ «Остланд», закрепивший статус и функции местных органов самоуправления⁶⁸.

Практическое руководство во всех трех бывших республиках Прибалтики и в Белоруссии по-прежнему осуществляли немецкие генеральные комиссары на основе инструкций рейхскомиссара «Остланда». Генеральный комиссар имел право принимать любые меры административного характера; при этом определенные вопросы (прежде всего экономику) он мог передать в ведение только немецкой администрации. Местному самоуправлению дозволялось лишь заниматься отдельными вопросами военной промышленности, в пределах, установленных ведомством Имперского уполномоченного по 4-летнему плану. Число входивших в состав самоуправления генеральных советников (в Литве) или директоров (в Латвии и Эстонии) определял генеральный комиссар. Он же имел право утверждать конкретных лиц, предложенных на эти посты.

Глава самоуправления назначался генеральным комиссаром после согласования его кандидатуры с рейхскомиссаром. Глава самоуправления имел право: 1) давать указания директорам (советникам) самоуправления, при этом неся ответственность за деятельность самоуправления в целом перед генеральным комиссаром; 2) после обсуждения с генеральным комиссаром определять сферу деятельности, функции и обязанности директоров (совет-

ников); 3) по предложению любого директора (советника) и с одобрения генерального комиссара издавать распоряжения по вопросам, не затрагивающим сферу деятельности рейхскомиссара.

Директора (советники) самоуправления имели право: 1) издавать распоряжения в рамках своей сферы деятельности (также с одобрения генерального комиссара, который имел право отменить любое из этих распоряжений); 2) все назначения чиновников ниже директора (советника) осуществлялись по предложению соответствующего директора (советника), но глава самоуправления и генеральный комиссар имели право отменить любое из этих назначений⁶⁹.

Частично были определены полномочия и функции органов самоуправления на местах (коммунального самоуправления). Была официально признана структура коммунального самоуправления, состоявшая из трех уровней: 1) уездное самоуправление (в Эстонии — провинциальное самоуправление) во главе с уездным старостой (то же самое, что и «сельский старшина» или «председатель провинциального правительства» в Эстонии); 2) городское самоуправление во главе с городским старостой (бургомистром); 3) волостное самоуправление во главе с волостным старостой.

Система полномочий и контроля всех трех уровней коммунального самоуправления была следующей: 1) Уездные старосты отвечали за административные вопросы (кроме вопросов права). Назначение уездных старост осуществлялось генеральным комиссаром по предложению гебитскомиссара и главы самоуправления. Надзор за деятельностью уездных старост осуществлял директор (советник) по вопросам внутренних дел. 2) Городские и волостные старосты назначались главой самоуправления по предложению директора (советника) по вопросам внутренних дел и с одобрения генерального комиссара. Уездные старосты должны были осуществлять контроль за деятельностью городских и волостных старост. Контроль за деятельностью городских и волостных старост осуществляли уездные старосты, а также гебитскомиссары. За распоряжениями, издаваемыми на всех трех уровнях региональных органов самоуправления, следили окружные комиссары (гебитскомиссары)⁷⁰.

Правовые вопросы решались немецким и местным (эстонским, латвийским, литовским) судом. Но последним было запрещено рассматривать дела, связанные с лицами немецкого происхождения, с партизанской и коммунистической деятельностью, саботажем, случаями несоблюдения изданных немецкими властями законов. Все эти дела рассматривал немецкий суд⁷¹. Деятельность местных судов подчинялись только немецким властям. Так, генеральный комиссар Эстонии мог, например, передать любой приговор эстонского суда на пересмотр немецкому суду⁷².

После обнародования «Организационного указа» от 7 марта 1942 года, каждый генеральный комиссар издал соответствующее распоряжение, однако это произошло во всех трех генеральных комиссариатах в разное время и не сразу. В Латвии, например, местное коммунальное самоуправление было официально учреждено распоряжением тамошнего генерального комиссара Отто Дрекслера только 5 июля 1942 года⁷³. Таким образом, система самоуправления в некоторых деталях отличалась в Эстонии, Латвии и Литве. В целом же она была общей для всех трех генеральных комиссариатов.

АППАРАТ СС И ПОЛИЦИИ

Одновременно с учреждением гражданской администрации 17 июля 1941 года, указом от того же числа в оккупированных областях была установлена полицейская администрация. Она имела такую же территориальную структуру, как и гражданская, и была подчинена рейхсфюреру СС и шефу германской полиции Генриху Гиммлеру⁷⁴. В соответствии с этим указом, для управления оккупированными территориями Прибалтики и Северной России была учреждена вторая должность «высшего фюрера СС и полиции при рейхскомиссаре Остланда», или сокращенно — ХССПФ «Остланд и Россия-Север» (от нем.: HSSPF Ostland, Hoherer SS- und Polizeiführer Ostland).

В первые месяцы войны должность высшего фюрера СС и полиции «Остланд» и «Россия-Север» занимал группенфюрер СС Ганс-Адольф Прюцман (с 26 июня по 31 октября 1941 года).

Впоследствии он был переведен на аналогичный пост, став высшим фюрером СС и полиции «Украина». В Прибалтике его сменил группенфюрер СС Фридрих Йекельн, занимавший этот пост с 11 ноября 1941 года до декабря 1944 года⁷⁵.

Фридрих Йекельн родился в 1895 году в городе Хорнберге, в Шварцвальде. В годы Первой мировой войны служил в кайзеровской армии, а после капитуляции — в одном из «фрейкоров», занимавшихся подавлением революционных выступлений. Когда с революцией в Германии было покончено, Йекельн остался не у дел, как и многие бывшие солдаты и офицеры. Согласно условиям Версальского договора, армия Германии была сокращена до минимума, и он был уволен в отставку. Ему удалось выгодно жениться, и в течение какого-то времени он управлял имением своего тестя (который, кстати, был евреем), пока в 1924 году Йекельн не развелся со своей женой-полуеврейкой. С этого момента будущий «диктатор Прибалтики» остался без определенных занятий и в 1929 году решил вступить в национал-социалистскую партию. К 1936 году Йекельн дослужился до звания группенфюрера СС (что соответствовало генерал-лейтенанту)⁷⁶; в 1938 году был назначен «высшим фюрером СС и полиции» в XI военном округе, объединявшем земли Ганновер, Брауншвейг и Анхальт, Липпе и Шаумбург-Липпе и провинцию Саксония. Эту должность он занимал с 28 июня 1938 по 11 июля 1940 года⁷⁷, а затем был переведен на новый пост — «высшего фюрера СС и полиции» в VI военном округе, в который входили земли Вестфалия, Ганновер, Рейнская провинция, Липпе и Шаумбург-Липпе (с 12 июля 1940 по 29 июня 1941 года)⁷⁸.

Любопытно, что до своего назначения в Прибалтику 31 октября 1941 года Йекельн являлся высшим фюрером СС и полиции в рейхскомиссариате «Украина», а Прютцман — в «Остланде». Причиной такой перемены мест явился категорический отказ Йекельна работать под началом рейхскомиссара Украины Эриха Коха.

На допросе в Риге в 1946 году, уже после войны, Йекельн рассказал один довольно курьезный эпизод, ставший причиной их взаимной вражды. «С назначением рейхскомиссаром Украины

Эриха Коха, — поведал Йекельн, — я должен был занять пост руководителя СС и полиции. Однако совместно с этим человеком я работать не хотел, ибо в 1937 году на конференции национал-социалистской партии в Нюрнберге у меня произошел с ним конфликт, закончившийся рукоприкладством с моей стороны. Дело было так. После торжественного прохождения войск СС Гитлер пригласил к себе на прием высших руководителей СС и партии. Хорошенько набравшись за ужином, Эрих Кох начал задевать чинов пониже себя рангом, все больше распаляясь. Дошло до оскорбительных действий по отношению к ним с его стороны. Чтобы погасить скандал, я силой вывел Коха из зала и втолкнул в машину, надеясь отвезти в отель. При чем выволакивал его, схватив за галстук. Кох, естественно, сопротивлялся, но бесполезно...»⁷⁹

Полицейская власть в «Остланде» имела несколько уровней. Во главе всего аппарата стоял высший фюрер СС и полиции «Остланд» Фридрих Йекельн, штаб-квартира которого размещалась в Риге — «столице» рейхскомиссариата.

Второй уровень составляли: 1) члены штаба Йекельна, каждый из которых представлял интересы одного из главных управлений СС — в том числе местные руководители полиции безопасности, полиции порядка, войск СС, представители административно-хозяйственного управления СС, управления по делам рас и поселений и т.д.; 2) так называемые «фюреры СС и полиции» (SS- und Polizeiführer, или сокр. SSPF), которые являлись представителями Йекельна на местах — в генеральных комиссариатах Литвы, Латвии, Эстонии и Белоруссии.

Некоторые из членов штаба ХССПФ «Остланд» — например, руководители полиции безопасности и полиции порядка и др. — имели своих представителей в каждом из 4 генеральных комиссариатов (начальники полиции безопасности или полиции порядка в Литве, Латвии, Эстонии и Белоруссии). Они составляли третий уровень в полицейской администрации оккупированной Прибалтики.

Кроме того, третий, низший уровень составляли гарнизонные и окружные фюреры СС и полиции. «Гарнизонные фюреры СС и полиции» (SS- und Polizeistandortsführer; SSPolStOF) являлись региональными начальниками полиции в крупных городах. Этот

пост был введен только с 19 ноября 1941 года⁸⁰. Под их началом обычно находилась команда немецкой охранной полиции (шупо) (Kommando der Schutzpolizei; KdoSchP) численностью в 1 роту (обычно в центрах генеральных комиссариатов, например в Риге), или только служебный отдел охранной полиции (Schutzpolizei-Dienstabteilung; SchPDA) численностью в 1 взвод (в городах, являвшихся центрами округов, как, например, Даугавпилс и Лиепая)⁸¹. «Окружные фюреры СС и полиции» (SS- und Polizeigebietsführer; SSPolGebF) являлись представителями ССПФ в сельских районах (при областных комиссарах). По штатам они имели под своей командой 1 взвод жандармерии (Gendarmerie-Zug)⁸².

Сам Йекельн номинально был подчинен рейхскомиссару «Остланда» Хинриху Лозе, а его региональные представители — «фюреры СС и полиции» — соответственно, подчинялись генеральным комиссарам в Литве, Латвии, Эстонии и Белоруссии⁸³. Но, поскольку взгляды Гиммлера и Розенберга на «восточную политику» в первые годы оккупации несколько расходились, фюреры СС и полиции предпочитали выполнять только приказы рейхсфюрера СС. Фактически полицейская администрация была полностью независимой от гражданской. После длительных переговоров Гиммлера и Розенберга, наконец, был достигнут компромисс: высшие фюреры СС и полиции «непосредственно и лично» по-прежнему оставались подчиненными рейхскомиссару, а региональные фюреры — соответственно генеральным комиссарам. Однако гражданская администрация отныне не имела права вмешиваться в мероприятия, проводимые полицией по приказу Гиммлера⁸⁴.

Особую проблему для оккупационных властей составляла Белоруссия. Объединив Белоруссию вместе с республиками Прибалтики в одну административную единицу, руководство рейха создало себе множество трудностей. Ни гражданская администрация Лозе, ни полицейские власти Йекельна не могли управляться с такой большой территорией. Генеральным комиссаром Белоруссии был назначен гаулейтер Вильгельм Кубе, с самого начала проявлявший особую самостоятельность.

Фюрером СС и полиции Белоруссии являлся бригадефюрер СС Вильгельм фон Готтберг, который также претендовал на боль-

шую независимость. С 24 марта 1943 года он был «по совместительству» назначен заместителем высшего фюрера СС и полиции «Россия-Центр» Эриха фон дем Баха. Таким образом, с этого времени фон Готтберг перестал подчиняться Йекельну и перешел в подчинение фон де Баха, сохранив при этом свой прежний пост в Белоруссии⁸⁵. С этого времени Белоруссии находилась уже вне компетенции Йекельна, перейдя из ведения ХССПФ «Остланд и Россия-Север» в введение ХССПФ «Россия-Центр». Однако в то же время генеральный комиссар Белоруссии Вильгельм Кубе, представлявший гражданскую администрацию, по-прежнему был подчинен рейхскомиссару Хинриху Лозе, так как Белоруссия все еще входила в состав рейхскомиссариата «Остланд». Таким образом, полицейская администрация в Белоруссии практически полностью перестала зависеть от гражданской. Кубе больше никак не мог повлиять на подчиненного ему Готтберга — ни через Йекельна, ни через Лозе.

22 сентября 1943 года Вильгельм Кубе был убит партизанами в результате покушения, а уже на следующий день Готтберг был назначен на пост генерального комиссара Белоруссии, сохранив при этом и пост ССПФ «Белоруссия»⁸⁶. Отныне фон Готтберг, и без того пользовавшийся неограниченной свободой из-за своего «двойного» подчинения, оказался наделенным почти диктаторскими полномочиями, так как не подчинялся никому. Теперь он совмещал целых три должности, причем как в полицейской, так и в гражданской администрации. К тому же его непосредственный шеф по линии полиции — высший фюрер СС и полиции «Россия-Центр» Эрих фон дем Бах часто отсутствовал по болезни, и его обязанности также временно ложились на фон Готтберга.

С бюрократической точки зрения, такое положение было недопустимым, поэтому 30 марта 1944 года фон Готтберг был официально назначен на должность ХССПФ «Россия-Центр и Белоруссия», сменив своего бывшего шефа фон дем Баха, поскольку тот взял длительный отпуск по болезни. Тогда же, с 1 апреля 1944 года, Белоруссии была официально предоставлена «автономия»⁸⁷. Правда, это означало лишь то, что отныне фон Готтберг в одном лице воплощал всю полицейскую и гражданскую власть на этой

территории, формально находясь в непосредственном подчинении Восточного министерства Розенберга и рейхсфюрера СС Гиммлера. Как генерал СС, фон Готтберг предпочитал больше прислушиваться к указаниям последнего. Указания же Розенберга и Восточного министерства, как правило, игнорировались. Рейхскомиссар «Остланда» Лозе теперь же вообще не имел никакого права вмешиваться в его дела.

Костяком для разветвленного полицейского аппарата, созданного Гиммлером в Прибалтике, послужили эйнзатцгруппы и эйнзатцкоманды, которые были сформированы накануне войны. Официально они именовались «Эйнзатцгруппы полиции безопасности и СД», однако в действительности офицеры СД составляли лишь 3 % от их состава. 34 % личного состава эйнзатцгрупп составляли чины войск СС, 28 % — вермахта, 22 % — полиции порядка (орпо), 9 % — полиции безопасности (зипо) и тайной полиции (гестапо) И наконец, 4 % составляли служащие криминальной полиции (крипо)⁸⁸. По численности и составу эйнзатцгруппы представляли собой скорее штабы (будущую полицейскую администрацию), нежели боевые подразделения. Иногда, впрочем, им приходилось принимать участие и в боевых действиях; именно для этого им было придано некоторое количество офицеров войск СС. Однако в целом функции эйнзатцкоманд были карательными; однако они должны были не столько проводить карательные операции собственными силами (их было слишком мало), сколько руководить их проведением. Непосредственное же исполнение таких операций обыкновенно возлагалось на местных националистов, а позднее — специально формировавшиеся из них отряды «самообороны» и «полиции»⁸⁹. Таким образом, эйнзатцгруппы и команды представляли собой готовый полицейский аппарат для управления захваченными территориями.

Командир действовавшей на территории Прибалтики эйнзатцгруппы «А» одновременно являлся командующим полиции безопасности (зипо) в Остланде, подчиненным ХССПФ «Остланд». С июня 1941 года и вплоть до своей гибели 23 марта 1942 года оба эти поста занимал бригадефюрер СС и генерал-майор полиции Шталекер.

Доктор Франц Шталекер был весьма колоритной личностью. Этот «палач с университетским дипломом», наряду с Гейдрихом, Мюллером, Эйхманом и другими, был одним из авторов ранних разработок по «окончательному решению» еврейского вопроса. Одно время Шталекер возглавлял «Особое бюро по делам Индии» в германском МИДе, хотя сам едва ли понимал что-нибудь в восточных делах. Княжна Васильчикова, русская эмигрантка, работавшая в том же бюро секретаршей, так описывала свою встречу со Шталекером: «Главным начальником у нас был посланник Альтенбург, очень приятный человек, которого все уважали. Но теперь вместо него нечто совсем иное — молодой и агрессивный бригадефюрер СС по фамилии Шталекер, расхаживающий в сапогах, помахивающий хлыстом и сопровождаемый немецкой овчаркой»⁹⁰. Чем не карикатура на типичного эсэсовца?

В Главном управлении имперской безопасности (РСХА) многие считали Шталекера возможным конкурентом Гейдриха на посту главы этого ведомства и предполагали, что тот назначил своего противника на пост командующего эйнзатцгруппы как раз для того, чтобы удалить из Берлина. Другие говорят, что Шталекер сам хотел «выдвинуться» на Востоке, чтобы впоследствии занять высокий пост в Берлине⁹¹. Первое ему удалось с лихвой. В отчете от 15 октября 1941 года Шталекер сообщал в Берлин, что его эйнзатцгруппой уничтожено в Прибалтике 125 000 человек. Однако получить долгожданный «высокий пост» Шталекеру было не суждено. Он был убит партизанами в марте 1942 года в ходе проведения немцами совместной антипартизанской акции силами полиции безопасности, охранной полиции и латвийской вспомогательной полиции в районе Красногвардейска (Гатчина)⁹², под Ленинградом, где с ноября 1941 года размещался штаб эйнзатцгруппы «А»⁹³.

Шталекеру, как командиру эйнзатцгруппы «А», подчинялись командиры эйнзатцкоманд «2» и «3» и зондеркоманд «1a», «1b» и «1c»⁹⁴. Они же, как правило, назначались «командирами полиции безопасности и СД» в оккупированных республиках Прибалтики и представляли собой третий уровень в полицейской администрации.

В Литве со 2 июля 1941 года функции полиции безопасности взяла на себя эйнзатцкоманда «3». Ее штаб разместился в Каунасе, а ее командир — штандартенфюрер СС Карл Йегер — был назначен одновременно командиром зипо и СД «Каунас» (командир полиции безопасности и СД в Литве). До того на территории Литвы действовали эйнзатцкоманды «2» и «9» (последняя — из состава эйнзатцгруппы «В», действовавшей главным образом в Белоруссии и в северных районах Украины и России)⁹⁵.

В Белоруссии в течение некоторого времени действовала эйнзатцкоманда «2», командиром которой являлся оберштурмбаннфюрер СС д-р Эдуард Штраух. Одновременно он же был назначен командиром зипо и СД в Белоруссии⁹⁶. По мере продвижения линии фронта, район действий эйнзатцкоманды также переместился дальше, в Латвию, а затем — под Ленинград; в ноябре 1941 года штаб ее находился в Красногвардейске (Гатчине)⁹⁷, а затем разместился в Риге (январь 1942 года). Таким образом, в январе 1942 года Штраух оказался одновременно исполняющим обязанности командира зипо и СД в Латвии⁹⁸. Позднее он возвратился в Минск к своим обязанностям командира зипо и СД в Белоруссии (где-то не позднее июля 1942 года)⁹⁹. По-видимому, тогда же, в 1942 году, командиром зипо и СД в Латвии был назначен оберштурмбаннфюрер СС д-р Франц Ланге¹⁰⁰.

В Эстонии командиром полиции безопасности и СД являлся штурмбаннфюрер СС (позднее штандартенфюрер СС) Мартин Зандбергер, одновременно являвшийся командиром зондеркоманды «1а», действовавшей на территории Эстонии. Его штаб-квартира, как и штаб зондеркоманды «1а», находились в Ревеле (Таллин)¹⁰¹. Позднее, в конце 1943 года Зандбергера на этом посту сменил Баатц¹⁰².

Зондеркоманда «1b» и ее штаб дислоцировались в Старой Руссе, с сентября 1942 года — в населенном пункте Локня (около 60 км от Великих Лук). Командиром являлся гауптштурмфюрер СС д-р Герман Хубиг.

Зондеркоманда «1с» была временно сформирована в 1942 году и действовала только с августа по ноябрь 1942 года. Штаб ее дислоцировался в Красногвардейске (Гатчина), командиром являлся штурмбаннфюрер СС Курт Грааф¹⁰³.

Именно эйнзатцкоманды первоначально занимались формированием вспомогательной полиции из местных жителей на оккупированных территориях, чтобы облегчить себе выполнение карательных функций. Позднее, когда германская полицейская администрация окончательно установилась в Прибалтике, вся ответственность за формирование полицейских отрядов из местных жителей была возложена на командующего полицией порядка в Прибалтике.

Должность командующего полицией порядка (орпо) в Остланде являлась второй по значимости в штабе Йекельна, хотя его полномочия и не распространялись на тыловой район группы армий «Север» (такие полномочия имел только сам Йекельн). С начала германского вторжения ее занимал генерал-лейтенант полиции порядка Георг Йедике (22 июня 1941 — март 1944). Позднее его сменил на этом посту генерал-майор полиции порядка Гизеке (с марта 1944)¹⁰⁴.

Третьим по своему значению в штабе ХССПФ «Остланд» являлся пост командующего войск СС в Остланде. В течение всей войны этот пост занимал группенфюрер СС, позднее обергруппенфюрер СС и генерал войск СС и полиции Вальтер Крюгер. С начала 1943 года, когда оккупационные власти начали массовые принудительные мобилизации в легионы СС, должность командующего войск СС стала даже более важной, чем должность командующего полицией порядка (тем более что часть полицейских батальонов была передана в ведение войск СС).

Штатная численность немецкого полицейского аппарата на оккупированных территориях была незначительной — она составляла всего лишь 4428 человек. Правда, помимо руководящих органов полиции, на оккупированные территории было введено некоторое количество немецких полицейских батальонов (впоследствии их объединили в полки), но их количество было невелико. В областях, подчиненных высшему фюреру СС и полиции «Остланд и Россия-Север», действовали немецкий полицейский полк «Норд» и 17 отдельных немецких полицейских батальонов¹⁰⁵. В связи с этим большая часть полиции на оккупированных территориях была сформирована из местных жителей — латышей, эстонцев, литов-

цев и др. Правда, местная полиция имела несколько иной статус, нежели немецкая, хотя и была включена в структуру немецкой полицейской администрации под названием «Schutzmannschaft der Ordnungspolizei» (это название можно примерно перевести как «охранная служба полиции порядка»). В начале февраля 1942 года охранная служба в рейхскомиссариате «Остланд» составила 31 652 человек, а в октябре того же года — 31 800 человек плюс еще 23 758 человека в составе полицейских батальонов. Таким образом, численность «туземной полиции» (или «полицаев», как их прозвали в народе) была более чем в 10 раз больше численности немецкого полицейского аппарата в Прибалтике.

«ТУЗЕМНАЯ ПОЛИЦИЯ»: ПОЛИЦАИ В КАЧЕСТВЕ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ ГРЯЗНОЙ РАБОТЫ

Формирование вспомогательной полиции из латышей, литовцев и эстонцев происходило поэтапно. Сначала самопровозглашенные органы власти во главе с местными националистами в Литве, Латвии и Эстонии попытались восстановить полицейскую систему, существовавшую в этих республиках до 1940 года. Позднее большинство «самостийных» отрядов (типа «самообороны», «стражи отечества» и других) было распущено. На базе остальных были сформированы боевые единицы — как правило, батальоны — специально для проведения «антипартизанских» акций и охраны военных, транспортных и иных объектов, а также концлагерей и гетто. Эта реорганизация была проведена на основании указов рейхсфюрера СС и шефа германской полиции Гиммлера от 25 июля 1941 и от 31 июля 1941 года, в которых шла речь о «создании полицейских соединений из жителей оккупированных восточных территорий». В этот период они еще не имели единого названия: в Эстонии они назывались «вспомогательной полицией», в Литве — «службой порядка» и т.п.¹⁰⁶

Аналогичные подразделения, называвшиеся «охранными батальонами», начали формироваться еще при военной администрации. Разница между немецкими названиями тех и других с трудом передается на русском языке. Так, батальоны, сформиро-

рованные под контролем германской полиции порядка, назывались «Schutzmannschaft-Bataillone» (или сокращенно — Schuma-Bataillone). Батальоны, действовавшие в тыловом районе групп армий, назывались «Schuma-Abteilungen»; батальоны, действовавшие в тыловых районах армий, назывались «Sicherungs-Abteilungen»¹⁰⁷.

Осенью 1941 года многие должностные лица — не только в местном самоуправлении, но и в германской администрации — поговаривали о создании национальных воинских формирований из жителей прибалтийских республик (правда, немцы и местные националисты по-разному представляли себе их статус). Эту идею поддерживали многие чиновники в Восточном министерстве, а также генеральный комиссар Латвии Дрекслер и шеф Главного управления СС Бергер. Разумеется, немцы представляли себе эти подразделения как вспомогательные части полиции, вермахта и войск СС. По некоторым сведениям, Бергер в то время даже выступал против термина «легион», предлагая вместо него термин «батальоны вспомогательной полиции» (Hilfspolizei-Bataillone). Бергер и Розенберг все же сошлись во мнении, что о каких бы то ни было «легионах» не может быть и речи. Наиболее крупные национальные формирования не должны превышать численности батальона. В итоге 15 октября 1941 года Гиммлер дал официальное разрешение на формирование не «легионов», но лишь так называемых «вспомогательных отрядов» (Schutzmannschaften) в подчинении германской полиции порядка¹⁰⁸.

Рейхсфюрер СС издал целую серию указов с целью упорядочения и организации местных полицейских сил в рейхскомиссариатах «Остланд» и «Украина»¹⁰⁹. Указом от 6 ноября 1941 года все носившие униформу полицейские части, сформированные в оккупированных восточных областях из местного населения, были объединены в так называемую «Охранную службу полиции порядка» («Schutzmannschaft der Ordnungspolizei»)¹¹⁰. Для контроля над этими формированиями в 1942 года при штабе командующего полицией порядка в Остланде был специально учрежден пост «инспектора охранной службы» (Inspekteur der Schutzmannschaft) со своей системой региональных представителей¹¹¹.

19 ноября 1941 года статус Schuma-батальонов был окончательно закреплён в совместном указе рейхсфюрера СС Гиммлера и рейхсминистра Розенберга о «Подчиненности полицейских служб на оккупированных восточных территориях». Этот указ разграничивал полномочия между гражданской и полицейской администрацией, в том числе и в вопросе формирования полицейских частей из местных жителей. Тем же указом были введены должности окружных фюреров СС и полиции, что сделало полицейский аппарат еще более независимым от гражданской власти. Эта последняя мера вызвала недовольство в Восточном министерстве и в рейхскомиссариате «Остланд». Розенберг и Лозе в своих указах объявили новую должность незаконной. Но Гиммлер аннулировал оба указа, и, таким образом, существование постов окружных фюреров СС и полиции осталось в силе¹¹².

На основании указа шефа полиции порядка рейха Курта Далуе, с 1 сентября 1942 года вся немецкая полиция порядка и ее вспомогательные отряды (включая отряды Schuma) перешли в ведение судебной системы СС и полиции¹¹³. Отныне они были полностью подчинены германским властям и вписаны в германскую оккупационную структуру. Мобилизация в Schuma-батальоны теперь стала проводиться более планомерно, хотя и оставалась добровольной. (Примером агитации добровольцев для службы в «туземной полиции» может служить призыв ХССПФ «Остланд» Йекельна к латышам вступать в местную полицию, опубликованный в «Вестнике распоряжений» от 12 февраля 1942 года¹¹⁴.) Весь личный состав «Охранной службы полиции порядка» (Schuma) отныне делился на 4 категории:

1) Полицейские, несшие службу в штабах и участках местной полиции в городах и сельских районах; в городах они назывались участками «Охранной полиции» (Schutzpolizei), а в сельских районах — участками «Жандармерии» (Gendarmerie). «Полицаи» этой категории (они назывались полицейскими группы «А») несли свою службу самостоятельно под общим контролем «командиров охранной службы» — в городах, и «командиров жандармерии» — в сельских районах. Из них состоял личный состав полицейских

участков, тюрем, штабов, инстанций — одним словом, весь полицейский чиновничий аппарат. Организация и структура полицейских участков были такими же, что и в довоенной полиции Литвы, Латвии и Эстонии. Кроме полиции порядка (ее также называли «внешней полицией»), в эту структуру входила местная криминальная полиция и политическая полиция со своими районными отделениями. Они также были восстановлены в своей довоенной форме, но с самого начала находились в подчинении немецких командиров полиции безопасности и СД.

2) Полицейские, несшие службу в «сплоченных подразделениях» (то есть в так называемых Schuma-батальонах). Они составляли категорию «В» и несли службу в полицейских батальонах и полках, находясь постоянно на казарменном положении, и, в сущности, ничем не отличались от воинских частей (кроме боевой выучки и вооружения). Именно они чаще всего использовались для антипартизанских карательных операций, казней и т.п. «Сплоченные подразделения» представляли собой отделения (Gruppen), взводы (Zuge) и роты (Kompanien), объединенные в батальоны (Schutzmannschaft-Bataillone, Schuma-Bataillone). Батальонам были приданы также технические и специальные формирования. В зонах гражданского управления (рейхскомиссариатах) Schuma-батальоны были подчинены местному командующему полицией порядка, ССПФ или ХССПФ¹¹⁵.

3) Пожарная служба (Feuerschutzmannschaft). К этой категории относились все имевшиеся местные пожарные службы, без различия формы организации — добровольные, профессиональные и заводские. Для руководства этими подразделениями штабу командующего орпо «Рига» был придан сотрудник, «ответственный за пожаротушение».

4) Полицейские в составе «вспомогательной охранной службы» (Hilfsschutzmannschaft). Эта 4-я категория (полицейские категории «С») формировалась при особой необходимости по требованию органов вермахта (например, рабочие команды, команды для охраны военнопленных, для борьбы с партизанами в окрестных районах и т.п.). Они имели оружие, униформу (как правило, переделанную из черных мундиров немецких «Общих отрядов

СС»), но находились не на казарменном положении, а проживали в своих домах.

По штатам каждый Schuma-батальон состоял из штаба батальона (5 чел.) и 4 рот (в каждой по 3 стрелковых и 1 пулеметному взводу). Численность каждой роты составляла 124 чел., общая численность батальона — 501 чел. (Ранее, в 1942 году, в батальонах было только по 3 стрелковых роты, пулеметной — не было; общая численность батальона составляла 460 чел.) Однако действительная численность могла быть больше или меньше штатной. Иногда она достигала 700 чел., в этом случае из избыточного личного состава формировался новый батальон. Различали несколько типов Schuma-батальонов:

1) фронтовые Schuma-батальоны (Schutzmannschaft-Front-Bataillone, Schuma-F-Btl.);

2) патрульные Schuma-батальоны (Schutzmannschaft-Wach-Bataillone, Schuma-W-Btl.);

3) резервные Schuma-батальоны (Schutzmannschaft-Reserve-Bataillone, Schuma-R-Btl.) — они объединяли весь «избыточный» личный состав и носили номера фронтовых и патрульных Schuma-батальонов, занимаясь их комплектованием¹¹⁶;

4) саперные и строительные Schuma-батальоны (Schuma-Pionier- und Bau-Bataillone), которых было сравнительно немного.

Согласно указу рейхсфюрера СС от 30 мая 1942 года, с 1 июня 1942 года для соединений «Охранной службы» на оккупированных территориях СССР вводилась особая система воинских званий. Но литовскую, латышскую и эстонскую «Охранную службу» это не затронуло, так как здесь уже существовала система званий как в германской полиции. Назначение офицеров из числа литовцев, латышей и эстонцев и присвоение очередных офицерских званий осуществлял командующий орпо «Рига». В литовских, латышских и эстонских Schuma-батальонах, в отличие от украинских и белорусских, имелся только один немецкий офицер-наблюдатель, но присвоение офицерских званий производилось лишь по его рекомендации. Срок службы в подразделениях Schuma, согласно письменному обязательству, составлял 6 месяцев, хотя, как правило, он продлевался¹¹⁷.

Впоследствии, указом от 9 декабря 1943 года, все Schuma-батальоны в Эстонии были переименованы в «эстонские полицейские батальоны». Примерно в то же время, или даже раньше, произошло переименование латышских и литовских Schuma-батальонов согласно их «национальной принадлежности». Согласно сохранившимся документам, еще с мая 1943 года они назывались «литовскими» и «латышскими полицейскими батальонами»¹¹⁸. 11 апреля 1944 года директивой шефа германской полиции порядка (орпо) Курта Далюге вся местная полиция в Остланде была переименована из «охранной службы» (Schuma) соответственно в «Эстонскую», «Латышскую» и «Литовскую полицию»¹¹⁹. Правда, функции и статус «полицаев» от этого не изменились. Они продолжали выполнять за оккупантов или под их руководством всю грязную работу, связанную с карательными акциями.

Глава IV

РАБОТОРГОВЦЫ XX ВЕКА

1943 ГОД: «ТОТАЛЬНАЯ ВОЙНА» И ИЗМЕНЕНИЯ В ОККУПАЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ

К концу 1942 года ситуация на Восточном фронте и на оккупированных территориях изменилась. Последовавшее вскоре поражение немецких войск под Сталинградом со всей очевидностью показало руководителям рейха, что война принимает неблагоприятный для них характер. Одновременно этот разгром произвел громадный пропагандистский эффект, вызвав рост движения Сопротивления как в оккупированных и союзных рейху странах, так и в самой Германии. В руководстве рейха стали все более задумываться о том, как бороться с этим движением, а также откуда взять новые контингенты призывников для фронта, поскольку недостаток людских резервов уже начинал ощущаться. С другой стороны, неудачи рейха на Восточном фронте создавали удобный момент для коллаборационистов, чтобы потребовать расширения своих полномочий и предоставления автономии или ограниченной независимости.

Впервые о необходимости изменений в «восточной политике» и об уже допущенных здесь ошибках стали задумываться в Восточном министерстве. основополагающим документом, в котором говорилось об «ошибках» нацистской оккупационной политики, стал меморандум Отто Бройтигама от 25 октября 1942 года. Его автор сформулировал три главные цели Германии в войне против Советского Союза: 1) уничтожение большевизма; 2) разгром

великорусской империи; 3) приобретение колониальных земель с целью организации германских поселений и экономической эксплуатации¹.

Первой ошибкой оккупационной политики Бройтигам считал то, что немецкие власти не сделали никаких обещаний относительно политического будущего народов Востока. Вторая ошибка, по его мнению, состояла в том, что не был решен вопрос о возвращении национализированной при советской власти частной собственности. Германские власти обещали вернуть частную собственность прежним владельцам, но до сих пор не сделали этого, хотя о необходимости такого шага не раз говорили генеральные комиссары в Литве, Латвии и Эстонии². П. Клейст в своих мемуарах также отмечал, что рейхскомиссариат «Остланд», генеральные и окружные комиссариаты фактически стали единственными собственниками всего, введя свою монополию и завышенные в несколько раз цены. «Каждая бутылка водки, — пишет Клейст, — стала носить этикетку с надписью «Монополия германского рейхскомиссариата Остланд», каждый завод имел на своих воротах немецкий герб, каждое крупное общественное здание носило вывеску «Комиссариат Остланд», или «Генеральный комиссариат Литва», или «Окружной комиссариат Везенберг» [Раквере]. Все это, по его словам, «отрицательно воздействовало не только на умы, но и на всю экономику страны, которая оказывалась парализованной»³.

И первое, и второе было необходимо для того, чтобы привлечь к активному сотрудничеству с немцами местных политиков, отстраненных от власти и собственности после присоединения республик Прибалтики к Советскому Союзу. Заручившись же их поддержкой, можно было рассчитывать, что те как-нибудь да найдут общий язык со своими народами.

Кроме того, Бройтигам выступил против открытых разговоров о предстоящей германизации прибалтийских территорий и заселении их немецкими колонистами. До сих пор эта цель слишком выпячивалась на первый план, тогда как следовало бы вообще воздержаться от упоминания ее в печати и в устных выступлениях. При этом сам Бройтигам (благо, его меморандум был су-

губо конфиденциальным) признавал, что Германия действительно стремится к «приобретению колониальных земель с целью организации поселений и экономической эксплуатации». «Даже ограниченные люди, — пишет далее этот расист, — со свойственным для восточных народов инстинктом скоро поняли, что для Германии лозунг «освобождения от большевизма» является лишь предлогом для порабощения...»⁴. Фактически Бройтигам не сказал этим ничего принципиально нового. Он всего лишь повторил предостережение, сделанное самим Гитлером на известном совещании 16 июля 1941 года. Поэтому меморандум Бройтигама не означал какого-то коренного перелома в оккупационной политике. Он лишь указывал на допущенные вопреки всем предупреждениям ошибки. Примерно то же самое было сформулировано в немецкой статье, опубликованной в 1943 года под названием «Стратегический поворот? Гибкая стратегия!»⁵.

Одним из примеров неосторожного «выпячивания на первый план» колонизаторских целей Германии в Прибалтике может служить меморандум Перси Фокродта от 1 июня 1943 года. Его автор являлся предводителем объединения ветеранов бывших балтийских отрядов самообороны и Балтийского полка (сформированных из немцев в Прибалтике в 1918—1919 годах добровольческих отрядов). В меморандуме содержался призыв предоставить для заселения германским солдатам Восточного фронта прибалтийские земли — «три старых орденских страны, Курляндию, Лифляндию и Эстляндию, а кроме того, Литву, Латгалию и, возможно, другие земли в направлении на восток через Псков примерно до Новгорода. Сюда же должны войти части Белоруссии». Это же право должно было быть предоставлено, по его мнению, некоторым «эстонским, латышским и литовским добровольцам Восточного фронта на нынешней войне, а также эстонским и латышским добровольцам, которые воевали против большевизма в 1918—1919 годах». Все остальное население Прибалтики он предлагал выселить в соседние районы (и то лишь в случае их политической благонадежности), а «неблагонадежных» — «в дальние районы России». Их имущество предлагалось «отобрать и передать фронтовикам»⁶.

Меморандум П. Фокродта несколько запоздал. К тому времени благодаря усилиям Бройтигама и Клейста, в Восточном министерстве и руководстве рейха поняли весь вред от разговоров о «германизации земель», да и военное положение становилось все менее благоприятным для этого. Уже 29 июня 1943 года 1-й политический отдел Восточного министерства (возглавляемый Лейббрандтом) направил П. Фокродту письменное требование собрать все разосланные им экземпляры меморандума и «впредь не заниматься политической деятельностью», так как для этого есть соответствующие государственные инстанции⁷.

Таким образом, были намечены два вопроса, по которым немецкие власти готовы были пойти на уступки коллаборационистам — возвращение власти и собственности бывшей правящей элите Литвы, Латвии и Эстонии. Клейст и Бройтигам — оба понимали, что положение Германии пошатнулось и что эти уступки необходимы, чтобы сохранить «капитал» преданных немцам людей на оккупированных территориях. Однако что же побуждало немцев к этому? Как видно из полномочий местного самоуправления в Прибалтике, оно было лишено каких-либо рычагов воздействия на немецкую администрацию, а открытый саботаж мог стоять им жизни. Следовательно, этот «капитал верных людей» немцы не могли потерять — тем ничего другого не оставалось, кроме как продолжать сотрудничество с оккупантами. Тогда зачем же было идти на уступки? Очевидно, что поражения на Восточном фронте заставили немцев требовать от своих пособников больше, чем простой лояльности: *Германии нужны были дополнительные людские ресурсы для фронта и для военной промышленности.* Так постепенно оформлялись условия сделки, заключенной между оккупационными властями и коллаборационистами.

НЕЗАВИСИМОСТЬ В ОБМЕН НА «ПУШЕЧНОЕ МЯСО»

В среде коллаборационистов одним из первых их сформулировал бывший премьер-министр Эстонии Юрий Улуотс. В меморандуме, который 29 июня 1941 года был передан главнокомандующему группы армий «Север» фельдмаршалу фон Леебу, кучка

сторонников Улуотса заявляла от лица всего народа, что эстонцы готовы и дальше бороться «за окончательное освобождение своей страны от господства России». С этой целью выражалась готовность создать эстонские вооруженные силы. Однако для проведения мобилизации, по их мнению, требовалось создать центральное эстонское правительство на основе уже существующих органов самоуправления, путем расширения их полномочий. Таким образом, создание эстонских вооруженных сил под контролем вермахта было поставлено в прямую зависимость от предоставления Эстонии хотя бы относительного суверенитета. Меморандум был вручен офицеру связи германского МИДа при группе армий «Север», который направил его в МИД. Лишь в середине августа 1941 года по неофициальным каналам был получен ответ примерно следующего содержания: на оккупированной территории не может быть никакого правительства и самостоятельных вооруженных сил. Одновременно эстонцам дали понять, что верховное политическое руководство рейха не заинтересовано в предоставлении независимости прибалтийским республикам, даже самой ограниченной. Не может идти речь и о действительном самоуправлении: допустимо лишь вспомогательное самоуправление под контролем немецкой администрации⁸.

В Латвии автором аналогичного меморандума стал Густав Целминьш, руководитель латышской националистической организации «Перконкруст», созданной еще в довоенные годы. Еще в декабре 1941 года, во время своего пребывания в Риге Густав Целминьш заявлял, что «ему поручено сформировать латышскую добровольческую дивизию. Особенно широко он вел пропаганду в пользу этого добровольческого легиона в кругах бывших латышских офицеров, но не очень в этом преуспел»⁹. Однако идею создания латышской дивизии немецкие власти считали в то время преждевременной. В результате Целминьш разочаровался в немецкой оккупационной политике. В марте 1944 года он был арестован гестапо по обвинению в антинемецкой агитации¹⁰.

Лишь к концу 1942 года чиновники германской администрации стали задумываться о том, а что же именно они могут дать местным самоуправлениям взамен на контингенты призывников

для фронта и рабочую силу. Вернуть частную собственность бывшим предпринимателям? Возвратить власть бывшим политикам и военным, предоставив им статус автономии? Или и то и другое? Восточное министерство начало работу в обоих направлениях.

Предложение расширить полномочия местного самоуправления впервые выдвинул генеральный комиссар Латвии Дрекслер в своем меморандуме от 7 декабря 1942 года, направленном рейхскомиссару «Остланда» Лозе. В нем предлагалось либо расширить полномочия местного самоуправления (по образцу протектората Богемии и Моравии или Словакии), либо создать «смешанное» самоуправление (по образцу, опять же, протектората Богемии и Моравии), введя в его состав немецких чиновников, так чтобы последние контролировали его работу в некоторых отделах, например, при решении об использовании полицейских батальонов (номинально подчиненных самоуправлению) на сельхозработах и т.п. В качестве примера приводился город Рига, где посты штадtkомиссара (в рамках немецкой администрации) и бургомистра (в рамках Латышского самоуправления) занимал один и тот же человек — прибалтийский немец Хуго Виттрок. Впрочем, первый вариант сам Дрекслер считал трудноосуществимым, так как теперь уже нельзя отобрать полномочия у немецкой администрации и передать их самоуправлению; к тому же условия в протекторате и в рейхскомиссариате «Остланд» были различными¹¹.

В имперском министерстве по делам оккупированных восточных территорий также не было единого мнения на этот счет. Начальник Отдела IIa «Политика» в министерстве, некий Трампедах, в своем меморандуме от 19 ноября 1942 года заявлял, что существующие в Прибалтике местные органы самоуправления уже воплощают в себе все недостатки «словацкой системы, но без ее преимуществ». Однако поскольку отмена уже принятого «Организационного плана» от 7 марта 1942 года была бы политически невыгодна, то следует «передать некоторые административные функции в ведение немецкой администрации в рамках «Организационного указа». При этом он указал на необходимость одновременно с этими мерами вернуть бывшим владельцам частную собственность и увеличить продовольственные пайки, чтобы соз-

дать у населения видимость улучшения жизни¹². Эту точку зрения поддержал рейхскомиссар Остланда Хинрих Лозе. На совещании 8 декабря 1942 года в Восточном министерстве он заявил даже, что введение самоуправления вообще было ошибкой. В меморандуме озаглавленном «К настоящему положению управления и экономики в Остланде» (от декабря 1942 года) Лозе высказал аналогичные взгляды¹³.

На конференции 18 декабря 1942 года с участием представителей Восточного министерства, рейхскомиссариата «Остланд» и вермахта состоялось обсуждение некоторых проектов изменений в оккупационной политике, которые уже давно вынашивались в Восточном министерстве, в его главном отделе «Политика». Помимо прочего, речь шла о создании национальных вооруженных формирований под контролем Верховного командования вермахта (ОКВ). Это, в свою очередь, требовало хотя бы формального провозглашения независимости Прибалтийских республик, а также скорейшего возвращения частной собственности.

Проект заинтересовал прежде всего руководство вермахта и СС. Эта заинтересованность в предоставлении автономии республикам Прибалтики объяснялась просто: ОКВ и руководство СС нуждались в дополнительных воинских контингентах. Получить их они надеялись из числа населения оккупированных стран, в том числе Литвы, Латвии и Эстонии, взамен на обещание автономии.

Незадолго до конференции, в конце 1942 года командующий группой армий «Север» фон Кюхлер неоднократно обращался к командующему вермахта в рейхскомиссариате «Остланд» генералу Бремеру с просьбой о дополнительных контингентах солдат из жителей Прибалтики¹⁴. Тот счел эти требования обоснованными и направил в декабре 1942 года меморандум шефу ОКВ Кейтелю, сославшись в нем, в частности, на меморандум лидера латвийской организации «Перконкруст» Целминьша, в котором говорилось о возможности создания латышской дивизии¹⁵.

В то же время проектом предоставления о «независимости» республикам Прибалтики заинтересовалось руководство СС во главе с Гиммлером. (Здесь и далее под словом «независимость»,

как правило, имеются в виду автономия или формальная независимость.) Заинтересованность рейхсфюрера в этом вопросе объяснялась стремлением обеспечить приток добровольцев в легионы СС, вопрос о формировании которых обсуждался еще с мая 1942 года. Еще в начале 1942 года представители оккупированной Латвии (генерал Данкерс и генерал Бангерскис) и Эстонии (глава Эстонского самоуправления д-р Мяэ) были приглашены в Берлин для участия в совещании, на котором обсуждался вопрос о создании войсковых частей из народов Прибалтики. ОКВ одобрило эту идею с условием, что ответственность за проведение этого мероприятия возьмет на себя руководство войск СС. Десятью днями позже начальник штаба оперативного руководства вермахта генерал А. Йодль изложил это предложение Гитлеру. Тот дал положительный ответ: «Дело стоит того, чтобы попытаться». Вермахт предоставил данные об уже имевшихся добровольцах из латышей и эстонцев. Все офицеры должны были получить те же права и обязанности, какие имели немецкие офицеры. Военное судопроизводство и вероисповедание должны были остаться своими, местными. Одним из результатов этого совещания стало формирование Эстонского легиона СС, официально одобренное Гитлером в августе 1942 года.

Свои взгляды по вопросу предоставления автономии оккупированным республикам Прибалтики руководство СС изложило в проекте «государственного договора», который, по-видимому, был разработан в Главном управлении СС к 10 октября 1942 года. Он содержал основные положения будущего государственного устройства Латвии и Эстонии. В ведении немецкой администрации предполагалось сохранить следующие сферы: 1) оборону, включая подготовку и вооружение; 2) внешнюю политику; 3) валюту и планирование экономики; 4) полицию (местная полиция должна была ограничиваться функциями криминальной полиции). В проекте констатировалось, что земельные правительства (Landesregierungen) Латвии и Эстонии должны быть полностью самостоятельны только в вопросах культуры, языка, юстиции и коммунального управления. В качестве высшего исполнительного органа предполагалось создать «нормально избираемые пра-

вительства». Высшим политическим координационным органом должен был стать Имперский совет (Reichsrat); политическая система должна быть 3-партийная. Относительно этого документа известно мало: упоминается лишь о трудностях, связанных с его утверждением. Как говорилось, последние состояли «не только в том, чтобы подключить к этому все имперские министерства, добиться согласия со стороны ОКВ и экономических ведомств, но и добиться полного одобрения со стороны местных национальных правительств» (!)¹⁶. Поэтому трудно судить о том, был ли окончательным этот проект, который не понравился даже местным националистам!

В конце 1942 года в ставке Гиммлера в Летцене (Восточная Пруссия) впервые детально обсуждался вопрос о формировании легионов СС в Прибалтике. Специально для этого туда был вызван ХССПФ «Остланд» Фридрих Йекельн¹⁷. Речь шла о проведении мобилизаций в Эстонии, Латвии и Литве.

Но в осуществлении всех этих планов была одна трудность. Для проведения широкой мобилизации в рейхскомиссариате «Остланд» и тем более для предоставления местным коллаборационистам хотя бы формального независимого статуса требовалось согласие Восточного министерства и его шефа Розенберга. Чиновники министерства и рейхскомиссариата всячески противились этому, надеясь «отделаться» частичным возвращением частной собственности. Лозе и Розенберг считали, что мобилизацию стоит отложить до объявления Закона о реприватизации, надеясь, что коллаборационисты удовольствуются хотя бы этим и не станут просить автономии¹⁸. Таким образом, в этой сделке «мобилизация в обмен на автономию» Восточное министерство становилось ненужным посредником между заинтересованными сторонами, тормозившим все дело.

25 января 1943 года состоялась встреча Гиммлера и Розенберга в узком кругу, на которой между ними наконец было достигнуто согласие. О том, как были разделены сферы влияния между этими двумя организациями, говорит запись в дневнике Розенберга, сделанная после совещания: «Гиммлер должен представлять государственную сферу, а я — укреплять движение в сфере идеологии»¹⁹.

На совещании было также решено, что представитель рейхсфюрера Готлоб Бергер будет переведен в состав Восточного министерства в ранге статс-секретаря (сохранив свой пост шефа Главного управления СС)²⁰. Это укрепило положение рейхсфюрера СС в Восточном министерстве настолько, что в письме от 9 марта 1943 года Бергер писал Гиммлеру: «Наше будущее на Востоке. Через 1—2 года Восточное министерство будет работать по указаниям рейхсфюрера СС»²¹.

С другой стороны, влияние Розенберга в его же собственном министерстве было сведено на нет. Одной из причин этого (а возможно, и следствием) стал его конфликт с рейхскомиссаром Украины Эрихом Кохом. Последний фактически перестал зависеть от министерства Розенберга, после того как 19 мая 1942 года Гитлер на встрече с Кохом и Розенбергом встал на защиту Коха и предоставил ему полную свободу действий, независимо от министерства²². (Кстати, Эрих Кох, отличавшийся на редкость склочным характером, имел немало конфликтов и с руководством СС. Кох, например, предпринял попытку формирования вооруженных формирований из украинцев — типа Schuma-батальонов, но под его собственным началом, что привело к стычке с ХССПФ Украины Прютцманом²³). К тому же рейхскомиссар «Остланда» Хинрих Лозе также не проявлял должного послушания; он добивался передачи «Остланда» в подчинение лично фюреру, а не Восточному министерству Розенберга (подобно рейхскомиссариату Нидерландов во главе с А. Зейсс-Инквартом, или рейхскомиссариату Норвегии во главе с Й. Тербовеном). Он даже рискнул переложить решение некоторых финансовых вопросов на местное самоуправление без согласия Розенберга (в феврале 1942 года)²⁴. При этом за разрешением любого спора с Восточным министерством Лозе также предпочитал обращаться непосредственно к фюреру или к рейхсфюреру СС.

О чрезмерных амбициях Хинриха Лозе свидетельствует, в частности, Петер Клейст, который сообщает один довольно любопытный эпизод. «...В специальном поезде Розенберга, — вспоминал Клейст, — после долгой беседы, сопровождавшейся обильным потреблением алкоголя, Лозе поспорил с доктором Мейером,

статс-секретарем Восточного министерства. Мейер упрекнул его в проведении корыстолюбивой и пристрастной политики. Разъяренный Лозе поднялся и с высоты своего огромного роста бросил в лицо маленькому доктору Мейеру: «Я тебе заявляю, что здесь никто не думает о себе и не работает ради своих собственных интересов. Я лично, я работаю не для себя, я работаю ради того, чтобы мой новорожденный сын в один прекрасный день возложил на свою голову наследственную корону Великого Герцога! Вот ради чего я работаю!»²⁵

По мнению Клейста, именно этой цели были подчинены все меры рейхскомиссара Лозе по концентрации всей собственности, промышленных предприятий, земли и т.п. в своих руках, как и его противодействие любым предложениям о возвращении крестьянам земельных участков и другой собственности. Это мнение подтвердил на суде в Риге в 1946 году Фридрих Йекельн. Он рассказал, что Лозе поддерживал точку зрения Гимmlера в отношении «Остланда» более, чем точку зрения Розенберга; на все высшие должности в рейхскомиссариате «Остланд» он назначал своих знакомых из прибалтийских немцев (одним из них был бургомистр Риги Хуго Виттрок). «Свободные часы, — сообщил Йекельн, — Лозе отдавал разработке конституции Остланда, в соответствии с которой его должность планировалась наследственной»²⁶.

Соглашение Гимmlера и Розенберга и назначение Бергера в Восточное министерство означали, что теперь руководство СС — главная заинтересованная сторона, нуждавшаяся в новых людских ресурсах для пополнения своих дивизий, — теперь сможет самостоятельно решать, какую цену назначить за очередной контингент призывников из Прибалтики — автономию или еще что либо. В результате даже генеральные комиссары вскоре перестали считаться с мнением Розенберга, обращаясь за разрешением всех вопросов непосредственно к рейхсфюреру СС (как, например, поступил генеральный комиссар Эстонии Литцман в 1944 году). Позднее влияние Гимmlера на оккупационную политику еще более возросло. С августа 1943 года его представитель Бергер был назначен начальником специально созданного Оперативного штаба «Политика» в Восточном министерстве, а в марте

и в сентябре 1943 года Гиммлер лично дважды предпринял поездку в рейхскомиссариат «Остланд» для встречи с представителями местных самоуправлений²⁷. По словам Петера Клейста, Гиммлер еще с начала 1943 года начал выступать за автономию «прибалтийских государств»: «Рейхсфюрер СС... был первым, кто произнес слово автономия»²⁸.

Перелом в германской оккупационной политике официально произошел после указа фюрера от 13 января 1943 года о ведении «тотальной войны»²⁹, который дополнила речь Геббельса в Берлинском Дворце спорта 18 февраля 1943 года³⁰ «Тотальная война» означала прежде всего тотальную мобилизацию всех людских ресурсов в армию и промышленность рейха. В соответствии с этим, выдвигались новые требования к пропаганде, которые были сформулированы в директиве Геббельса от 15 февраля 1943 года, направленной всем рейхслейтерам, гаулейтерам и руководителям областных отделов пропаганды. В этих документах нацисты впервые заявили о необходимости использования не только материальных, но и людских ресурсов «всего европейского континента», в том числе и оккупированных восточных территорий, причем как для экономических, так и для военных и политических нужд рейха. В связи с этим провозглашались новые принципы обращения с «восточными народами»:

1) внушение представителям восточных народов идеи, что победа Германии в войне в их же интересах;

2) недопустимость «прямо или косвенно унижать достоинство этих народов...» в публичных речах и статьях. «Представителей восточных народов, надеющихся на свое освобождение с нашей помощью, нельзя называть «бестиями», «варварами», и после этого ждать от них заинтересованности в германской победе», — говорилось в документе;

3) недопустимость любых заявлений о будущей колонизации восточных территорий, основании немецких поселений, выселении местных жителей, а также экспроприации земель (что уже было сделано). Лозунг «германизировать землю, а не народ», выдвинутый когда-то Гиммлером, провозглашался «неудачным». Подобные высказывания, по мнению Геббельса, «только предостави-

ли бы советской пропаганде удобный повод для утверждения, что Германия ставит народы Востока на одну ступень с неграми. Это имело бы следствием только усиление духа сопротивления германскому вермахту и рейху, как среди населения, так и в советской армии», — не без основания считал Геббельс³¹.

Наконец 18 февраля 1943 года закон о возвращении частной собственности в рейхскомиссариате «Остланд» был подготовлен³². Его обнародование предполагалось отложить, пока не будут разработаны инструкции к его проведению в жизнь в трех генеральных комиссариатах Прибалтики. Главной целью этого закона было обеспечить приток добровольцев в легионы СС в Литве, Латвии и Эстонии. В Эстонии планировалось значительно увеличить численность уже существующего Эстонского легиона СС; в Латвии — сформировать латышскую дивизию (15-ю латышскую дивизию СС); в Литве планировалось только впервые приступить к формированию Литовского легиона СС.

Уже на следующий день (19 февраля 1943 года) высший фюрер СС и полиции в «Остланде» обергруппенфюрер СС Йекельн, командующий вермахта в «Остланде» генерал Бремер и генеральный уполномоченный по мобилизации рабочей силы Заукель заключили между собой соглашение о проведении мобилизации в Прибалтике. Было решено создать «совместные» призывные комиссии и провести одновременную мобилизацию в легионы СС, вспомогательные службы вермахта и военную промышленность³³. А еще за три дня до того, 16 февраля 1943 года, Лозе подготовил указ о призыве мужского населения Прибалтики 1919—1924 годов рождения (6 призывных возрастов)³⁴.

МОБИЛИЗАЦИЯ И СОЗДАНИЕ ЛЕГИОНОВ СС

Мобилизация рабочей силы на оккупированных территориях была одной из главных задач немецкой гражданской администрации, учрежденной после оккупации Прибалтики. Впоследствии немецкие власти стали широко прибегать и к военным мобилизациям в легионы СС, вспомогательные части вермахта и т.п., которые приобрели особенно широкий размах с 1943 года.

Непосредственной подготовкой к мобилизации рабочей силы (а также и к последующим воинским призывам) стала обязательная регистрация населения на территории всей Прибалтики. 15 августа 1941 года заместитель рейхскомиссара «Остланда» Фрюндт по поручению Лозе издал 1-е распоряжение о трудовой повинности на территории «Остланда». Согласно этому распоряжению, все жители рейхскомиссариата «Остланд» должны были пройти регистрацию «по требованию соответствующих органов по найму рабочей силы». На основе этого распоряжения в «Остланде» были также введены «Бюро труда» (Arbeitsamt). В Литве, например, было учреждено 4 «бюро труда» в городах — центрах 4 округов — в Каунасе, Вильнюсе, Шяуляе и Паневежисе; каждое из них имело свои филиалы во всех уездах. Распоряжение было впервые опубликовано 1 мая 1941 года и вступило в силу 11 июня 1942 года (в Эстонии)³⁵.

19 декабря 1941 года рейхсминистр по делам оккупированных восточных территорий Розенберг подготовил 2-е распоряжение о трудовой повинности. В нем была объявлена всеобщая трудовая повинность жителей оккупированных восточных территорий в возрасте от 18 до 45 лет. Каждому, кто уклоняется от трудовой повинности, грозило тюремное заключение или каторжные работы. Согласно изданным в дополнение к нему инструкциям рейхскомиссара Лозе, мобилизованные на основе этого распоряжения рабочие могли быть также использованы за пределами рейхскомиссариата «Остланд». Распоряжение было впервые опубликовано 4 марта 1943 года (в Эстонии), послужив основой для проведения «совместной мобилизации» в войска СС, вспомогательные службы вермахта и военную промышленность призывников 1919—1924 г.р. По данным уполномоченного по мобилизации рабочей силы Заукеля от 5 февраля 1943 года, в это время в германской военной промышленности уже работало около 30 000 латышей и эстонцев³⁶.

24 февраля 1943 года, во всем рейхскомиссариате «Остланд» была объявлена мобилизация призывников 1919—1924 г.р. под лозунгом «С Адольфом Гитлером к победе, к оружию, к труду!» Им предлагалось вступать по выбору в легионы СС, вспомогательные

службы вермахта или на работу в военную промышленность. За организацию мобилизации отвечал Отдел III «Трудовая политика и социальное управление» рейхскомиссариата «Остланд», а за практическое проведение — «мобилизационные штабы», состоявшие из представителей германской полиции, вермахта, «рабочих бюро» и местного самоуправления³⁷.

Одновременно начались широкомасштабная мобилизация рабочей силы и угон населения в Германию. 29 марта 1943 года было издано распоряжение о трудовой повинности за подписью Розенберга (с начала войны это было уже третье распоряжение такого рода). В нем провозглашалась трудовая повинность «в условиях тотальной войны» для мужчин от 15 до 65 лет, а также девушек и женщин от 15 до 45 лет. Основанием для освобождения от трудовой повинности могли служить работа в учреждениях, вспомогательных службах и мастерских вермахта, в госпиталях или сан священнослужителя. Все остальные должны были в обязательном порядке явиться в «рабочие бюро» и их филиалы³⁸.

Явка призывников во всех трех генеральных комиссариатах составила около 85 %. Всего в ходе весенней мобилизации 1943 года было призвано:

в Эстонии: 1) в Эстонский легион СС — около 5300 чел.; 2) во вспомогательные службы вермахта — около 6800 чел.

В Латвии: 1) в Латышский легион СС — около 17 900 чел.; 2) во вспомогательные службы вермахта — около 13 400 чел.³⁹

В Литве попытка сформировать Литовский легион СС полностью провалилась.

«ПЛАН АВТОНОМИИ»:

ПО ОБРАЗЦУ ПРОТЕКТОРАТА БОГЕМИИ И МОРАВИИ

Тем временем 1 февраля 1943 года Дрекслер направил рейхскомиссару Лозе второе письмо, в котором оценивал создавшееся положение как критическое и требовал, чтобы Восточное министерство как можно скорее приняло решение по вопросу автономии. В ответ Лозе предложил три варианта решения так называемого Остланд-кризиса, которые и изложил в письме Розенбергу

от 2 февраля 1943 года. Первым и наилучшим вариантом Лозе считал расширение полномочий самоуправления, однако сразу же добавлял, что он неприемлем, поскольку невозможно отобрать у немецких генеральных комиссариатов закрепленные за ними полномочия. Второй вариант заключался в том, чтобы создать «смешанное» управление, включив в его состав нескольких членов самоуправления. (Оба первых варианта практически повторяли предложения Дрекслера.) В качестве третьего варианта Лозе предлагал включить нескольких немецких чиновников генерального комиссариата в состав местного самоуправления — по образцу протектората Богемии и Моравии. Последний вариант Лозе считал единственно правильным, раз уж самоуправления вообще были признаны немецкими властями. Аппарат генерального комиссара должен был сохраниться лишь в качестве наблюдательного органа. Деятельность уездных органов самоуправления будет находиться под контролем гебитскомиссаров. В результате такого решения, считал Лозе, немецкое влияние в Прибалтике не только не уменьшится, а, наоборот, усилится. Правда, при этом Лозе пояснял, что предложенная им модель приемлема лишь для Латвии и Эстонии, но не для «непослушной» Литвы⁴⁰.

На основании этих предложений в Восточном министерстве в начале 1943 года была разработана серия инструкций и рекомендаций для соответствующего указа фюрера. Все эти документы получили название «План автономии». Они предполагали следующие изменения:

1) подчинить генеральный комиссариат «Белоруссия» не рейхскомиссару «Остланда», а непосредственно Имперскому министерству по делам оккупированных восточных территорий (официально это было сделано 1 апреля 1944 года);

2) Представлять интересы германского рейха в трех прибалтийских государствах будет не рейхскомиссар, а «рейхсрезидент» (Reichsresident), а в каждом из этих государств — «ландесрезиденты» (Landesresidenten) вместо генеральных комиссаров. От германского аппарата чиновников на территории прибалтийских государств на уровне гебитскомиссаров предполагалось отказаться. Правда, в одной из следующих разработок гебитскомис-

сары должны были сохранить свои посты в качестве «окружных инспекторов» (Gebietsinspekteure); их задача — информировать «ландесрезидентов» обо всех событиях в округах. При этом оговаривалось также, что «в случае опасности окружные инспектора имеют право самостоятельно издавать распоряжения в своем округе или проводить самостоятельные меры». Это прямо указывало на иллюзорный характер автономии;

3) каждое из трех прибалтийских государств будет иметь свое «земельное правительство» (Landesregierung), состоящее из «земельных министров» (Landesminister). Их внешняя политика, оборона, таможня, транспорт и почта должны находиться в непосредственном ведении рейха. Официально все три прибалтийские республики будут иметь статус «государств под протекторатом рейха». Каждая страна должна была иметь право на свой флаг, герб и печать (в последующих разработках эта статья отсутствовала).

8 февраля 1943 года Розенберг лично представил Гитлеру разработанный в Восточном министерстве «План автономии». Проект изменения государственно-правового статуса прибалтийских государств обсуждался в тесной связи с вопросом формирования национальных легионов. Гитлер высказал свое согласие с предполагаемой реприватизацией и увеличением продовольственных раций до того уровня, который существовал в Германии. Но по поводу «Плана автономии» фюрер не сказал ничего определенного, не отклонив этот проект, но и не одобрив. Поэтому в течение всего февраля 1943 года «План автономии» дорабатывался в отделах Восточного министерства в надежде, что после доработки фюрер одобрит его. В конце марта 1943 года Розенберг узнал из третьих рук — от шефа рейхсканцелярии Ламмерса, сославшегося на официальную запись Бормана (!), — что фюрер склонен отложить решение вопроса о предоставлении автономии до окончания войны. По просьбе Розенберга Ламмерс спросил у Гитлера, действительно ли он так считает. Гитлер подтвердил запись Бормана и отказался подписывать какие-либо призывы к «восточным народам»⁴¹.

После отклонения Гитлером «Плана автономии» в Восточном министерстве стали искать другие пути решения «Остланд-

кризиса». 12 марта 1943 года Георг Лейббрандт (начальник Главного отдела I «Политика» Восточного министерства) встретился в Берлине с Трампедахом и поручил ему подготовить предложения относительно дальнейших политических и экономических мер в рейхскомиссариате. 15 марта 1943 года Трампедах подготовил документ, состоящий из следующих пунктов: 1) генеральный комиссариат Белоруссия должен быть выведен из состава рейхскомиссариата «Остланд» и передан в прямое подчинение Восточному министерству; 2) в генеральных комиссариатах Латвия и Эстония следует установить тот же уровень цен, зарплаты и прочего снабжения, как в Германии; 3) Необходимо заявление рейхсминистра по делам оккупированных восточных территорий о гарантии эстонцам и латышам (исключая латгальцев), что они не будут выселены со своих земель, а, напротив, будут в большинстве своем включены в состав немецкого народа «без насильственной ассимиляции их нации, культуры, языка и веры»; 4) в Латвии необходимо заменить некоторых генеральных директоров (особенно Данкерса и Валдманиса), так как они не поддерживали весеннюю мобилизацию 1943 года; 5) необходимо обновить административную структуру в соответствии с принципами «смешанного» управления (в рамках «Организационного указа» от 7 марта 1942 года), так, чтобы политически надежные латыши и эстонцы вошли в состав генерального комиссариата. Деятельность Восточного министерства должна ограничиться разработкой основополагающих политических и политико-экономических директив. Координация их вменяется в обязанность рейхскомиссара. Предполагалось также, что начальники отделов и главных отделов в генеральных комиссариатах будут действовать одновременно как генеральные директора самоуправления, но не как подчиненные или служащие. «Чем больше удастся найти надежных местных директоров, тем меньше придется назначать немецких. Необходимым является лишь назначение немца на пост директора по делам экономики, так как это в интересах германской военной экономики», — говорилось в документе.

К тому времени из-за провала мобилизации в Литовский легион СС на успешное сотрудничество с населением Литвы никто

не рассчитывал. Поэтому Литва не фигурировала в этом плане вообще. Трампедах в своих установках исходил из доклада рейхс-комиссара Лозе Розенбергу от 2 февраля 1943 года, в котором предлагалось сокращение аппарата генеральных комиссаров при сохранении аппарата рейхскомиссара⁴².

В Восточном министерстве этот план снова вызвал противоречивое отношение. Петер Клейст (начальник Отдела I.2 «Остланд» в Восточном министерстве) счел основную идею Трампедах правильной, но возражал против предложенных мер. По его мнению, следовало расширить функции местного самоуправления, а полномочия рейхскомиссара и генеральных комиссаров, наоборот, свести исключительно к политическому контролю⁴³.

Вот что рассказывает об этом сам Петер Клейст: «Министр восточных территорий вызвал в феврале 1943 года в Берлин рейхс-комиссара Лозе и советника Бурмейстера, его сотрудника, для участия в конференции, в которой я тоже был вызван принять участие. Я составил вместе с Бурмейстером «план автономии», который, по сравнению со всеми предыдущими, шел очень далеко и лишь в деталях отличался от статуса суверенного государства. Лозе пробудился от своих довольно-таки детских снов о «великом герцогстве» и удовольствовался лаконичным заявлением: «Хорошо. Я согласен со всем этим. Но все эти надежды напрасны, если мы не выиграем сначала войну». Розенберг высказал больше подозрительности — он критиковал ругался и, наконец, воскликнул, читая статью относительно национальных флагов в трех странах (которые у них были, впрочем, и которые вывешивались во всех торжественных случаях!): «Национальные флаги! Это же ирландский бунт!» В этот момент я под каким-то предлогом покинул заседание. Бурмейстер выскользнул оттуда вслед за мной, воскликнув: «Уйдем из этого сумасшедшего дома!» Таким образом, попытки создать автономию провалились»⁴⁴.

Между Восточным министерством и рейхскомиссариатом «Остланд» снова начались многомесячные и безрезультатные переговоры. Особенно срочным считался вопрос о государственно-правовом статусе Латвии и о преобразовании немецкой гражданской администрации там в «смешанное» управление по образцу

Протектората Богемии и Моравии. Особую активность в решении этого вопроса проявлял Дрекслер, генеральный комиссар Латвии. Предложенная им модель была следующей: 1) ввести в состав Латышского самоуправления немецких чиновников (в качестве заместителя при каждом латышском генеральном директоре, кроме директората по вопросам юстиции, где планировалось сохранить разделение функций); 2) в области экономики выбрать один из двух вариантов решения: а) назначение немецкого руководителя Главного отдела III «Экономика» в составе генерального комиссариата (ГК) на пост генерального директора по вопросам экономики в Латышском самоуправлении; б) назначение нескольких немецких заместителей при латышском генеральном директоре по вопросам экономики. При необходимости немецким заместителям будет придан их аппарат чиновников из ГК; 3) в распоряжении ГК оставить лишь небольшой штаб; немецкие гебитскомиссары также должны сохранить свои посты⁴⁵. В Восточном министерстве план Дрекслера был встречен так же прохладно, как и план Трампедаха. По мнению все того же Клейста, при такой системе «смешанного» управления слишком многое должно было зависеть от личных взаимоотношений». На основе этих планов и «Организационного указа» 1942 года, в Главном отделе I «Политика» Восточного министерства был составлен свой проект, предполагавший расширение полномочий местных самоуправлений.

Лозе и Бурмейстер (начальник Главного отдела I «Администрация» в рейхскомиссариате Остланд) в середине июля 1943 года предприняли поездку в Берлин, чтобы изложить свои планы создания «смешанного» управления в Восточном министерстве. Розенберг не решился одобрить их и рекомендовал обратиться напрямую к фюреру за одобрением. На деле это означало отказ. Тем самым Розенберг продемонстрировал свою полную неспособность разрешить «Остланд-кризис»⁴⁶.

Но тем временем рейхсфюрер СС не терял времени даром. В конце сентября 1943 года он предпринял свою вторую поездку в Прибалтику, посетив Ригу и Таллин, для переговоров с представителями Латышского и Эстонского самоуправлений. В ходе этих переговоров Гиммлер дал несколько обещаний относительно

автономии. В Таллине он встретился с первым ландесдиректором Эстонского самоуправления д-ром Хялмаром Мяз и обсудил вопрос о новой мобилизации в Эстонский легион СС. Мяз выдвинул условие: «Мобилизация в обмен на автономию». В ответ рейхсфюрер заверил его, что план автономии для Эстонии якобы уже разработан и представлен Гитлеру. «Гитлер подпишет Вашу автономию без размышлений», — заявил он. Гиммлер также дал понять, что обнародование этого плана — всего лишь «вопрос нескольких дней», однако фюрер ждет от эстонцев «проявления доброй воли» и введения всеобщей воинской повинности. На вопрос д-ра Мяз о гарантиях будущей автономии рейхсфюрер СС ответил: «Верьте мне!» Формальностями должен был заняться генеральный комиссар Эстонии Литцман. «В обмен» на провозглашение автономии Гиммлер потребовал мобилизации 8000 человек в Латвии и 6000 — в Эстонии, в качестве пополнения для легионов СС. По словам его ближайшего помощника Готлоба Бергера, Гиммлер смело заверил всех, что фюрер «не против» автономии Латвии и Эстонии в рамках рейха, которая заслужена храбростью эстонских и латышских добровольцев в войсках СС⁴⁷. В действительности все эти обещания были не более чем блефом.

КРАХ «ПЛАНА АВТОНОМИИ»

Известие о поездке Гиммлера в Латвию и Эстонию, а также о раздаваемых им обещаниях автономии взамен на всеобщую мобилизацию в легионы СС дошло до Розенберга 28 сентября 1943 года. Встревоженный министр обратился к шефу имперской канцелярии Ламмерсу с письмом, в котором спрашивал, правда ли то, о чем говорил Гиммлер в Таллине и в Риге. В том же письме Розенберг срочно просил аудиенции у Гитлера, чтобы рейхсфюрер СС не опередил его. «На всякий случай, — сообщил Розенберг Ламмерсу, — я снова направил вопрос [об автономии] на доработку».

11 октября 1943 года в Восточном министерстве впервые в деталях обсуждали вопрос об автономии. Основой для обсуждения стал меморандум Бройтигама от 4 октября 1943 года. Подробные

проекты также разработали П. Клейст и профессор фон Менде (начальник Отдела I.5 «Кавказ» в Восточном министерстве).

Проект Бройтигама содержал следующие принципы: 1) главное — это стратегические интересы рейха, сохранение немецких гарнизонов в Латвии и Эстонии, а также немецкого контроля за транспортом и средствами связи; 2) генеральные комиссары Эстонии и Латвии должны быть переименованы в «рейхсрезидентов». В их задачи должно входить представление интересов рейха при местных «земельных правительствах». Рейхсрезиденты должны помимо прочего позаботиться о том, чтобы новые конституции Латвии и Эстонии отвечали интересам рейха. Аппарат рейхско-миссара «Остланда» должен быть распущен; 3) каждое из государств должно выработать свою конституцию, избрать правительство и парламент. Рейхсрезидент имеет право вмешаться в их деятельность, если она наносит ущерб интересам рейха⁴⁸.

В ответ на эти предложения Розенберг выступил со своими требованиями, которые следовало учесть в плане. По его мнению, немецкая администрация должна была сохранить за собой следующие сферы: 1) вопросы обороны и полицейских мероприятий; 2) валютная и таможенная политика; 3) общий контроль над почтой, телеграфом, радио и транспортом; 4) внешняя политика и представительство за границей; 5) сохранение бывшей госсобственности Латвии и Эстонии как «германской собственности» в качестве возмещения убытков, которые нанесла Германии земельная реформа 1920-х годов.

Эти требования тут же натолкнулись на серьезную критику. Начальник Отдела II.1 «Внутреннее управление» Восточного министерства Лабс возразил против последнего пункта, так как у Германии и так будет возможность использовать ресурсы этих стран в своих интересах. Он также возражал против сохранения должностей гебитскомиссаров, которое не согласуется с планами автономии. Бройтигам вообще считал, что требования Розенберга превращают все планы автономии в бесполезную макулатуру. «Если между полной автономией и полной аннексией есть много промежуточных ступеней, то этот план на 90 % означает аннексию», — заявил он⁴⁹. Таким образом,

«План автономии» снова зашел в тупик, так и не будучи представленным Гитлеру.

Рейхскомиссар Лозе узнал об обсуждении «Плана автономии» и о замыслах Гиммлера в отношении Прибалтики 30 октября 1943 года, находясь в Берлине. Лозе тут же понял, что согласно всем этим проектам его пост может быть в скором будущем упразднен. По этому поводу между ним и Бергером даже возникла перепалка. 31 октября 1943 года Лозе стало известно от Бормана о готовящемся провозглашении автономии, а также о мобилизации еще 10 призывных возрастов в «Остланде», проводить которую будут органы СС. Так как до сих пор он не слышал о планах Розенберга и Гиммлера, то решил, что все эти меры направлены против него лично. Указ фюрера от ноября 1943 года о мобилизации 10 призывных возрастов в Латвии и Эстонии подтвердил его опасения.

В ноябре 1943 года, по примеру Коха, Лозе решил обратиться «за справедливостью» напрямую к фюреру, направив ему свой меморандум (перед тем адресованный Розенбергу, от 10 ноября 1943 года)⁵⁰. В нем, помимо своего недовольства планами автономии, Лозе возражал против мобилизации 10 призывных возрастов, ссылаясь на то, что мобилизация вызвала падение производства в военной промышленности и предприятиях снабжения вермахта.

Тем временем 16 и 17 ноября 1943 года в ставке фюрера состоялось обсуждение проектов автономии, выдвинутых руководством СС, и оформленных окончательно в Восточном министерстве (проект Бройтигама от 4 октября 1943 года)⁵¹. В совещании приняли участие Розенберг, Гиммлер, Борман, Ламмерс и Лозе. Гитлер снова высказался в том же духе, что он не хочет «в трудное время демонстрировать столь далеко идущую любезность». Правда, он предложил переработать этот проект, оставив возможность так называемой «культурной автономии» после окончания войны. Фюрер распорядился откорректировать «План автономии» и выразил желание обсудить его с министром иностранных дел Риббентропом перед обнародованием⁵². На том же совещании была рассмотрена жалоба рейхскомиссара Лозе в связи с мобили-

зацией в легионы СС. В итоге было достигнуто соглашение, что контингент призывников из Латвии не превысит 20 000 человек, а из Эстонии — 10 000 человек. Лозе признал, что эти цифры его устраивают и что это не нанесет значительного вреда военной промышленности⁵³.

20 ноября 1943 года Ламмерс в письме сообщил Розенбергу, что фюрер обсудил проект с Риббентропом и счел его «в настоящее время не противоречащим интересам рейха», но предложил все же отказаться от него. Розенбергу рекомендовалось обратиться непосредственно в МИД, если он заинтересован в прокламации для народов Латвии и Эстонии⁵⁴. С этого момента инициатива перешла к Министерству иностранных дел, которое разработало ряд довольно неопределенных планов, в том числе проект положений о «Европейской конфедерации». В составе германского МИДа еще 5 апреля 1943 года был создан так называемый «Комитет «Европа»⁵⁵. Он занимался разработкой более глобального плана, чем «План автономии» для стран Прибалтики, и еще менее конкретного. 9 сентября 1943 года эта конкурирующая организация издала проект положений о «Европейской конфедерации» и свои установки к нему⁵⁶. Каких-либо конкретных обещаний в отношении стран Прибалтики, кроме пропагандистских лозунгов, в нем не содержалось. Как следует из многочисленных высказываний Гитлера «в узком кругу», сама идея «Объединенной Европы» была чистой воды пропагандой⁵⁷. Германская оккупационная политика умело использовала национальные идеи разных народов, как и идею «Объединенной Европы» в своих целях.

Таким образом, на «Плане автономии» был поставлен крест. Говорить о том, что план Гимmlера и Бергера потерпел провал, было бы не совсем верно. Планы Гимmlера и относительно будущего прибалтийских государств были совершенно иными, а обещание автономии было всего лишь средством побудить коллаборационистов к более эффективному сотрудничеству, с целью заполучить как можно больше солдат. Тем не менее Гимmlер продолжал играть на идее предоставления автономии, требуя все новые контингенты призывников из Латвии и Эстонии.

ДЕЛКА БЕЗ ПОСРЕДНИКОВ: НОВЫЕ МОБИЛИЗАЦИИ И НОВЫЕ ОБЕЩАНИЯ

Теперь, после того как Восточное министерство Розенберга было фактически отстранено от дел в Прибалтике, а Министерство иностранных дел Риббентропа не вмешивалось в оккупационную политику вообще, полномочным хозяином рейхскомиссариата «Остланд» стал рейхсфюрер СС Гиммлер. Все ненужные посредники в лице Розенберга, а также рейхскомиссара Лозе фактически больше не могли вмешиваться в мобилизационные мероприятия, проводимые СС.

В октябре 1943 года в Латвии и Эстонии была объявлена новая (осенняя) мобилизация в легионы СС (в Латвии она началась 4 октября 1943 года). Для ее проведения в аппарате высшего фюрера СС и полиции в «Остланде» был создан специальный орган — «Инспекция пополнения войск СС «Остланд» (Ersatz—Inspektion Ostland der Waffen-SS), штаб которой находился в Риге⁵⁸. Она имела в своем подчинении два филиала — в Латвии и в Эстонии. В Латвии мобилизацию в Латышский легион СС осуществляла «Команда пополнения войск СС «Латвия», действовавшая при фюрере СС и полиции в Латвии Шрёдере. Во главе ее стоял генерал-инспектор Латышского легиона СС, бывший генерал латвийской армии, легион-группенфюрер Рудольф Бангерскис⁵⁹. В Эстонии мобилизацией в Эстонский легион СС занималась «Команда пополнения войск СС «Эстония» при фюрере СС и полиции в Эстонии Мёллере. 26 октября 1943 года начальником «Команды «Эстония» и генерал-инспектором Эстонского легиона СС был назначен бывший полковник эстонской армии, а ныне — легион-оберфюрер Йоханнес Соодла⁶⁰.

На этот раз мобилизация проводилась исключительно органами СС — «Инспекцией пополнения СС «Остланд» и ее филиалами в Латвии и Эстонии⁶¹. В декабре 1943 года Гитлер вообще передал все полномочия на проведение мобилизаций в Латвии и Эстонии из ведения вермахта (имевшего 50 призывных участков на территории Латвии) в ведение Гиммлера⁶². Призывники могли также записаться в легионы СС в ближайшем участке полиции. Контин-

гент призывников составляли явившиеся на переосвидетельствование призывники 1919—1924 годов рождения, а также призывников 1925 года рождения (призыв последних начался в Эстонии 26 октября 1943 года).

В начале ноября 1943 года было издано распоряжение Гитлера о мобилизации в Латвии и Эстонии 10 призывных возрастов (1915—1924 г.р.). Численность требуемого контингента была определена и согласована с рейхскомиссаром Лозе на совещании 16 ноября 1943 года. Эстония должна была набрать 10 000 человек, а Латвия — 20 000 человек. 2-й этап осенней мобилизации 1943 года начался в Латвии в начале декабря 1943 года (призыв Данкерса о мобилизации призывников 1915—1924 г.р. был опубликован еще 17 ноября 1943 года). В Эстонии призыв начался в январе 1944 года. Результаты 1-го этапа мобилизации (до декабря 1943 года) составили: 3375 человек в Эстонии и 5637 — в Латвии. После 2-го этапа (по данным на 1 февраля 1944 года) к ним добавились еще 900 человек в Эстонии и не менее 5167 человек в Латвии⁶³.

В конце января 1944 года Гиммлер постановил провести в Латвии и Эстонии мобилизацию новых призывных возрастов, направив соответствующий приказ Йекельну. Ответственность за проведение мобилизации была возложена на «Инспекцию пополнения СС «Остланд» и ее филиалы⁶⁴.

28 сентября 1944 года Йекельн созвал на совещание в Ригу всех военных и гражданских руководителей в «Остланде», чтобы сообщить им неутешительное известие о предстоящем отступлении немецких войск и эвакуации части эстонской территории. Глава Эстонского самоуправления д-р Мяз сразу же объявил, что если немецкое командование планирует отступить на линию реки Двины [то есть оставить всю территорию Эстонии], то он готов провести тотальную мобилизацию.

Фридриху Йекельну пришлось несколько охладить этот порыв. По его словам, д-р Мяз был просто пьян. Вместо тотальной мобилизации Йекельн потребовал лишь передачи на фронт всего личного состава эстонских отрядов «самообороны» («Омакайтсе») или мобилизации 7000 эстонцев, чтобы они могли удержи-

вать фронт в ходе отступления. Аналогичные требования были выдвинуты в отношении Латвии (мобилизация 7000 человек). Идею о тотальной мобилизации Йекельн отклонил, однако Мяз продолжал настаивать, говоря, что, дескать, нельзя мобилизовать определенное число людей, не зная численности призывников того или иного года. Его идею поддержал Литцман.

Йекельн от лица немецких властей заявил, что он готов вооружить только 12 000 эстонцев и 7000 латышей. Представители Эстонского и Латышского самоуправлений Мяз, Соодла и Бангерскис полагали, что немцы явно опасались создания крупных национальных армий, к тому же под единым национальным руководством. Велика была опасность, что они выйдут из-под контроля или даже перейдут на сторону противника. Однако благодаря вмешательству Литцмана во время специально предпринятой поездки в Берлин, в Эстонии было «разрешено» призвать в ходе весенней мобилизации 1944 года 15 000 человек⁶⁵.

Последняя (тотальная) мобилизация в Латвии и Эстонии началась 1 февраля 1944 года (весенняя мобилизация 1944 года). Призыву подлежали мужчины 1904—1923 годов рождения⁶⁶, которых затем направляли в основном в легионы СС. Продолжалась она фактически до августа 1944 года, то есть до последних дней немецкого оккупационного режима в Прибалтике.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О «БРАТСТВЕ СОЛДАТ ВОЙСК СС» И «БОРЬБЕ ЕВРОПЫ ПРОТИВ БОЛЬШЕВИЗМА»

Эстонцы и латыши, служившие в войсках СС, имели несколько иной статус, нежели немецкие солдаты. В войсках СС существовала единая система званий: от ротенфюрера СС до оберст-группенфюрера СС соответствовавших званиям от ефрейтора до генерал-полковника. Однако с появлением «национальных» легионов и дивизий СС, немцы начали задумываться об их статусе. Ведь первоначально отряды СС и только начинавшие формироваться войска СС должны были составить «расовую элиту германского народа», и не каждый немец мог пройти расовый отбор, чтобы поступить туда. Создание «национальных» частей

в СС означало бы, что, например, какой-нибудь русский или латышский офицер СС будет иметь равные права с немецким офицером, а может быть, и командовать немецкими младшими офицерами и солдатами. Однако разве поход против Советского Союза не был начат с целью уничтожения, выселения в Сибирь или порабощения этих русских? Разве не предусматривали планы Третьего рейха германизацию лишь небольшого процента латышей? Или нужно сделать исключение для некоторых политически «благонадежных»? Но как же быть тогда с расовой теорией, от которой нацисты не могли отказаться? Ведь она служила пропагандистским, «научным» фундаментом для всей оккупационной политики, для уничтожения и завоевания целых народов и государств. Таким образом, для немцев было необходимо не только как-то отличать «национальные» части от немецких частей, но и не допустить, чтобы они имели равный статус с ними.

Многие бывшие офицеры и генералы СС (Ф. Штейнер⁶⁷, П. Хауссер⁶⁸, О. Скорцени⁶⁹ и др.) пытаются в своих мемуарах представить войска СС как некие интернациональные вооруженные силы «Новой Европы», «правые интербригады» (в противовес интербригадам республиканской Испании), где служили представители практически всех национальностей из всех европейских стран.

Но это было не так: даже после изменения курса германской оккупационной политики в 1943 году со всеми вытекающими отсюда последствиями, специально для различия национальной принадлежности и, соответственно, статуса той или иной дивизии, были введены 3 градации — в соответствии с приказом рейхсфюрера СС и шефа германской полиции Гиммлера от 22 января 1944 года. В нем идет речь о формировании «негерманских» полков (в составе бригад и дивизий), которые следовало официально именовать полками (бригадами, дивизиями) «войск СС», для отличия от собственно немецких «дивизий СС» и дивизий из родственных «германских» народов (голландцев, датчан, норвежцев, фламандцев и др.) — «добровольческих дивизий СС»; причем помимо названия и номера дивизии, в официальных документах следует указывать «национальную принадлежность» каждой дивизии и ее «национальный номер» в скобках, в добавление к по-

рядковому номеру в СС (например: 19-я гренадерская дивизия войск СС (латышская № 2))⁷⁰.

Таким образом, 1-ю ступень образовывали «дивизии СС», состоявшие из чистокровных немцев, 2-ю ступень — «добровольческие дивизии СС» из представителей «родственных германских народов». 3-ю ступень составляли «дивизии войск СС», формировавшиеся из всех прочих «неполноценных» народов — русских, латышей, эстонцев, украинцев, белорусов, хорватских мусульман, венгров, итальянцев, индийцев, народов Кавказа и Средней Азии и т.д.

С этой же целью для войск СС и легионов СС была создана особая система воинских званий, основанная на системе, уже существовавшей в СС. Легионеры получали звания от легион-ротенфюрера до легион-группенфюрера (от ефрейтора до генерал-лейтенанта); солдаты войск СС (нем.: Waffen SS) — от ваффен-ротенфюрера — до ваффен-группенфюрера. Это должно было отличать их от ротенфюрера СС или группенфюрера СС — такие звания носили только в немецких и «германских» добровольческих дивизиях. Соответственно, легионер даже в генеральском звании никак не мог командовать немецкими солдатами, и это хорошо иллюстрирует распределение обязанностей между немецкими и прибалтийскими офицерами в латышских и эстонской дивизиях войск СС. Немцы занимали посты либо командиров дивизий, либо составляли штаб при немецком командире, либо выполняли роль инструкторов при местных латышских или эстонских командирах более мелких подразделений, не подчиняясь им. Обязательное указание «национальности» той или иной дивизии также служило тому, чтобы легионер одной национальности не был поставлен командиром над легионерами другой.

Когда же Германия оказалась в критической ситуации, расовая доктрина была практически забыта. С 1943 года в составе «Войск СС» начали формироваться целые дивизии из «неполноценных» народов. В феврале 1944 года начался массовый прием в ряды СС заключенных концлагерей из числа немецких уголовников, до того времени выполнявших роль капо, старших по блокам и т.д.

(например, в лагере уничтожения Освенцим)⁷¹. В последние дни войны, например, в 36-ю дивизию войск СС Дирлевангера начали принудительно вербовать из концлагеря Заксенхаузен не только всех немцев, включая и политзаключенных, но даже цыган⁷². Расчет делался на то, что любой солдат антигитлеровской коалиции, тем более Красной Армии, будет видеть врага в человеке, одетом в эсэсовскую форму. А тому не останется ничего другого, кроме как защищать свою жизнь. Именно такую участь готовили нацисты для многих своих «товарищей» из национальных легионов СС, мобилизация в которые уже с весны 1943 года проводилась в принудительном порядке.

* * *

Какова же была роль коллаборационистов и их местных органов самоуправления во всех проводившихся мобилизациях? Как признают многие историки, как в нашей стране, так и за рубежом, их «борьба за независимость» представлялась скорее показной. Каждая уступка немецких властей в плане расширения полномочий самоуправления, имела целью выжать из местных республик Прибалтики новые контингенты призывников для легионов СС, вермахта, полиции, для отправки на принудительные работы в рейх (в военную промышленность и пр.). А каждое новое воззвание к народу местных националистов, рядившихся в патристические одежды, было продиктовано стремлением вернуть себе власть и собственность, отобранные у них в 1940 году советской властью.

Именно поэтому местное самоуправление, состоявшее в основном из бывших политиков, предпринимателей, духовенства, военной и чиновничьей верхушки, послушно выполняло все эти требования (хотя и не получив взамен обещанного!). Существенного влияния на оккупационную политику Латышское самоуправление не оказывало. Как справедливо отмечает советский историк А.К. Рашкевиц, «самоуправление не имело никакой самостоятельности. Это была приманка, чтобы под вывеской «самостоятельности» лучше выкачивать налоги и поставки, а позднее производить незаконную мобилизацию и вывоз населения из

Латвии»⁷³. Это подтвердил в своих показаниях во время судебного процесса в Риге в 1946 года бывший фюрер СС и полиции в Прибалтике Фридрих Йекельн. «Все они... были большими друзьями немцев, — заявил он, говоря о местном самоуправлении в Эстонии, Латвии и Литве. — Эти люди руководствовались только немецкими интересами и нисколько не задумывались о судьбе своих народов...»⁷⁴

Собственный народ служил для прибалтийских коллаборационистов всего лишь разменной монетой в торге с оккупационными властями по поводу возвращения им потерянных в 1940 году власти и собственности...

Глава V

«НАРОД, НЕ ДОСТОЙНЫЙ НОСИТЬ ОРУЖИЕ» (ЛИТВА)

МЕСЯЦ И ДЕСЯТЬ ДНЕЙ «САМОСТИЙНОЙ» ЛИТВЫ

Части вермахта вошли в города Каунас и Вильнюс 24 июня 1941 года, через два дня после начала войны, а уже 27 июня оккупация всей Литвы была завершена. В эти дни казалось, что блицкриг идет по плану. Однако их литовские «помощники» опередили своих немецких «коллег», захватив власть в ряде городов сразу после эвакуации оттуда частей Красной Армии.

Эти отряды националистических повстанцев начали тайно создаваться еще задолго до начала войны, вскоре после установления советской власти в Литве. Некоторые из них вели подпольную работу на территории Литвы еще с июня 1940 года — в их числе так называемый «Шаулистский батальон смерти» и «Комитет спасения Литвы», созданные при помощи германской разведки из бывших членов полувоенной молодежной организации «Яунои Лиетвуа» («Молодая Литва»), хотя ряд руководящих деятелей этих организаций и был арестован органами НКВД в 1940—1941 годах¹. Правда, если бы не помощь германских спецслужб, возможно, их существование оказалось бы недолгим.

После установления советской власти в Литве многие литовские националистические деятели нашли убежище в Берлине. Именно там был создан «Фронт литовских активистов» (ФЛА), претендовавший на роль верховного руководителя литовских повстанцев. Он образовался 17 ноября 1940 года по инициативе

бывшего посла Литвы в рейхе полковника Казиса Шкирпы, который и возглавил его. В состав руководства ФЛА вошли некоторые представители довоенной либерально-буржуазной Партии ляудининков (инженер Галванаускас, адвокат Скипитис, представители духовенства Карвялис, Мацейна, ксендз Ила), а также представители довоенной Партии таутининков (бывший заместитель министра финансов Данта, адвокат Дирмейкис, журналист Валюкенас, майор Пирагюс, майор Пуоджюс, инженер Брунюс и др.). Фронт литовских активистов провозгласил создание «правительства Литвы в эмиграции» во главе с К. Шкирпой еще до начала войны. Немецкие официальные лица оказывали ему поддержку и даже делали вид, будто признают его, однако формально ни в одном документе это не оговаривалось, тем более что признание «правительства Литвы в изгнании» противоречило бы советско-германским договорам 1939 года. Немцы использовали контакты ФЛА с националистическим подпольем в Литве для заброски агентуры и создания там своей «пятой колонны», но при этом не желали связывать себя какими-то обещаниями, особенно относительно независимости Литвы².

Новые националистические отряды начали формироваться в Литве в тот же день, когда стало известно о нападении Германии на Советский Союз. От 35 000 до 36 000 человек действовали под контролем Фронта литовских активистов, который посылал в Литву своих эмиссаров из Берлина. Еще от 90 000³ до 100 000⁴ вооруженных литовских националистов действовали в разрозненных отрядах, которые не контролировались ФЛА (например, небольшой отряд под началом бывшего журналиста Ионаса Климайтиса⁵).

Многие из этих отрядов также были сформированы немецкой разведкой. Управление «Абвер-1» (занимавшееся диверсиями и саботажем) накануне войны против Советского Союза сколотило свои «особые отряды» для действий в Северной Прибалтике. Один из таких отрядов, одетый в советскую форму, имел задание захватить железнодорожный туннель и мосты близ Вильнюса. Всего до мая 1941 года органами НКВД было обезврежено на территории Литвы 75 агентурных групп абвера и СД⁶. Потери литов-

ских националистов в боях с Красной Армией в первые дни войны составили примерно от 4000⁷ до 5000 чел.⁸

На следующий день после нападения Германии на Советский Союз, едва Каунас был оставлен частями Красной Армии, как литовские повстанцы захватили город.

По каунасскому радио от имени «Фронта литовских активистов» выступил один из его лидеров, Ляонас Прапуолянис. Он выразил благодарность Гитлеру «за освобождение Литвы» и объявил о создании «Временного правительства Литвы». Список кабинета министров возглавлял Казис Шкирпа, провозглашенный премьер-министром. Министром обороны был назначен бывший генерал литовской армии Стасис Раштикис (оба в тот момент находились в Германии, куда эмигрировали в 1940 году)⁹. Исполняющим обязанности премьер-министра и одновременно министром просвещения «Временного правительства Литвы» стал клерикальный деятель Амбразявичюс, а министром внутренних дел — Шлепетис¹⁰. Не дожидаясь, пока остальные члены «кабинета министров» прибудут в Литву, они взяли на себя все руководство. 3 июля 1941 года вышел в свет первый номер газеты «Фронта литовских активистов» «И лайсве», в которой была опубликована политическая декларация ФЛА¹¹. В ней заявлялось, что независимая Литва готова всячески содействовать Германии в построении «новой Европы».

Под контролем представителей «Фронта литовских активистов» в Литве началось восстановление довоенных органов власти. С 22 по 27 июня 1941 года во многих городах были организованы комендатуры, полиция, городские управы, районные и городские комитеты ФЛА. В большинстве городов были назначены свои военные коменданты. Так, например, комендантом Каунаса стал литовский полковник Бобялис.

В Вильнюсе фактически образовалось второе правительство Литвы, так как городской комитет ФЛА во главе с доцентом Стасисом Жакявичюсом, организованный сразу же после эвакуации города Красной Армией, взял на себя функции прежних министерств и даже по своей структуре делился на отделы и подотделы по административным отраслям. 4 июля 1941 года Стасис Жакя-

вичюс и начальник полиции Вильнюса Антанас Ишкаускас издали первый антиеврейский приказ в Вильнюсе. Комендант Каунаса Бобялис также почти ежедневно издавал аналогичные приказы. Городской комитет Вильнюса тем временем предпринял ряд мер по созданию национальных литовских формирований — военных и полицейских. Немецкая военная администрация часто прибегала к их помощи и поэтому не мешала им жить, просто закрывая глаза на их существование¹².

Хотя германские власти не признали правительство Амбразевичюса, а председателю «Фронта литовских активистов» Шкирпе даже не разрешили приехать в Литву (он содержался под домашним арестом в Германии)¹³, с ним охотно сотрудничали армейские военные комендатуры. Германский МИД через ставку Верховного командования вермахта (ОКВ) объявил, что приветствует сотрудничество немецких войск с активными группами литовцев, латышей и эстонцев, но предостерег от каких бы то ни было политических обещаний. Группа армий «Север» получила, в частности, распоряжение фюрера никоим образом не принимать во внимание сформированное в Литве правительство¹⁴. Временное правительство Литвы не было признано, но до поры до времени ему не мешали продолжать свою деятельность.

Командиры эйнзатцкоманд также сотрудничали с литовскими националистическими формированиями и отрядами «самообороны», однако предпочитали поручать им всю грязную работу — уничтожение евреев в трех основных гетто в Вильнюсе, Каунасе и Шяуляе, поиск и расстрел коммунистов и т.п. Используя местных «полицаев» для большинства карательных операций, немецкие власти не только высвобождали значительные силы германской полиции, но и в случае необходимости могли возложить вину за преступления на оккупированных территориях на органы местного самоуправления, формирования самообороны и местной вспомогательной полиции. Не случайно было издано секретное указание, чтобы казни евреев латышскими отрядами «самообороны» и «полицаями» снимались на киноплёнку. Этот киноматериал должен был служить доказательством того, что расстрелы производились не немцами, а местными националистами¹⁵. К тому же

последние могли с полной уверенностью чувствовать себя освободителями своей страны от «еврейско-большевистской» власти, расстреливая евреев, русских, поляков, а также своих «расово неполноценных» и «политически неблагонадежных» соотечественников. Свое место в «расовой шкале» нацистов литовские полиция должны были заслужить участием в различных карательных операциях в Белоруссии и на Украине. Именно так выращивался агрессивный национализм литовских, латышских и эстонских коллаборационистов, основанный на национальной розни и нацистской шкале расового превосходства.

Впоследствии, когда в Литве активизировалось сопротивление германским властям, туда в свою очередь «для поддержания порядка» были переброшены эстонские, латышские и украинские полицейские батальоны. Немцы разочаровались в литовцах и пришли к выводу, что те являются «политически неблагонадежными» и «морально неустойчивыми». Поэтому в отношении Литвы стала проводиться особая политика, а они сами оказались ниже эстонцев и латышей в расовой шкале, то есть «расово неполноценными». Литовцы очутились в положении тех же евреев, поляков, русских, белорусов, которых сами недавно расстреливали...

Временное правительство Литвы во главе с Амбразявичюсом в действительности не было ни независимым, ни оппозиционным по отношению к оккупационным властям. Наоборот, по отношению к Германии оно было настроено более чем лояльно. За один лишь месяц своего существования оно успело издать около 100 законодательных актов; последним было расистское «Положение о евреях», подписанное Амбразявичюсом и Шлепетисом¹⁶. «Фронт литовских активистов» ставил своей целью восстановление независимости Литвы, однако относился «с пониманием» к интересам рейха и не стремился к полному суверенитету. Иначе кто же, кроме немцев, сможет оградить Литву от Советов? За это коллаборационисты были готовы заплатить любую цену. Их вполне устроила бы независимость по образцу Словакии. Однако до поры до времени даже это противоречило планам оккупантов. К тому же немецкое руководство сочло опасным восстановление довоенных органов власти в Литве в первые же недели вторжения

и приняло меры к тому, чтобы остановить этот процесс. Началось повсеместное разоружение и роспуск литовских повстанческих формирований и отрядов самообороны.

В это же время активизировала свою деятельность другая литовская националистическая организация — «Железный волк» (*Geležinis Vilkas*), стоявшая в оппозиции по отношению к Фронту литовских активистов. Она включала в себя сторонников Августинаса Вольдемараса, возглавлявшего правительство Литвы в 1918—1926 годах, до того как в 1926 году в результате переворота к власти пришел лидер Партии таугининков Антанас Сметона. Поэтому неудивительно, что лидеры «Железного волка» требовали роспуска ФЛА и создания вместо него новой политической партии¹⁷. Группа сторонников Вольдемараса пользовалась несколько большим доверием германских властей, чем «Фронт литовских активистов». По донесениям СД, первые были готовы ограничиться в своих требованиях автономией, то есть предоставить Германии право определять как минимум внешнюю политику Литвы.

Многие немецкие службы (Восточное министерство, МИД, СД, ОКВ и абвер) в качестве главы будущего литовского «совета доверенных лиц» намечали поставить генерала Стасиса Раштикиса, бывшего главнокомандующего литовской армии, который придерживался христианско-демократических взглядов. 27 июня 1941 года генерал Раштикис был доставлен в Каунас вместе со штабом эйнзатцгруппы «А», чтобы сформировать там верный немцам «совет доверия». Однако трудность заключалась в том, что в Каунасе уже существовало самопровозглашенное Временное литовское правительство ФЛА, которое, кстати, назначило Раштикиса министром обороны. Поначалу немцы одобрили участие генерала в этом правительстве, полагая, что популярный в Литве Раштикис сможет путем «внутреннего дворцового переворота» заменить Временное правительство «советом доверия», который возглавит лично. К этому генерала подталкивали Петер Клейст из Восточного министерства и д-р Грэфе из РСХА¹⁸. Однако «марионетка» вышла из повиновения: Раштикис внезапно отказался выполнять пожелания немцев. В результате превратить Временное

правительство в «совещательный орган» при германской администрации, фактически тот же «совет доверия», так и не удалось¹⁹.

Именно поэтому немцам ничего не оставалось, кроме как распустить 3 августа 1941 года «Временное правительство Литвы» во главе с лидерами ФЛА²⁰. Кабинет Амбразявичюса постигла судьба правительства «самостийной Украины», провозглашенного Степаном Бандерой месяц назад во Львове (30 июня 1941 года). В ответ на роспуск Временного правительства, члены ФЛА 5 августа направили в германское Восточное министерство меморандум «О правовом положении и фактической ситуации в Литве после окончания большевистской оккупации», в котором вновь излагалось требование о признании суверенитета Литвы.

Меморандум попал в руки одного из высокопоставленных чиновников германского МИДа, Вернера Хассельблатта (того самого, который в июле 1941 года разрабатывал планы раздела и аннексии территорий Советского Союза). Этот известный «правозащитник немецких меньшинств» ознакомился с документом, но до ответа так и не снизошел. Судя по заметкам, сделанным Хассельблаттом к этому меморандуму, Литва по-прежнему рассматривалась как захваченная территория СССР, а восстановление суверенитета Литвы не относилось к области «жизненных интересов населения». 26 сентября 1941 года немецкая администрация запретила деятельность Фронта литовских активистов, а один из его руководителей, Ляонас Прапуолянис, был арестован²¹.

ГЕРМАНСКАЯ ОККУПАЦИОННАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ

8 августа 1941 года рейхскомиссар оккупированной Прибалтики Хинрих Лозе издал воззвание к литовцам²², в котором оккупация Литвы германским вермахтом была представлена как освобождение Литвы от «мирового врага». О суверенитете или автономии Литвы речи не было вовсе, для представления интересов литовского народа при немецкой администрации могли быть созданы лишь совещательные органы из «доверенных людей», да и то «при необходимости»²³. В этом же воззвании было объявлено о назначении генеральным комиссаром Литвы Теодора фон Рентельна²⁴.

Едва вступив в должность, фон Рентельн 18 августа 1941 года издал указ, согласно которому вся промышленность и сельское хозяйство Литвы переходили в собственность рейха и германских промышленных концернов²⁵. Впрочем, немецкие власти поступали так везде на оккупированных территориях. Свою резиденцию Рентельн разместил в Каунасе. Аппарат генерального комиссара (сокращенно: ГК «Литва») насчитывал в своем составе около 300 сотрудников и был построен по образцу рейхскомиссариата «Остланд». Он состоял из 4 главных отделов (делившихся в свою очередь на несколько отделов и подотделов).

Интересы рейхсфюрера СС должен был представлять фюрер СС и полиции Литвы (сокращенно: ССПФ «Каунас», SS- und Polizeiführer Kauen). На этот пост был назначен бригадфюрер СС Луциан Высоцкий, а с 1943 года его сменил бригадфюрер СС Харм. Кроме того, в первые дни оккупации на территории Литвы действовали эйнзатцкоманды «2» и «9». Позднее их сменила эйнзатцкоманда «3», которая со 2 июля 1941 года взяла на себя функции полиции безопасности в Литве. Ее командир — штандартенфюрер СС Йегер — в скором времени был назначен одновременно на пост командира полиции безопасности (зипо) и СД в Литве (в документах его должность официально называлась «командир полиции безопасности и СД «Каунас»»)²⁶.

Вскоре после оккупации немцы начали планомерную колонизацию Литвы, то есть заселение некоторых ее районов немецкими поселенцами. Эта деятельность особенно активизировалась в 1942 году. Для ее проведения был создан специальный орган — «Поселенческий штаб» (Aussiedlungsstab) с центром в г. Каунас, который занимался выселением местных жителей с их хуторов и поселением немецких колонистов. Колонизация была начата с приграничных районов Литвы и города Каунаса. До осени 1942 года в Литву прибыло 16 300 немецких поселенцев²⁷. Осуществление этих планов было приостановлено в связи с тем, что они отталкивали от немцев местных националистов (о чем подробно говорилось в меморандуме Бройтигама от 25 октября 1942 года, упомянутом выше).

«САМОУБИЙСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ»

При генеральном комиссаре Литвы фон Рентельне после роспуска Литовского временного правительства в начале августа 1941 года было создано так называемое «Литовское самоуправление» (в немецких документах — «Selbstverwaltung Litauen»), состоявшее из генеральных советников. Назначение генеральных советников осуществлял опять же фон Рентельн. В итоге был создан своего рода «кабинет министров», главой которого стал генерал Петрас Кубилюнас, бывший начальник Генштаба довоенной армии Литвы, организатор прогерманского путча в 1934 году. Кубилюнас занял пост 1-го генерального советника и советника по внутренним делам. Генеральным советником по вопросам экономики стал клерикальный деятель, профессор Юргутис, генеральным советником по финансовым вопросам — Ионас Матулёнис, по вопросам сельского хозяйства — профессор Виткус, по вопросам просвещения — д-р Пранас Германтас, по вопросам путей сообщения — Казис Германас, по вопросам труда и социальной защиты — д-р Ионас Паукштис.

Последние трое — Пранас Германтас, Казис Германас и Ионас Паукштис — являлись членами полуфашистской партии Таутининков. Единственным представителем соперничавшей с ними буржуазно-либеральной партии Ляудининков («народников») стал профессор М. Мацкявичюс, занявший пост генерального советника по вопросам юстиции. Он же был единственным из членов самоуправления, кто входил прежде в состав Временного правительства Амбразявичюса²⁸. Наконец, генеральным советником по вопросам административного контроля, фактически отвечавшим за деятельность отрядов самообороны, стал майор Пуоджюс²⁹.

Функции отдельных генеральных советников были следующими. Управление труда и социальной защиты (во главе с Паукштисом) занималось подготовкой планов общественных работ, то есть работ по обслуживанию немецкой военной машины, контролем и распределением рабочей силы, подготовкой распоряжений об отправке на принудительные работы в рейх, на транспорт и т.п.

Управление сельского хозяйства (во главе с Виткусом), помимо сбора продуктов сельского хозяйства с крестьянских дворов, выполняло чисто «полицейские» функции. В его составе была создана комиссия по распределению сельхозпродуктов, которую возглавлял сам генеральный советник по вопросам сельского хозяйства; в нее входили также представители управления финансов и других экономических организаций. Такие комиссии имелись и в уездах (во главе с уездными старостами); в них входили уездный агроном, представитель уездного правления и представители экономических организаций. В волостях такие комиссии возглавлялись волостными старостами. В их задачи входило наблюдение за тем, чтобы крестьяне полностью выполняли планы поставок; для этой цели они имели в своем составе специальных контролеров³⁰.

Генералу Раштикусу также было предложено войти в состав этого органа в качестве генерального советника по вопросам внутренних дел, но он отказался, мотивировав это тем, что его дети и некоторые другие родственники проживают сейчас в Советском Союзе, и он опасается репрессий. Немцы не особенно настаивали, так как их доверие к нему уже было подорвано. Об этом свидетельствовало одно то, что вместо Раштикуса, как предполагалось вначале, Литовское самоуправление возглавил генерал Петрас Кубилюнас, бывший начальник Генштаба Литовской армии³¹. На местах «самоуправление Литвы» представляли бургомистры, начальники уездов и местной полиции, волостные старосты и другие чиновники, назначенные немецкой администрацией. Причем не все они были литовцами: к участию в местном самоуправлении привлекались и немецкие колонисты и репатрианты³².

Первое заседание Литовского самоуправления состоялось 22 августа 1941 года. Однако оно оказалось не таким послушным, как хотелось бы немцам. Оправдать ожидания немецких властей в полной мере смог один лишь генерал Кубилюнас. Генеральный комиссар фон Рентельн в своих отчетах называл его человеком, готовым «безоговорочно» сотрудничать с немецкими властями³³.

Уже в 1942 году стал заметен кризис в отношениях Литовского самоуправления с немецкой гражданской администрацией.

Многие функционеры местной администрации, солдаты и офицеры литовских полицейских батальонов, а также сами генеральные советники разделяли растущее недовольство действиями оккупационных властей. В связи с этим летом 1942 года самоуправление оказалось в тяжелом положении: в народе советников все чаще называли «предателями и прислужниками немцев», а «самоуправление» называли «самоубийственным управлением»³⁴.

Пытаясь выправить положение, 1-й генеральный советник Кубилюнас в апреле 1942 года направил генеральному комиссару фон Рентельну меморандум, озаглавленный «Принципы литовского управления», в котором предлагалось расширить полномочия самоуправления, оставив немецкой администрации лишь право контроля за его деятельностью. В мае 1942 года в письме Рентельну Кубилюнас снова указал на необходимость упрочить положение самоуправления в Литве. В письме подчеркивалось (возможно, чтобы оправдаться перед немецкими властями), что эти требования вызваны давлением на генеральных советников со стороны литовской интеллигенции³⁵. Рентельн согласился лишь с последним утверждением этого письма, а именно, что антинемецкая пропаганда исходит из кругов литовской интеллигенции и под ее влиянием находятся ведущие лица Литовского самоуправления. Поэтому, как писал Рентельн в одном из своих отчетов в сентябре 1942 года, «единственный человек, тесно сотрудничающий с немецкой администрацией, такой как Первый генеральный советник Кубилюнас, должен следить за тем, чтобы пропаганда интеллигенции не сделала его изгоем среди народа, иначе он стал бы не подмогой, а обузой для германской гражданской администрации»³⁶. К планам расширения местного самоуправления Литвы Рентельн отнесся резко критически и предостерег против любых изменений. По словам высокопоставленного немецкого чиновника Лабса³⁷, Рентельн не раз заявлял, что литовцы не способны самостоятельно управлять работой органов самоуправления³⁸.

Политика германских властей в Литве несколько изменилась начиная с конца 1942 года. Все большее число руководителей рейха стало задумываться об отказе от идеи «Великого германского

рейха» (конечно, лишь на время и на словах!) и принятии на вооружение идеи «Новой Европы». (Официально все эти изменения в пропаганде произошли в 1943 году.) Выгоднее всего было представить дело так, будто в Литве и других оккупированных государствах всем управляют «представители народа», а не германской администрации, для того, чтобы «переложить на них ответственность за неприятные и непопулярные решения» (слова Геббельса). Поэтому появились предложения о расширении «Самоуправления Литвы». Но на деле роль генеральных советников по-прежнему была ограничена: они лишь осуществляли связь между администрацией генерального комиссариата «Литвы» и представителями самоуправления на местах — бургомистрами, начальниками уездов и т.д. Генеральный комиссар фон Рентельн сохранил за собой право назначать и смещать с должности любого чиновника «самоуправления», от 1-го генерального советника до волостного старосты. Параллельно с немецким судом в Литве существовал местный литовский суд, но последнему было запрещено решать какие-либо дела, связанные с лицами немецкого происхождения, партизанской и коммунистической деятельностью, саботажем, несоблюдением изданных немецкими властями законов и т.п. Все эти дела находились в компетенции немецкого суда³⁹.

ЛИТОВСКАЯ ПОЛИЦИЯ

Сразу же после вступления немецких войск на территорию республики в последних числах июня 1941 года, во многих городах Литвы была восстановлена полиция, существовавшая до войны. Полиция Литвы до июня 1940 года состояла из трех основных категорий, или департаментов — так называемой полиции порядка (ее называли также внешней полицией), криминальной полиции и политической полиции.

В Вильнюсе полиция была восстановлена непосредственно после эвакуации города Красной Армией, под контролем Городского комитета ФЛА (возглавляемого доцентом Жакаявичюсом). Ее начальником был назначен Антанас Ишкаускас⁴⁰. Подобным же образом обстояло дело и в уездных центрах Литвы. Например,

в уездном городке Алитус уже 22 июня 1941 года некий бывший капитан довоенной литовской армии Йочис объявил себя комендантом города, назначив своим помощником учителя ремесленного училища Лингиса. Позднее Йочиса сменил на посту коменданта бывший майор Генштаба литовской армии Юозас Ивашаускас. Начальником полиции был назначен бывший капитан литовских ВВС Красницкас (он же Аудронис); сформированный тогда же в г. Алитус отряд «самообороны» возглавил Йонас Борявичюс⁴¹. Одновременно были сформированы батальоны самообороны, также выполнявшие полицейские функции.

Немецкое армейское командование охотно прибегало к помощи литовских националистов, используя их для борьбы с отставшими от своих частей красноармейцами, арестов коммунистов и евреев и т.п. Однако в период с 28 июня и до конца августа 1941 года, немецкое армейское командование разоружило большую часть литовских отрядов, сформированных под руководством ФЛА, а часть из них — так называемые отряды «самообороны» — были подчинены немецкой полиции порядка. В начале 1942 года большая часть «батальонов самообороны» была передана в подчинение немецкой полиции порядка (орпо), а все руководство литовскими батальонами «самообороны» взял на себя майор германской полиции Франц Лехтгалер (впоследствии — командир орпо «Каунас»). На основе большинства бывших батальонов «самообороны» в 1942 году были созданы литовские Schuma-батальоны. Последние были лучше вооружены, более боеспособны и специально предназначены для борьбы с партизанами. Однако батальоны «самообороны» продолжали существовать одновременно с полицейскими батальонами по меньшей мере до конца 1943 года. В батальонах «самообороны» служило около 10 000 человек; в литовских полицейских батальонах — 6000 человек (по данным на 1942 года)⁴².

Некоторые вооруженные формирования литовских националистов, созданные в первые дни войны в июле 1941 года, взял под свой личный контроль командир эйнзатцкоманды «3» Карл Йегер⁴³. На службу при эйнзатцкоманде добровольно поступили около 1150 литовцев во главе с Антанасом Ишкаускасом. Перво-

начально они образовали 5 рот «на службе германской полиции безопасности» (эта надпись красовалась на их нарукавных повязках). Официально они назывались «Литовской службой порядка» (нем.: Ordnungsdienst). Позднее две роты из пяти были приданы зондеркоманде «16» — одна из них несла охранную службу (в том числе охраняла печально знаменитый Форт VII в Каунасе), другая выполняла полицейские функции. Оставшиеся 3 роты были приданы немецкому 11-му резервному полицейскому батальону, незадолго до того прибывшему в Каунас. Впоследствии 11-й полицейский батальон был переведен в Минск, где эти 3 литовские роты были вскоре расформированы⁴⁴. Существовали еще два литовских подразделения, также находившихся «на службе германской полиции безопасности» — «Особый Вильнюсский отряд СД», созданный в Вильнюсе при эйнзатцкоманде «3» из «литовских партизан», и «летучий отряд» под командованием оберштурмфюрера СС Хаманна, сформированный в Каунасе при эйнзатцкоманде «3» также из литовских националистов и членов эйнзатцкоманды⁴⁵.

Литовская полиция была вновь воссоздана в последующие месяцы 1941 года, но уже под контролем Йегера, к тому времени ставшего командиром полиции безопасности и СД в Литве. В Каунасе были официально образованы штабы «Литовской политической полиции» и «Литовской криминальной полиции» с филиалами в Вильнюсе и Шяуляе⁴⁶ (по немецкой терминологии, вместе они образовывали «полицию безопасности»⁴⁷). Начальником полиции безопасности был назначен Денаускас, ранее занимавший высокий пост в полиции Литвы до 1940 года. Для ее укомплектования были набраны 40 бывших полицейских, многие из которых были недавно выпущены из тюрем, куда их посадили при советской власти. Впоследствии число литовских полицейских еще более увеличилось⁴⁸. По всей видимости, к ним присоединились и бывшие служащие «особого Вильнюсского отряда СД», «летучего отряда» Хаманна и рот «литовской службы порядка» Антанса Ишкаускаса, находившихся в подчинении Йегера. В феврале 1942 года немцы мобилизовали также бывших служащих пограничной полиции довоенной Литвы. Из них были сформированы части по охране литовско-белорусской границы⁴⁹.

О структуре и численности литовской полиции в городах и уездах Литвы дает представление документ Литовского ШПД (разведсводка №15 от 23 ноября 1943 года) «Оккупационные учреждения в г. Свенцяны»:

«1) Жандармерия Свенцянского уезда, помещается в здании уездного исполкома по Виленской улице — 7 чел.

2) Полиция [штаб полиции порядка, или внешней полиции], помещается в том же здании, состав — 15—20 чел., все литовцы. Уездный начальник полиции — Неставичюс [начальник отделения литовской полиции порядка Свенцянского уезда, включая жандармерию в сельских районах и городскую полицию].

3) Вспомогательная полиция [полицейские категории «Ц», не находившиеся на казарменном положении и собиравшиеся в случае необходимости], помещается по Виленской улице в бывшей поликлинике. Состав полиции [по-видимому, только штаб] — 30 литовцев и 3 немца. Начальник полиции — Скобутенас.

4) Городская полиция [г. Свенцяны], помещается в Райзагсе. Состав — 50—60 чел., все литовцы. Начальник — Малинаускас.

5) Уголовная полиция [криминальная полиция], помещается в здании НКВД по Виленской улице. Состав — 3 чел., все литовцы. Начальник — Мачюлевичюс.

6) Полиция безопасности [политическая полиция]. Состав — 2 чел., начальник и секретарь. Начальник — Пуронис.

Примечание: все начальники полиции — литовцы, присланы из западных районов Литвы.

7) Зондерфюрер (уездный начальник по сельскому хозяйству) [ландвиртшафтфюрер, единственная инстанция немецкой гражданской администрации на уровне уезда].

8) Начальник уезда (староста) — Кукутис и 6 служащих — литовцев, работают в уездном управлении, здание не охраняется.

9) Арбайтсамт [немецкое бюро по вербовке рабочей силы], помещается по улице Пилсудского. Начальник — Циммермахер, 2 немки-сотрудницы.

10) Почта и телеграф — начальник немец, служащие — 2 немца и 8 литовцев. Здание охраняется только ночью одним полицейским.

...19) Противопожарная охрана — улица Пилсудского. Пожарники из местного населения в количестве 15—20 чел., литовцы и поляки. Пожарное депо охраняется одним пожарным с винтовкой.

...26) Охрана города — по центральным улицам города патрулируют 4—6 полицейских, вооруженных винтовками. Днем — полицейские посты»⁵⁰.

* * *

Как известно, Литва была и остается достаточно многонациональной республикой. Помимо литовцев, здесь издавна проживали также украинцы, белорусы, русские (в том числе бежавшие из России старообрядцы), евреи, татары, поляки — особенно в южных и западных приграничных районах. Нацисты, верные своей политике «разделяй и властвуй», умело учитывали «интересы» национальных меньшинств, ведь выигрывали от этого только сами же немецко-фашистские оккупанты. Так, помимо литовской полиции, в оккупированной Литве появлялись польская полиция, еврейская и другие.

«Польская вспомогательная полиция» была специально набрана в районах с преобладающим польским населением летом 1941 года. Правда, как отмечалось в немецком документе (донесение командующего эйнзатцгруппы «А» Ф. Шталекера от 31 октября 1941 года), «из-за непреодолимой вражды между поляками и литовцами, литовские служащие могут производить аресты только под немецкой охраной». Из-за этого польская вспомогательная полиция была вскоре распущена⁵¹.

В еврейских гетто германские власти в первое время создавали свои особые органы самоуправления — «Юденраты» («Еврейские советы») и свою полицию, которая называлась «Еврейской службой порядка» и имела даже свой собственный следственный аппарат. И те и другие действовали в тесном контакте с немецкой и «местной» полицией безопасности (последняя, как правило, осуществляла охрану гетто). Они помогали оккупантам проводить перепись жителей гетто, запугивать еврейское население, организовывать принудительные работы

и ограбление же своих собственных товарищей по несчастью. Разумеется, немцы опасались выдавать оружие еврейской полиции: им полагались только дубинки, а вместо униформы — отличительные нарукавные повязки. Один раввин по фамилии Кагане, возглавлявший духовную коллегия в «юденрате» львовского гетто, был вынужден признать в своем дневнике: «С глубокой болью в сердце, с несказанным позором приходится рассказывать о деятельности еврейского отдела порядка... Он фильтровал людей, выискивая жертвы для немецких властей... Полиция была органом общины, но получала все директивы и указания от гестапо... Ради своего спасения она выдавала других людей и вела на убой своих собственных братьев... Она никогда не подводила гестапо»⁵².

Напомним, что такие гетто существовали не только на Украине и в Белоруссии, но и в Прибалтике. Крупнейшие находились в Вильнюсе (два — по 29 и 15 тысяч человек) и в Каунасе (30 тысяч человек). Еще два гетто существовали в Латвии — в Риге и Даугавпилсе⁵³.

В пограничных с Белоруссией районах нацисты сформировали несколько белорусских полицейских батальонов. К русским старообрядцам использовался особый подход — здесь немцы играли как на антисемитских лозунгах, так и на религиозных чувствах верующих, изображая оккупацию в своей пропаганде как «освобождение от жидовско-большевистского ярма» и т.д. Верные национальному принципу, немецкие чиновники не пытались заставить их служить бок о бок с литовцами в полицейских батальонах. Старообрядцев вербовали в особом порядке — в «Русскую освободительную армию» генерала Власова⁵⁴.

Коллаборационизм, как ни странно это покажется на первый взгляд, оказывался многонациональным явлением. Однако «многонациональный» не значит «интернациональный», поскольку невозможно представить себе, к примеру, литовского полицая, воюющего за общее дело вместе с польским полицаем, еврейским «охранником» или немецким эсэсовцем. Каждый из них лишь занимал определенную нишу в нацистской расовой шкале, становился звеном в цепи преступлений нацизма...

ПОЧЕМУ НЕ БЫЛ СФОРМИРОВАН ЛИТОВСКИЙ ЛЕГИОН СС?

Проект создания «Литовского легиона СС» был впервые предложен фюрером СС и полиции в Литве Луцианом Высоцким генеральному комиссару фон Рентельну 1 февраля 1943 года⁵⁵. Вопрос о формировании аналогичных легионов в Эстонии и в Латвии уже был решен, и вербовка добровольцев уже началась. Однако в Литве это мероприятие закончилось неудачей.

Непосредственной подготовкой к проведению весенней мобилизации 1943 года стало распоряжение рейхскомиссара Лозе от 12 февраля 1943 года о регистрации жителей Литвы, изданное в дополнение к уже существовавшему распоряжению. Согласно этому документу, регистрации подлежали лица с 15 лет, которые были обязаны зарегистрироваться по месту жительства; при изменении места жительства они должны были пройти повторную регистрацию в течение 24 часов⁵⁶.

26 февраля 1943 года, через два дня после начала совместной мобилизации в «Остланде», генеральный комиссар фон Рентельн издал воззвание к литовцам с призывом вступать в Литовский легион СС. Однако неожиданно генеральные советники Литовского самоуправления отказались подписать этот документ. В ответ они передали генеральному комиссару меморандум, в котором говорилось, что мобилизация противоречит международному праву и что сначала нужно восстановить независимость Литвы⁵⁷. Впрочем, они не отвергали идею мобилизации в принципе, но предлагали компромиссное решение: создать самостоятельную литовскую армию под командованием своих же литовских офицеров.

В сущности, предложение генеральных советников означало «сделку с предоплатой»: сначала вы нам даете независимость, потом мы вам — солдат для фронта. Немцев конечно же такие условия не устраивали. Руководство рейха вообще не горело желанием отдавать кому бы то ни было «законно» принадлежащие ему земли. «За что же солдаты вермахта проливали кровь, — вопрошали немецкие чиновники, — если нам придется отказаться от их колонизации и вернуть их литовцам?» Именно поэтому немцы в пере-

говорах с коллаборационистами упорно стояли на своем, считая единственно возможным вариантом «сделку без предоплаты» — сначала вы проводите мобилизацию, а уж потом мы даем вам независимость. Однако, получив новую партию «пушечного мяса», они и не думали выполнять условия этой сделки!

Лишь в последние месяцы войны верхушка рейха начала всерьез задумываться о независимости некоторых народов оккупированных стран, поскольку к тому времени эти земли уже были освобождены Красной Армией, а значит, обещания можно было раздавать с еще большей легкостью, ведь терять все равно было нечего...

Неудивительно, что германские власти не одобрили требования Литовского самоуправления и отклонили идею создания «Все-литовской армии». Их целью было создание лишь разрозненных вооруженных формирований, которые бы целиком находились под командованием СС, полиции или вермахта⁵⁸. Разгневанный Рентельн пригрозил советникам репрессиями, если воззвание не будет подписано. После этой угрозы мнения разделились. Кубилюнас и еще один советник были за то, чтобы подписать воззвание, остальные по-прежнему выступали против. Так как призыв, подписанный всего двумя советниками, публиковать не имело смысла, Кубилюнас принял единственно возможное решение: он подписал его один.

Наконец, 3 марта 1943 года воззвание было опубликовано. В нем содержался призыв к литовцам поддержать Германию в борьбе с большевизмом, но о «Литовском легионе СС» скромно умалчивалось⁵⁹. В этот день в Литве началась совместная мобилизация в войска СС, вермахт и в германскую военную промышленность (призыву подлежали лица 1919—1924 годов рождения)⁶⁰.

В ходе мобилизации явка составила всего 20 % от общего числа призывников. Фон Рентельн пришел в ярость и потребовал от генеральных советников подписать новое воззвание. Но те снова отказались подписать воззвание, и Кубилюнас был вынужден сделать это один от своего собственного имени. На этот раз в нем содержалось прямое требование вступить в «Литовский легион СС»⁶¹.

Проведение набора было возложено на местную литовскую полицию порядка и проводилось согласно спискам, составленным в полицейских явочных пунктах. Более 35 % извещений не было вручено из-за того, что адреса не совпадали. Было ли это намеренным саботажем или следствием неорганизованности, неизвестно. Непосредственная вербовка призывников проводилась «мобилизационными штабами», созданными приказом фон Рентельна из представителей вермахта, полиции, местного самоуправления и биржи труда. При генеральном комиссаре для руководства всей операцией был создан Рабочий комитет, который развернул широкую пропаганду, разрабатывал директивы, почти ежедневно отправлял в «мобилизационные штабы» новые приказы⁶².

Новое воззвание опять не дало результата. Терпение немецкого генерального комиссара лопнуло, и он решил прибегнуть к крайним мерам. 12 марта 1943 года Рентельн поставил в известность рейхскомиссара Лозе, а на следующий день встретился с находившимся в то время в Риге рейхсфюрером СС Гиммлером⁶³. По-видимому, оба разговора получились тяжелыми: ведь в Латвии и Эстонии мобилизация уже шла полным ходом, и никто из советников самоуправления не смел «мутить народ»... Стыдитесь, герр фон Рентельн!

Сразу по возвращении в Каунас, 16 марта, Рентельн распорядился произвести аресты 48 представителей литовской интеллигенции. Уже на следующий день в числе прочих были арестованы генеральные советники Германтас, Мацкявичюс и Пуоджюс, ректор иезуитской гимназии К. Баукус, вице-советник по вопросам внутренних дел полковник Наракас и многие другие⁶⁴. Обязанности генерального советника по вопросам культуры и просвещения (которые ранее выполнял Германтас) были временно возложены на немецкого профессора Шрайнерта. Все высокопоставленные арестанты были препровождены в концлагерь Штутхоф на территории Германии. Тогда же были закрыты Вильнюсский и Каунасский университеты.

От формирования «Литовского легиона СС» пришлось отказаться. Нацистская пропаганда объявила, что литовцы оказались недостойными оказанной им «чести» сформировать свой легион

СС. Отныне за ними было сохранено лишь «право» поставлять рабочую силу для вермахта и германской военной промышленности⁶⁵.

Но этим дело не ограничилось. Вслед за генеральными советниками полетели головы немецких чиновников. Еще одной мерой стала замена Высоцкого на посту фюрера СС и полиции в Литве бригадфюрером СС и генерал-майором полиции Хармом, ранее отличившимся особой жестокостью на аналогичном посту на Украине⁶⁶. Гиммлер, с которым Рентельн встречался в Риге, по-видимому, внял его жалобам и уволил своего подчиненного, не справившегося со своими обязанностями. Кто-то же должен ответить за провал мобилизации! А кому отвечать, как не автору неудачной идеи создания «Литовского легиона»?

Устрашенные этими мерами генеральные советники, чудом сохранившие свои посты, теперь были готовы подписать все что угодно. 18 марта 1943 года все они дружно поставили свои подписи под новым (уже третьим!) воззванием к призывникам⁶⁷. На следующий день, 19 марта, газета «Ukininko patavejas» опубликовала статью без заголовка и автора, в которой говорилось, что «в то время как эстонцы и латыши, исполняя свои обязанности, включились в борьбу с большевизмом, некоторые слои литовской интеллигенции отрицательно повлияли на проведение мобилизации».

В связи с этим газета доводила до сведения следующее: «Во избежание строгих мер каждое лицо, подлежащее призыву, обязано зарегистрироваться и поступить на работу. В целях охраны здравомыслящего большинства литовского народа от пагубного влияния некоторых слоев политиканствующей интеллигенции и обеспечения дальнейшего выполнения трудовой повинности, рейхскомиссар Остланда приказал осуществить следующие меры:

- 1) университет со всеми его отделами закрывается; по делам народного образования литовцев назначается чрезвычайный уполномоченный;

- 2) участвовать в реприватизации сумеют лишь те лица, которые сами и их близкие принимают участие в борьбе против большевизма;

3) лица, уклоняющиеся от трудовой повинности, либо содействующие другим избежать выполнения трудовой повинности, будут подвергнуты строгому наказанию...»⁶⁸.

Одновременно были усилены пропагандистские мероприятия, связанные с мобилизацией. Участились всевозможные радиобращения и призывы в прессе⁶⁹. Кубилюнас подписывал одно обращение за другим. Митрополит Литовский и экзарх Латвийский и Эстонский Сергей выступил 14 марта 1943 года с проповедью в Рижском кафедральном соборе, в которой призвал население Прибалтики поддержать «борьбу Германии против большевизма». Отрывок из проповеди был опубликован в газете литовских коллаборационистов «Ukininko patavejas» от 19 марта 1943 года⁷⁰.

В том же номере той же газеты Центральный старообрядческий совет Литвы обратился с «Воззванием к русским старообрядцам», в котором призывал всех русских старообрядцев, проживающих на территории Литвы, «оказать помощь немецкой армии в уничтожении жидовского коммунизма». Правда, русские старообрядцы должны были проходить службу отдельно от литовцев. По договоренности с органами немецкой военной и гражданской администрации, после медкомиссии их предполагалось направить в отдельные части — в так называемые «восточные батальоны», впоследствии вошедшие в состав Русской освободительной армии Власова. «Все мы помним, — говорилось в воззвании Совета старообрядцев, — как жида-коммунисты закрывали христианские церкви, устраивали в них свои антихристианские клубы, кино и другие жидовские организации, стремясь отдать поруганию наши святыни и наши христианские обычаи подавить безбожно. Старообрядец, помни, что предки приносили громадные жертвы, чтобы сохранить свою веру. Настало время и для нас подумать об этом и приложить все усилия для освобождения наших братьев — русских, живущих под ярмом жидов и коммунистов, которые уничтожили миллионы из них»⁷¹. Куда уж было гитлеровскому министру Розенбергу с его «Мифом XX века» до такого шедевра антисемитизма и религиозного фанатизма!

Апогеем мобилизационной пропаганды стала так называемая «Конференция представителей литовского народа», которая была

созвана немецкими властями в Каунасе 5 апреля 1943 года. На ней присутствовало 93 литовских делегата, кандидатуры которых тщательно подбирал сам Кубилюнас. Большинство из них работало в литовском самоуправлении, остальные были представителями духовенства, офицерами довоенной литовской армии или литовских полицейских батальонов.

Конференция приняла три резолюции — причем без всякого обсуждения, так как они были заранее подготовлены под контролем генкомиссара Литвы фон Рентельна. В них содержался призыв к литовскому народу активно сотрудничать с германскими властями и другие подобные призывы, опубликованные через несколько дней газетой «Ukininko patavejas» (от 19 апреля 1943 года). «Делегаты» составили также телеграмму «фюреру германского народа Гитлеру» с выражением своей преданности общему делу. При генеральном советнике Кубилюнасе создан новый орган самоуправления — «Совет представителей литовского народа», в который вошли делегаты конференции⁷². Таким образом, Литовское самоуправление силилось создавать видимость своей независимости.

«Совет представителей литовского народа» должен был издать очередное воззвание, поскольку все призывы за подписью одного Кубилюнаса уже не оказывали должного действия на население⁷³. Предполагалось, что оно будет иметь больший эффект — как воззвание от лица «представителей народа».

На следующий день после конференции, 6 апреля, генеральный комиссар Рентельн приказал провести переосвидетельствование тех же призывных возрастов (1919—1924 г.р.). На этот раз призывы осуществляли призывные комиссии, сформированные из чиновников самоуправления на основе распоряжения Кубилюнаса (тоже от 6 апреля 1943 года). Явка в призывные комиссии осуществлялась по извещению уездных старост и бургомистров. Не явившимся на призывные участки грозило жестокое наказание — тюремное заключение или принудительные работы в концлагерях. Унтер-офицеры и ефрейторы до 45 лет и офицеры до 65 лет, ранее состоявшие на действительной службе в литовской армии, должны были пройти регистрацию с 16 по 22 апреля 1943 года⁷⁴. Заодно было объявлено о призыве еще 6 новых призывных возра-

тов (юношей 1914—1918 и 1925 г.р. и девушек 1914—1922 г.р.). Для проведения облав пришлось привлечь моторизованные команды немецкой полиции. Новый фюрер СС и полиции Литвы Харм в тот же день издал соответствующий приказ о приведении их в боевую готовность.

Но воззвание снова не помогло, как не помогли и облавы. Результат этой акции был прямо противоположным тому, чего ожидали немецкие власти. Началось массовое бегство призывников в леса. Не последнюю роль в этом сыграла литовская националистическая оппозиция, преобладавшая в органах самоуправления, в отрядах «самообороны» и в литовской полиции⁷⁵. На призывные участки явилось лишь незначительное число людей, причем это были в основном те, кто из-за работы и по другим причинам не подлежал призыву⁷⁶.

Как следует из письма штатткомиссара Каунаса Крамера от 18 февраля 1944 года, результаты весенней мобилизации 1943 года, проходившей в марте — апреле в городе Каунасе, были неутешительными. На первый призыв было вызвано 2800 человек, из них явились всего 1794 чел. (65 %). На переосвидетельствование ожидалась явка около 3000 чел., явилось — 928 чел. (30 %). Итого, требуемое количество призывников составило 5800 человек, а фактическая явка — только 2722 чел., то есть более чем в два раза меньше требуемого числа. Явка призывников на призывные участки по Литве в целом была примерно такой же⁷⁷.

Генеральный комиссар Литвы фон Рентельн напрасно требовал прислать в Литву дополнительные немецкие полицейские батальоны. Обергруппенфюрер СС фон дем Бах, «уполномоченный по борьбе с партизанами», обещал ему «существенно усилить полицию в Литве», однако это обещание так и не было выполнено⁷⁸. Вместо немецких фон дем Бах смог выделить только украинские, латышские и эстонские батальоны.

Не получив подкрепления и пытаясь оправдаться за провал мобилизации перед Розенбергом и руководством рейха, Рентельн ссылаясь на всякие «технические» причины, а также на «причины более глубокие», в том числе на «расовые качества» литовцев. По словам Рентельна выходило, что литовцы «реагировали» на объ-

явленную мобилизацию «не так, как можно было бы ожидать», когда призывают к их «чести, чувству общности, свободе, готовности к самопожертвованию». «Литовский народ прежде всего совершенно невоинственный народ», — заключал из этого фон Рентельн. В одном из писем к Лозе (от 31 марта 1943 года) он высказал свое мнение о литовцах еще более откровенно — им якобы свойственны «недисциплинированность, инертность, трусость и лень».

Несколько в ином свете видели развитие событий в Литве чиновники Восточного министерства, и в частности Петер Клейст, который в своем меморандуме от 14 мая 1943 года возложил всю вину за провал мобилизации на Рентельна, говоря, что «антинемецкие настроения в Литве с момента введения германской гражданской администрации выросли до пугающих размеров, по сравнению с Эстонией и Латвией»⁷⁹.

И действительно, обстановка в Литве значительно отличалась от той, что сложилась в соседних с ней Латвии и Эстонии. В связи с этим уже в начале марта 1943 г. Трампедас, вызванный для доклада в Восточное министерство, предложил передать генеральный комиссариат «Литва» из подчинения рейхскомиссариата «Остланд» в подчинение непосредственно имперскому министру по делам оккупированных восточных территорий.

1 апреля 1944 года Литве была предоставлена автономия⁸⁰, правда, совсем не та, которой добивались литовские националисты. Фактически автономию получило не самоуправление, а фон Рентельн, который теперь не зависел от рейхскомиссариата «Остланд», а подчинялся непосредственно министру по делам оккупированных восточных территорий Альфреду Розенбергу.

«ГЛАВНЫЙ РАБОТОРГОВЕЦ» ТРЕТЬЕГО РЕЙХА В ЛИТВЕ

Литовцы, не оправдавшие надежд германских властей и оказавшиеся, по словам Рентельна, «невоинственным народом», «недостойным носить оружие», должны были стать отныне рабочей силой для рейха. Подобно населению оккупированных областей

РСФСР, Украины и Белоруссии, теперь литовцы подлежали призыву почти исключительно в военную промышленность рейха.

Тотчас же в Литву не замедлил прибыть «главный работорговец» рейха Фриц Заукель, генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы. 18 июля 1943 года в Каунасе состоялось совещание Заукеля с фон Рентельном. «Главный работорговец» потребовал провести в Литве широкую мобилизацию для военной промышленности рейха. По его словам, до 7 ноября 1943 года Литва должна была организовать призыв 30 000 человек⁸¹.

Мобилизация была назначена на 15 августа 1943 года, но в некоторых уездах ее начало пришлось отложить. Легко сказать — мобилизовать 30 тысяч человек на каторжные работы! Если в «Литовский легион СС» еще можно было кого-то заманить с помощью пропаганды, обещаний независимости и различных посулов, то здесь каждому призывнику было ясно, что ничего хорошего в Германии его не ждет. К тому же была опасность, что батальоны литовской полиции и самообороны повернут оружие против оккупантов. Мобилизацию можно было провести лишь силой — это было ясно каждому.

В связи с этим в августе — сентябре 1943 года немцы перебросили большинство литовских полицейских батальонов в окружные центры. В Каунас, где произошли волнения, уже в августе «для усмирения восстания» был перебросен литовский батальон самообороны численностью в 309 человек, ранее дислоцировавшийся в селе Кобыльники⁸².

Как и следовало ожидать, в стране резко усилилось сопротивление, как со стороны населения, так и со стороны литовских должностных лиц. Чиновники коммунального самоуправления и литовская полиция помогали призывникам скрываться от мобилизации или же просто саботировали ее⁸³. Они призывали население уходить в леса, но пока воздержаться от вооруженного сопротивления немцам. Литовские власти обещали снабдить население оружием лишь тогда, когда «придет решающий момент»⁸⁴. Как стало ясно позднее, при этом подразумевалось предстоящее наступление Красной Армии.

О настроениях среди литовских полицейских и членов отрядов «самообороны» красноречиво говорят разведсводки Литовского штаба партизанского движения (ШПД), регулярно отправлявшиеся в Москву.

«Группа партизан, — сообщалось в одной из них, — побывала в десятках деревень днем, и везде партизаны были хорошо приняты. В каждой деревне скрывается 5—6 человек, бежавших... с оружием в руках. Количество дезертиров все увеличивается, полиция их не трогает. Под видом дезертира с оружием можно ходить по всей Литве. Все население резко высказывается против мобилизации, которую немцы намереваются провести 15 августа сего года. Мужчины и женщины намерены не явиться на призывные пункты, а в случае арестов силой выступить против оккупантов»⁸⁵.

Многих полицейских партизанам удавалось привлечь на свою сторону. Например, среди солдат гарнизона литовской полиции в Васевичах образовалась группа полицейских, которые намеревались перейти на сторону партизан и начали с ними переговоры⁸⁶. В другом селе в середине сентября 1943 года представители литовского партизанского отряда «Жальгирис» в течение трех часов вели переговоры с капитаном и лейтенантом одного литовского гарнизона по поводу перехода на сторону партизан. Среди офицерского и унтер-офицерского состава было отмечено колебание, но они так и не решились перейти к партизанам. Солдаты же были настроены более решительно — среди них случаи перехода к партизанам были частым явлением. Несмотря на неудачу переговоров, у партизан создалось впечатление, что немцы больше не могут опираться на литовские батальоны, за исключением отдельных их командиров⁸⁷. Чуть позже, в декабре 1943 года, партизанам удалось вступить в переписку с частью литовских полицейских в деревне Даргужя (35 км юго-западнее Вильнюса), склонить многих на свою сторону и уговорить передать оружие партизанам⁸⁸. Таким образом, на этот раз переговоры завершились успехом.

Часто пленные полицейские сами просили оставить их в партизанском отряде, чтобы бороться с оккупантами. Со своей стороны, литовские партизаны понимали это и потому относились

к своим пленным соотечественникам не как к врагам, а как к потенциальным союзникам, которым нужно лишь время, чтобы осознать, кто для них друг, а кто — враг. В партизанских отрядах пленные получали питание и необходимое лечение, если были ранены в бою⁸⁹.

В связи с угрозой всеобщего восстания против оккупантов, в Литву начали стягиваться дополнительные полицейские силы — эстонские, латышские, украинские и немецкие полицейские батальоны. Они должны были заменить литовских полицейских в сельских районах, где последние, как правило, выступали заодно с местными жителями и помогали своим землякам — партизанам и дезертирам.

Литовские батальоны из сел перебрасывались в крупные города, такие как Вильнюс и Каунас⁹⁰, так как, во-первых, там они не имели связи с местным населением, во-вторых, в городе их легче было разоружить в случае бунта.

Так, в начале августа, в двух километрах от деревни Постава в казармах разместились недавно прибывшие в Литву эстонские, украинские, немецкие полицейские части вместе с некоторым числом литовских полицейских (в общей сложности около 600 чел.). Вокруг казарм возведены укрепления, установлены пулеметы и минометы для обороны от партизан⁹¹. Впрочем, литовские полицейские, дислоцированные в Поставах, в конце августа — начале сентября были переведены в Каунас, а на их место прислан новый отряд латышей и эстонцев из Вильнюса (около 80 чел.)⁹². Впоследствии литовцам было объявлено, что их переводят на границу Литвы для ее охраны⁹³. В населенных пунктах Видзя, Шарковщина и других литовские батальоны самообороны и полиции были также на всякий случай «усилены» украинскими и белорусскими полицейскими частями⁹⁴. В Вильнюсе было сосредоточено к тому времени несколько сотен эстонских полицейских⁹⁵, а в Шяуляе к октябрю 1943 года находился смешанный гарнизон из украинцев, немцев и литовцев⁹⁶.

В ряде районных центров — в Видзе, Мелингенах и Ходитинках — в начале сентября литовские власти и полиция попросту разбежались. В этих населенных пунктах произошли столкнове-

ния литовской полиции с немцами⁹⁷. По сообщениям подпольной прессы литовских националистов, которые впоследствии подтвердились, в Вильнюсе в ноябре 1943 года одна литовская воинская часть силой освободила несколько тысяч граждан, подлежащих угону в Германию на принудительные работы⁹⁸.

В городе Свиряй и уезде оккупанты не решались проводить мобилизацию до тех пор, пока в сентябре 1943 года туда не прибыли латышские полицейские части (808 человек). Только после этого немцы осмелились начать ранее отложенную мобилизацию в этом районе. Одновременно с ней была проведена серия облав, а литовские полицейские были временно разоружены⁹⁹. В Тракайском уезде массовые облавы проводились украинскими, латышскими и немецкими полицейскими. В результате для вывоза на работы в Германию было задержано около 300 чел.¹⁰⁰ 22 и 23 сентября 1943 года началась переброска из Вильнюса 6.000 эстонских и литовских полицейских в леса Свенцянского уезда (Вильнюсский округ) для борьбы с партизанами¹⁰¹.

Эстонские, латышские и прочие полицейские батальоны провели в деревнях и городах Литвы серию арестов как среди простых граждан, так и среди чиновников литовского коммунального самоуправления — волостных старшин и бургомистров. Они прочесывали леса, проводили массовые облавы на скрывающихся от мобилизации, при этом многих задержанных расстреливали на месте. Одновременно с карательными акциями, латыши и эстонцы грабили население и угоняли скот¹⁰².

Привлекая к карательным операциям в Литве полицейские батальоны из Эстонии, Латвии, Украины и Белоруссии, оккупационные власти убивали сразу двух зайцев. С одной стороны, ненадежные литовские полицейские батальоны были заменены другими частями. С другой стороны, претворялся в жизнь один из принципов управления оккупированными территориями, сформулированный рейхсфюрером СС Гиммлером в его «Замечаниях и предложениях» по генеральному плану «Ост»: «...Неприятные для русского [а в данном случае литовского] населения мероприятия будет проводить, например, не немец, а используемый для этого немецкой администрацией латыш или литовец» [в данном

случае — эстонец, латыш, украинец]¹⁰³. Подобные меры, с одной стороны, служили еще большему усилению межнациональной розни между народами оккупированных территорий, а с другой — гарантировали эффективность оккупационной политики.

Ответственность за проведение мобилизации 30 000 чел. для военно-промышленных нужд рейха от имени Литовского самоуправления взял на себя Кубилюнас, заявивший об этом 7 сентября 1943 года на совещании с генеральным комиссаром. Рентельн, со своей стороны, обещал широкую поддержку и оказал ее, но местное самоуправление, по его словам, «безответственно затянуло дело». «С литовской стороны не было недостатка в отговорках, — писал в своем письме от 18 февраля 1943 года гебитскомиссар Каунаса Крамер, — то недоставало на месте полицейских сил, то не на чем было перевозить завербованных, то не хватало горючего. Как только устраняли эти затруднения, тут же возникали новые»¹⁰⁴.

В листовке, изданной 12 сентября 1943 года, гебитскомиссар Вильнюсского округа Вульф объяснял массовые облавы в восточной части Вильнюсского округа тем, что население этих районов оказывало помощь партизанам и саботировало приказы оккупационной администрации. В результате вся рабочая сила в этих районах была угнана на военные работы, а сельское хозяйство было отдано под жесткий контроль немецких властей. В той же листовке Вульф сообщал, что массовые облавы закончены¹⁰⁵. В Свиряйском уезде Вильнюсского округа немцы даже решили на какое-то время перейти от политики кнута к политике пряника и начали раздачу земель крестьянам¹⁰⁶. Однако, по-видимому, это уже не могло помочь.

В связи с участвовавшими случаями подрывов железных дорог и шоссе, поджогов мостов и т.п., 1-й генеральный советник Кубилюнас 15 сентября 1943 года издал обращение ко всем жителям Литвы. Оно содержало очередную угрозу в адрес жителей тех районов, где будут совершены акты саботажа и противодействия германским властям. Жители этих районов будут вывезены и направлены на работы, а деревни — сожжены, — говорилось в обращении¹⁰⁷.

Бегство из литовской полиции к тому времени приняло массовый характер. Один из октябрьских номеров журнала «Полиция», издаваемого немцами на литовском языке, опубликовал сообщение директора департамента литовской полиции Рейвитиса. В нем говорилось, что прошения об увольнении со службы литовских полицейских, направляемые их родственниками, впредь рассматриваться не будут, и что такие прошения должны подавать непосредственно сами полицейские, желающие оставить службу¹⁰⁸.

В конце сентября 1943 года генеральный комиссар Литвы фон Рентельн с целью подъема «боевого духа» литовцев объявил о создании в Литве «отрядов местной самообороны» с 1 октября 1943 года¹⁰⁹. Поскольку в Литве уже существовали «батальоны самообороны», речь шла всего лишь об их реорганизации и о создании на месте разоруженных батальонов новых, которые будут более надежными. Тогда же Кубилюнас издал соответствующий приказ о создании вооруженных отрядов самообороны из местного населения по всей Литве «для борьбы с партизанами». В каждой деревне предполагалось сформировать «звено» (взвод); в каждой волости они будут объединены в «отделы» (батальоны). Сформированные в волостях батальоны должны были подчиняться уездным старостам (начальникам уездного сельсовета — сенкюнии). В состав «отрядов местной самообороны» включались и батальоны литовской полиции¹¹⁰. В том же распоряжении Кубилюнас приказывал доносить на всех незнакомых лиц, появившихся в окрестностях, и вновь повторял свою угрозу, что жители тех населенных пунктов, где будут совершены диверсионные акты, будут выселены¹¹¹.

В действительности, по донесениям партизан, «отряды местной самообороны» использовались «не столько против партизан, сколько против мирного населения». Например, сформированный немцами в одном из населенных пунктов Тракайского уезда отряд самообороны действовал против мирных жителей в разных местах уезда; в декабре 1943 года только в волости Омушкис отряд расстрелял 12 крестьян¹¹².

На совещании окружных глав местного самоуправления 11 ноября 1943 года под председательством Кубилюнаса было

установлено, что число завербованных к этому времени рабочих составляет менее 3000 человек (вместо 30 тысяч!). По ходатайству Литовского самоуправления Рентельн согласился на вторичную отсрочку, и местное самоуправление обязалось к 31 января 1944 года набрать требуемые 30 000 человек¹¹³. Тем временем Заукель потребовал от генерального комиссариата Литвы уже не 30 000, а 100 000 рабочих¹¹⁴. Однако к намеченному сроку было набрано только 8200 человек¹¹⁵.

24 января 1944 года Рентельн заявил, что «поставка данного количества рабочих [100 тысяч человек, которых требовал Заукель] должна быть обеспечена во что бы то ни стало даже несмотря на угрозу срыва плана работы в генеральном округе». Ответственность за проведение соответствующих мероприятий снова была возложена на местное самоуправление. С согласия генерального комиссара при всех военных комендантах в округах, уездах и населенных пунктах были созданы комиссии из местных представителей по мобилизации рабочей силы. Каждому бургомистру или окружному военному начальнику была указана точная цифра — сколько человек он должен отправить на работы в Германию¹¹⁶. По данным партизан, полученным в результате допроса литовского полицая, еще на 25 декабря 1943 года немцы планировали отправку из Литвы в Германию 40 000 человек — прежде всего из числа советских активистов и задержанных подозрительных лиц, в основном из Свенцянского уезда Литвы. Всего предполагалось угнать в Германию 100 000 чел., при этом ежемесячно из Литвы в рейх предполагалось отправлять по 15 000 чел.¹¹⁷. Партизаны сообщали, что немецкие власти и полиция «прежде всего забирают политически неблагонадежных и не литовцев»¹¹⁸.

Требование о мобилизации 100 000 литовцев для военной промышленности рейха так и не было выполнено. Для примера, по данным штадткомиссара г.Каунаса Крамера, вновь требуемый контингент для города составил 7000 чел., к ним добавились еще 1400 чел. (20 % прибавки), итого — 8400 чел. В то же время в самом Каунасе нехватка рабочих для местных промышленных нужд составила 7000 чел. В результате немецкие власти г.Каунаса требовали набрать в ходе мобилизации всего 15 400 чел., при общем

числе жителей города в 130 000 чел.¹¹⁹ Всего за три года оккупации из Литвы было вывезено для работы в промышленности рейха более 36 000 чел.¹²⁰

«ТОТАЛЬНАЯ ВОЙНА» И СОЗДАНИЕ ЛИТОВСКОГО ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО КОРПУСА

Проводимые немцами мобилизации и карательные акции вызвали в Литве резкое противодействие со стороны населения и даже некоторых должностных лиц. В стране усилилось партизанское движение. Активизировало свою деятельность и националистическое подполье Литвы.

В октябре 1943 года глава самоуправления Литвы Кубилюнас объявил о создании, помимо «отрядов местной самообороны», «специальной части в количестве 3000 человек для борьбы с партизанским движением». В опубликованном обращении к населению говорилось, что это соединение будет использоваться исключительно для борьбы с партизанами на территории Литвы¹²¹. По всей видимости, самоуправление пыталось найти компромисс с националистической оппозицией и предлагало создать такое воинское формирование, которое формально казалось бы самостоятельным, не зависящим от немцев. Создание «Литовского территориального корпуса» должно было выглядеть как восстановление литовской армии.

Но все эти меры не могли никого обмануть. Националистическое подполье Литвы не поддержало идею фон Рентельна и Кубилюнаса и сорвало формирование новых частей «самообороны». На призывные пункты явились единицы. Например, в городе Пренай (в 30 километрах южнее Каунаса), где был назначен сбор отрядов местной самообороны, для прохождения службы пришли всего 4 офицера-литовца. Немцы были чрезвычайно недовольны таким поведением. «Комендант безопасности» Литвы немецкий генерал-майор Юст¹²² был вынужден упрекнуть литовских офицеров в том, что они якобы не хотят понять требований настоящего момента¹²³.

Тем не менее, в ноябре 1943 года некоторые литовские националисты (представители партии Таутининков) в своих подпольных

газетах распространили мысль, что они готовы поддержать мобилизацию в Литве, но при условии — если будет провозглашена независимость Литвы. В разведсводке Литовского ШПД отмечалось, что оккупационные власти собираются сыграть на этом. «Циркулируют слухи, что немцы готовят какую-то комбинацию в этом направлении», — сообщил партизанский штаб в Москву¹²⁴.

Из газеты литовских националистов «Неприклаусома Лиетува» («Независимая Литва») партизанам стало известно, что представители националистов вручили немецкому «коменданту безопасности» Литвы генерал-майору Юсту меморандум, в котором изложены соображения по целому ряду вопросов. Детали этого меморандума узнать не удалось, однако можно было предположить, что его авторы предлагали помочь провести мобилизацию в Литве своими силами в обмен на провозглашение хотя бы частичной независимости Литвы¹²⁵.

Незадолго до того, 22—24 ноября 1943 г., в Каунасе по инициативе Кубилиюнаса прошло несколько заседаний «Совета представителей литовского народа», созданного в апреле 1943 года при 1-м генеральном советнике. В них приняли участие чиновники генерального комиссариата Литвы, представители литовской общественности и некоторые литовские офицеры. Главным вопросом повестки дня было создание литовской армии. Кубилиюнас заявил, что немцы в этом вопросе держатся «пассивно», но что они согласны обсуждать этот вопрос, если литовцы этого попросят. В ходе заседания была принята резолюция, которая гласила, что литовцы готовы встать на борьбу с большевизмом ради защиты территории Литвы, но для этого необходимо создание литовских национальных вооруженных сил. Литовскими вооруженными силами должны руководить литовцы из числа тех, кто пользуется доверием как немцев, так и литовского населения. Набор в армию будет проводиться путем мобилизации. Были выработаны также технические правила, согласно которым литовская армия должна быть единым соединением, включающим в себя все роды войск и объединяющим в своем составе все уже имеющиеся литовские полицейские батальоны и батальоны «самообороны». Предполагалось, что армия должна будет достигнуть размеров одного корпуса¹²⁶.

Казалось, наконец-то литовская националистическая оппозиция согласна поддержать мобилизацию. Теперь-то уж она должна была пройти успешно, считали оккупационные власти. Но как раз в это время Заукель потребовал новые контингенты рабочей силы из Литвы. Удастся ли совместить набор в «Литовский территориальный корпус» и угон людей в Германию?

25 ноября 1943 года немцы организовали митинги в Каунасе и в Вильнюсе с целью привлечь на свою сторону литовских националистов. На митинге в Каунасе выступили 1-й генеральный советник Кубилюнас, уполномоченный профсоюзов Каунаасского округа Степонайтис, прибалтийский немец, бывший командир 4-го артиллерийского полка в армии довоенной Литвы Урбонас и участник боев против Красной Армии в 1919 году, инвалид войны Антанас Дабашинскас. Выступление Кубилюнаса было явно рассчитано на националистическое подполье. Не стесняясь присутствовавших на митинге немцев, он заявил, что США и Англия продали Литву большевикам, и потому у литовцев остается только один выход из создавшегося положения — вместе с германским вермахтом бороться против Красной Армии.

На митинге в Вильнюсе главными выступающими были бургомистр города Дабулявичюс, председатель профсоюзов Вильнюсского округа Вилайтис и литовский майор Русецкас (один из организаторов призыва добровольцев в немецкую армию). Из их речей явствовало, что немцы готовят новую мобилизацию. Во всех выступлениях было подчеркнуто, что «большевистская опасность приближается к границам Литвы» и что молодежь Литвы должна взяться за оружие для защиты ее границ от Красной Армии. Как обычно, в духе подобных речей, была выражена благодарность германской армии и Адольфу Гитлеру за спасение Литвы от большевизма¹²⁷.

Со своей стороны, немцы также развернули свою пропаганду, основной мыслью которой стал лозунг борьбы против Советского Союза и большевиков. Была начата активная кампания по запугиванию населения Литвы тем, что с приходом Красной Армии якобы будет учинена расправа над населением. Партизанское командование Литвы с беспокойством отмечало, что такая про-

паганда оказывала влияние даже на ту часть населения, которая не оказывала немцам никакой поддержки, в связи с чем в Москву была направлена просьба «противопоставить немецкой пропаганде нашу агитацию»¹²⁸. Немцы умели подкрепить свою пропаганду и более убедительными методами. По данным партизан, в конце 1943 года в Тракайском уезде гестапо создало несколько мелких бандитских групп, которые, как сообщалось, «маскируются под видом партизан. Они ходят по деревням ночью и разговаривают между собой на русском языке. Эти бандиты только в Рудишской волости убили более 10 семей мирных граждан»¹²⁹.

1 декабря 1943 года оккупационные власти действительно объявили о предоставлении автономии Литве (официально это было оформлено с 1 апреля 1944 года). Правда, на деле «Самоуправление Литвы» не получило никаких полномочий. Автономия означала лишь переподчинение генерального комиссариата Литвы не рейхскомиссару «Остланда», как прежде, а непосредственно Восточному министерству.

Взамен немцы потребовали создания литовского воинского соединения численностью в 300 000 человек и начали мобилизацию призывников 1913—1926 г.р. Правда, мобилизация почему-то проводилась под общим руководством немецких офицеров полиции, а комиссии из представителей самоуправления по-прежнему играли роль простых исполнителей. По Литве вновь прокатилась волна облав на уклонявшихся от призыва и дезертиров¹³⁰.

Среди литовской националистической оппозиции по-прежнему существовали разные мнения относительно объявленной мобилизации. Поддерживать или не поддерживать ее?

По сообщению подпольной печати партии Ляудининков, некая «группа американских литовцев» предложила частично поддержать «комбинацию немцев по созданию армии из литовцев»¹³¹. Вскоре после этого, 16 февраля 1944 года, подпольная националистическая организация «Верховный комитет освобождения Литвы» (ВЛИК) через свою печать распространила в Вильнюсе призыв «добиваться восстановления литовской армии любыми путями». Если немцы помогут в этом, почему бы не воспользоваться этим? — читалось между строк. По сути это означало, что оппозиция готова под-

держат меры оккупационных властей перед лицом приближения фронта и Красной Армии к территории Литвы¹³². Характерно, что подобная картина наблюдалась также в Латвии и в Эстонии в разгар весенней мобилизации 1944 года, хотя тамошние националисты всегда были лояльны к немцам и ничего подобного литовскому националистическому подполью там не существовало.

Изменение взглядов литовской оппозиции на мобилизацию было связано и с тем, что в феврале 1944 года немецкие власти дали официальное согласие на инициативу Литовского самоуправления о формировании «Литовского территориального корпуса» (сокр.: ЛТК), известного также как «Легион Плехавичюса». Все командные должности в нем должны были занять литовские офицеры. Чтобы успокоить националистическую общественность, немцы говорили, что корпус предназначается исключительно для обороны границ Литвы, а не рейха.

В тот же день, когда ВЛИК опубликовал свой призыв от 16 февраля 1944 года, германские власти объявили о призыве в корпус¹³³. Нацистская пропаганда представила дело так: «Литовскому народу еще раз дана возможность показать свою готовность сражаться против большевизма»¹³⁴.

Любопытно, что инициатива создания «Литовского территориального корпуса» как карательного соединения исходила от группы литовских офицеров, которые в начале 1944 года заявили самоуправлению о своей готовности бороться против большевизма и предложили для начала создать подобные антипартизанские части. Рейхскомиссар Лозе одобрил идею использовать эти добровольные формирования в борьбе с партизанами, чтобы дать им набраться боевого опыта (как следует из его письма Борману от 20 июля 1944 года). Видимо, под «обороной отечества» националисты подразумевали прежде всего борьбу с партизанами.

Накануне весенней мобилизации 1944 года в Литве между разными немецкими инстанциями разгорелся спор о том, кому достанутся новые контингенты призывников. С одной стороны, рейхсфюрер СС Гиммлер решил выделить группе армий «Север» затребованных ею для строительства укреплений и тому подобных работ 50 тысяч человек из литовцев, чтобы тем самым за-

менить хорошо обученных немецких солдат на тыловых работах, не требующих особой подготовки, высвободив силы для фронта. С другой стороны, оккупационные власти требовали срочно сформировать карательное соединение для борьбы с растущим партизанским движением на территории Литвы, которое должно было состоять из 10 литовских батальонов (по 1 500 человек). 25 февраля 1944 года Бурмейстер¹³⁵ в письме Розенбергу предложил вновь предпринять попытку формирования в Литве крупного военного соединения, по возможности, дивизии. Было выдвинуто предложение сформировать ее на основе упомянутых 10 батальонов, если те покажут себя с хорошей стороны в ходе боев с партизанами. 13 марта 1944 года Розенберг одобрил предложенные меры¹³⁶.

Этот спор как нельзя лучше показывает, как немцы относились к идее создания «армии независимой Литвы». Едва мобилизация началась, как они уже начали делить между собой новые контингенты призывников, на словах предназначавшиеся для «Литовского территориального корпуса»!

Проведение мобилизации в эти батальоны было формально возложено на Литовское самоуправление. Вербовка проводилась на добровольной основе. Для контроля над этими батальонами было решено придать каждому батальону одного немецкого офицера связи. Ведущую роль в их формировании играл бывший генерал литовской армии Плехавичюс, ранее принадлежавший к окружению Сметоны и Вольдемараса и являвшийся одним из лидеров партии таутининков. В ходе мобилизации он исполнял обязанности офицера связи между фюрером СС и полиции Литвы и Литовским самоуправлением; позднее он был официально включен в состав штаба ССПФ «Литва».

В ходе мобилизации в «Литовский территориальный корпус» было зарегистрировано около 19 000 добровольцев. Но немецкие власти решили, что лишь для литовского корпуса будет достаточно и 5000 человек, а «излишек» в 14 000 человек будет передан в вермахт (в связи с требованием группы армий «Север» предоставить ей 50 000 человек вспомогательного персонала). Литовское самоуправление было против, считая, что вместо этого следует увеличить численность ЛТК до 9750 человек, сформировав

13 батальонов по 750 человек и один резервный батальон в составе 1500 человек. Немцы согласились на эту меру, но с неохотой. Они обещали снабдить ЛТК обмундированием и вооружением, но лишь тогда, когда германское командование сочтет это необходимым¹³⁷. К марту 1944 года на призыв явилось еще 16 000 чел., но мобилизацию тем не менее продолжали, чтобы иметь возможность для выбора. Преимущество при вступлении в «Литовский территориальный корпус» имели сыновья крестьян, владевших дворами свыше 20 гектаров, как «особо враждебная большевизму» социальная группа¹³⁸.

Формально «Литовский территориальный корпус» должен был иметь независимый статус под общим германским руководством и не относился ни к вермахту, ни к войскам СС или полиции. Тем не менее все обмундирование и снаряжение было предоставлено германской полицией. Согласно сохранившимся фотографиям того времени, униформа ЛТК практически ничем не отличалась от униформы литовских полицейских батальонов¹³⁹. К тому же 13 батальонов, составившие «Литовский территориальный корпус», почему-то получили номера в списке литовских полицейских батальонов¹⁴⁰ — с 263-го по 265-й и с 301-го по 310-й!

Одновременно с формированием 10 батальонов «Литовского территориального корпуса» началась вербовка добровольцев в литовские полицейские батальоны. По данным ХССПФ «Остланд», на призыв явилось 12 600 человек¹⁴¹. Впрочем, предшествовавшая мобилизации пропагандистская акция проводилась таким образом, что призывники едва ли могли с уверенностью сказать, где они будут служить в дальнейшем. Большинство из них думало, что их призывают в мифическую «Вселитовскую армию».

Тем временем генерал Плевачичюс, полномочия которого становились все более широкими, потребовал, чтобы ему разрешили создать свой собственный штаб. Все его действия недвусмысленно указывали на то, что он намерен лично возглавить формирующийся «Литовский территориальный корпус». По данным штаба ХССПФ «Остланд», он так и не получил на это соответственных полномочий; сформировать свой личный штаб ему также не было позволено¹⁴².

В связи с притязаниями Плехавичюса немцы решили четко разграничить полномочия между различными инстанциями, чтобы Плехавичюс и ему подобные знали свое место. С 28 февраля по 2 марта 1944 года в Каунасе прошли переговоры с участием генерального комиссара Литвы фон Рентельна, высшего фюрера СС и полиции в «Остланде» Йекельна, 1-го генерального советника Кубилюнаса и генерала Плехавичюса. Немцы, ободренные успешной мобилизацией в полицейские батальоны, решили пересмотреть свои старые требования.

Обергруппенфюрер Йекельн, несмотря на предостережения Плехавичюса и сомнения Лозе, предложил мобилизовать еще 20 000 человек для службы в Германии в качестве «хельферов ВВС». В итоге литовцам обещали разрешить формирование «Литовского территориального корпуса» лишь в том случае, если те смогут мобилизовать еще 70 000 чел., в том числе 50 000 чел. для нужд тылового обеспечения группы армий «Север» и 20 000 чел. для использования в качестве «хельферов ВВС» в Германии. Однако Плехавичюс и Кубилюнас были заинтересованы в том, чтобы как можно большее число призывников получил «Литовский территориальный корпус», а не вспомогательных частей вермахта. В ответ Йекельн заверил их, что решено набрать дополнительно еще 10 000 человек для формирования новых 10 батальонов ЛТК; в итоге «Литовский территориальный корпус» должен будет состоять из 20 батальонов¹⁴³.

Совсем другое говорил Йекельн «в своем кругу». Во время совещания, состоявшегося 13 апреля 1944 года в Риге в штаб-квартире рейхскомиссара «Остланда» и специально посвященного мобилизации в Литве, обергруппенфюрер высказал свое глубокое недоверие к планам Плехавичюса. Во время переговоров с ним в Каунасе Йекельн пришел к убеждению, что тот стремится к созданию своей собственной армии, «чтобы иметь возможность проводить свою собственную политику». «Комендант безопасности» Литвы генерал Юст высказал мнение, что литовцы готовятся в один прекрасный день повернуть оружие против немцев. После долгого обсуждения было решено набрать 30 тысяч человек путем мобилизации ряда призывных возрастов (1915—1924 г. р.), установив при этом соотношение: каждые 2 тысячи человек бу-

дут направляться в рейх для службы в качестве «хельферов ВВС», каждые 1000 будут оставлены в Литве для службы в собственно литовских соединениях (ЛТК). Таким образом, 20 тысяч будут использоваться в качестве «хельферов ВВС», а 10 тысяч будут переданы в «Литовский территориальный корпус». Требование группы армий «Север» предоставить ей 50—56 тысяч человек для тыловой службы к тому времени было снято. Решение о мобилизации в Литве было подкреплено угрозой. Йекельн заявил, что в случае невыполнения данных требований, «весь гнев разрушительной мощи Германии литовцы испытают на собственной шкуре — в духе режима генерал-губернаторства»¹⁴⁴.

Поверив обещаниям Йекельна, Плехавичюс 28 апреля 1944 года издал воззвание о мобилизации призывников 1915—1924 годов рождения. Одновременно было объявлено, что все военнообязанные, не явившиеся в течение 24 часов на призывные пункты, предстанут перед литовским военным судом. На следующий день подпольная литовская пресса подвергла этот призыв жесткой критике, в особенности намерение отправить 20 тысяч человек в качестве «хельферов ВВС» в Германию, по слухам — на Западный фронт. «У нас нет никаких интересов на Западе...», — заявляла оппозиция¹⁴⁵.

Основанием для недовольства послужило и то, что 22 марта 1944 года командующий группой армий «Север» фельдмаршал Вальтер Модель приказал сформировать 15 литовских батальонов для охраны германских аэродромов, а для этого передать набранных призывников в распоряжение вермахта¹⁴⁶.

Объявленная «тотальная» мобилизация началась 6 мая 1944 года¹⁴⁷. Благодаря активной пропаганде против этого призыва, которая была развернута в подпольной печати, он завершился неудачей. Поползли слухи, что Литовское самоуправление согласилось передать батальоны ЛТК в распоряжение группы армий «Север» для использования в качестве разрозненных частей. Между тем батальоны «Литовского территориального корпуса» и так с самого начала находились под контролем германской полиции¹⁴⁸.

9 мая 1944 года, вопреки всем предыдущим обещаниям, «Литовский территориальный корпус» действительно был передан

в распоряжение германского армейского командования (правда, как единое соединение)¹⁴⁹. После успехов проведенного обучения батальоны ЛТК были направлены в район Вильнюса для подавления партизанского движения. Там, по словам немцев, они показали себя непригодными для подобных задач «в военном и моральном отношении», так как значительная часть солдат перешла на сторону партизан¹⁵⁰. К тому же вероломство немцев, нарушивших свое обещание, вызвало недовольство среди командиров «Литовского территориального корпуса». Чтобы предотвратить бунт, немецкие власти приняли решение арестовать их всех. В результате 83 литовских офицера были расстреляны, а еще 110 человек отправлены в концлагеря¹⁵¹.

К середине мая 1944 года гестапо собрало столько косвенного компрометирующего материала против Плехавичюса, что это послужило достаточным основанием для ареста самого генерала и его штаба¹⁵². Среди собранного компромата можно выделить особо один факт. В начале 1944 года в кругах подпольной организации литовских националистов — «Верховного комитета освобождения Литвы» (сокр.: ВЛИК) стали задумываться о том, чтобы на основе мобилизационных планов довоенной Литвы сформировать 6 литовских дивизий. По поручению ВЛИКа подполковник Казис Амбрасяус обсуждал этот вопрос со многими литовскими офицерами, из которых двое принадлежали к штабу Плехавичюса. Сам Плехавичюс если даже не участвовал в разработке этих планов, то по крайней мере знал о них¹⁵³.

Очевидно также, что Плехавичюс и националистическое подполье Литвы (ВЛИК и, возможно, другие организации) пытались установить контакты со странами Запада. 21 апреля 1944 года все тот же подполковник Казис Амбрасяус был арестован гестапо в Таллине, направляясь в Финляндию в качестве курьера ВЛИКа. Там он должен был провести переговоры о поставках оружия из Финляндии в Литву. Арест Амбрасяуса повлек за собой целую серию новых арестов. Выяснилось, что очень многие чиновники самоуправления в Литве, а также в Латвии и Эстонии тайно поддерживали связь с подпольными организациями националистов. Всего по обвинению в «проанглийских настроениях» было арестовано

около 230 человек¹⁵⁴. Впрочем, по свидетельству подполковника финской армии Р. Ингелиуса, который в сентябре 1943 года являлся офицером связи штаба финской армии в Таллине, из 230 арестованных в апреле 1944 года многие были скоро освобождены¹⁵⁵. Контакты с Западом в это время пугали немцев гораздо меньше, чем контакты с советским партизанским движением.

Сразу после ареста Плехавичюса началось разоружение недавно сформированных батальонов ЛТК. Было объявлено о расформировании «Литовского территориального корпуса», а его личный состав был передан в распоряжение ВВС для использования в качестве наземного аэродромного персонала и помощников на батареях ПВО. Значительному числу солдат ЛТК удалось избежать разоружения и отправки в другие части, уйдя в лес к партизанам¹⁵⁶. В конце мая — начале июня 1944 года 3000 человек из 14 000 были переданы в распоряжение германского вермахта (а точнее — люфтваффе) для использования в качестве «хельферов» ВВС и охраны аэродромов¹⁵⁷.

ПОСЛЕДНИЕ НАДЕЖДЫ КОЛЛАБОРАЦИОНИСТОВ: «АРМИЯ ОБОРОНЫ ОТЕЧЕСТВА»

Летом 1944 года по инициативе двух литовских офицеров — капитанов Ятулиса и Чесны — была предпринята последняя попытка объединить различные литовские вооруженные формирования, которые еще не были расформированы и отступали вместе с частями вермахта — полицейские и саперные батальоны, батальоны наземного обслуживания и охраны аэродромов. Эта сводная часть получила название «Армия обороны отечества» (лит.: *Tevynes Apsaugos Rinktine*, или сокр. TAR); также она была известна как «Жемайтйская армия обороны»¹⁵⁸. Она состояла из двух полков — оба находились под командованием литовских офицеров. Одним из полков командовал полковник Вацлавас Иванаускас («Витенис», он же «Гинтаутас»), впоследствии один из руководителей националистического партизанского движения в Литве, командир «Западного повстанческого округа». Командир второго полка — полковник Ионас Жемайтис («Витаутас»), впо-

следствии также стал одним из руководителей литовского националистического повстанческого движения (в 1949—1953 годах), а затем — председателем президиума так называемого Движения борцов за свободу Литвы¹⁵⁹ (БДПС). Общее командование соединением осуществлял немецкий полковник Медер, позднее произведенный в генерал-майоры.

Силы «Армии обороны отечества» занимали оборонительную позицию близ села Папиле, когда 7 октября 1944 года немецкая оборона была прорвана силами Красной Армии. Оба полка ТАР были смяты и понесли большие потери. Уцелевшие отступили вместе с немцами и уже в Восточной Пруссии были преобразованы в «Литовский саперный батальон» (Lietuvos Statybos Pioniervių Batalionai), состоявший из 8 рот. Он был направлен на строительство укреплений на Балтийском побережье, а позднее был окружен в составе группы армий «Курляндия». Лишь немногие раненые были эвакуированы по морю и закончили войну в Любеке. Значительная часть солдат ТАР, не желая воевать на чужой территории, покидали свою часть и уходили в леса¹⁶⁰.

13 июля 1944 года советские войска освободили Вильнюс, а 1 августа генеральный комиссар фон Рентельн доложил в Берлин, что «вся гражданская администрация, включая управление генерального комиссара в Каунасе, штатткомиссара города Каунаса и областного комиссара Каунасского района, эвакуированы»¹⁶¹. На следующий день, 2 августа 1944 года, Каунас был освобожден от немецких войск частями Красной Армии.

Глава VI

«СПАСИБО ГИТЛЕРУ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ БОЛЬШЕВИЗМА» (ЭСТОНИЯ)

ЧЕТЫРЕ ПРЕТЕНДЕНТА НА ВЛАСТЬ

В первые месяцы оккупации в Эстонии, как и в Латвии и Литве, началось возрождение довоенных националистических партий. Была вновь создана аграрная партия — «Отечественный Союз» («Изамаалиит»), являвшаяся единственной правящей партией до 1940 года. В нее входили в основном крупные земельные собственники, представители финансового капитала, военные и гражданские чиновники, владевшие лучшими участками земли, в числе которых были последний президент Эстонии Пятс и военный министр генерал Лайдонер. Именно из бывших членов «Изамаалиита», политиков эпохи диктатуры Пятса, которые не были депортированы из страны при советской власти и в момент германского вторжения находились на территории Эстонии, образовалась группа во главе с бывшим председателем Государственного совета и последним премьер-министром Эстонии Юрием Улуотсом. Впоследствии она была известна как «группа Улуотса».

Одновременно была вновь образована и партия «вапсов» («Союз участников освободительной войны»), распущенная при диктатуре Пятса. Она объединяла профашистские силы, ориентировавшиеся на гитлеровский рейх, и долгое время финансировалась из Германии, а ее лидеры активно сотрудничали с германской и финской разведками¹. В числе последних был и будущий глава самоуправления Эстонии доктор Хялмар Мяэ. Были вновь созда-

ны и некоторые другие довоенные партии Эстонии. Но фактически здесь существовали две крупнейшие политических группировки, надеявшихся прийти к власти, пользуясь представившимся случаем — германским вторжением и оккупацией.

27—28 июля 1941 года по инициативе Улуотса в Тарту состоялась конференция, на которой обсуждалось положение в Эстонии. Собравшиеся в Тарту ведущие деятели «группы Улуотса» — сам Юрий Улуотс, бывший вице-председатель парламента Эстонии Альфред Маурер, заместитель министра иностранных дел Николай Каасик, заместитель ректора Тартуского университета Эдгар Кант, профессор Юхан Вазар и другие — подписали меморандум, содержавший обращение к германскому правительству. 29 июля он был передан главнокомандующему группы армий «Север» фельдмаршалу фон Леебу.

«Меморандум группы Улуотса» был составлен в довольно осторожных выражениях, но и отказываться от независимости — хотя бы в ограниченной форме — Улуотс не собирался. Поэтому в нем говорилось, что эстонцы готовы и дальше бороться «за окончательное освобождение своей страны от господства России и за освобождение 100 000 угнанных в Россию эстонцев»² (в действительности эта цифра завышена почти в 10 раз!³). С этой целью Улуотс выражал готовность воссоздать эстонские вооруженные силы. Однако для проведения мобилизации, — говорилось в меморандуме, — необходимо создать правительство независимой Эстонии. Таким образом, создание эстонских вооруженных сил было поставлено в прямую зависимость от предоставления Эстонии хотя бы относительного суверенитета. «Если немцы хотят, чтобы эстонцы сражались на их стороне, — рассуждали Улуотс и его сторонники, — нужно создать эстонскую армию, а чтобы создать армию, — нужно восстановить государственность». Будучи официальным заместителем президента Пятса, Улуотс считал себя последним конституционным главой эстонского правительства. Поэтому, в качестве «законного наследника престола», он намеревался восстановить прежний государственный строй в Эстонии путем создания нового правительства по «принципу преемственности». Такое правительство, по его мнению, должно

было пользоваться полным доверием эстонского народа и могло бы гарантировать немецким властям любую помощь и сотрудничество.

Ошибка Улуотса состояла в том, что он неверно понимал цели германского вторжения. По мнению германского правительства, к которому он апеллировал, Эстония являлась не освобожденной, а захваченной советской территорией. Офицер связи германского МИДа при группе армий «Север» направил этот меморандум в министерство иностранных дел рейха, но официального ответа на него так и не последовало. Лишь в середине августа 1941 года, после того как меморандум был рассмотрен германским МИДом, по неофициальным каналам был получен ответ примерно следующего содержания: «На оккупированной территории не может быть никакого правительства и самостоятельных вооруженных сил». Одновременно эстонцам дали понять, что верховное политическое руководство рейха не заинтересовано в предоставлении независимости Прибалтийским республикам, даже самой ограниченной. Не может идти речь и о действительном самоуправлении: допустимо лишь вспомогательное самоуправление под контролем немецкой администрации⁴.

Наряду с возрождением некоторых политических партий, в первые дни германского вторжения в Эстонию появился ряд вооруженных формирований националистов. Среди них можно назвать несколько мелких отрядов, как, например, «рота Талпака» и «батальон Хирвелаана», называвшиеся по именам их командиров — бывших офицеров эстонской армии⁵.

Два наиболее крупных отряда возглавляли бывший майор эстонской армии Фридрих Кург, отряд которого действовал в окрестностях Тарту, и полковник Виктор Кёрн, скрывавшийся в районе Пярну. Оба этих «полевых командира» были не прочь опередить гражданских политиков и тоже «воспользоваться случаем», взяв власть в свои руки с приходом немецких войск.

Еще один «полевой командир» и однофамилец майора Курга — некий бывший полковник эстонской армии Антс-Хейно Кург — являлся давним агентом филиала абвера в Финляндии, «Бюро Целлариуса». Накануне нападения на Советский Союз

«Бюро Целлариуса» при содействии финской разведки начало активно готовить диверсионные группы из эстонцев, проживавших в Финляндии, для заброски в тыл Красной Армии, захвата стратегически важных пунктов и организации националистических повстанческих отрядов в Эстонии. Из числа эстонских националистов в этой работе участвовали Антс-Хейно Кург, Макс Хоффман, Аксель Кристиан, Ральф Хорн и другие.

Диверсионная группа полковника Курга получила кодовое наименование «Эрна». В нее вошли 14 человек, закончивших разведшколу в местечке Секе (Финляндия), включая радистов с двумя радиостанциями, и 70 бывших военнослужащих эстонской армии. 7 июля 1941 года первые 40 человек (28 нижних чинов и 3 офицера⁶) во главе с самим Кургом отплыли с побережья Финляндии на трех катерах и благополучно достигли берегов Эстонии в районе села Кабернэме Харьюского уезда (окрестности Таллина). Они должны были организовать шпионско-диверсионную деятельность на шоссе и железных дорогах в тылу Красной Армии⁷. Позднее к группе присоединилось около 30 местных эстонских националистов⁸.

Действовавший в то же самое время в районе Тарту его однофамилец, майор Фридрих Кург, не только не ограничился организацией повстанческих вооруженных отрядов, но и начал создавать свою администрацию в уездах Эстонии, назначив сельского старшину Тартуского уезда и бургомистра города Тарту. Прибывший позже в Тарту Улуотс, по некоторым сведениям, одобрил эти меры. 14 июля 1941 года Кург назначил также руководителей повстанческих отрядов в провинциях Тарту, Выру и Валга. Но его претензии простирались дальше — стать верховным главой гражданской и военной власти во всей Южной Эстонии, поэтому 17 июля 1941 года майор Кург «назначил» своего конкурента полковника Виктора Кёрна руководителем повстанческих отрядов в провинциях Вильянди и Пярну (причем без ведома последнего!)⁹. Узнай Кёрн об этом, вероятно, он был бы возмущен — ведь он был старше майора Курга по званию!

Многие бандформирования эстонских националистов тесно сотрудничали с командованием немецкой 18-й армии, получая от

него конкретные указания¹⁰. Германские военные власти, видимо, признавали «полномочия» самозванного правителя Южной Эстонии майора Курга. По крайней мере, так утверждалось в повседневных приказах Курга, публиковавшихся в газете «Postimees» (начала выходить с 13 июля 1941 года). Ему же принадлежит приказ о создании концлагеря в Тарту и о назначении его первым комендантом капитана Юхана Юристе. (До сих пор неизвестно, была ли эта мера также одобрена Улуотсом¹¹.) Все эти факты приводят к мысли, что Фридрих Кург, подобно своему однофамильцу, также сотрудничал с германской разведкой.

Тем временем оставшийся в Финляндии личный состав группы «Эрна» был пополнен новыми людьми, разбит на подгруппы и заброшен в Эстонию на самолетах. Группа «Эрна-А» была выброшена с самолета в районе Вирусского уезда (район г. Раквере) с задачей вести наблюдение за передвижениями Красной Армии. Группа «Эрна-В» была выброшена в тот же день в районе волости Равила Харьуского уезда с задачей вести наблюдение за передвижениями частей советской 8-й армии и за работой железнодорожной магистрали Тапа — Таллин. Группа «Эрна-Ц» была выброшена 21 июля в районе Таллина, получив задание наблюдать за работой на оборонительных рубежах Красной Армии вокруг Таллина. Все четыре группы были также снабжены радиостанциями для связи с центром. Впоследствии к ним присоединились и участники местных националистических вооруженных формирований¹². Личный состав группы «Эрна» был одет в униформу финской армии, но вместо финской кокарды носил на кепи металлическую эмблему в виде пронзенной кинжалом буквы «Е»¹³. Совершая убийства советских активистов и офицеров РККА, диверсанты из группы «Эрна» в качестве своей «визитной карточки» вырезали на теле жертв букву «Е» и оставляли на месте преступления окровавленный финский нож.

Помимо группы «Эрна», в конце июня 1941 года из Германии была заброшена самолетом в Эстонию (на территорию волостей Миссо и Руусмяэ Вирусского уезда) шпионская группа во главе с капитаном Куртом фон Глазенаппом, прибалтийским немцем, бывшим владельцем мызы Рогози в Эстонии, выехавшим незадол-

го до начала войны в Германию. Одной из его задач было организовать деятельность националистического подполья в Выруском уезде и установить связь с вооруженными отрядами эстонских националистов на территории Тартуского уезда. По требованию Глазенаппа немцы организовали выброску оружия и боеприпасов для них¹⁴.

Лидер другого вооруженного отряда националистов, полковник Кёрн, также претендовал на то, чтобы стать единственным представителем еще не созданного «Эстонского правительства», и с этой целью также пытался установить контакт с Улуотсом, правда, безуспешно. Столь же безуспешной была его попытка создать свое собственное правительство Эстонии, так как немецкие власти (эйнзатцгруппа «1а», взявшая на себя функции полиции безопасности и СД) не одобрили этого. В юго-западных районах, находившихся под его властью, Кёрн приказал восстановить прежнюю административную систему эпохи правительства Пятса — советы общин. 9 июля 1941 года он назначил также начальника полиции провинции и сельского старшину Пярну, поручив последнему назначить бургомистров и советы общин в тех населенных пунктах, где таковые еще не были созданы. Их деятельность (согласно приказу Кёрна, считавшего себя высшей военной и гражданской властью в Эстонии) должна быть возобновлена также с 9 июля. Таким образом, немецкие власти были поставлены перед фактом: к их приходу в Эстонии была отчасти восстановлена довоенная административная система из советов общин, сельских старшин, бургомистров (что касается полицейской администрации, то этот вопрос рассматривается ниже). Немецкие власти, как военные, так и гражданские, приняли эту систему без особых изменений¹⁵.

Есть основания подозревать о связях с германской разведкой и полковника Кёрна. Известно, что в первых числах июля 1941 года немцы выбросили диверсионно-разведывательную группу в волость Тали Пярнуского уезда, которые сразу же установили связь с местным националистическим подпольем (как раз в этом районе действовала группировка полковника Кёрна). По рации в центр была отправлена просьба переправить вооружение

для эстонских националистов в волости Тали. В скором времени немцы с самолета сбросили им 27 винтовок, 2 легких пулемета, 2 снайперские винтовки и 7000 патронов. После захвата немецкими войсками волости Тали националисты направили своих представителей в ближайший немецкий штаб в Ригу и получили еще 160 винтовок¹⁶.

Однако вскоре германские оккупационные власти заявили Кёрну, чтобы он и думать не смел ни о создании какого-нибудь правительства, ни о передаче ему гражданской власти. Ему недвусмысленно дали понять, что он должен будет ограничиться ролью руководителя националистического повстанческого движения. При этом немцы ссылались на то, что согласно Женевским соглашениям, вся гражданская власть на оккупированных территориях должна принадлежать германскому вермахту. После довольно загадочной гибели Кёрна 19 июля 1941 года немецкий военный комендант предпринял некоторые изменения в распределении власти между полицией, командирами националистических бандформирований и эстонским гражданским управлением. Примечательно, что в Северной Эстонии, где вся власть принадлежала немецкой военной администрации, были предприняты точно такие же меры по восстановлению административной системы довоенной Эстонии; только здесь приказы о создании советов общин и назначении бургомистров и сельских старшин исходили от немецких комендантов. Так, например, 24 августа 1941 года приказом генерала фон Рока (командующего тыловым районом группы армий «Север») адвокат Карл Террас был назначен бургомистром Таллина, хотя сам город был взят лишь четырьмя днями позже¹⁷.

Наряду с «группой Улуотса» в оккупированной Эстонии существовала и вторая политическая группировка, состоявшая в основном из бывших членов партии «вапсов» во главе с доктором Хялмаром Мяэ. Еще в конце мая 1941 года в Хельсинки был создан «Эстонский освободительный комитет» во главе с д-ром Мяэ. Его членами являлись д-р Александр Массакас, д-р Харри Рютман, адвокат Карл Гран, Вальтер Котсар, майор Аксель Кристиан. По-видимому, все члены комитета так или иначе являлись

агентами абвера, как, например, сам Мяэ, или Аксель Кристиан, сотрудник «Бюро Целлариуса». Комитет провозглашал своей целью достижение «свободы и независимости эстонского народа» «при поддержке дружественных государств» и заявлял о готовности взять на себя верховную политическую власть в Эстонии, пока «не будет восстановлена государственность на основе новой конституции, выработанной во взаимодействии с Германским рейхом»¹⁸.

О своей политической концепции Мяэ проинформировал представителя германского министерства иностранных дел. Его политическая программа предполагала «1/2 года на [пропагандистскую] подготовку эстонского народа», после чего будет возможна «надежная тесная связь Эстонии с рейхом». Главной идеей идеологической подготовки эстонского народа Мяэ считал воспитание «общеевропейского мировоззрения». Для этого эстонцы должны были принять участие в борьбе за «новую Европу» против большевизма, чтобы почувствовать «общую судьбу с немецкими солдатами». (Впоследствии эти лозунги оказались очень живучими и были заимствованы кругами СС для своей пропаганды.) Д-р Мяэ отнесся «с пониманием» к германским планам частичной колонизации Прибалтики и создания там немецких поселений. Территориальные претензии Мяэ (за счет некоторых областей РСФСР) были незначительными и, по-видимому, служили лишь созданию видимости борьбы за «национальные» интересы Эстонии. Лидеров довоенных эстонских партий типа Улуотса предполагалось отеснить на второй план и не допустить к политической деятельности. Разумеется, эта программа произвела благоприятное впечатление на сотрудников германского МИДа¹⁹. Таким образом, «лицевая» сторона программы Мяэ, предназначенная для эстонского народа, почти не отличалась от программы Улуотса. Однако и самому Мяэ, и немецкому МИДу было ясно, что ее «изнаночная» сторона является безоговорочно прогерманской даже по сравнению с программой Улуотса, которая, как известно, также была составлена с учетом интересов рейха.

Мяэ и его «штаб» прибыли в Эстонию сравнительно поздно, но это не помогло его конкурентам... Влиятельные люди в гер-

манских министерствах и спецслужбах заранее сделали ставку именно на него. Кандидатуру Мяз поддерживали в Германии Петер Клейст и Отто Бройтигам. Клейст лично ходатайствовал перед Розенбергом, а позднее и в Главном управлении имперской безопасности о назначении Мяз главой коллаборационистского правительства Эстонии и в итоге добился их поддержки²⁰.

Выбор был сделан...

ГЕРМАНСКАЯ ОККУПАЦИОННАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ В ЭСТОНИИ

До установления в Эстонии немецкого гражданского управления вся ее территория находилась под контролем немецкой военной администрации. Вся северная часть Эстонии, как и некоторые районы Псковской и Ленинградской областей, которые предполагалось присоединить к генкомиссариату, являлись тыловым районом группы армий «Север» и ее 16-й и 18-й армий. На территории Эстонии военную администрацию представлял командующий тыловым районом группы армий «Север» генерал пехоты Карл фон Рок, штаб-квартира которого находилась в городе Выру. После взятия Таллина в сентябре 1941 года тыловой район группы армий «Север» включал в себя почти всю территорию Эстонской республики, за исключением города Нарвы и близлежащих сельских районов. Позднее часть этой территории перешла в ведение немецкой гражданской администрации. При этом, поскольку Эстония все еще считалась оперативным районом, фон Рок сохранил за собой некоторые полномочия, примерно те же, которыми располагал командующий вермахта в рейхскомиссариате «Остланд» на остальной территории Прибалтики²¹.

Темпы продвижения немецких войск иллюстрируют следующие даты: 11 июля 1941 года был захвачен город Тарту; 8 июля — Псков, который немцы предполагали включить в состав генерального комиссариата Эстонии. 17 августа 1941 года части немецкой 18-й армии вступили в Нарву, находившуюся на границе Эстонии и Ленинградской области, а 28 августа был взят Таллин. К концу августа уже вся территория Эстонии находилась в руках немцев. Последним, 21 октября 1941 года, был захвачен остров Хийюмаа.

Гражданское управление в Эстонии было введено позже, чем на территории других республик Прибалтики, а именно — 5 декабря 1941 года. Генеральным комиссаром Эстонии был назначен обергруппенфюрер СА, барон Карл Сигизмунд Литцман (род. в 1893 году). Литцман был сыном известного генерала Литцмана, героя Первой мировой войны. С 1929 года он являлся член НСДАП, в 1933 году получил звание обергруппенфюрера СА, а с 1935 года стал депутатом рейхстага²².

Вскоре после своего назначения Литцман утвердил пять окружных комиссаров (гебитскомиссаров) во главе каждого из 5 округов Эстонии, деливших свою очередь каждый на 2 провинции (Lehen), а также двух городских комиссаров (штадткомиссаров) в городах Таллин и Печоры, образовывавших отдельные округа. В задачи гебитс- и штатдткомиссаров входил, помимо прочего, контроль за работой провинциальных органов самоуправления и советов общин²³. Таким образом, административная структура генерального комиссариата «Эстония» была практически такой же, как и в довоенной Эстонии — комиссариат состоял из 5 округов, каждый из которых включал в себя от одного до трех провинций (уездов) — итого 10 провинций.

Верховную полицейскую власть представлял фюрер СС и полиции в Эстонии, бригадефюрер СС и генерал-майор полиции Хинрих Мёллер. В его штаб входил командир полиции безопасности и СД в Эстонии, совмещавший также пост командира эйнзатцкоманды «1а» — штурмбаннфюрер СД (позднее штандартенфюрер СД) д-р Мартин Зандбергер (с 1 сентября 1943 года его сменил Бернхард Баатц). Это был второй по значимости пост в аппарате немецкой полиции в Эстонии. Третьей по значимости была должность командира полиции порядка в Эстонии.

ДОКТОР МЯЭ ВЫХОДИТ НА СЦЕНУ (СОЗДАНИЕ ЭСТОНСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ)

Доктор Хялмар Мяэ вылетел самолетом на родину 25 июня 1941 года в сопровождении «свиты» из сотрудников СД во главе с Хайнцем Грэфе²⁴, а также Петера Клейста и своего доверенно-

го лица Юхана Либе. В том же самолете летели будущие лидеры коллаборационистов Латвии и Литвы. Но им не удалось добраться дальше Тильзита, и, так как линия фронта проходила еще в районе Даугавы, Мяэ ничего другого не оставалось, как вернуться в Берлин.

Только 17 августа 1941 года после многочисленных трудностей Мяэ в сопровождении Клейста выехал из Риги и достиг эстонского города Выру, где находилась штаб-квартира генерала фон Рока, командующего тыловым районом группы армий «Север». Оттуда, благодаря поддержке фон Рока, ему удалось перебраться в Тарту и оборудовать свою штаб-квартиру в городском «Гранд-отеле». Двумя днями позже туда прибыло его ближайшее окружение — Альфред Вендт и Оскар Ангелус. Как и сам Мяэ, оба они были ставленниками немецких служб. Кандидатуру Вендта предложил в свое время Петер Клейст, а кандидатуру Ангелуса — сам имперский министр Розенберг²⁵.

31 августа военное положение наконец позволило Мяэ окончательно перебраться в Таллин, который был занят немецкими войсками всего три дня назад. Там он впервые встретился с доктором Зандбергером, командиром эйнзатцкоманды «1а», и занялся размещением и организацией будущего самоуправления Эстонии. Поскольку официальное разрешение на это еще не было получено, основные ведомства самоуправления назывались «Бюро Мяэ», «Бюро Вендта» и «Бюро Ангелуса»²⁶. Чуть позже состоялась встреча Мяэ с будущим генеральным комиссаром Эстонии Литцманом, который уже в сентябре 1941 года предпринял неофициальную поездку в Эстонию, к месту своего будущего назначения. На д-ра Мяэ он произвел хорошее впечатление. От его взгляда не укрылось, что Литцман явно стремился как можно быстрее приступить к своим обязанностям и заранее ознакомиться с обстановкой. Но 25 октября 1941 года, по предложению группы армий «Север», ОКХ решило отложить введение гражданского управления в Эстонии до 5 декабря 1941 года²⁷.

Эстонское самоуправление (эст.: Eesti Omavalitsus) было назначено приказом генерала фон Рока от 15 сентября 1941 года. Мяэ получил пост «1-го ландесдиректора», хотя в эстонских до-

кументах его часто называли «главой самоуправления», что фактически соответствовало истине. Он имел под своим началом аппарат директоров, построенный по образцу кабинета министров. Самоуправление должно было состоять всего из 5 ландесдиректоров. Директорат по вопросам внутреннего управления возглавил Оскар Ангелус, отвечавший за эстонскую полицию и организацию «Омакайтсе»; директорат экономики и финансов возглавил доктор Альфред Вендт; директорат по социальным вопросам — Отто Леесмент; директор по вопросам сельского хозяйства — Генрих (Ханс) Саар. Пятый, директорат образования и культуры, возглавлял сам доктор Хялмар Мяз. Позднее, за счет разделения полномочий, к ним прибавились еще два. В мае 1942 года был образован директорат по вопросам техники и транспорта (ранее этими вопросами занимался директорат экономики и финансов), во главе которого стал Арнольд Раадик. Наконец, с января 1943 года был создан директорат юстиции, который возглавил Оскар Эпик (до того вопросами юстиции занимался сам д-р Мяз)²⁸.

Позже, в марте 1942 года, рейхскомиссар Лозе высказал мысль, что местное самоуправление не должно заниматься экономическими вопросами, так как в результате немецкая гражданская администрация и местное самоуправление якобы дублируют друг друга. Начальник главного отдела «Экономика» в рейхскомиссариате «Остланд», Матиссен, еще в январе 1942 года потребовал упразднить в составе Эстонского самоуправления директорат по экономическим вопросам, возглавляемый Вендтом, и учредить вместо него объединенную немецко-эстонскую Экономическую палату во главе с принцем цу Гогенлоэ²⁹, что и было сделано в конечном счете³⁰.

Согласно приказу фон Рока от 15 сентября 1941 года о задачах и полномочиях самоуправления, директора имели право набирать своих сотрудников из числа специалистов, осуществлять свои полномочия от имени командующего и «в соответствии с предшествующими законами и распоряжениями», если они не были отменены или изменены. Как было пояснено позднее в радиообращении Мяз, 20 сентября 1941 года и в распоряжении Ангелуса от 14 октября 1941 года, в данном случае подразумевались прежде

всего законы бывшей республики Эстонии, действовавшие до 21 июня 1940 года, а также советские законы, не противоречившие первым. С письменного разрешения фон Рока, ландесдиректора в отдельных случаях имели право «издавать распоряжения, имеющие законодательную силу». Заседания самоуправления велись на немецком языке, чтобы постоянно присутствующий на них представитель СД понимал, о чем идет речь. По идее представитель военной администрации также должен был присутствовать на них, но генерала фон Рока настолько мало интересовали эти заседания, что он даже не прислал своего офицера. Протокол заседания вел статс-секретарь Волдемар Тарту. Согласно утверждениям Мяэ заседания проходили раз в неделю, при необходимости — чаще. Ангелус, напротив, утверждает, что регулярные заседания имели место лишь в первые дни, а потом стали простой формальностью и возобновились лишь с начала 1944 года, когда военное положение стало критическим. Постановления Эстонского самоуправления регулярно публиковались на немецком и эстонском языках в бюллетене «Служебный вестник» (нем.: «Amtlicher Anzeiger» / эст.: «Ametlik Teataja», сокр.: АТ).

Впоследствии сам Мяэ клялся, что получал указания только от генерала фон Рока (который не считал себя нацистом!) и, боже упаси, не имел никаких дел с эсэсовцами!³¹ Однако это было неправдой, так как полномочия самоуправления распространялись и на территорию тылового района 18-й армии, не подчиненного ни фон Року, ни гражданской администрации. Полную власть над всеми этими территориями имел только высший фюрер СС и полиции в Остланде, обергруппенфюрер СС Йекельн. К тому же власть фон Рока была также ограничена, так как большинством экономических вопросов занималось ведомство уполномоченного по 4-летнему плану Геринга, а вся полицейская администрация находилась в руках Йекельна и других представителей рейхсфюрера СС.

«Правление» доктора Мяэ началось с призыва к эстонскому народу, который был опубликован 6 сентября 1941 года в первом номере газеты «Linna Teataja», то есть еще до официального приказа фон Рока о создании Эстонского самоуправления. (Первона-

начально эта газета выходила под своим старым названием, существовавшим до 1940 года — «Rdevaleht», но номер от 29 августа 1941 года вышел без разрешения властей, и газета была закрыта. С сентября по декабрь 1941 года выходила под названием «Linna Teataja». С начала декабря 1941 года она стала называться «Eesti Sona» и являлась центральным печатным органом самоуправления.)

Д-р Мяэ заявил, что «время коммунистического ужаса» закончилось и что благодаря вмешательству Гитлера народы Европы, и в том числе «нордический эстонский народ», были спасены от гибели. Поэтому предлагалось прекратить все междоусобные разногласия и «под руководством великого фюрера Германии и с Божьей помощью принять участие в строительстве новой Европы». Призыв подписали 46 человек, в основном сельские старшины и бургомистры Южной Эстонии, в том числе Юрий Улуотс. Оказал ли этот призыв какое-либо влияние на население, неизвестно³².

Через 5 дней после приказа о создании самоуправления, 20 сентября 1941 года, Мяэ выступил с радиообращением к эстонскому народу. На этот раз его речь касалась более практических вопросов, как, например, вопрос о возвращении частной собственности. Мяэ заверил, что частная собственность на средства производства будет вновь восстановлена, но поскольку военная администрация не имеет полномочий для проведения реприватизации, с этим придется немного подождать³³. Это заявление как нельзя более красноречиво говорило о том, из какой среды происходила верхушка коллаборационистов и чего они добивались.

Назначенный 5 декабря 1941 года генеральный комиссар Эстонии Литцман в своем заявлении от того же числа признал уже существующее Эстонское самоуправление и назначенных ранее бургомистров в Таллине, Тарту, Пярну, Нарве, Раквере, Вильянди и Валге, а также сельских старшин — председателей земельных правительств. Состав Эстонского самоуправления немцы считали чрезвычайно удачным по своему кадровому составу. Оно практически не создавало проблем оккупационным властям, по крайней мере в сравнении с Литвой и Латвией, где не удалось найти до-

статочны способных и одновременно преданных нацистам «лидеров».

Во многом это объяснялось тем, что и немецкие чиновники, и эстонские националисты были научены неудачным опытом Литвы и Латвии. С одной стороны, националистическая оппозиция Улуотса оказалась значительно более послушной. По-видимому, события во Львове, Каунасе и Риге научили их быть «скромнее» в своих притязаниях. С другой стороны, нацисты поняли, что во главе самоуправления лучше поставить не «популярного» политика «из бывших», а «проверенного», которому можно было бы доверять.

Даже начальник отдела Па в рейхскомисариате «Остланд», Трампедах, подчеркивая свое недоверие к главе Латвийского самоуправления Данкерсу, упоминал, что Мяз, наоборот, вызывает доверие³⁴. Некоторые западные историки считают, что в этом главную роль сыграла личность генерального комиссара Эстонии Карла Литцмана, который уже вскоре после своего назначения на этот пост начал сомневаться в правильности проводимой оккупационной политики³⁵. Впрочем, это не помешало тому, что с ведома Литцмана в Эстонии за время оккупации было уничтожено свыше 61 000 мирных жителей и 64 000 советских военнопленных (в их числе — известные деятели эстонской науки и культуры)³⁶. Сомнения Литцмана касались преимущественно вопроса о возвращении частной собственности и о восстановлении независимости Эстонии. Проводя уничтожение эстонского народа, он не мучился сомнениями...

В конце октября 1941 года Мяз и Ангелус предприняли поездку в Берлин, чтобы ходатайствовать о скорейшей замене военной администрации гражданским управлением. Непосредственная причина этой поездки неизвестна. Вряд ли она была вызвана каким-либо конфликтом с немецкими военными властями, ибо между ними и местным самоуправлением существовало полное взаимопонимание... за исключением разве что экономических вопросов.

По-видимому, дело было как раз в экономической политике. Ведь военная администрация, имевшая право проводить необхо-

димые реквизиции провианта, транспортных средств и т.п., в то же время не имела полномочий на возвращение частной собственности бывшим хозяевам — то есть прежде всего себе самим и основному большинству коллаборационистов. Как можно было заключить из выступлений д-ра Мяз, именно этого добивалось большинство из них — от его собственного окружения до сторонников Улуотса. Возможно также, что руководство Эстонского самоуправления надеялось на изменение государственного статуса Эстонии с установлением немецкой гражданской администрации и предоставление ей автономии. В особенности Мяз рассчитывал на свою прежнюю школьную дружбу с рейхсминистром по делам оккупированных восточных территорий Альфредом Розенбергом, с которым когда-то учился в одной гимназии. Но Розенберг даже не соизволил принять их³⁷.

«ОМАКАЙТСЕ» — КАРАТЕЛИ ИЛИ ОПОЛЧЕНИЕ?

В Эстонии до июня 1940 года существовала своя полувоенная массовая организация «Кайтселиит» («Союз защиты»; эст.: «Eesti Kaitseliit»), представлявшая собой подобие «Национальной гвардии». Она была создана правительством Эстонии еще в 1918 году, а с 1934 года являлась военизированной опорой эстонской правящей партии «Изамаалиит». Фактически отряды «Кайтселиит» продолжали тайно существовать и после июня 1940 года, поскольку после роспуска этой организации многие ее руководители ушли в подполье, договорившись между собой не сдавать оружие и поддерживать связь друг с другом³⁸. Организация «Кайтселиит» была воссоздана в первые же дни немецкой оккупации. Этот процесс шел постепенно, по мере продвижения линии фронта. Раньше всех отряды «Кайтселиит» были организованы в провинции Пярну (3 июля 1941 года), позднее всех — на острове Сааремаа.

После взятия Тарту отряды «Кайтселиит» под началом эстонских «полевых командиров» приняли участие в торжественном параде 29 июля 1941 года, вместе с немецкими войсками. По такому случаю лидер действовавшего в районе Тарту эстонского националистического отряда майор Кург выступил с речью, в которой выразил благодар-

ность «великому фюреру Германии Адольфу Гитлеру» как спасителю Европы от большевизма и эстонским солдатам, маршировавшим бок о бок с немецкими. В ответной речи немецкий комендант города майор Ганс Гозебрух поблагодарил эстонских солдат «Кайтселиит», принявших участие в освобождении своей страны под немецким командованием. Но поскольку свою задачу они выполнили, — заявил Гозебрух, — отряды «Кайтселиит» придется распустить, оружие — сдать немецким властям, а «эстонским солдатам» — разойтись по домам. Разрешалось сохранить оружие лишь у 200 человек, которые должны были выполнять функции вспомогательной полиции (нем.: Hilfspolizei). «Борец за независимость Эстонии» майор Кург послушно выполнил распоряжение, издав в дополнение к немецкому свой собственный приказ от того же числа, объявлявший с этого момента эстонские националистические вооруженные формирования «вспомогательной полицией» под немецким командованием. В каждом городе, селе или деревне надлежало сформировать отряд «вспомогательной полиции», численностью не превышающий 1 % от общего числа населения. Все они поступали в подчинение местных немецких начальников полиции³⁹.

2 августа 1941 года немецкие власти разрешили восстановить организацию «Кайтселиит» под названием «Омакайтсе» («Корпус самообороны»; эст.: «Omakaitse», сокр.: ОК), или «Selbstschutz» («Самооборона»), как она именовалась в немецких документах. Термин «вспомогательная полиция» был упразднен, но функции остались теми же⁴⁰. Отряды «самообороны» («Омакайтсе») были организованы по территориальному признаку — во всех городах и деревнях Эстонии (в 13 сельских районах и 1 железнодорожном районе) — как полувоенные немобильные формирования. Первоначально служба в «Омакайтсе» была бесплатной, позднее начали выплачивать жалованье. Чтобы стать членом «Омакайтсе», кандидату требовалось доказать, что в советское время он не состоял в коммунистической партии и не имеет родственников-евреев. После этого произносилась клятва быть готовым отдать свою жизнь за дело борьбы с большевизмом⁴¹.

Верховное руководство отрядами «Омакайтсе» формально было поручено бывшему офицеру регулярной эстонской армии

полковнику Яану Майде⁴². Впоследствии главой Центрального руководства «Омакайтсе» стал эстонский офицер Синка (занимавший этот пост не позднее января 1944 года)⁴³. 22 сентября 1941 года, после создания Эстонского самоуправления, в составе директората внутренних дел был образован «Отдел полиции и самообороны» (Polizei- und Selbstverteidigungsbehrurde / Politsei- ja Omakaitsevalitsus), занимавшийся в том числе вопросами «Омакайтсе»; его первым начальником назначен эстонский подполковник Тилгре⁴⁴.

Согласно немецким источникам, задачей «Омакайтсе» являлись исключительно охрана мостов, заводов, сельскохозяйственной продукции, военных и транспортных объектов, и лишь иногда — борьба с партизанами на территории Эстонии. Но в действительности, их функции незначительно отличались от функций полицейских батальонов — борьба с партизанами, проведение казней, уничтожение коммунистов и евреев, охрана концлагерей. Одним из свидетельств этого стали материалы процесса по делу Карла Линнаса, проходившего в 1962 году в Тарту. Линнас с июля 1941 года занимал руководящую должность в «Омакайтсе» и одновременно являлся начальником концлагеря в Тарту, где было истреблено более 12 000 чел.⁴⁵ Весь персонал лагеря составляли члены «Омакайтсе»⁴⁶. При этом части «Омакайтсе» выполняли карательные задачи не только на территории Эстонии, как считают некоторые западные историки, но и за ее пределами. Например, как следует из сообщения УНКВД по Ленинградской области, «в сентябре 1941 года в Кингисеппском районе [Ленинградской области] действовал специальный карательный отряд численностью до 2 тыс. человек эстонцев-«кайтселиитчиков», прибывших из Нарвы»⁴⁷. Всего в 1941 году в ходе 5033 облав, проведенных отрядами «Омакайтсе», было арестовано 26 235 человек, 2657 человек убито в бою, 54 ранено. (Надо заметить, что такое соотношение убитых и раненых «в бою» маловероятно.) Особенно активно карательные операции проводились в Южной Эстонии, в районах г. Печоры (Псковской области) и Выру. В Таллине с 28 по 31 августа 1941 года ими было арестовано ровно 400 чел. Арестованные направлялись в Центральную тюрьму Таллина, имевшую также

филиалы в Яагала и Калеви Лиива. В списках приговоренных к смерти заключенных тюрьмы указывалось, что приговор выносился и приводился в исполнение полевым судом «Омакайтсе». Уже упомянутый концлагерь в Тарту, основанный по приказу майора Курга, также находился в ведении «Омакайтсе»⁴⁸.

В официальных эстонских средствах массовой информации периода оккупации встречаются также упоминания о женских дружинах «самообороны» («Омакайтсе»). Так, члены женской дружины «Омакайтсе» города Тарту 15 марта 1943 года посетили раненых солдат в больницах уезда Тартумаа. Газета коллаборационистов с умилением сообщала, что «бойцам были вручены пакеты с печеньем, пирогами и сладостями»⁴⁹. По всей видимости, такие женские дружины имелись в городах — центрах провинций, и выполняли функции «сестер милосердия», воздушных наблюдателей гражданской обороны и т.п.

Согласно распоряжению Директората по вопросам внутреннего управления, 5 августа 1942 года в структуре «Омакайтсе» произошли организационные изменения. Провинциальные руководители «самообороны» были подчинены префектам полиции, автоматически став их заместителями (вице-префектами). На следующий день директор внутренних дел Оскар Ангелус назначил префектов полиции и начальников «Омакайтсе» (одновременно вице-префектов) в каждой провинции⁵⁰.

29 октября 1943 года, по словам того же Ангелуса, генеральный комиссар Литцман сообщил ему о своем намерении передать «Омакайтсе» из ведения директората внутренних дел в непосредственное подчинение генерального комиссариата. Причиной этого он назвал «раскол», якобы возникший между руководством «Омакайтсе» и «Войск СС». Но вскоре оказалось, что план исходил вовсе не от Литцмана, а от самого Мяз, который намеревался напрямую подчинить «Омакайтсе» Эстонскому самоуправлению, то есть себе лично. Истинной причиной было то, что СС нуждались в дополнительных 37 000 человек (численность членов «Омакайтсе») в качестве резерва для пополнения своих собственных частей. По воспоминаниям Ангелуса, 11 ноября 1943 года он лично пытался убедить Литцмана в том, что подчинение «Омакайтсе»

непосредственно д-ру Мязэ будет означать лишь замаскированную передачу этой организации в ведение СС. Он даже заявил о своей отставке в знак протеста. Литцман отставку не принял, но предоставил Ангелусу отпуск с 22 ноября 1943 до 22 января 1944 года. Поскольку ему не нашлось достойного преемника, Ангелус исполнял свои обязанности с 22 января до июля 1944 года. С июля 1944 года он был вынужден уйти в бессрочный отпуск.

В итоге «Омакайтсе» по-прежнему осталась в подчинении директората внутренних дел. На этом настояли генеральный комиссар Литцман, военная администрация и, конечно же, Ангелус. По их мнению, если бы она была переподчинена непосредственно 1-му ландесдиректору, это означало бы ее передачу под начало СС, чего добивались сам Мязэ и Йскельн. Однако успех был лишь кажущимся. Ни военное командование, ни Литцман, ни тем более Ангелус не могли реально повлиять на представителей Гиммлера, поэтому их усилия оказались тщетными. Зандбергер уже в начале 1943 года заявлял, что «Омакайтсе» принадлежит к СС и что руководству СС удалось распространить свое влияние на эту организацию, в частности, за счет призыва младших призывных возрастов из «Омакайтсе» в ряды войск СС⁵¹.

«ЭСТОНСКОЕ ГЕСТАПО»

Эстонские «полевые командиры», такие как Виктор Кёрн и Фридрих Кург, начали вновь создавать полицию в Эстонии еще до установления немецкой администрации. В каждом из округов и провинций Эстонии были назначены эстонские префекты полиции, однако центрального органа для руководства полицией, разумеется, не было, как не было и правительства, поскольку претенденты никак не могли поделить власть между собой. Поэтому руководящие функции взяла на себя немецкая эйнзатцкоманда «1а».

На первый взгляд может показаться, что действия «полевых командиров» никак не были согласованы с немецким командованием. «Борцы за независимость» просто делали то, что считали нужным и логичным. Многие из них, как, например, Оскар Ангелус, после войны представляли свои действия почти что бунтом

против оккупантов. Дескать, немцы не только пришли на готовенькое, но и не позволили провозгласить независимость, разоружили большую часть националистических отрядов, а остальные подчинили себе...

Но, назло Ангелусу и прочим, сохранились документы. Согласно годовому отчету немецкой полиции безопасности за период с июля 1941 года — по 30 июня 1942 года, в задачи эйнзатцкоманды «1а» с первых же дней оккупации входило восстановление довоенной эстонской полиции с целью «проведения арестов всех коммунистических элементов»⁵². Эта тактика уничтожения политических противников руками местных националистов, как уже было отмечено, применялась немецкими эйнзатцкомандами на всей территории Прибалтики.

Эстонская полиция обходилась без собственного центрального руководства до 5 декабря 1941 года, когда военную администрацию сменила гражданская в лице генерального комиссара Эстонии Литцмана. Все это время деятельность эстонской полиции полностью подчинялась приказам командира эйнзатцкоманды «1а», штандартенфюрера СД д-ра Мартина Зандбергера, который позднее был назначен также командиром полиции безопасности и СД в Эстонии. Деятельностью эстонской полиции на местах руководили немецкие командиры «главных филиалов», «филиалов» и «разведкоманд» СД, подчиненные Зандбергеру. Назначенные в первые дни войны эстонские префекты полиции играли при них роль исполнителей и не имели реальной власти.

После учреждения генерального комиссариата эстонская полиция была официально передана в подчинение директората внутренних дел Эстонского самоуправления, возглавляемого Оскаром Ангелусом. Неофициально она числилась в ведении директората внутренних дел еще с 22 сентября 1941 года, когда в его составе был образован «Отдел полиции и самообороны» во главе с эстонским подполковником Тилпре⁵³. Правда, как следует из многочисленных документов, реальное руководство эстонской полицией по-прежнему находилось в руках шефа СД и зипо в Эстонии Зандбергера.

Оскар Ангелус вспоминал после войны, что к моменту создания Эстонского самоуправления, полицейский аппарат уже был

полностью сформирован. В каждой провинции стоял свой префект полиции из эстонцев. Ангелусу оставалось лишь назначить начальников отделов полиции на местах. 1 сентября 1941 года он назначил шефом политической полиции в префектуре Таллина печально известного Роланда Лепика, бывшего комиссара довоенной полиции Эстонии, а 27 сентября 1941 года Лепик стал шефом политической полиции всей Эстонии. Позднее он был казнен самими же немецкими властями — как говорили, за превышение своих полномочий⁵⁴.

Организация эстонской полиции сначала была такой же, как до 1940 года. Ее центральное руководство состояло из 3 департаментов:

- политической полиции (эст.: Poliitiline Politsei; нем.: Estn. Politische Polizei);
- криминальной полиции (нем.: Estn.Kriminalpolizei, сокр.: Kripo);
- внешней полиции (то же, что «полиция порядка»; нем.: Aussenpolizei).

Ее органами на местах являлись префектуры полиции, существовавшие во всех округах и провинциях. Центральным координационным органом (с 22 сентября по 5 декабря 1941 года) являлся отдел полиции и самообороны (Pol.Abteilung) в директорате внутренних дел, ведавший также делами «Омакайтсе». Каждая префектура полиции состояла из трех отделов: отдела политической, отдела криминальной и отдела внешней полиции. Первые два отдела в немецких источниках часто называли «полицией безопасности» («зипо»), так как в самом рейхе политическая и криминальная полиция уже давно были объединены в рамках Главного управления имперской безопасности. Официально этот термин был введен несколько позже, после реорганизации в 1942 году. Под «внешней полицией» или «полицией порядка» подразумевались служащие эстонской «Охранной службы полиции порядка» (Schuma), как правило, несшие службу в участках полиции, штабах, префектурах.

Для объединения политической и криминальной полиции «с целью единообразия и большей эффективности», командир

зипо и СД Зандбергер в ноябре 1941 года издал распоряжение об учреждении в составе директората внутренних дел постов «инспектора эстонской политической полиции» (Inspekteur der estn. Polit. Polizei) и «инспектора эстонской криминальной полиции» (Inspekteur der estn. Kriminalpolizei)⁵⁵. Инспектором политической полиции с 8 декабря 1941 года был назначен эстонец Айн-Эрвин Мере⁵⁶.

В феврале 1942 года отделы политической полиции были выделены из состава префектур полиции на местах и преобразованы в «филиалы Эстонской политической полиции» (Aussenstellen der estn. Polit. Polizei). В связи с этим должность «инспектора эстонской политической полиции» была переименована в должность «начальника эстонской политической полиции» (Leiter der estn. Polit. Polizei)⁵⁷.

Главной задачей директората внутренних дел и эстонской политической полиции являлось расследование огромного количества доносов против бывших деятелей Компартии, органов советской власти и тех, кто до июня 1941 года так или иначе был связан с ними. В большинстве своем эти доносы были устными и анонимными. Однако некоторые по наивности направляли жалобы и на деятельность немецкой администрации и их эстонских пособников — в частности, на действия отрядов «Омакайтсе», расстреливавших людей без суда и следствия. Кстати говоря, четкого разграничения полномочий между эстонской полицией и «Омакайтсе» не существовало, по крайней мере в начальный период оккупации. Полиция участвовала в этих зверствах ничуть не меньше, а скорее даже больше, чем отряды «Омакайтсе». Ангелус утверждал, будто с помощью немецкой военной администрации и гестапо ему удалось положить конец казням. В действительности же казни продолжались в течение всей оккупации, и даже с еще большей систематичностью, хотя, возможно, их число и уменьшилось после уничтожения основной массы советских государственных и партийных деятелей. Основанием для расследования служило любое позитивное высказывание о прежнем советском строе⁵⁸.

Для обучения офицеров и чиновников полиции 4 января 1942 года в Таллине была открыта школа эстонской полиции без-

опасности. На торжественном мероприятии по этому случаю от имени генерального комиссара и фюрера СС и полиции Эстонии выступил д-р Зандбергер. Первыми слушателями школы должны были стать руководители политических отделов всех префектур полиции на территории всего генерального комиссариата, которые должны были пройти обучение с 4 по 11 января 1942 года. Его цель состояла в «профессиональной и политической ориентации, а также в том, чтобы создать возможность личного взаимного знакомства». Несколько групп эстонских служащих «зипо» в том же году были направлены для обучения и стажировки в Берлин в Главное управление имперской безопасности, на командные курсы в Шарлоттенбурге и в школу полиции безопасности в Фюрстенберге. Немецкие власти также любили устраивать совместные вечеринки, праздничные, спортивные и тому подобные мероприятия с участием служащих немецкой и эстонской «зипо»⁵⁹. Все это делалось для того, чтобы привить своим эстонским «коллегам» «национал-социалистский дух», как это практиковались в войсках СС и в Имперской службе трудовой повинности. По сути, это была та же «германизация», только скрытая.

Коренная реорганизация всей немецкой и эстонской полиции безопасности в Эстонии была предпринята 1 мая 1942 года с целью разграничения полномочий между ними. Теперь ее структура выглядела следующим образом:

- Группа А (сектор А): немецкая полиция безопасности (зипо) в узком смысле слова. Ее начальником являлся постоянный заместитель командира эйнзатцкоманды «1а» и командира зипо и СД в Эстонии, штурмбаннфюрер СС д-р Ульман;

- Группа В (сектор В): эстонская полиция безопасности (зипо); начальником ее был назначен бывший руководитель политической полиции Эстонии, майор, а при немецко-фашистской оккупации — оберштурмбаннфюрер СС Айн Мере⁶⁰.

Тогда же были объединены под общим руководством эстонская криминальная полиция (крипо) и эстонская политическая полиция, образовав так называемую «эстонскую полицию безопасности» (зипо). Шефом зипо и СД в Эстонии в широком смысле (то есть немецкой и эстонской вместе) по-прежнему оставался

Мартин Зандбергер. Начальники групп — немец Ульман и эстонец Айн Мере, таким образом, оба являлись его подчиненными.

Обе группы, в свою очередь, делились на отделы и подотделы. Отделы имели такие же функции, как в Главном управлении имперской безопасности (РСХА).

Например, IV отдел представлял собой не что иное, как «эстонское гестапо», и занимался контрразведкой и преследованием противников нацизма. Он состоял из немецкого и эстонского подотделов, зашифрованных соответственно как «IVA» и «IVB». Первый, немецкий, возглавлял штурмбаннфюрер СС Зейлер; второй, эстонский, — гауптштурмфюрер СС Юлиус Еннок (позднее его сменил оберштурмфюрер СС Эрвин Викс, бывший комиссар полиции Эстонии), а его заместителем был Эвальд Миксон, бывший охранник диктатора Пятса⁶¹. Что касается отделов I, II, VII, то они имелись только в Главном управлении имперской безопасности (РСХА) в Берлине и не имели региональной структуры. Приводится численность служащих в обоих секторах (со ссылкой на советские данные): около 2500 чел. в эстонском и всего около 100 чел. — в немецком⁶². Аналогичную структуру имели и другие отделы: III отдел (внутренняя служба СД) занимался разведкой внутри Эстонии; V отдел (криминальная полиция, или крипо) вел особо важные уголовные дела; наконец, VI отдел (внешняя служба СД) занимался разведкой за пределами Эстонии и рейха.

Сеть филиалов полиции безопасности составляли так называемые «главные штабы». Немецкие обозначались буквой «А» (нем.: Hauptausstellen A), а дублировавшие их эстонские «главные штабы» — латинской буквой «В». Так, немецким «главным штабам «А» в Тарту, Нарве и Пярну соответствовали эстонские «главные штабы «В» в этих же городах. И те, и другие делились на отделы IIIВ, IVВ, VВ и VIВ (эстонские) или IIIА, IVА, VА, VIА (немецкие) — все также по образцу РСХА⁶³. Начальником эстонской зипо (главного штаба «В») в Пярну являлся эстонец, оберштурмфюрер СС Хайнрих Висапуу; аналогичный пост в Тарту занимал Аксель Луйтсалу⁶⁴. Кроме того, каждый начальник эстонского «главного штаба» имел в своем подчинении еще несколько филиалов, каждый из которых включал в себя рефераты политической

и криминальной полиции. Связь между немецкими и эстонскими штабами осуществлялась на всех уровнях⁶⁵.

Оскар Ангелус в своих воспоминаниях пишет, что в мае 1942 года эстонская полиция безопасности была передана из его подчинения (как директора внутренних дел) в непосредственное подчинение Мяз⁶⁶. Это действительно было так. 5 мая 1942 года, по распоряжению Зандбергера и на основании инструкции тогдашнего командующего зипо и СД в «Остланде» Хайнца Йоста, эстонская полиция безопасности была выделена из состава директората внутренних дел и передана в подчинение штабу командира зипо и СД Эстонии в плане кадров, финансирования и служебных обязанностей.

Зандбергер позаботился о том, чтобы это выглядело как передача полицейских функций самим эстонцам. «...Ради... сохранения доверия населения к эстонской зипо, — писал он в своем годовом отчете в Берлин, — ее вывод из подчинения Эстонского самоуправления... был представлен так, будто она является отныне самостоятельным органом и подчиняется непосредственно 1-му ландесдиректору д-ру Мяз»⁶⁷. Но в действительности как до, так и после реорганизации она продолжала выполнять исключительно приказы Зандбергера и соответствующих немецких начальников.

АВТОНОМИЯ В ОБМЕН НА МОБИЛИЗАЦИЮ

К началу 1942 года общая численность различных эстонских частей, полиции и вспомогательного персонала в частях вермахта составляла 7000 человек⁶⁸. Именно тогда возникла идея сформировать «Эстонский легион СС».

О скором создании Эстонского легиона первым обмолвился Фридрих Йекельн, высший фюрер СС и полиции в «Остланде», в одном из своих публичных выступлений в июне 1942 года. Это выступление, за которое Йекельн получил вполне заслуженный выговор от Гиммлера, спровоцировало эстонцев и латышей вновь извлечь на свет божий идею о создании национальных вооруженных сил, которая впервые была высказана еще в меморандуме Улуотса от 28 июля 1941 года.

Некий эстонский полковник Якобсен 14 июля 1942 года направил письмо шефу абвера адмиралу Вильгельму Канарису, с которым он был некогда знаком. В нем говорилось, что на стороне немцев в настоящее время сражаются около 20 000 эстонцев в составе разрозненных частей полиции, вермахта, войск СС⁶⁹ и др. Эстонские солдаты плохо вооружены и экипированы, а офицеры занимают не подобающие их рангу посты, как правило — «зондерфюреров»⁷⁰, — жаловался Якобсен. Мораль эстонских частей невысока, что влечет за собой падение дисциплины. Исправить положение может создание эстонской национальной армии во главе со своими командирами, — категорически заявлял автор письма, добавляя в заключение, что эстонцы не хотят служить в войсках СС, а добиваются создания своего собственного национального эстонского легиона⁷¹. По всей видимости, Канарис ознакомил с письмом рейхсфюрера СС, или же эсэсовские спецслужбы сами узнали о его содержании. Так или иначе, возможно, что именно оно подсказало Гиммлеру идею сыграть на лозунгах националистов о «своей эстонской армии» при создании легиона СС.

Идея формирования Эстонского легиона получила одобрение Гитлера уже в начале августа 1942 года⁷². Само предложение о создании такой части исходило от Эстонского самоуправления⁷³. В связи с этим Гиммлер просил Бергера передать Розенбергу его глубокое расположение к эстонскому народу и пожелание, чтобы к эстонцам применялось совершенно иное обращение, нежели к другим народам, так как он сам якобы считает эстонцев «лучшим народом в мире» (!)⁷⁴.

Это заявление Гиммлера было чистейшей комедией, поскольку в том же 1942 году в споре с Эрихом Ветцелем (референтом по расовым вопросам из Восточного министерства) по вопросу о пригодности эстонцев для германизации рейхсфюрер СС занимал совершенно противоположную позицию⁷⁵. По-видимому, эта лесть была продиктована желанием Гиммлера заполучить в Эстонский легион всех тех эстонцев, у которых с 1 сентября 1942 года должен был закончиться контракт о службе в «охранных» батальонах вермахта. (Имелись в виду 20 000 эстонских добровольцев, зачисленных на службу в германский вермахт 23 августа 1941 года сроком

на один год, из которых были сформированы 5 батальонов в тыловой зоне 18-й армии, 5 эстонских батальонов в тыловой зоне группы армий, и 1 эстонский батальон при 16-й армии.) Гиммлер высказал мнение, что даже те эстонцы, которые «по расовым критериям» непригодны к службе в Эстонском легионе СС, должны иметь более высокий статус в составе полицейских батальонов, чем представители других национальностей⁷⁶.

В годовщину взятия немецкими войсками Таллина (28 августа 1942 года), на торжественной церемонии на Площади Свободы генеральный комиссар Литцман объявил о согласии Гитлера на формирование Эстонского легиона СС. В своей речи Литцман подчеркнул, что будущее Эстонии прямо связано с ее вкладом в борьбу против большевизма⁷⁷. На этой же церемонии выступил глава самоуправления д-р Мяэ, речь которого была традиционной по содержанию. Воздав хвалу Адольфу Гитлеру за спасение от «коммунистического ужаса», он заявил, что священная обязанность каждого эстонца — принять участие в борьбе против большевизма⁷⁸. В вышедшем на следующий день номере газеты «Eesti Sona» говорилось, что принадлежать к СС — особая честь для эстонцев.

Выдвинутый доктором Мяэ призыв к «участию в борьбе всех европейских народов против большевизма» начал широко использоваться германской пропагандой лишь с начала 1943 года, то есть после провозглашения Германией «тотальной войны» и начала широкомасштабных мобилизаций в иностранные дивизии и легионы СС. Таким образом, в Эстонии этот лозунг был опробован «на практике» раньше, чем в других «восточных оккупированных землях». Основную роль в этом сыграл мастер пропаганды Мяэ.

Несмотря на интенсивную агитацию на радио и в печати, заявлений от добровольцев, желающих вступить в Эстонский легион СС, поступило очень мало. Согласно донесению штаба ССПФ «Ревель» от 13 октября 1942 года число добровольцев на этот момент составило всего около 500 человек, да и то половина из них была набрана из эстонских полицейских батальонов. Было решено прибегнуть к принудительным мерам: в качестве «добровольцев» в состав Эстонского легиона СС была зачислена часть служащих

эстонской полиции безопасности. Для этого всем эстонским префектам полиции разослали приказ направить в легион часть полицейских⁷⁹. Чтобы восполнить недостаток добровольцев, рейхсфюрер СС Гиммлер распорядился использовать в качестве ядра Эстонского легиона СС личный состав двух эстонских полицейских батальонов; ради этого они были переведены назад в Эстонию, а их сменили два латышских батальона. Высшему фюреру СС и полиции в «Остланде» Йекельну было приказано отобрать из их личного состава «расово пригодных» эстонцев для службы в войсках СС⁸⁰.

Зимой 1942—1943 годов мероприятия по вербовке в Эстонский легион СС заметно оживились. Из числа влиятельных эстонских деятелей в целях пропаганды было организовано «Общество друзей легиона», члены которого часто выступали с призывами к эстонской молодежи. Но к началу 1943 года в результате всех этих мер удалось набрать всего 1280 человек⁸¹. 15 % численности Эстонского легиона СС на этот период составляли бывшие солдаты эстонских полицейских батальонов и охранных батальонов вермахта⁸². Из них был сформирован эстонский добровольческий батальон СС «Нарва» (Estn. SS-Freiw. Btl. Narwa). 13 октября 1942 года первая группа новобранцев была направлена в училище войск СС Хайде (Heidelager), находившееся на территории генерал-губернаторства Польши и бывшее до войны учебным лагерем польской кавалерии «Дебица». Часть офицеров была направлена в училище войск СС Бад-Тёльц на курсы повышения квалификации⁸³.

Конкурентом Гиммлера выступало армейское командование. Как известно, в тыловом районе группы армий «Север» генералу фон Року удалось сформировать 5 эстонских батальонов. Еще 6 батальонов были сформированы командованием 18-й армии, а один — командованием 16-й армии (правда, впоследствии все они были переданы в подчинение полиции и СС и переименованных в полицейские батальоны). Планы формирования подобных частей вынашивали и в штабе немецкой 3-й танковой армии, который начал вербовать добровольцев в лагерях военнопленных, в том числе среди эстонцев, дезертировавших из Красной Армии

в первые дни войны. Таких перебежчиков в немецких лагерях было достаточно, о чем свидетельствуют советские документы, например, доклады о состоянии 180-й стрелковой дивизии 22-го эстонского корпуса Красной Армии от 14—16 июля 1941 года, где сообщается о многочисленных случаях перехода командиров и красноармейцев эстонской национальности на сторону немцев⁸⁴.

Командир полиции безопасности и СД в Эстонии Зандбергер был немало обеспокоен этим и в январе 1943 года командировал одного из своих офицеров в Полоцк, в расположенный там пересыльный лагерь («дулаг») с целью выбрать 50 человек из 780 перебежавших у Великих Лук эстонцев для использования их в целях пропаганды и непосредственно для формирования Эстонского легиона СС. Однако командование 3-й танковой армии, в тыловой зоне которой находился лагерь, запретило коменданту дулага выдать хотя бы одного эстонца, в особенности для Эстонского легиона, так как само намеревалось сформировать аналогичное соединение.

По этому поводу между штабом 3-й танковой армии и руководством СС возник спор. 30 января 1941 года фюрер СС и полиции в Эстонии Хинрих Мёллер по телефону сообщил об инциденте Йекельну. Тот обещал немедленно связаться с Гиммлером и предъявить протест против намерений 3-й танковой армии. Мёллер также попросил Зандбергера поставить в известность своего шефа, тогдашнего командующего зипо и СД в «Остланде» Пифрадера⁸⁵. Неизвестно доподлинно, чем закончился этот спор, однако, судя по немецким документам, «эстонский легион» при 3-й танковой армии так и не был создан. Гиммлер все-таки добился своего.

ТОТАЛЬНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ В ЭСТОНИИ

Между тем, пока разворачивалась ссора между руководством СС и командованием 3-й танковой армии, в Германии была объявлена тотальная мобилизация. Эстонское радио сообщило об этом 10 февраля 1943 года, добавив, что положение «тотальной войны» скоро будет объявлено и в Эстонии⁸⁶. 24 февраля 1943 года в Эсто-

нии, как и во всем рейхскомиссариате «Остланд», началась «совместная» мобилизация в войска СС, вспомогательные службы вермахта и в немецкую военную промышленность 6 призывных возрастов (1919—1924 годов рождения)⁸⁷. Формально призывникам давалось право выбора: вступать в легион, в тыловые подразделения вермахта или идти работать в военную промышленность рейха.

В тот же день в Таллине прошло торжественное мероприятие по случаю Дня независимости Эстонии. Помимо руководителей немецкой гражданской администрации и самоуправления, на нем присутствовали также представители эстонской интеллигенции и духовенства, в том числе епископ Кипп и митрополит Александр. К собравшимся обратился с речью генеральный комиссар Литцман. Он сказал, что битва под Сталинградом коснулась не только Германии, но и всей Европы, поэтому эстонцы, чье будущее неразрывно связано с рейхом, должны принять активное участие в «тотальной войне». Задачей эстонских крестьян провозглашалось снабжение немецких войск и управленческого аппарата продовольствием. Чтобы оживить сельское хозяйство, Литцман объявил о том, что 55 (!) крестьян, «примерно выполнявших до сих пор свой долг», получают назад в собственность свои земли⁸⁸. Эта мера была, по-видимому, согласована с Эстонским самоуправлением, так как Мяз обещал возвращение частной собственности крестьянам еще в своей речи от 21 февраля 1943 года⁸⁹. Но возвращение 55 дворов их прежним владельцам вряд ли могло значительно изменить отношение рядовых эстонцев к «новому порядку»...

Тем не менее этот шаг вызвал недовольство рейхскомиссара Лозе. Он, в свою очередь, также обратился к эстонцам с призывом вступать в Эстонский легион, так как это — их «долг перед Германией и немецкими солдатами, освободившими Эстонию от большевизма по приказу Адольфа Гитлера». А раз это «долг», то его нужно платить. Поэтому ни о каком вознаграждении не может быть и речи — возвращения земли крестьяне могут не ждать! В заключение рейхскомиссар немного смягчился и добавил, что ради этого он готов даже разрешить празднование «Дня независимости Эстонии», правда, объявив его «Днем труда». Со сторо-

ны Лозе даже эта подачка была вынужденным шагом, поскольку сразу после этого заявления он запретил Литцману выступать на этом празднике.

На следующий день после начала мобилизации газета «Eesti Sona» опубликовала распоряжение имперского министра Розенберга о частичном возвращении частной собственности крестьянам. Эта мера была также напрямую связана с вербовкой в легионы СС: началась пропагандистская кампания. Иначе кто же будет сражаться против «большевизма», если оттолкнуть от себя «обиженных» советской властью зажиточных крестьян — практически единственную социальную группу, на которую оккупанты могли опереться? Правда, в штабе Лозе в Риге поговаривали, что Розенберг вовсе не собирался обнародовать этот указ, и, если бы не «необдуманные слова» Литцмана, он бы так и не был обнародован. Литцман только зря обнадежил эстонских коллаборационистов, и теперь приходилось идти на уступки.

Ни в одной из оккупированных стран пропагандистские мероприятия, связанные с мобилизацией, не были столь искусно организованы. После этого доктор Мяз снискал себе славу непревзойденного мастера пропаганды даже среди немцев. 7 марта 1943 года по инициативе Мяз в газете «Eesti Sona» был помещен призыв всех директоров самоуправления о вступлении в Эстонский легион. В нем говорилось, что борьба против большевизма достигла своей высшей фазы, когда решается будущее всей Европы, и поэтому долг каждого эстонца сражаться за свою страну и ее существование⁹⁰. Эта же мысль то и дело звучала в передаваемых по радио призывах к эстонской молодежи: «Будущее нашего народа требует, чтобы мы участвовали в этой войне. Не должно быть тех, кто остался дома в ожидании, что война кончится без них, и тогда они решат, как действовать дальше. Поступайте в Эстонский легион для борьбы за эстонский народ!»⁹¹

«В вербовочные бюро Тарту являются 17-летние юноши и пожилые эстонцы, — патетически заявляла пропаганда самоуправления. — Тут и мужчины в серых немецких мундирах, которые прошли участие в истребительных батальонах, тут и бойцы с железным крестом на груди, главным образом из 36-го батальона...

наконец, студенты Тартуского университета». В сообщении от 21 марта 1943 года говорилось, что в Эстонский легион поступила добровольцами большая часть учеников гимназий г. Раквере, а 15 марта 1943 года эстонское радио поспешило сообщить, будто на данный момент Эстонский легион СС уже практически сформирован и готов к отправке на фронт (что в действительности не соответствовало истине). Упоминалось также, что наряду с ним сформирована еще одна национальная эстонская часть⁹².

Бургомистр Таллина Карл Террас также обратился к призывникам по радио 17 марта 1943 года. Он заявил: «Каждый должен выполнять свой долг. Призывникам, желающим поступить в ряды Эстонского легиона, дается возможность тут же подписать заявление об этом офицеру, занимающемуся вербовкой добровольцев в Эстонский легион. Остальные определяются на работы в порядке трудовой повинности. Нам придется по мере надобности приносить такие жертвы. Лица, не выполняющие своих обязанностей по отношению к трудовой повинности или мешающие выполнять ее другим, подлежат привлечению к ответственности со следующим наказанием: тюремное заключение, каторга или трудовой лагерь».

Выступавший вслед за ним капитан Конто, начальник одного из вербовочных пунктов Эстонского легиона, поставил призывников перед выбором: «Проходящие сейчас осмотр призывники имеют возможность зарегистрироваться в Эстонский легион. После зачисления их на трудовую повинность они этой возможности лишаются...»

Ему вторил некий доктор, отвечавший за медосмотр новобранцев. «Большой процент призывников регистрируется в Эстонский легион, — отметил он и тут же припугнул: — Причины неявки на призывной пункт проверяются немедленно».

А вот слова одного из призывников, Артура Томсона, ставшего жертвой пропаганды Мяз и добровольно записавшегося в Эстонский легион СС. Говоря о том, что побудило его к этому, молодой Томсон наивно заявил: «Во-первых, моей родине грозит большая опасность. Во-вторых, эстонские части получают превосходное современное вооружение. В-третьих, Эстонский леги-

он представляет собой основу эстонских воинских частей»⁹³. Это мнение молодого эстонца наглядно демонстрировало результаты пропаганды и при этом служило агитацией для других призывников. Доктор Мяз успешно оправдывал свое обещание, данное им Розенбергу, что эстонский народ будет идеологически обработан всего за полгода.

21 марта 1943 года было проведено очередное пропагандистское мероприятие. В «День смерти героев» в Тарту состоялось торжественное возложение венков на могилы немецких и эстонских солдат в долине Дооме. С речами выступили окружной комиссар Меенен, представители командования немецких войск, а также один из командиров «Омакайтсе» эстонский полковник Янсен. Они призвали «за смерть павших героев взяться за оружие для достижения окончательной победы над большевизмом»⁹⁴.

Однако, несмотря на все усилия, эти меры не вызвали особого энтузиазма среди населения, хотя мобилизация и не была провалена полностью. Многие призывники просто не представляли себе, где они будут служить. Значительная часть публиковавшихся воззваний была составлена таким образом, словно речь шла о создании «национальной эстонской армии», предназначенной исключительно для обороны границ Эстонии. Но уже сам текст клятвы legionера полностью рассеивал это заблуждение. Она звучала так: «Я клянусь перед Богом этой священной клятвой, что в борьбе с большевизмом я буду беспрекословно выполнять приказы Верховного главнокомандующего германского вермахта Адольфа Гитлера и как храбрый солдат буду готов в любое время отдать свою жизнь за эту клятву»⁹⁵. Это разочарование призывников переросло в уверенность, что их обманывают, когда немцы отказались использовать при принесении присяги эстонский флаг⁹⁶.

В результате весенней мобилизации 1943 года численность Эстонского легиона СС увеличилась до 8000 человек⁹⁷. Из этих добровольцев были сформированы 3 батальона. В качестве «политической» силы они продолжали именоваться «Эстонским легионом СС», в качестве же боевой единицы они образовали 1-й эстонский добровольческий гренадерский полк СС (1. Estnischer SS-Freiwilligen-Grenadier-Regiment)⁹⁸.

Тем временем среди легионеров распространился слух, что вопреки обещаниям, легион будет отправлен на фронт, куда-то в южные районы России. Опасения отчасти оправдались, так как в марте 1943 года I батальон Эстонского легиона СС был придан для участия в активных боевых действиях 5-й моторизованной добровольческой дивизии СС «Викинг», действовавшей на Восточном фронте. Одновременно, сразу после решения о его отправке на фронт, он был переименован в «Эстонский добровольческий батальон СС «Нарва» (Estn. SS-Freiw. Btl. Narwa), а позднее стал называться Добровольческий панцергренадерский батальон СС «Нарва»⁹⁹. Таким образом, коллаборационистам все же было чем похвалиться — свой вклад в дело порабощения Европы они внесли, участвуя в боях под Сталинградом.

В самый разгар мобилизации директор внутренних дел Эстонского самоуправления Оскар Ангелус решил вновь напомнить об устремлениях эстонских националистов и 15 марта 1943 года направил Литцману свой меморандум. В нем он брал на себя смелость заявить от лица всех эстонцев, что их желание — всеми средствами бороться «вместе с Германией против большевизма». Правда, он отмечал пассивность и разочарование большинства населения. Однако Ангелус считал, что «восстановление независимости», которое является главным желанием эстонцев, могло бы высвободить «скрытые до сих пор силы». Он подчеркнул, что в этом случае стала бы возможной мобилизация 60—70 тысяч человек¹⁰⁰.

Другой подобный меморандум с предложением о создании собственных эстонских вооруженных сил был направлен в ОКВ 20 апреля 1943 года группой эстонских офицеров через корветтен-капитана Целлариуса, уже известного нам руководящего сотрудника абвера в Финляндии и Эстонии. Его авторы вновь просили разрешить им сформировать вместо Эстонского легиона СС свою, эстонскую армию. Они также настаивали на том, чтобы формирование и обучение эстонских частей проходило в Эстонии, а весь командный состав состоял из эстонских офицеров. Правда, при этом не отрицалось подчинение эстонских вооруженных сил Верховному командованию германского вермахта. Эстонские воо-

руженные силы должны быть сформированы из тех эстонцев, — говорилось в документе, — кто в настоящий момент уже служит в составе различных германских частей; вооружение и боеприпасы, а также обучение использованию новых видов вооружений предполагалось возложить на германский вермахт. Авторы письма рискнули также высказать некоторые претензии к оккупационной политике, впрочем, довольно скромные. Они были связаны главным образом с использованием эстонских добровольцев (призыва лета и осени 1941 года) в качестве «пушечного мяса»; с принудительной мобилизацией шести призывных возрастов (1919—1924 г. р.), а также служащих эстонской полиции безопасности; наконец, с неопределенностью обещаний при формировании Эстонского легиона, когда было неясно, идет ли речь о национальной эстонской армии, или об эстонских частях в составе СС. Недовольство вызвало и назначение командиром Эстонского легиона немца, оберштурмбаннführера СС Франца Аугсбергера¹⁰¹.

Меморандум остался без ответа, и это не удивительно. Верховное командование вермахта, или ОКВ, которое возглавлял генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель, не определяло оккупационную политику — по крайней мере там, где существовало гражданское управление. А вопрос о предоставлении статуса «союзной армии независимого государства» эстонским частям в вермахте и, тем более, в войсках СС являлся политическим. Сначала его нужно было согласовать с руководством СС, с Восточным министерством и с Министерством иностранных дел. К тому же шеф ОКВ был не из тех, кто выступал с инициативой, особенно если это как-то противоречило интересам Гитлера. Кейтель предпочитал угадывать желания фюрера, доходя до откровенной лести, за что и получил прозвище «Лакейтель».

К тому времени генеральный комиссар Эстонии Литцман в связи с вялым ходом мобилизации неоднократно обращался в Восточное министерство с письмами, в которых указывал на некоторые ошибки в оккупационной политике в Эстонии и их неблагоприятные последствия, ссылаясь при этом на многочисленные меморандумы, которыми его бомбардировали сторонники Улуотса и некоторые члены окружения Мяэ. Однако скоро Литцман по-

нял, что Восточное министерство просто уже не в силах как-то повлиять на проводимую политику. Тогда, во второй половине марта 1943 года, он решил обратиться к рейхсфюреру СС Гиммлеру. Литцман переслал ему меморандум Ангелуса, приложенный к его собственному меморандуму (от 31 марта 1943 года). В последнем предлагалось предоставить независимость Эстонии в любой форме, с последующим заключением союзного договора с Германией. Это предложение поддержал также генерал фон Рок. При случае Литцман просил передать его меморандум Гитлеру¹⁰². Гиммлер, по словам его лейб-медика Феликса Керстена, ознакомившись с меморандумом, заявил, что Литцман не в своем уме, ибо предлагаемые им меры в корне противоречат проводимой фюрером политике в отношении восточных народов. «Эта политика была определена раз и навсегда, и не может быть изменена!» — заявил он¹⁰³. Тем не менее рейхсфюрер СС счел нужным лично посетить Таллин в марте 1943 года и сделал несколько туманных обещаний относительно будущей автономии¹⁰⁴.

Лозе счел себя обойденным, поскольку Литцман обратился напрямую к Гиммлеру в обход своего непосредственного начальника, то есть самого Лозе. Он уже давно с недовольством наблюдал за действиями «тандема» Литцман — Мяз. Особое его недовольство вызывало то, как эстонский глава самоуправления и немецкий генеральный комиссар «спелись» в вопросе о независимости Эстонии и возвращении частной собственности бывшим хозяевам.

3 марта 1943 года рейхскомиссар «Остланда» Лозе направил письмо Розенбергу с жалобой на своевольное поведение Литцмана, обвинив его в том, что тот разрешил празднование дня независимости Эстонии вопреки запрету Лозе. К тому же Литцман в тот же день передал в собственность прежним хозяевам первые 30 крестьянских дворов, что вынудило Лозе раньше времени обнародовать указ Розенберга о реприватизации от 18 февраля 1943 года — до того, как были разработаны необходимые инструкции. Он заявил, что «своеволие» Литцмана отразилось на военной промышленности «Остланда». Это был любимый аргумент Лозе, пригодный на все случаи жизни: промышленность и интересы

рейха — это святое. Переведя любой вопрос в плоскость «военно-промышленных интересов рейха», можно было смело рассчитывать на одобрение фюрера.

Литцман направил Розенбергу через месяц ответное письмо (от 5 апреля 1943 года), в котором в свою очередь обвинил Лозе в проведении «уравнительной» политики, тогда как само же Восточное министерство требовало к каждому народу искать свой подход. Литцман потребовал прямого подчинения генерального комиссариата Эстонии Восточному министерству, так как Лозе не видит возможности для дальнейшего плодотворного сотрудничества между аппаратом рейхскомиссара «Остланда» и генерального комиссара Эстонии. Литцману в этом вопросе удалось заручиться поддержкой не только командования группы армий «Север» (прежде всего, в лице генерала фон Рока), но и рейхсфюрера СС Гиммлера¹⁰⁵.

Розенберг, как обычно, сумел избежать прямого ответа на вопрос «кто прав и кто виноват?», оттягивая решение до последнего. В итоге и Лозе, и Литцман остались при своем мнении. Литцман продолжал считать наилучшим решением подчинение генерального комиссариата Эстонии непосредственно Восточному министерству или даже командованию группы армий «Север». Когда в январе 1944 года военное положение стало критическим, Литцман предпринял даже попытку передать Эстонию под контроль военной администрации, надеясь таким образом избежать давления как со стороны Лозе, так и со стороны Восточного министерства, однако этот план был обречен на неудачу¹⁰⁶.

Единственным победителем в этой распре стал Гиммлер, упрочивший свое влияние в Прибалтике и в частности, в Эстонии. 30 июня 1943 года он приказал высшему фюреру СС и полиции в Прибалтике Йекельну перевести в ходе следующих мобилизаций всех пригодных к службе в СС эстонцев в ряды Эстонского легиона СС. Соответствующие инструкции, видимо, получил и Бергер¹⁰⁷, который всего через несколько дней (в июле 1943 года) предложил командующему группой армий «Север» Георгу фон Кюхлеру передать всех эстонцев, служивших на данный момент

в эстонских батальонах вермахта (эстонские батальоны 658, 659 и 660), в распоряжение Главного управления СС с целью пополнения Эстонского легиона¹⁰⁸.

Мобилизация в Эстонский легион СС продолжалась до августа 1943 года. Всего в ходе «совместного» призыва с марта по август 1943 года было призвано:

- в Эстонский легион — около 5300 чел.;
- в вермахт для вспомогательной службы — около 6800 чел.¹⁰⁹

Между тем, несмотря на временную отправку батальона «Нарва» на Восточный фронт, в мае 1943 года Эстонский легион СС достиг численности двух полков. Из пополнения, полученного в ходе весеннего призыва 1943 года, был сформирован 2-й эстонский полк (впоследствии 46-й)¹¹⁰. Его командиром был назначен бывший полковник эстонской армии Туллинг. 1-м эстонским полком СС в то время командовал бывший полковник эстонской армии Курш. Каждый полк имел в своем составе 3 батальона, вооруженных немецким стрелковым оружием¹¹¹.

3 августа 1943 года Гиммлер разрешил командиру Эстонского легиона СС Францу Аугсбергеру пополнить батальон «Нарва», понесший большие потери на фронте под Сталинградом, за счет 150 «хорошо подготовленных и строжайше отобранных для службы в СС эстонцев». Аугсбергер был чрезвычайно доволен своими солдатами, о чем даже доложил Гитлеру. В своем письме генеральному комиссару Эстонии Литцману Аугсбергер выразил свое восхищение мужеством эстонцев из батальона «Нарва» и просил его передать ландесдиректору Мяэ, что эстонцы могут гордиться своей молодежью¹¹².

Эти похвалы, а также некоторый успех недавней мобилизации сыграли свою роль: руководство СС решило преобразовать Эстонский легион СС в бригаду. Она была сформирована 23 октября 1943 года, получив название 3-й эстонской добровольческой бригады СС (3.Estn. SS-Freiw. Brigade) и состояла из двух пехотных полков, группы артиллерии и дополнительных подразделений. Командиром был назначен уже упомянутый Франц Аугсбергер — австриец, имевший в то время весьма скромное звание оберштурмбаннфюрера СС (подполковника). Позднее он был произведен

в чин бригадефюрера СС и генерал-майора войск СС¹¹³. В первое время 3-я эстонская добровольческая бригада СС использовалась исключительно для борьбы с партизанами на территории Эстонии. Позже она была отправлена на Восточный фронт для участия в боевых действиях¹¹⁴.

В конце сентября 1943 года Гиммлер вторично посетил Таллин. Там он имел длительную беседу с д-ром Мязэ и пообещал предоставить Эстонии автономию взамен на объявление всеобщей воинской повинности. Было решено, что бывший полковник эстонской армии, а в годы оккупации — легион-штандартенфюрер, Йоханнес Соодла возьмет на себя руководство мобилизацией, возглавит Эстонский легион СС и будет назначен начальником так называемой «Команды пополнения войск СС «Эстония» (нем.: SS-Ersatzkommando Estland, позднее — Ersatzkommando Estland der Waffen SS). Этот орган должен был подчиняться Инспекции пополнения СС «Остланд» (SS-Ersatzinspektion Ostland), находившейся в Риге, и Главному управлению СС. Вскоре после этого Соодла получил звание легион-оберфюрера (бригадного генерала), что стало своеобразным авансом. Торжественная церемония его присвоения состоялась 10 октября 1943 года в Кадриорг-Паласте в Таллине в присутствии высшего фюрера СС и полиции Фридриха Йекельна¹¹⁵.

Любопытно, что сам Соодла считал «Эстонский легион» базой для создания будущих войск Эстонии, «которые обязательно будут нужны эстонцам после падения Германии»¹¹⁶. Разумеется, в присутствии немцев подобные взгляды приходилось держать при себе, поскольку за такие «пораженческие» разговоры можно было получить «по шапке». Лишь позднее, к лету 1944 года, когда отступление немецко-фашистских войск из Прибалтики стало восприниматься как неизбежность, местные немецкие начальники стали более терпимыми.

Назначение Соодлы, как и другие мероприятия, были лишь прелюдией к новой мобилизации. И здесь, несмотря на все кажущиеся противоречия, «либеральный» глава оккупационного аппарата в Эстонии Литцман выступал заодно с Гиммлером. В одном из писем Эстонскому самоуправлению в октябре 1943 года Лит-

цман дипломатично сообщал, что он «не имеет ничего против мобилизации призывных возрастов 1925 и 1926 г.р.», к которой готовил эстонцев рейхсфюрер СС. Впрочем, в этих дипломатических формулировках не было нужды. Все отлично понимали, что слова Литцмана означают скрытый приказ о новой мобилизации. Правда, директора самоуправления возражали против призыва юношей 1926 года рождения, и Литцман, в свою очередь, не стал настаивать¹¹⁷.

26 октября 1943 года доктор Мяэ опубликовал от своего имени и под личную ответственность Указ о мобилизации призывников 1925 года рождения для воинской службы на основе закона Эстонской республики о всеобщей воинской повинности. Практическое осуществление было поручено на этот раз не «совместным» комиссиям (в составе представителей полиции, вермахта, экономики и самоуправления), а исключительно мобилизационным органам СС¹¹⁸. Уклонявшимся грозило наказание, предусмотренное законами довоенной Эстонской республики. На следующий день Мяэ подписал указ о военных судах в составе квалифицированных юристов, в дополнение к старому закону о всеобщей воинской повинности¹¹⁹. Это должно было припугнуть тех, кто вздумает уклониться от призыва.

Тогда же была создана Генеральная инспекция Эстонских войск СС — высший координационный орган для связи «Эстонского легиона» с эсэсовско-полицейской администрацией в «Остланде». Во главе ее 26 октября 1943 года был поставлен Йоханнес Соодла, который одновременно был назначен начальником специально сформированной «Команды пополнения войск СС «Эстония». Отныне это ведомство от начала и до конца занималось проведением мобилизаций в войска СС в Эстонии¹²⁰.

Действия Мяэ вызвали критику со стороны некоторых директоров. Сам Мяэ был вынужден приложить максимум усилий для того, чтобы убедить своих подчиненных в том, что Гиммлер во время своего пребывания в Таллине в сентябре месяце обещал предоставить Эстонии автономию к ноябрю того же года — через каких-то два месяца!¹²¹ 27 октября 1943 года Мяэ собрал всех директоров Эстонского самоуправления, а также бургомистров, глав

провинциальных самоуправлений, командиров «Омакайтсе», волостных старост и префектов полиции для обсуждения деталей текущей мобилизации. Действительно ли он сам верил обещаниям рейхсфюрера СС? Ведь такую хитрую лису, как Мяэ, обмануть было непросто... Или он намеренно обманывал своих коллег и соотечественников?

Германские власти были не удовлетворены результатами мобилизации. 29 октября 1943 года Бергер сообщал Литцману о том, что Гитлер недоволен цифрами, полученными в результате осеннего призыва в Эстонии и Латвии. После того как и к 10 ноября 1943 года ничего не изменилось, многие начали подозревать саботаж. Д-р Мяэ считал, что раз предыдущие мобилизации в марте—июне и в октябре 1943 года в Эстонии и Латвии дали в общей сложности 48 000 человек, то к 15 ноября 1943 года из них как-нибудь удастся выжать еще 10 500 новобранцев. Рейхскомиссар Лозе, помимо этого, рассчитывал набрать в Эстонии за счет мобилизации призывников 1912—1924 годов рождения 45 000 человек дополнительно — для работы в военной промышленности, в сельском хозяйстве рейха и т.д.¹²²

В начале ноября 1943 года последовало новое распоряжение Гитлера о мобилизации в Латвии и Эстонии 10 призывных возрастов (1915—1924 г. р.) в легионы СС. На совещании в ставке фюрера 16 ноября 1943 года для Эстонии была установлена цифра в 10 000 человек — именно такое количество призывников надлежало призвать в Эстонский легион СС¹²³.

Так начался 2-й этап осенней мобилизации 1943 года, затянувшийся до января следующего года. Газета «Eesti Sona» развернула пропагандистскую кампанию в поддержку очередной мобилизации, посвятив 28 ноября 1943 года целую статью теме «войны за независимость Эстонии». Д-р Мяэ приложил все усилия и все свои ораторские способности. 29 октября 1943 года, выступая на собрании в университете Тарту, он назвал мобилизацию продолжением борьбы за независимость, которую Эстония вела с 1919 года. Генерал-инспектор Соодла также выступил с радиообращением 10 ноября 1943 года, повторив слова о «войне за независимость»¹²⁴.

В целях «обороны страны», 10 декабря 1943 года Мяз объявил также о наборе призывников 1924 года рождения¹²⁵. Одновременно, в декабре 1943 года Гитлер передал все полномочия на проведение военных мобилизаций в Латвии и Эстонии рейхсфюреру СС Гиммлеру¹²⁶. В январе нового, 1944 года в ставке фюрера был определен и согласован новый контингент призывников для Эстонии¹²⁷. Согласно приказу Гитлера, осенняя мобилизация в Эстонии должна была продлиться чуть ли не до весны 1944 года, так как власти оккупированной Эстонии не смогли набрать требуемые 10 тысяч человек. Набор осуществлялся на основе приказа Соодлы от 14 января 1944 года и проходил с 20 по 25 января 1944 года. Для контроля за ходом мобилизации в рейхскомиссариате «Остланде» со 2 по 4 декабря 1944 года побывали группенфюрер СС Юрс и штурмбанфюрер СС Бриль. Они должны были сформировать «Команды пополнения СС» в рейхскомиссариате¹²⁸.

Всего за время осенней мобилизации с 1 октября по 31 декабря 1943 года в Эстонии было зарегистрировано 7800 человек в качестве военнообязанных (призывники 1925 г.р. и вызванные на переосвидетельствование призывники 1919—1924 г. р.). На призывные пункты явились 5485 человек (70 %); из них 4459 (76 %) были признаны годными, и лишь 3375 человек явились в часть¹²⁹. К концу января 1944 года также были мобилизованы эстонские призывники 1924 года рождения (ранее получившие отсрочку) — они составили пополнение для Эстонского легиона СС в количестве 900 человек¹³⁰.

По данным на 8 января 1944 года, в различных вооруженных формированиях на стороне гитлеровской Германии служило в общей сложности около 14 000 эстонцев¹³¹. Через месяц, согласно донесению Бергера Гиммлеру от 3 февраля 1944 года, в Эстонии находилось под ружьем уже 28 500 человек¹³².

Но этого было мало. На Восточном фронте гитлеровцам приходилось все хуже — требовались новые воинские контингенты, хотя бы чтобы высвободить немецкие войска, задействованные для охраны тыловых коммуникаций, в антипартизанских операциях и т.п. На фоне всего этого 1 февраля 1944 года оккупационные власти объявили призыв новых 20 призывных возрастов (1904—

1923 г. р.). Это была «тотальная» мобилизация. Соответствующий приказ был подписан доктором Мяз в тот же день¹³³.

Ради успеха «тотальной» мобилизации Эстонское самоуправление и немецкие власти были вынуждены впервые обратиться за поддержкой к оппозиции — так называемой «группе Улуотса». Впрочем, даже слово оппозиция здесь не совсем уместно, так как вся разница между окружением Мяз и сторонниками Улуотса состояла в том, что первые за свое сотрудничество с оккупантами просили немного — чисто формальную независимость в рамках рейха и проведение реприватизации, да к тому же без гарантий и предоплаты. Последние же, включая Улуотса, «заламывали» слишком высокую цену — независимость и статус союзного государства!

Сделка происходила по всем законам рынка. Спрос на «пушечное мясо» и рабочую силу в рейхе рос не по дням, а по часам, по мере того как вермахт терпел поражение за поражением. Есть спрос — есть предложение, но тем выше цена. Когда самоуправление во главе с Мяз исчерпало все свои возможности, нацисты были вынуждены обратиться к такому «спекулянту» народным доверием, как Юрий Улуотс.

7 февраля 1944 года Юрий Улуотс выступил по радио с обращением к эстонскому народу, призвав к мобилизации. От этого, по его словам, зависело будущее Эстонии. В пропагандистских акциях приняли участие и многие другие политические деятели довоенной Эстонии, оставшиеся не у дел в годы оккупации. В то время как Юрий Улуотс отправился с агитационным турне по Южной Эстонии, его ближайший помощник профессор Эдгар Кант посетил Тарту, а Иоахим Пукк побывал в Северной Эстонии. Для этих поездок было выделено 5 автомашин, в том числе личный автомобиль самого Мяз, который тот пожертвовал ради общего дела¹³⁴.

Немцы мало верили в успех мобилизации, однако, вопреки ожиданиям, она прошла успешно благодаря поддержке эстонской националистической оппозиции во главе с профессором Улуотсом¹³⁵. Тем не менее настроение среди эстонцев в этот период не было единодушно антисоветским. Так, например, в г. Выру прошла акция против мобилизации, и д-р Мяз одно время серьез-

но опасался, как бы движение Сопротивления не перекинулось и в другие районы¹³⁶.

Результаты весенней мобилизации 1944 года таковы: на 21 февраля 1944 года было призвано 32 000 человек; из них 7500 были направлены на формирование 3 эстонских полков «пограничной стражи», 12 000 — в Эстонский легион СС, а еще 2000 человек — в различные части СС и полиции. Из оставшихся 10 000 человек было решено сформировать еще два полка «пограничной стражи», а 3000 человек направить на формирование резервного батальона «пограничной стражи». Так вместо первоначально запланированных трех появилось целых 5 эстонских полков «пограничной стражи» (под началом эстонских командиров), а позднее — еще один резервный полк «пограничной стражи»¹³⁷, состоявший из призывников 1904—1918 г. р., набранных в апреле 1944 года¹³⁸. По другим данным, на вербовочные пункты явились 36 000 человек, из которых меньшая часть была направлена на доукомплектование уже существующих эстонских частей, а большая часть послужила для формирования 7 эстонских полков «пограничной стражи» (седьмым был «Эстонский полк «Ревель», сформированный в марте 1944 года и формально не принадлежавший ни к СС, ни к полкам «пограничной стражи», ни к «Омакайтсе»)¹³⁹.

В начале 1944 года рейхсфюрер СС Гиммлер счел возможным начать формирование эстонской дивизии войск СС на базе 3-й эстонской бригады СС, путем ее усиления за счет эстонских полицейских батальонов и эстонских батальонов в составе вермахта¹⁴⁰. В ходе весенней мобилизации в середине февраля 1944 года был сформирован еще один полк для 3-й эстонской бригады СС, а два уже существующих полка этой бригады были усилены с 3-до 4-батальонного состава¹⁴¹. Новый полк, получивший наименование 47-го добровольческого гренадерского полка СС, был образован за счет объединения двух эстонских добровольческих батальонов (658-й и 659-й эстонские батальоны в составе вермахта) и передачи их в полном составе в ведение СС. (658-м батальоном командовал бывший кадровый офицер эстонской армии, майор Альфонс Ребане, впоследствии ставший заместителем командира 20-й эстонской дивизии войск СС¹⁴²). Ради доукомплектова-

ния новой дивизии пришлось также расформировать оставшийся 660-й эстонский батальон вермахта, а также некоторые эстонские полицейские батальоны, личный состав которых распределили между разными полками¹⁴³.

7 февраля 1944 года приказом Главного управления СС 3-я эстонская добровольческая бригада СС была переформирована в 20-ю эстонскую добровольческую дивизию СС¹⁴⁴. Тем же приказом в должности командира дивизии был утвержден штандартенфюрер СС Франц Аугсбергер. (После его гибели в бою 19 марта 1945 года его сменил на посту командира дивизии оберфюрер СС Бертольд Маак¹⁴⁵.) Однако, несмотря на формирование эстонской дивизии СС, значительное число призывников, годных к воинской службе, остались в казармах или военных училищах в ожидании приписки к воинским частям. Оружия они так и не получили. В конце концов было решено передать этот «излишек» в резервные части «пограничной стражи» и войск СС и в отряды «Омакайтсе». В результате этого численность резервных частей достигла 10 000 человек. По некоторым сведениям, дело было не только и не столько в нехватке оружия для новобранцев. В разговоре с командиром 20-й эстонской дивизии СС рейхсфюрер Гиммлер высказывал опасение, что чрезмерное раздувание ее численности может привести к тому, что она выйдет из-под контроля и повернет оружие против немцев¹⁴⁶.

Между тем, ободренный успехом мобилизации, д-р Мяз решил вновь напомнить Гиммлеру о его обещаниях относительно автономии Эстонии. В письме рейхсфюреру СС от 9 февраля 1944 года он намекнул, что провозглашение независимости (в форме автономии) не повредило бы германским интересам. Гарантами союза с Германией стали бы СД, вермахт и сам д-р Мяз лично — в качестве примера он привел Данию. В заключение Мяз заверил рейхсфюрера, что пока еще ни с кем не делился этими соображениями и ждет его, Гиммлера, одобрения¹⁴⁷. Однако предоставление Эстонии независимости, даже в форме автономии, не входило в планы рейхсфюрера СС.

Вместо этого 27 марта 1944 года в рейхскомиссарите «Остланд» было получено распоряжение из Восточного министерства, в ко-

тором обергруппенфюреру СС Йекельну поручалось провести мобилизацию призывников 1926 года рождения (большинству из которых еще не было 18 лет!), чтобы обеспечить пополнение для Эстонского легиона¹⁴⁸. В апреле 1944 года в Эстонии были мобилизованы все призывники 1904—1918 годов рождения. Из них было сформировано 5 эстонских строительных батальонов, поступивших в распоряжение командования тылового района группы армий «Север», а также упомянутый выше резервный полк «пограничной стражи», расквартированный в Вильянди и в Пыльтсамаа (численностью в 5000 чел.)¹⁴⁹. Больше призывать было практически некого...

Это была последняя широкомасштабная мобилизация. После нее, не считая стариков, в Эстонии остались только 16—17-летние мальчишки. Но и их летом 1944 года призвали во вспомогательные части люфтваффе, за считанные дни до эвакуации немецко-фашистских войск. Доктора Мяз к тому времени уже не было в Эстонии...

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ЭСТОНСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

После весенней мобилизации 1944 года положение 1-го ландесдиректора д-ра Мяз сильно пошатнулось. Было очевидно, что относительный успех весенней «тотальной» мобилизации был обеспечен главным образом благодаря поддержке оппозиционной «группы Улуотса». В связи с этим, по свидетельству одного из деятелей самоуправления Клесмента, Улуотсу и другому лидеру оппозиции — Йоахиму Пукку делались предложения возглавить самоуправление вместо д-ра Мяз. По некоторым данным, Улуотс даже заручился поддержкой в этом нового шефа полиции безопасности и СД в Эстонии — Баатца (преемника Зандбергера). Другие утверждают обратное, говоря, что назначение Улуотса главой самоуправления действительно планировалось некоторыми чиновниками генерального комиссариата Эстонии, но в аппарате рейхскомиссариата «Остланд» Бурмейстер по совету того же Баатца отклонил этот план под предлогом того, что Улуотс был связан с «враждебными Эстонии кругами за границей».

Вести переговоры с генеральным комиссаром Литцманом на эту тему было доверено Эдгару Канту. Речь шла о сокращении полномочий генерального комиссариата и передаче части их Эстонскому самоуправлению (во главе с новым ландесдиректором); генеральный комиссар должен был сохранить лишь представительные функции. Правда, Литцман отверг все эти предложения, заявив, что Мяз «не только его сотрудник, но и друг»¹⁵⁰.

Известно, что Литцман в феврале 1944 года предлагал даже, чтобы д-р Мяз занял его место, так как тот якобы пользуется большим доверием населения. Эстонская националистическая оппозиция, приписывавшая себе главную роль в организации весенней мобилизации 1944 года, попыталась прозондировать почву и выяснить, означают ли эти слова Литцмана готовность передать свои полномочия Эстонскому самоуправлению. Сторонники Улуотса даже подготовили свой список условий дальнейшего сотрудничества с Германией, предполагавший: 1) ограничение полномочий генерального комиссара до роли представителя оккупационной администрации на время войны, включая передачу полномочий отделов генерального комиссариата соответствующим директоратам самоуправления; 2) передачу всех юридических вопросов в ведение эстонской администрации; 3) создание директората по вопросам обороны страны; 4) восстановление директората сельского хозяйства; 5) прекращение вывоза рабочей силы и промышленности из Эстонии; 6) восстановление внутренней администрации в эстонских учебных заведениях и институтах. Однако уже первые контакты с Литцманом показали, что они ошиблись.

В марте 1944 года эстонская националистическая оппозиция активизировала свою деятельность. Различные оппозиционные круги в Таллине и Тарту (от аграриев до социал-демократов) основали объединенную организацию «Eesti Vabariigi Rahvuskomitee». После основания этого комитета его лидеры начали оживленную переписку с официальными лицами Финляндии и Швеции. Их деятельность не укрылась от немецкой полиции безопасности: именно в связи с этими событиями произошел арест эмиссара литовских националистов Амбрасяюса в Таллине в апреле 1944 года.

Надо отметить, что большинство арестованных по этому делу были вскоре выпущены на свободу. Согласно свидетельству Р. Ингелиуса, являвшегося в сентябре 1943 года офицером связи штаба финской армии в Таллине, из 230 арестованных в апреле 1944 года большая часть была вскоре освобождена¹⁵¹. Это неудивительно, так как оживление деятельности националистической оппозиции в Прибалтике было на руку оккупантам — это помогло провести им последние мобилизации. Последние могли бы в любой момент расправиться с этой оппозицией, однако не сделали этого, и даже наоборот — зачастую вполне сознательно обращались к ней за поддержкой в проведении «тотальной» мобилизации. Политическая направленность этих оппозиционных движений была уже не так важна, поскольку все они считали своим главным врагом «большевистскую Россию», а не гитлеровскую Германию. Немецкая пропаганда, и в еще большей степени пропаганда доктора Мяз сделали свое дело, посеяв межнациональную рознь и недоверие к советской власти.

Любопытно, что в начале 1944 года, в разгар весенней мобилизации, в Эстонии неожиданно объявился адмирал Питка, бывший главнокомандующий эстонским флотом, эмигрировавший в 1940 году в Финляндию. Несмотря на свои общеизвестные проанглийские взгляды, Питка развернул в Эстонии активную агитацию, призывая к борьбе с большевизмом любой ценой, потому что, по его словам, единственным врагом Эстонии является Советский Союз. По оценкам офицера связи Восточного министерства при группе армий «Север» (в то время этот пост занимал гауптман Унтерштаб), среди части эстонского населения Питка рассматривался как вероятный преемник Мяз¹⁵². Еще полгода назад его речи и само появление не вызвали бы энтузиазма у немецких властей. Согласно распоряжению начальника «эстонского гестапо» (отдела IVB эстонской полиции безопасности) Эрвина Вика от 10 июля 1943 года, всех «англофилов» и «пораженцев» надлежало взять под наблюдение. (Правда, об их аресте в документе ничего не говорилось.)¹⁵³ Теперь же немецкие оккупационные власти не чинили никаких препятствий выступлению престарелого адмирала.

25 апреля 1944 года Мяэ лично принял у себя адмирала Питку. На последовавшей вслед за тем пресс-конференции Питка объявил, что прибыл в Эстонию для участия в борьбе с большевизмом. За оказанную поддержку немецкие власти даже предоставили ему возможность выступить по радио. С одной стороны, это был реальный конкурент для д-ра Мяэ, но, с другой стороны, Мяэ все больше понимал, что оставаться в Эстонии становится слишком рискованно.

Очень скоро, уже весной 1944 года, Хялмар Мяэ покинул Эстонию, приняв приглашение поехать в рейх для выступления с лекциями «о борьбе эстонского народа с коммунизмом» в 1940—1941 годах в ряде городов бывшей Австрии (гау «Верхний Дунай»). После этого по приглашению имперского уполномоченного в Дании обергруппенфюрера СС Вернера Беста он намеревался отправиться в Данию с той же целью¹⁵⁴. В Эстонию д-р Мяэ предпочел больше не возвращаться.

Тем временем 8 сентября 1944 года генеральный комиссар Эстонии Литцман узнал от тогдашнего главнокомандующего группой армий «Север» генерал-полковника Шёрнера¹⁵⁵, что немецкие гражданские власти, не говоря уже об Эстонском самоуправлении, больше не имеют никаких полномочий. Вся власть переходила к командованию группы армий «Север», а весь немецкий гражданский персонал должен быть эвакуирован в течение 10 дней, считая с 17 сентября 1944 года 15 сентября Литцман отправился за разъяснениями — и не к кому-то, а прямо к Гиммлеру. Тот подтвердил сообщение Шёрнера.

В тот же день Нарвский участок фронта был прорван. 20 сентября началась эвакуация персонала генерального комиссариата Эстонии и сотрудников Эстонского самоуправления в Германию; причем Гиммлер направил приказ генералу Шёрнеру, высшему фюреру СС и полиции в «Остланде» Йекельну и фюреру СС и полиции в Эстонии Мёллеру в обязательном порядке эвакуировать семьи всех коллаборационистов¹⁵⁶. 21 сентября 1944 года Таллин был освобожден от немецких войск частями Красной Армии.

Глава VII

«СВОИ ПРАВА НА ПРОЖИВАНИЕ В НОВОЙ ЕВРОПЕ МЫ ДОЛЖНЫ ДОКАЗАТЬ...» (ЛАТВИЯ)

КТО ЛОЯЛЬНЕЕ К «НОВОМУ ПОРЯДКУ»? НАЦИОНАЛИСТЫ БОРЮТСЯ ЗА ВЛАСТЬ

С приходом немцев в Латвии выделились две основные политические группировки, особенно стремившиеся выслужиться перед немцами. Одной из них была националистическая профашистская организация «Перконкруст», созданная еще в довоенной Латвии. Ее руководителем являлся Густав Целминьш. Эта организация еще до войны сотрудничала с абвером и СД, пользуясь их поддержкой «на определенных условиях». Тем не менее нацисты не вполне доверяли «перконкрустовцам». Петер Клейст из Восточного министерства, например, допускал возможность сотрудничества с «Перконкрустом» лишь с некоторыми оговорками. В частности, Клейст не особенно доверял лидеру «Перконкруста» и даже требовал, чтобы Целминьш, прибывший в Ригу еще до установления там немецкой гражданской администрации, был отправлен назад в Германию. Несмотря на свою откровенно профашистскую направленность, «Перконкруст» не был прогерманской организацией, а представлял собой скорее местную, латвийскую, разновидность фашизма. Предлагая сотрудничество германским властям, Целминьш и другие лидеры «Перконкруста» выдвигали требования, которые были не всегда приемлемы для немецкой

администрации. В декабре 1941 года Густав Целминьш во время своего пребывания в Риге «заявлял, что ему поручено сформировать латышскую добровольческую дивизию, — докладывал шеф РСХА Гейдрих в специальной сводке для фюрера. — Особенно широко он вел пропаганду в пользу этого добровольческого легиона в кругах бывших латышских офицеров, но не очень в этом преуспел»¹.

Вторую политическую группировку представляли сторонники бывшего премьер-министра и президента Латвии Карлиса Ульманиса (1877—1942) из числа бывших офицеров латвийской армии, чиновников, предпринимателей и др. Многим из них удалось сохранить свои посты и в советское время, что позволило им развернуть свою деятельность раньше «перконкрустовцев», с первых же дней оккупации. Группа сторонников Ульманиса политически была довольно разнообразной и неорганизованной. Наиболее влиятельным представителем этой группировки был Альфред Валдманис, бывший министр финансов Латвии в 1938—1939 годах, а в июне 1941 года занимавший пост советника при немецкой хозяйственной инспекции «Остланд» и при командующем тыловым районом группы армий «Север» генерале фон Роке². «Группа Валдманиса» включала в себя в основном бывших членов партии Крестьянский союз, которую возглавлял в свое время бывший премьер-министр Латвии Ульманис. В немецких документах отмечалось, что к прогерманской группировке среди них относятся: А. Квисис, бывший президент свободного государства Латвии; Валдманис, бывший министр финансов, К. Паулюкс и другие³. Связь между «группой Ульманиса» и штабом фон Рока осуществлялась через советника по культурно-политическим вопросам при штабе фон Рока, профессора В. Клумбергса, прибалтийского немца, бывшего ректора немецкого Института Гердера в Риге⁴. Таким образом, германская военная администрация сделала ставку на группировку сторонников Валдманиса, а не на «Перконкруст» Целминьша.

Бывший латвийский посол в Германии М. Криевиньш еще 23 июня 1941 года предупреждал представителя германского МИДа о том, что события, произошедшие в Литве, могут повториться и в Латвии⁵. Случилось как раз то, о чем он говорил. Здесь,

так же как и в Литве, немецким властям пришлось считаться с ситуацией, сложившейся в первые дни оккупации, и соответственно приспосабливать ее к своим интересам.

28 июня 1941 года, еще до того, как последние части Красной Армии оставили город, вооруженным отрядам латышских националистов удалось захватить радиостанцию в Риге. Тотчас же в эфир было послано сообщение о создании Временного латвийского правительства и провозглашении свободной и независимой Латвии.

Но в действительности временное правительство Латвии было сформировано только 1 июля 1941 года, после того как Рига была занята немецкими войсками.

В этот день состоялось собрание бывших латвийских политических и военных деятелей, представителей церкви, предпринимателей и националистических организаций. В нем приняли участие Альфред Валдманис, Густав Целминьш, полковники Александр Пленснерс, Волдемар Скайстлаукс и Эрнест Крейшманис, Адольф Шилде, редактор профашистской газеты «Тевия» А. Кродерс, пастор Э. Бергс, представитель общества рижских торговцев Янис Скуевичс и другие. Собрание решило направить Гитлеру телеграмму с выражением благодарности «от всего латышского народа за освобождение Латвии», выразив готовность «служить делу строительства Новой Европы»⁶. Они также просили фюрера германского рейха об аудиенции в Берлине, так как, согласно тексту принятого постановления, Латвия провозглашалась «независимым государством под протекторатом Германии»⁷.

Националисты немедленно взялись за организацию своих военизированных отрядов «Самозащиты» и «Стражи отечества», в основном из бывших членов военизированной организации «Айзсаргов» («Стражей отечества», аналога «Национальной гвардии» при Ульманисе). Их формированием руководили будущие командиры «Латышского легиона СС» и латышских дивизий войск СС полковники Валдемар Вейсс, Карлис Лобе, Виктор-Бернхард Арайс, А. Пленснерс, Э. Крейшманис, А. Крипенс и др.⁸ Эти действия осуществлялись в тесном контакте с оккупационной и во-

енной администрацией и с их одобрения. Политика германских властей в первые дни оккупации была такова: очистить «восточные оккупированные территории» от евреев и коммунистов должны сами жители этих территорий. Если они хотят сотрудничать с немцами и в будущем, то это надо сначала заслужить.

Тогда же было создано целых два органа, претендовавших на роль правительства Латвии: Центральный организационный комитет освобожденной Латвии во главе с полковником Крейшманисом и Временный административный совет во главе с бывшим министром транспорта довоенной Латвии Эйнсбергсом. Однако значительной роли они не сыграли. Согласно полученным указаниям, германская военная администрация избегала политических контактов с обоими «правительствами», ограничиваясь контролем их информационно-пропагандистской деятельности и пользуясь их услугами для скорейшего восстановления экономической жизни в стране. В этих условиях создание «Совета доверенных лиц» вместо самопровозглашенного правительства, как того требовали официальные немецкие директивы, представлялось делом почти невозможным⁹.

И все же немецкие власти предприняли попытку создания такого «Совета». На пост его главы была предложена кандидатура отставного генерала латвийской армии Оскара Данкерса, бывшего офицера российской царской армии, перед войной уехавшего в Германию в качестве «этнического немца», хотя после возвращения он называл себя латышом¹⁰. Восточное министерство (тогда еще называвшееся «Службой Розенберга») установило контакт с ним в начале июня 1941 года. Верховное командование вермахта (ОКВ) и абвер делали ставку на бывшего латвийского военного атташе в Германии полковника Александра Пленснерса и подполковника Виктора Деглавса. Они прибыли в Ригу 29 июня 1941 года вместе с передовыми частями группы армий «Север»¹¹.

Сложности с выбором нужных людей, способных возглавить «Совет доверенных лиц», были обусловлены прежде всего несогласованностью действий германских властей. Военная администрация откровенно поддерживала Пленснерса, предоставив ему полную свободу действий после того, как тот изложил свой план

создания латвийского «совета доверенных лиц» с участием Данкерса, д-ра Сандерса и Деглавса.

Однако правление Пленснерса, по словам Петера Клейста, оказалось «неудачным». Сначала выяснилось, что многие посты в самоуправлении удалось занять сторонникам Валдманиса — то есть политическим конкурентам Плеснерса, даром что 1 июля 1941 года была подписана совместная с ними телеграмма Гитлеру. Затем оказалось, что немецкие спецслужбы недостаточно хорошо проверили политическую благонадежность Деглавса: когда тот понял, что политика германской администрации и подконтрольного ему самоуправления не соответствует его надеждам, то застрелился. Плеснерс вскоре после этого предпочел подать в отставку.

Теперь за власть в оккупированной Латвии снова боролись две группировки: «группа Валдманиса» и «Перконкруст» Целминьша. Данкерс оставался одиночной фигурой, пользовавшейся определенным политическим влиянием, но поддерживало его только немецкое Восточное министерство. Глава военной администрации фон Рок откровенно симпатизировал «группе Валдманиса» и всячески противился назначению Данкерса во главе самоуправления¹².

После долгих переговоров 21 августа 1941 года Клейсту удалось убедить фон Рока назначить Данкерса во главе самоуправления (немецкая гражданская администрация в Латвии пока еще не имела полномочий для этого, так как часть территории Латвии все еще являлась тыловой зоной). В функции Данкерса как главы самоуправления входило рассмотрение кадровых вопросов, связанных с назначением на все ведущие посты в коммунальном самоуправлении доверенных людей. Самоуправление во главе с Данкерсом первоначально состояло всего из трех секретарей и было в некотором роде «коалиционным». Эти посты заняли д-р В. Сандерс, подполковник А. Фрейманис и один из лидеров «Перконкруста» Э. Андерсон. Назначение последнего, по словам Клейста, имело целью привлечь критиковавших Данкерса «перконкрустовцев» к «серьезной работе». Лишь позднее были назначены генеральные директора Латвийского самоуправления, занимавшиеся определенным кругом вопросов. Оскар Данкерс занял

ключевой пост генерального директора по вопросам внутренних дел и кадров.

Альфред Валдманис также не был обижен. В ноябре 1941 года его назначили генеральным директором по вопросам юстиции. Многие в германской администрации противились назначению последнего. В их числе были Петер Клейст и представители СД, которые считали, что его прежняя деятельность вызывает серьезное недоверие, однако кандидатуру Валдманиса поддержал генеральный комиссар оккупированной Латвии Дрекслер. Благодаря его поддержке Валдманис скоро стал одной из наиболее влиятельных фигур в Латвийском самоуправлении¹³.

Руководство СС, в свою очередь, тоже решило сделать ставку на сторонников Валдманиса, иначе говоря — «прогерманскую группу» в составе Крестьянского союза. Шеф германской полиции безопасности и СД Гейдрих в очередной своей сводке фюреру отмечал: «С назначением Валдманиса генеральным директором ведомства юстиции эта группа получила преимущество. В то же время ее противники заметно отделились от немецких властей. Это такие люди, как бывший председатель правления национального банка Кливе, секретарь Крестьянского союза Друва и его второй секретарь Гранткалнс...»¹⁴

Благодаря такой поддержке Валдманису удалось восстановить свои былые позиции. Дело в том, что в первые же дни оккупации, в июле 1941 года, латышские националисты восстановили сенат — высшую судебную инстанцию, верховным прокурором которого стал Валдманис. Однако немцы вскоре упразднили этот орган. Теперь же, когда прежний генеральный директор юстиции Звейниекс подал в отставку, Валдманис был назначен на его место и фактически восстановил свои полномочия¹⁵. В то же время многие посты в коммунальном самоуправлении продолжали занимать все те же люди (отколовшиеся от «группы Валдманиса» представители Крестьянского союза), которые успели «назначить себя» на тот или иной пост еще до прихода немцев. Лишь позднее самоуправление было отчасти очищено от «нежелательных элементов», как того требовали Петер Клейст и СД¹⁶.

«Перконкруст» и его лидеры были окончательно оттеснены в сторону. Как отмечалось в немецких документах, «Перконкруст по-прежнему только старается помочь в формировании латышской дивизии и может представлять в крайнем случае лишь культурные интересы, [зато] бывшие члены Крестьянского союза стремятся выработать в своих рядах четкую линию поведения...»¹⁷ Идею создания латышской дивизии немецкие власти считали в то время преждевременной. В результате Целминыш разочаровался в немецкой оккупационной политике. В марте 1944 года он был арестован гестапо по обвинению в антинемецкой агитации¹⁸.

ГЕРМАНСКАЯ ОККУПАЦИОННАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ В ЛАТВИИ

8 августа 1941 года в газете латышских националистов «Те-вия» было опубликовано воззвание немецкого рейхскомиссара Прибалтики к латышам (которое Хинрих Лозе подписал еще 28 июля 1941 года в Каунасе) с призывом подчиняться распоряжениям рейхскомиссара и генерального комиссара¹⁹. 18 августа, на основе распоряжения рейхскомиссара Лозе, в Латвии, как и во всей Прибалтике, была проведена экспроприация всей государственной собственности (промышленных предприятий, земли и т.д.), ставших собственностью германского государства. Государственным языком был объявлен немецкий²⁰.

Однако часть территории Латвии в то время все еще оставалась тыловой зоной. Поэтому немецкое гражданское управление было введено в Латвии только несколько дней спустя — 1 сентября 1941 года. Территория Латвии была разделена на 5 окружных комиссариатов во главе с окружными комиссарами («гебитско-миссарами») и один городской комиссариат (город Рига) во главе с городским комиссаром («штадткомиссаром»). Генеральным комиссаром Латвии был назначен Отто Дрекслер (р. в 1895 году), бывший бургомистр г. Любека (с 1933 года), председатель «малого совета» Северного общества²¹.

Фюрером СС и полиции Латвии (ССПФ «Латвия») был назначен бригадефюрер СС и генерал-майор полиции Вальтер Шрёдер

(с 22 июня 1941 года); командиром полиции порядка — полковник охранной полиции Кнехт²²; командиром полиции безопасности и СД — оберштурмбаннфюрер СС д-р Эдуард Штраух²³. Последнего вскоре сменил штурмбаннфюрер СС (майор полиции) д-р Франц Ланге²⁴, позднее ставший оберштурмбаннфюрером СС и подполковником полиции.

ЛАТВИЙСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ: ДАНКЕРС ПРОТИВ ВАЛДМАНИСА

В январе 1942 года в Латвии распространился слух о том, что немецкая гражданская администрация вскоре должна быть преобразована в чисто наблюдательный орган²⁵. Националисты приободрились и снова начали поговаривать о независимости. В связи с этим немецкие спецслужбы отмечали: «Как в германских служебных инстанциях, так и в латышских учреждениях говорят о том, что вскоре согласно распоряжению имперского министра по делам захваченных восточных территорий немецкая гражданская администрация превратится всего лишь в орган политического контроля. Собственно управленческие функции будут переданы латышам. Этот слух породил оживленную политическую активность отдельных групп латышей...»²⁶

Чтобы раз и навсегда положить конец несбыточным надеждам, руководство рейхскомиссариата было вынуждено обнародовать «Организационный указ» Розенберга об управлении оккупированными территориями. 19 марта 1942 года этот указ, утвердивший «*de jure*» существование, состав и функции Латвийского самоуправления, был опубликован в латвийской прессе. На первых порах это имело обратный эффект и лишь оживило слухи о том, что полномочия самоуправления будут расширены, а немецкой гражданской администрации — ограничены²⁷.

На следующий день, 20 марта, генеральные директора Латвийского самоуправления по инициативе Валдманиса направили генеральному комиссару Латвии Дрекслеру прошение о своей отставке. Со своей стороны, Дрекслер также считал нужным про-

вести некоторые перестановки в самоуправлении. Генеральный директор внутренних дел Данкерс, по его мнению, не справлялся со своими обязанностями, «проявлял недостаточно инициативы, не имел собственного мнения и мало разбирался в административных делах». На его место Дрекслер собирался назначить Валдманиса. Поэтому во второй половине дня Дрекслер пригласил к себе всех директоров Латвийского самоуправления, чтобы обсудить назревшие кадровые вопросы. В совещании принял участие также немецкий шеф зипо и СД в Латвии д-р Ланге.

В ходе совещания Ланге высказался против назначения Валдманиса на пост генерального директора внутренних дел и даже против его участия в Латвийском самоуправлении вообще. По его словам, политическое влияние Валдманиса и так было слишком велико, так что даже Данкерс был подвержен ему. Точку зрения Ланге поддержал в своем меморандуме Петер Клейст, однако в защиту Валдманиса выступил рейхскомиссар «Остланда» Лозе, рекомендовавший оставить его на своем посту. Лозе также предложил сократить количество генеральных директоратов, а именно — объединить директорат торговли и директорат промышленности в один директорат по вопросам экономики. В результате число директоров уменьшилось с 9 до 6 человек. Одновременно были проведены некоторые кадровые перестановки в самоуправлении (назначение Мартина Приманиса). Данкерс подписал предложенный ему Дрекслером список генеральных директоров. В письме рейхскомиссару Лозе Дрекслер пояснял, что при выборе кандидатов руководствовался не только их профессиональным опытом и политической благонадежностью, но и степенью их влияния среди латышского народа, чтобы их не считали «платными агентами рейха». Именно поэтому, по его словам, он ввел в состав самоуправления Валдманиса. Министр по делам оккупированных восточных территорий Розенберг принял это решение довольно прохладно и в ответном письме предложил еще раз подумать над назначением Валдманиса, но Лозе и Дрекслер не видели оснований для пересмотра решения²⁸.

В то же время сам Розенберг, по словам Петера Клейста, «в обход полученных инструкций, назначил... бургомистром [го-

рода Риги] одного из своих дружков — прибалтийских немцев, который с особым ожесточением противился подчинению города местной [латышской] администрации, поскольку он, немец, будет подчинен латышу»²⁹. Речь шла о Хуго Виттроке³⁰, который по протекции самого Розенберга был назначен штадткомиссаром города Риги (в структуре немецкой гражданской администрации) и одновременно — бургомистром города (в структуре латышского самоуправления). Будучи прибалтийским немцем, уроженцем Латвии, он мог претендовать на оба поста. Но латышскому самоуправлению Виттрок подчиняться отказывался, требуя для города самостоятельного статуса.

Петер Клейст попытался объяснить Розенбергу, что «по политическим соображениям невозможно отделить от маленькой страны ее столицу с многочисленным населением — это означает грубо растоптать все принципы местного самоуправления, и последствия этого будут плачевными». «Но ведь Рига — немецкий город», — возразил Розенберг. «Рига — город на 100 % латышский с тех пор, как его покинули прибалтийские немцы», — ответил Клейст на это. «На этот раз, — пишет Клейст, — я нашел поддержку в административном отделе [Восточного министерства], где даже самые послушные чиновники не могли найти способа отделить голову от тела, сохранив жизнеспособным и то, и другое»³¹. В конце концов состав Латвийского самоуправления был утвержден 25 марта 1942 года. Генеральным директором по вопросам внутренних дел и кадров стал Оскар Данкерс, фактически исполнявший эти обязанности еще с 21 августа 1941 года. Он же являлся фактическим главой самоуправления, так что даже немцы в своих документах часто называли его «1-м генеральным советником».

Должность генерального директора по вопросам юстиции занял Альфредс Валдманис (с ноября 1941 года; вновь утвержден по предложению Дрекслера)³². Генеральным директором по вопросам культуры и образования стал профессор Мартин Приманис (р. в 1878 году). До войны он был ректором Рижского университета, в 1940 году переехал в Германию с волной этнических немцев, где получил германское гражданство. Глава оккупационной адми-

нистрации Латвии Дрекслер называл его человеком, «безоговорочно преданным немцам»³³. На должность генерального директора по вопросам экономики был назначен В. Загарс³⁴, а на должность генерального директора по вопросам финансов — Янис Скуевичс. Кандидатуры обоих предложил Дрекслер. Наконец, второстепенный пост директора по вопросам транспорта занял Лейманис³⁵.

Латвийское самоуправление строилось и функционировало по принципам, зафиксированным в «Организационном плане» от 7 марта 1942 года. Однако в указаниях к исполнению плана, составленных Розенбергом специально для Латвии, имелись некоторые отличия. Во-первых, Латвийское самоуправление в отличие от Литовского и Эстонского не имело своего руководителя (в лице 1-го генерального советника или ландесдиректора). Фактически его возглавлял генеральный директор внутренних дел Оскар Данкерс, который председательствовал на заседаниях самоуправления (из-за этого его даже иногда неофициально называли «1-м генеральным директором»). Во-вторых, право назначения и увольнения генеральных директоров Латвийского самоуправления, а также определения числа генеральных директоров и сфер их деятельности имел рейхсминистр Розенберг, а не генеральный комиссар, как в Литве и Эстонии. Функции генеральных директоров Латвийского самоуправления заключались в том, чтобы согласовывать проводимые ими мероприятия на местах с немецкой администрацией; они имели право излагать свои собственные идеи относительно проводимой политики и были обязаны предоставлять генеральному комиссару подробные отчеты о деятельности самоуправления³⁶.

ЛАТЫШСКАЯ ПОЛИЦИЯ

Вооруженные отряды местных националистов под командованием своих «полевых командиров» начали формироваться в Латвии еще в дни отступления Красной Армии. В некоторых городах они даже предприняли попытки захватить власть собственными силами, не дожидаясь прихода немцев. Значительная часть этих отрядов сохранилась в форме батальонов «самообороны». От-

ряды «самообороны» представляли собой не что иное, как воссозданную довоенную организацию «Айзсаргов» — «Стражей отечества». Обычно батальоны «самообороны» состояли примерно из 500 человек и несли охрану транспортных коммуникаций, военных объектов, концлагерей, а также выполняли карательные функции во время немецкой оккупации³⁷.

«Полевые командиры», наиболее «отличившиеся» в ходе расправ над евреями и коммунистами, вместе со своими людьми поступили на службу при немецкой эйнзатцгруппе «А». Из них командованием эйнзатцгруппы 3 июля 1941 года в Риге были сформированы первые несколько рот, получившие название «Латышской вспомогательной полиции» (нем.: Lettische Hilfspolizei)³⁸. Кроме того, были сформированы две самостоятельные группы специально для проведения погромов. Вспомогательная полиция в количестве 400 человек обеспечивала охрану города и даже понесла потери (4 человека), очищая город от отставших красноармейцев, снайперов и т.д. На основе всех этих формирований впоследствии предполагалось создать так называемую латышскую милицию³⁹.

В Даугавпилсе, так же как и в Риге, 3 июля 1941 года латыши с помощью немцев создали городское самоуправление и «службу вспомогательной полиции» (нем.: Hilfspolizeidienst). Во главе обоих стал бывший капитан латвийской армии Петерсонс. Как говорилось в немецких документах, «в службу вспомогательной полиции (СВП) вошли бывшие военнослужащие латышской армии и члены бывшей организации самозащиты [айзсаргов]. Последняя возникла в 1934 году при диктатуре Ульманиса».

За период с 3 по 16 июля в «службе вспомогательной полиции» под руководством зондеркоманды «1b» была «введена строгая дисциплина». Численность вспомогательной полиции к тому времени составила 240 человек; продолжался набор новых членов. В одной из своих сводок, которые регулярно направлялись фюреру, шеф РСХА Гейдрих писал: «Они выполняют роль вспомогательной полиции при оперативной команде и несут службу в уже созданных 6 полицейских участках. Некоторым из них поручены задачи борьбы с уголовными преступлениями, обеспе-

чение безопасности...»⁴⁰ Последние полицейские впоследствии образовали ядро латышской полиции безопасности (в составе криминальной и политической полиции). Из остальных членов «вспомогательной полицейской службы» были также сформированы латышские роты, называвшиеся «Вспомогательная полиция порядка» (нем.: *Ordnungs-Hilfspolizei*). В конце 1941 — начале 1942 годов все они были переименованы в «Охранную службу полиции порядка» (нем.: *Schutzmannschaft der Ordnungspolizei*, сокр.: *Schuma der Orpo*)⁴¹. Командиром латышской «охранной службы» с первых месяцев оккупации стал бывший подполковник латвийской армии Валдемар Вейсс⁴², впоследствии командовавший полком в одной из латышских дивизий СС.

В начале 1942 года под непосредственным руководством командира орпо «Рига» (*KdO Riga*) было сформировано 22 латышских *Schuma*-батальона (с 16-го по 28-й и с 266-го по 274-й). Примерно к июню 1943 года началось формирование 11 латышских полицейских батальонов «второй волны» — с 275-го по 285-й; а в конце 1943 — начале 1944 годов были образованы 10 батальонов «третьей волны» — с 313-го по 322-й. Примерно в марте 1944 года было сформировано также несколько «латгальских» полицейских батальонов — всего не менее четырех (325-й, 326-й, 327-й и 328-й, кроме того, 283-й латышский батальон в немецких документах с апреля 1944 года также фигурировал как «латгальский»)⁴³.

Сам термин «латгальский» был использован намеренно. (Латгалия — историческая область на востоке Латвии с центром в г. Даугавпилсе; латгальцы — этническая группа латышей.) В четкой системе немецких наименований — штабов, войсковых соединений и служб — не могло быть случайностей. Поэтому этот термин должен был подчеркнуть различие между собственно «латышскими» частями и «латгальскими», подчеркивая «второсортный» характер последних. Нацистские «расоведы» выделяли латгальцев в отдельную группу «леттизированных восточноевропейцев», то есть латышей, смешавшихся с русскими и поляками. В действительности же само различие между «латышами» и «латгальцами» было создано искусственно, что было весьма характерным

для германской оккупационной политики, руководствовавшейся принципом «разделяй и властвуй». Как пример стоит вспомнить «Замечания рейхсфюрера СС по поводу «Генерального плана «Ост» и документы о дискриминационной политике в Польше, в которых нацисты пытались искусственно раздробить единые народы на мелкие национальные группы; той же цели служили и многочисленные таблицы «расовой полноценности» наций, разрабатывавшиеся нацистскими расоведами перед войной.

Чтобы показать более низкий статус «латгальских» батальонов по сравнению с «латышскими», можно привести цитату из воспоминаний некоего гауптмана охранной полиции Буркхардта, назначенного 1 декабря 1943 года начальником «Призывного штаба «Рига» при Латышской добровольческой бригаде СС и занимавшегося подготовкой новобранцев для пополнения бригады и ее преобразования в 19-ю латышскую дивизию СС. С его же слов, ему были даны следующие указания: «...Среди призывников указанных возрастов особое предпочтение следовало отдавать латышам, хорошо зарекомендовавшим себя сотрудничеством с штабом генерал-инспектора [«Латышского легиона»], латышской и германской полицией и руководящими германскими органами, которые в целом не должны превысить требуемое число новобранцев в 3000 чел. Особенно пригодными являются бывшие офицеры и унтер-офицеры латвийской армии, а также резерва, латыши с высшим образованием или буржуазного происхождения, сыновья зажиточных крестьян, а также те латыши, чьи антикоммунистические настроения хорошо известны. Латгальцев, в особенности русского и польского происхождения, сельскохозяйственных рабочих (промышленные рабочие в основном не подлежали призыву) и бывших коммунистов я должен был отсеивать»⁴⁴.

Более низкий статус, подобно латгальским, имели также штрафные батальоны. В июле 1944 года из легионеров Латышского легиона, отбывавших наказание в Рижской центральной тюрьме и в Саласпилсе, была сформирована первая из таких штрафных частей — «1-й отдельный батальон особого назначения»⁴⁵. (В немецких документах он, по-видимому, фигурировал также как «латышский батальон особого назначения Мейерса»⁴⁶.) За-

численные в него legionеры, как правило, были осуждены по приговору суда СС и полиции за «самовольное отсутствие» (дезертирство). В сентябре 1944 года был образован «2-й отдельный батальон особого назначения», укомплектованный legionерами-штрафниками из Рижской центральной и Срочной тюрем⁴⁷. (В списках полевой почты он значился как «Латышский полицейский строительно-саперный батальон» или как «Латышский полицейский строительный батальон Звайгзне»⁴⁸.) Наконец в конце августа 1944 года немецкие власти вдобавок к ним сформировали «Латышский строительный батальон», в котором, по некоторым сведениям, также служили штрафники. Всего в штрафбаты таким путем было зачислено около 3000 арестантов, не считая тех, кто был отправлен в эти батальоны в конце 1944 года и в начале 1945 года⁴⁹.

МОБИЛИЗАЦИЯ В «ЛАТЫШСКИЙ ЛЕГИОН СС»

Рейхсфюрер СС Гиммлер начал задумываться о создании национальных легионов в Прибалтике еще в мае 1942 года, однако тогда он считал эту идею чересчур рискованной⁵⁰. Тем не менее в июне 1942 года высший фюрер СС и полиции в «Остланде» Фридрих Йекельн встретился с офицерами латышских Schuma-батальонов и выступил с речью, в которой заявил, что в скором будущем, возможно, будет проведено формирование «Латышского легиона» в рамках войск СС. Одновременно он высказал свое личное мнение о том, что после войны можно будет подойти и к вопросу о восстановлении независимости Латвии, разумеется, «в союзе с рейхом». Так впервые прозвучала мысль о формировании национальных легионов СС, причем в непосредственной связи с вопросом о независимости республик Прибалтики. Если коллаборационисты в Латвии (как, впрочем, в Литве и в Эстонии) надеялись получить независимость ценой формирования все новых и новых воинских контингентов для Германии, то руководство вермахта и СС, наоборот, рассчитывало взамен на обещание независимости получить от коллаборационистов помощь в проведении новых мобилизаций.

Рейхсфюрер СС Гиммлер и начальник Главного управления СС Готлоб Бергер не одобрили высказываний Йекельна и поспешили дистанцироваться от этих обещаний. Их недовольство объяснялось тем, что Йекельн открыто высказал то, о чем пока следовало бы молчать. Вопрос о создании легионов СС в Прибалтике как раз рассматривался, но его рассмотрение держалось в строгой тайне, в особенности потому, что он был тесно связан с предоставлением автономии⁵¹. Гиммлер и Бергер считали, что обещать независимость — это уж чересчур. Но с другой стороны, как заручиться поддержкой коллаборационистов, чтобы привлечь призывников в легион? Только пообещав независимость или хотя бы автономию. Таким образом, рано или поздно в кругах СС должны были заинтересоваться идеей автономии прибалтийских республик, надеясь использовать ее в своих целях. Видимо, в конце концов рейхсфюрер СС решил пойти на обман в вопросе об автономии. И слова Йекельна оказались ему только на руку.

С санкции Гиммлера фюрер СС и полиции в Латвии Шрёдер должен был подать идею создания легиона Латышскому самоуправлению. «Идея должна исходить от них, а не от немцев, — рассудил рейхсфюрер, — пусть коллаборационисты не думают, что это нужно нам!» Но Шрёдер сделал все довольно неуклюже. 3 ноября 1942 года он созвал совещание, на которое была приглашена вся верхушка коллаборационистов — в том числе генеральный директор внутренних дел Данкерс и командиры некоторых латышских полицейских батальонов, полковники Крипенс и Силгайлс и подполковники Вейсс и Осис. Шрёдер предложил им обратиться к Йекельну с просьбой разрешить формирование добровольческого «Латышского легиона СС»⁵².

Директора Латвийского самоуправления, разумеется, поняли «намек» и решили, что наступил подходящий момент предъявить свои требования. На следующий же день, 4 ноября, они обратились к Шрёдеру с заявлением. В нем говорилось, что без «некоторых политических и экономических условий» ожидать успеха добровольной мобилизации бессмысленно. Подразумевалось конечно же хотя бы частичное восстановление независимости и возвращение крупной частной собственности бывшим владельцам.

Генеральный директор юстиции Валдманис пошел дальше других и направил от своего имени меморандум немецкому генеральному комиссару Дрекслеру, озаглавленный «Латвийская проблема». В нем Валдманис рисовал довольно неприглядную картину, которая во многом соответствовала истине. «Любой латыш, — заявлял он, — даже тот, кто никогда не задумывался о политике, задает сегодня вопрос, что же собственно произошло? Действительно ли немцы пришли как освободители, или как завоеватели?»

Но на этом критика и заканчивалась. Ни слова о расстрелах, гетто, концлагерях, казнях военнопленных, угоне латышей на работы в Германию, расистских законах... Выходило, что если бы оккупанты восстановили хотя бы частичную независимость Латвии и возвратили частную собственность, ошибка была бы исправлена. «Бывшие» завоеватели стали бы «освободителями» и лучшими друзьями всех латышей. Валдманис заключал, что для большинства латышей настоящее положение невыносимо только потому, что их первейшим желанием является восстановление государственности Латвии. Поэтому в качестве взаимоприемлемого решения он предлагал предоставить Латвии относительную независимость по образцу Словакии, в результате чего она должна стать «свободным и независимым государством, участвующим в войне под верховным немецким командованием» в качестве союзника Германии. Взамен Валдманис заверил, что «в течение некоторого гарантийного срока в Латвии будет проводиться подготовительная просветительская работа с целью дальнейшего сближения с рейхом».

За восстановление независимости Латвии, по словам Данкерса, Валдманис назначил цену в 200 000 человек! Именно столько своих сограждан он обещал мобилизовать для отправки на Восточный фронт⁵³.

Дрекслер, ознакомившись с меморандумом, дал понять Валдманису, что подобное письмо сейчас «в высшей мере нежелательно». Видимо, фашисты все еще надеялись провести мобилизацию в «Латышский легион» исключительно силовыми мерами, то есть «методом кнута», а «пряник» пока припрятать. Однако в начале

декабря 1942 года все директора Латвийского самоуправления еще раз единодушно заявили, что они присоединяются к предложениям Валдманиса. В меморандуме Латвийского самоуправления на имя Дрекслера было вновь заявлено, что «при определенных условиях» (имелось в виду, прежде всего, решение вопроса о государственно-правовом статусе Латвии и возвращение частной собственности) самоуправление готово сформировать латвийскую армию в 100 000 человек (!), которая через три месяца будет боеспособна. Итак, цена была назначена, хотя сумма и стала скромнее, чем предлагал Валдманис...

Рейхскомиссар Лозе немного поумерил пыл националистов. 23 декабря 1942 года он дал устный ответ на письмо Латвийского самоуправления, заявив, что оно попросту не сможет мобилизовать армию в 100 тысяч человек, так как большинство годных к воинской службе мужчин уже задействовано в военной промышленности. Что же касается «независимости по образцу Словакии», то эту просьбу он также не может поддержать, поскольку тогда независимости попросят Эстония, Литва, Бельгия и все остальные. В заключение Лозе счел нужным немного припугнуть директоров. Он обвинил всех латышей в целом в антинемецких настроениях, которые он не намерен терпеть дальше, и упомянул о недавнем расстреле 80 видных граждан в Голландии по обвинению в антинемецкой пропаганде, дав понять, что такое может случиться и в Латвии⁵⁴.

Тем временем эсэсовцы, не тратя лишних слов, дали ход «ходатайству» Латышского самоуправления и начали вовсю готовиться к проведению мобилизации в Латвии. 12 января 1943 года Готлоб Бергер обратился с письмом к Гиммлеру, в котором просил дать официальное разрешение на создание «Латышского легиона СС». Бергер обосновывал это тем, что латышские добровольцы, уже прошедшие службу в РАД, хотели бы вступить в войска СС. 24 января Гиммлер вызвал в свою штаб-квартиру Йекельна и сообщил ему о том, что фюрер дал добро на формирование такого добровольческого легиона. Одновременно рейхсфюрер высказал пожелание, чтобы в дальнейшем «Латышский легион СС» был увеличен до размеров дивизии, поставив при этом единствен-

ное условие: добровольцы, которых предполагалось набрать из латышских полицейских батальонов, должны быть пригодны к службе в СС по «расовым критериям»⁵⁵.

Об этом окончательном решении Латвийскому самоуправлению объявил в конце января 1943 года фюрер СС и полиции Латвии Шрёдер⁵⁶. Руководство СС требовало новых воинских контингентов, а Восточное министерство и рейхскомиссариат «Остланд» должны были поневоле выступать посредниками, выслушивая ответные требования коллаборационистов об автономии и раздавая какие угодно обещания.

Руководство генерального комиссариата Латвии и Латвийского самоуправления 29 января 1943 года провели совместную конференцию. В повестку дня был включен вопрос о статусе Латвийского самоуправления. На конференции выступил профессор Приманис, возглавлявший директорат культуры и образования. Упомянув о недавнем заявлении директоров самоуправления о своей отставке (кстати, уже не первом), он сказал: «Положение генеральных директоров действительно незавидное. Они все больше теряют свое доброе имя в глазах общественности. Необходимо внести ясность в дела Латвийского самоуправления, особенно по вопросу о компетенциях. Например, мы даже не знаем, существует ли латвийский директорат экономики, или уже нет». Намек был более чем прозрачен: дескать, если немцы не предоставят самоуправлению хотя бы формальный статус независимого правительства, оно может растерять последние остатки доверия в народе. А немцам это не выгодно — кто же будет агитировать народ вступать в легион и призывать его на «борьбу с большевизмом»?

Тем не менее Дрекслер ушел от ответа на поставленный вопрос. Он заявил, что и сам озабочен проблемой статуса Латвийского самоуправления и уже направил свой меморандум по этому вопросу рейхскомиссару Лозе (от 7 декабря 1942 года)⁵⁷.

Вопрос о формировании «Латышского легиона» был также рассмотрен на конференции, так как его нельзя было отделить от вопроса об автономии. Самоуправление согласилось помочь в этом деле, но на определенных условиях. Во-первых, во главе

легиона должен стоять латышский командир; во-вторых, подготовка легионеров должна составить как минимум 6 месяцев; в-третьих, легион должен использоваться исключительно для обороны границ Латвии; и, наконец, в-четвертых, легион должен быть подчинен вермахту, а не руководству СС. Дрекслер, который считал возможным обойтись принудительной мобилизацией, без особой охоты спросил у Данкерса, что же тогда следует предпринять, чтобы легион получил как можно больше солдат. Данкерс ответил, что можно, конечно, провести обязательную мобилизацию нескольких призывных возрастов, но, по мнению самоуправления, эта мера будет зависеть от скорейшего провозглашения независимости Латвии. В результате вопрос о призыве в Латышский легион так и остался открытым⁵⁸.

В конце концов, генеральные директора на своем очередном совещании 8 февраля 1943 года решили не дожидаться ответа от властей рейха и поддержать мобилизацию призывников 1919—1924 г. р. В связи с этим генеральный директор В. Приманис заявил: «Лучше мобилизация, чем нынешний порядок». Видимо, Латвийское самоуправление решило согласиться на сделку «без предоплаты» — сначала помочь в проведении мобилизации, как того требовали немцы, а уж потом уповать на благодарность оккупационных властей в вопросе о независимости или хотя бы автономии.

Население Латвии узнало, что оно продано в обмен на свою же «независимость» 10 февраля 1943 года. Именно в этот день по радио было объявлено о создании «Латышского легиона СС»⁵⁹. Заблаговременно, еще 5 февраля, была проведена регистрация офицеров и инструкторов⁶⁰. В статьях и радиообращениях подчеркивалось, что термин «Латышский легион» включает в себя все латышские подразделения, находящиеся в ведении полиции, СС, ВВС, ВМФ и сухопутных сил вермахта (кстати, в люфтваффе, ВМФ и войсках СС в то время латыши не служили)⁶¹. Повидимому, такая ремарка нужна была для того, чтобы убедить латышей, будто речь идет не об очередном подразделении в рамках вермахта или войск СС, а об объединении всех латышских солдат в рамках собственной армии.

24 февраля 1943 года во всем рейхскомиссариате «Остланд» началась совместная мобилизация в войска СС, вспомогательные службы вермахта и германскую военную промышленность призывников 1919—1924 г. р. Через два дня мобилизации немцы сочли возможным объявить о формировании 15-й латышской дивизии СС в рамках Латышского легиона⁶². Призывникам, зачисленным во вспомогательные службы вермахта, было приказано после прохождения комиссии явиться к месту назначения 29 марта. Зачисленным в легион пока разрешалось на неопределенный срок остаться дома. Помимо призывников 1919—1924 г. р., в легион набирались добровольцы от 17 до 45 лет, ростом не менее 168 см (видимо, это был скрытый «расовый отбор», проводившийся по настоянию Гимmlера). В рамках начатой пропагандистской кампании, 28 февраля 1943 года «Вестник распоряжений» опубликовал статью под названием «Основан Латышский легион», в которой было объявлено о наборе в легион призывников и добровольцев. Добровольцы 17—45 лет могли записаться в легион в пункте призыва «Инспекции пополнения войск СС «Остланд» (Рига, ул. Плескавас, 16), а также во всех учреждениях немецкой полиции и жандармерии и участках латышской полиции⁶³. Немцы не собирались ограничиваться одной мобилизацией и уже готовились к призыву других возрастов в ближайшем будущем. С этой целью в апреле 1943 года в Латвии была проведена регистрация призывников 1912—1928 г. р. для последующих мобилизаций⁶⁴.

«Латышский легион СС» фактически был образован уже в ходе тотальной мобилизации — в составе одной дивизии (ее формирование было завершено к лету 1943 года) и одной бригады. 15-я латышская добровольческая дивизия СС была официально сформирована 26 февраля 1943 года, практически целиком из новобранцев, призванных в результате мобилизации. С начала 1944 года она была переименована в «15-ю гренадерскую дивизию войск СС (латышскую № 1)». Командиром ее был назначен бригадефюрер СС Ханзен, а инфантери-фюрером — латыш, штандартенфюрер войск СС Артур Силгайлис⁶⁵.

Латышская добровольческая бригада СС была сформирована незадолго до начала тотальной мобилизации, 8 февраля 1943 года.

Три латышских полицейских батальона (21-й, 19-й и 16-й), которые еще с 1942 года действовали в составе 2-й пехотной бригады СС⁶⁶, теперь стали называться соответственно I, II и III батальонами «Латышского легиона»⁶⁷, а сама бригада стала целиком латышской. (Все нелатышские части, включая легионы «Фландрия», «Нидерланды» и «Норвегия» и немецкие полицейские батальоны, были выведены из состава 2-й пехотной бригады СС и переданы в другие соединения.)

Было объявлено, что командиром Латышского легиона СС станет бывший генерал-майор латвийской армии Рудольф Бангерскис. Правда, как оказалось впоследствии, это не совсем соответствовало истине, так как он не получил никаких значительных полномочий, и все же в последующие годы Бангерскис стал наиболее заметной фигурой среди латышских коллаборационистов. Именно поэтому о его личности следует рассказать подробнее.

Рудольф Бангерскис (Бангерский) родился в 1878 году в царской России, служил в русской императорской армии, где к 1917 году имел звание полковника, участвовал в русско-японской войне 1904—1905 годов. В годы Гражданской войны он без особых раздумий примкнул к Белому движению и командовал дивизией армии Колчака в 1918—1920 годах, которая воевала против советской власти на Дальнем Востоке. После разгрома в Маньчжурии зимой 1920 года Бангерскис вместе с остатками своей дивизии бежал в Китай, где был вынужден сложить оружие. В конце 1921 года он вернулся в Латвию, теперь ставшую независимой. На родине его военное прошлое не было забыто. В феврале 1923 года он стал командиром 1-й (Курляндской) дивизии, а позднее занимал пост военного министра в разных кабинетах (в 1924—1925 и в 1926—1928 годах). В 30-е годы Бангерскис продолжал командовать разными дивизиями, а в 1937 году вышел в отставку в звании генерал-майора. После установления советской власти в Латвии отставной генерал переехал в сельскую местность и решил переквалифицироваться в фермеры (как говорят, чтобы избежать ареста). С приходом немецко-фашистских войск престарелый генерал сразу оказался

в рядах тех, кто сотрудничал с немцами, — с 1941 года и вплоть до своего назначения во главе Латышского легиона СС Бангерскис работал в директорате юстиции Латышского самоуправления.

Оперативным офицером штаба легиона должен был стать бывший полковник латвийской армии Артур Силгайлис, участник Первой мировой войны и боев против Красной Армии в Курляндии и Земгалии. В последующие годы он занимал разные штабные должности в латвийской армии, а к июлю 1940 года являлся начальником штаба 4-й (Земгальской) дивизии. В начале Второй мировой войны Силгайлис служил добровольцем в составе германской армии и участвовал в боях на территории Эстонии и под Ленинградом в 1941 году, а позже занимался вербовкой добровольцев в Латвии⁶⁸.

Впрочем, оккупанты не торопились выполнять какие бы то ни было обещания. Бангерскис был наконец назначен генерал-инспектором Латышского легиона СС 30 апреля 1943 года, то есть лишь два месяца спустя⁶⁹, а 3 марта получил звание легион-группенфюрера (нем.: *Legions-Gruppenführer*)⁷⁰. Обещание немцев, что командиром легиона станет латыш, было выполнено чисто формально. Бангерскис получил всего лишь номинальный пост генерал-инспектора Латышского легиона СС, а командирами 15-й латышской дивизии СС и 2-й латышской бригады СС (будущей 19-й дивизии) были назначены немцы. Таким образом, Бангерскис с его «инспекторскими» полномочиями не имел власти над ними; его функции ограничивались изданием всевозможных воззваний.

Генеральная инспекция Латышского добровольческого легиона СС была образована в этот же день, 30 апреля 1943 года. Начальником штаба легиона немцы предполагали назначить легион-штандартенфюрера Артура Силгайлиса, но Бангерскис настоял на кандидатуре «своего человека» — Александра Пленснерса. Последний имел то же звание, что и Силгайлис, но не пользовался доверием Йекельна, который в конце концов добился его перевода на пост командира 43-го гренадерского добровольческого полка СС (в составе 2-й латышской бригады). После этого начальником

штаба стал Артур Силгайлис, давно помогавшийся этого поста (до того он занимал пост командира 34-го гренадерского полка СС в 15-й латышской дивизии СС). Заместителем генерального инспектора был назначен Александр Ласманис⁷¹.

Обо всех вопросах, не касавшихся пополнения для Латышского легиона, Бангерскис отчитывался непосредственно перед рейхсфюрером Гиммлером, но в вопросах человеческих ресурсов он подчинялся только Йекельну, как высшему фюреру СС и полиции в «Остланде». Штаб квартира Генеральной инспекции находилась в Риге, однако в связи с приближением линии фронта постепенно перемещалась на Запад. (В октябре 1944 года она была эвакуирована в Любек, где 2 мая 1945 года весь личный состав штаба Латышского легиона попал в плен к англичанам.)⁷²

Всего в ходе весенней мобилизации (с марта по август 1943 года), по данным штаба генерал-инспектора Бангерскиса, в Латышский легион СС было зачислено 22 500 чел., во вспомогательные службы вермахта — 12 700 чел., то есть в общей сложности 35 200 человек. Около 6000 человек уклонилось от призыва⁷³. К тому времени в различных карательных организациях, находившихся под немецким контролем, включая и полицейские батальоны, на 1 сентября 1943 года числилось всего около 36 000 жителей Латвии (не считая латышей, служивших в вермахте). Численность же немецких полицейских на территории Латвии в конце 1943 года составляла около 15 000 человек⁷⁴. За полтора года их число увеличилось в несколько раз. По-видимому, это было связано с мобилизацией и опасениями перед возможным мятежом.

Один американский историк пишет, будто в первые же несколько дней с начала мобилизации было «подано 32 тысячи заявлений от желающих вступить в «Латышский легион СС»⁷⁵. Это явное заблуждение, если только не намеренная фальсификация. Во-первых, призывники являлись на призывные пункты в обязательном порядке, в противном случае их доставляли под конвоем, но уже не на призывной пункт — а в ближайший концлагерь Саласпилс или в Рижскую тюрьму. Во-вторых, их желания никто не

спрашивал и заявления писать не заставлял. Зачисление производилось и без заявлений, их подавали в основном добровольцы из латышских полицейских батальонов. Если бы он знал, сколько сил пришлось приложить фашистам для того, чтобы загнать 32 тысячи молодых латышей в легион, сколько полицейских частей понадобилось стянуть в Латвию для этого! Тут уж, как говорится, особенно не «закошишь»!

Мобилизация в Латышский легион СС проходила далеко не так гладко, как представляли некоторые немецкие и американские историки. Разведсводки Латвийского штаба партизанского движения в эти дни пестрят сообщениями о стычках между немцами и латышскими legionерами. В конце февраля 1943 года произошла перестрелка в Кокнесе, в результате которой латышские добровольцы (полицейские или legionеры — неизвестно) убили двух немцев⁷⁶. В марте 1943 года сообщалось, что призывники скрываются от мобилизации, и на них организуются облавы⁷⁷. Месяцем позже, по непроверенным сведениям, в Риге произошел бой между немцами и legionерами, после чего распространился слух о расформировании Латышского legionа СС. В последних числах апреля 1943 года произошли перестрелки между немцами и латышскими legionерами в Валмиере и Тукумсе, а в деревне Клечи — рукопашная драка. Недовольство было вызвано главным образом тем, что латышские добровольцы получали меньше немцев, зато их чаще посылали в бой против партизан⁷⁸. И неудивительно. Ведь такое количество немецких полицейских частей было пригнано в Латвию не столько затем, чтобы своими руками воевать с партизанами, сколько чтобы следить за латышскими legionерами, иначе как бы те не отступили, не дезертировали или не перешли на сторону партизан. Оккупанты предпочитали большинство карательных акций проводить чужими руками.

Часть новобранцев была передана в 15-ю дивизию из латышских частей вермахта и ВВС; значительная часть добровольцев прежде проходила службу в латышских полицейских батальонах⁷⁹. Подготовка рекрутов должна была осуществляться под руководством инструкторов из латышских полицейских батальонов,

не на территории Латвии, но не менее чем за 10 км от линии фронта⁸⁰. В конце марта 1943 года часть рекрутов, набранных непосредственно среди населения и еще не прошедших соответствующей подготовки, была срочно передана в Латышскую бригаду СС, которая в то время вела затяжные бои на фронте и несла тяжелые потери⁸¹. Некоторым из легионеров-новобранцев удалось дезертировать по дороге на фронт. Так, в апреле 1943 года из Митавы в сторону села Новосокольники, где шли бои, вышел эшелон с легионерами. 15 апреля из этого эшелона в 8 км от Лудзы в сторону Зилупе сбежало 15 новобранцев⁸².

Назначенный командиром дивизии бригадефюрер СС Ханзен выразил свое возмущение тем, что его добровольцев используют как «пушечное мясо». По слухам, за такое своевольное поведение он был вскоре снят со своего поста. Как бы там ни было, в мае 1943 года его сменил на этом посту бригадефюрер СС граф Пюклер-Бургхауз⁸³. В последующие месяцы передача наскоро обученных новобранцев другим частям (в том числе «Латышскому авиационному легиону») стала обычным явлением. В сентябре 1943 года бригада получила новую партию рекрутов⁸⁴. Но и на этот раз не обошлось без случаев дезертирства. 23 сентября 1943 года партия легионеров была отправлена на фронт в закрытых вагонах под охраной немецких автоматчиков. 25 сентября, по пути на фронт, на перроне в Пскове 25 солдат-латышей взломали дверь вагона и бежали⁸⁵. По сообщению перебежчика из 1-го полка СС (в составе 2-й латышской бригады СС), настроение легионеров в бригаде также было плохим, все были обозлены на немцев. По его же словам, отправка на фронт проводилась насильственно, и многие солдаты не хотели воевать против Красной Армии⁸⁶.

УЛЬТИМАТУМ СОВЕТНИКОВ... И СНОВА МОБИЛИЗАЦИЯ

4 октября 1943 года началась осенняя мобилизация в Латышский легион СС. На этот раз ее проводила исключительно «Инспекция пополнения войск СС «Остланд» и ее латвийский филиал — «Команда пополнения войск СС «Латвия», начальником ко-

торой был назначен Бангерскис. Призыв проводился без участия местного самоуправления. В октябре 1943 года для переосвидетельствования были вызваны призывники 1919—1924 годов рождения (6 призывных возрастов), а также призывники 1925 года рождения, достигшие 18 лет⁸⁷.

Генерал Бангерскис 6 октября обратился с радиообращением к латышам, в котором обещал, что скоро Латвии будет предоставлена автономия (Гиммлер действительно дал ему такое обещание во время своей поездки в Ригу в сентябре 1943 года). Поверив словам рейхсфюрера, Бангерскис заявил в своем обращении: «Фюрер сказал, что народ, в котором обнаружилось столько отличных бойцов, не должен оставаться в тени». Он также сослался на слова рейхсфюрера СС о том, что борьба легионеров открыла дорогу «Латвии к ее месту в Европе»⁸⁸.

Правда, не обошлось и без одного инцидента. Йекельн так торопился отправить все население Латвии на войну или на принудительные работы, что 12 октября приказал опубликовать в «Немецкой газете в Остланде» воззвание к латышам вступать в легион от имени Бангерскиса⁸⁹. Впоследствии выяснилось, что это воззвание было помещено в газете даже без ведома самого Бангерскиса, по инициативе одного Йекельна. По словам Данкерса, 17 октября, на заседании Латвийского самоуправления Бангерскис заявил, что он направил Йекельну письменный протест в связи с этим призывом, который он на самом деле не подписывал. «Эта акция, — жаловался генерал-инспектор, — даже не была согласована со мной». Скандал быстро замяли: Йекельн предложил Бангерскису, чтобы тот взял на себя всю ответственность за проведение мобилизации. Честолюбие старого генерала было удовлетворено, и он согласился, поблагодарив вдобавок за оказанное высокое доверие⁹⁰.

В начале ноября 1943 года Гитлер издал распоряжение о мобилизации в легионы СС в Латвии и Эстонии 10 призывных возрастов (1915—1924 г.р.). По-видимому, в Латвии об этом решении было известно заранее, так как уже 11 октября того же года глава самоуправления Данкерс объявил о предстоящей в Латвии мобилизации лиц призывного возраста 1915—1925 годов рождения⁹¹.

Таким образом, к 6 призывным возрастам добавились еще 5, подлежащих призыву. На совещании у фюрера 16 ноября 1943 года для Латвии была установлена цифра в 20 000 человек, которых необходимо было призвать в Латышский легион СС⁹².

Начался 2-й этап осенней мобилизации. Точные сроки его начала неизвестны. Так, например, в Резекненском уезде мобилизация призывников 1922—1924 годов рождения началась уже 1 ноября, а в Валмиерском уезде — 2—4 ноября 1943 года⁹³.

9 ноября генеральный комиссар Латвии Дрекслер вызвал к себе Данкерса и ознакомил его с указом фюрера. Данкерс заявил, что самоуправление готово поддержать мобилизацию и даже считает желательным провести ее собственными силами. Но, памятуя о данном ему Гиммлером обещании, он связал ее проведение с некоторыми условиями: во-первых, с восстановлением независимости Латвии; во-вторых, с объединением разрозненных латышских частей и их передислокацией на территорию Латвии; и в-третьих, с передачей латышской полиции в ведение самоуправления. В ответном письме от того же числа Дрекслер предоставил Данкерсу всего лишь полномочия на проведение соответствующих мобилизационных мероприятий, но относительно независимости не обмолвился ни словом. Да и неудивительно. «Легко Гиммлеру, — наверное думал про себя Дрекслер — Он приехал, наобещал с три короба и уехал. А мне — расхлебывай!»

Для обсуждения создавшейся ситуации Латвийское самоуправление 15 ноября созвало конференцию с участием представителей центральных и местных органов самоуправления. Ввиду приближения Красной Армии и необходимости «спасения Латвии», было решено провести мобилизацию, даже если требования Латвийского самоуправления о независимости не будут удовлетворены⁹⁴.

Тем не менее директора решили попытать судьбу и на следующий день выдвинули ультиматум Дрекслеру — а вдруг подействует? В нем были изложены условия, на которых самоуправление было готово поддержать мобилизацию. Во-первых, все призывники должны быть направлены в качестве пополнения в части Латышского легиона СС; во-вторых, латышская полиция

порядка должна быть подчинена местному самоуправлению (немецкие власти в очередной раз обнадежили их в этом); в-третьих, призывникам должно быть гарантировано достаточное время на военную подготовку; в-четвертых, после объявления призыва вербовка местного населения для другой долгосрочной службы (в тыловые службы вермахта и военную промышленность) должна быть прекращена. В противном случае директора грозили уйти в отставку.

Ответ Дрекслера опять был неутешительным, к тому же его получили только 2 февраля 1944 года. Но несмотря на это гендиректора так и не решились привести в исполнение свою угрозу — уж очень не хотелось расставаться с выгодной должностью.

Самоуправление уже на следующий день изменило поставленным им же самим условиям 17 ноября 1943 года. «Немецкая газета в Остланде» сообщила, что генерал Данкерс с одобрения Латвийского самоуправления согласился провести мобилизацию призывников 1915—1924 г. р. для службы в Латышском легионе СС. На следующий день Данкерс по случаю дня независимости Латвии обратился к латышам со следующей речью: «Латвийский красно-бело-красный флаг в боях завоевывает свое место под солнцем... Под этим знаменем латышские legionеры идут в бой против большевизма... Мы намерены честно исполнить свой солдатский долг, твердо веря в свободную Латвию и в сообщество свободных народов... Благодаря нашим усилиям и нашим жертвам, Латвия снова станет равноправным членом европейского сообщества народов»⁹⁵.

24 ноября в Латвии было объявлено о начале мобилизации призывников 1915—1924 годов рождения (это была 2-я волна осенней мобилизации 1943 года)⁹⁶. Результаты осенней мобилизации (октябрь — ноябрь 1943 года) были следующими: было зарегистрировано 14 809 чел., из них явились на призывные пункты — 11 212 чел, признаны годными — 8492 чел., явились к месту назначения — 5637 чел.⁹⁷

В декабре 1943 года, после того как в ставке фюрера были определены контингенты призывников, в Латвии началась новая мобилизация (3-я волна). Тогда же Гитлер передал все полно-

мочия на проведение воинских призывов в Латвии и Эстонии рейхсфюреру СС Гиммлеру. Задачи по мобилизации перешли из ведения вермахта (имевшего 50 призывных участков в Латвии) в ведение «Войск СС». Одновременно призывной возраст был поднят до 37 лет⁹⁸. В ходе этой мобилизации, продолжавшейся до конца января следующего года, в Латвии были призваны призывники 1918, 1922—1924 г. р.⁹⁹ По данным партизан, в результате осенней мобилизации 1943 года было призвано в общей сложности около 40 000 человек (но партизаны основывались, очевидно, на немецких данных). Сообщалось также, что в январе 1944 года немцы готовят новую дополнительную мобилизацию призывников 1925 года рождения¹⁰⁰. Сведения о мобилизации новых призывных возрастов оправдались. 20 января 1944 года в газете «Тевия» была опубликована выписка из «Постановления о мобилизации в Латышский легион СС лиц 1917 г. р., которые до 17 июня 1940 года являлись латвийскими подданными» за подписью генерал-инспектора Латышского легиона СС, группенфюрера войск СС Бангерскиса¹⁰¹.

Осенняя мобилизация плавно перешла в весеннюю. В конце января 1944 года рейхсфюрер СС Гиммлер отдал приказ Йекельну о проведении нового призыва под руководством Инспекции пополнения войск СС «Остланд», а в Латвии, соответственно, Команды пополнения войск СС «Латвия». В Латвии он начался в первых числах февраля¹⁰², на основании распоряжений от 4 и 5 февраля 1944 года о призыве лиц 1906—1914 г. р.¹⁰³ В результате этой мобилизации удалось сформировать 6 латышских полков «пограничной стражи» (15 000 чел.) и резервный батальон для 15-й дивизии СС в составе 1500 человек, из которых лишь небольшую часть удалось снабдить винтовками¹⁰⁴.

По данным рейхскомиссариата «Остланд» в ходе 1-го этапа весенней мобилизации в Латвии до 1 февраля 1944 года было зарегистрировано 20 447 военнообязанных (призывников 1917, 1918, 1922—1924 г. р.), из них явились на призывные пункты 13 802 человека (67,5 %), призвано на военную службу без отсрочки — 5.167 человек (23,3 % от числа военнообязанных)¹⁰⁵. По данным генерального комиссариата Латвии (Отдел III. Aso) на

март 1944 года, направленным в Инспекцию пополнения войск СС «Остланд», результаты мобилизаций в Латышский легион СС призывников 1906—1924 г. р. за период с декабря 1943 по март 1944 года были следующими: из общего числа мужского населения Латвии (826 041 чел.) было зарегистрировано в качестве военнообязанных 173 409 чел. Явка на призывные участки составила 128 866 чел. (44 543 человека уклонились от призыва). Из этого числа уже были призваны в легион 36 284 чел., призваны с отсрочкой — 4331 чел. Таким образом, общая численность легиона на данный момент составляла 40 615 чел., включая призванных без отсрочки и с отсрочкой. В это же число вошли 8582 чел., призванные в легион с февраля 1943 года по конец января 1944 года¹⁰⁶.

Всего к началу 1944 года в различных латышских вооруженных формированиях числилось 40 000 человек: во 2-й латышской бригаде СС — 5000—6000 чел.; в 15-й латышской дивизии СС — 17 000 чел.; в латышском полицейском полку «Рига» — около 3000 чел.; в латышских полицейских батальонах — 14 000 чел.¹⁰⁷

После проведения весенней мобилизации к лету 1944 года численность латышских формирований в целом возросла до 60 000 человек¹⁰⁸. Так, в начале марта 1944 года было сформировано 6 латышских полков «пограничной стражи» — все 4-батальонного состава, а в 6-м полку имелась еще и противотанковая рота¹⁰⁹.

2-я латышская бригада СС была преобразована в 19-ю латышскую дивизию СС. Решение об этом было принято еще осенью 1943 года. «В конце ноября 1943 года, — вспоминает немецкий гауптман охранной полиции Буркхардт, — по приказу командира Латышской бригады СС Шульдта, я был направлен в Ригу, где с 1 декабря 1943 года выполнял функции начальника «Штаба «Рига» по формированию 2-й латышской добровольческой бригады СС» (Aufstellungsstab Riga der 2.lett. SS. Freiw. Bde.). В задачи этого штаба входило: организовать призыв латышей 1915—1921 года рождения и набрать 3000 человек для пополнения бригады, обеспечить их обмундированием и вооружением и после соответствующей подготовки объединить в маршевые батальоны, с тем, чтобы к концу декабря 1943 года они достигли расположе-

ния бригады и влились в нее». По свидетельству Буркхардта, формирование дивизии проходило в контакте с «Фронтовым центром войск СС» в Риге (Frontleitstelle der Waffen-SS in Riga) и генерал-инспектором «Латышского легиона». Явившиеся добровольцы (около 5000—6000 человек) направлялись либо непосредственно во 2-ю Латышскую бригаду СС, либо в начавшую формироваться в Митаве (Елгава) 15-ю резервную бригаду СС — подразделение, занимавшееся пополнением 15-й латышской добровольческой дивизии СС. Всего к началу января 1944 года в район Волхова, где дислоцировалась 2-я бригада, было направлено 4 эшелона с 2700 новобранцами. При этом Буркхардт утверждает, что случаев дезертирства не наблюдалось, было лишь некоторое число отправленных в тыл по их просьбе и с одобрения генеральной инспекции¹¹⁰.

Численность латышских дивизий на 30 июня 1944 года составляла: 15-я гренадерская дивизия войск СС: 541 офицер, 2322 унтер-офицера, 15 550 нижних чинов, всего 18 412 чел.¹¹¹ (по другим данным 11 537 чел.¹¹²). 19-я гренадерская дивизия войск СС: 329 офицеров, 1421 унтер-офицер, 8842 нижних чинов, всего 10 592 чел.¹¹³ (по другим данным — 9792 чел.¹¹⁴). Численность латышских полицейских батальонов составляла на тот же период 42 386 чел.; численность латышских полков «пограничной стражи» — 12 118 чел.¹¹⁵

Лучшие результаты в ходе мобилизации показал Валмиерский округ, худшие — Даугавпилсский округ (по данным на март 1944 года)¹¹⁶. Последний представлял собой не что иное, как Латгалию, поэтому неудивительно, что там были достигнуты наихудшие показатели. Согласно указаниям, которые получил Буркхардт при формировании 19-й дивизии, а также другим идеологическим установкам Розенберга и Гиммлера, латгальцы считались низшей расой, «леттизированными (смешавшимися с латышами) восточноевропейцами», в которых больше русской или польской крови, чем латышской или, тем более, германской.

Однако то, что латгальцев не брали в части войск СС, еще не означало, что немцы вообще не трогали их. Им отводилась примерно такая же роль, как и литовцам — поставлять рабочую силу

для рейха. Жители Латгалии платили нацистам за геноцид той же монетой, уходя в леса к партизанам. Правда, первые мобилизации рабочей силы оккупанты пытались проводить более или менее добровольно, надеясь на свою пропаганду, развернутую при помощи местного самоуправления. Так, 19 марта 1942 года газета «Даугавас вестнисис» поместила на своих страницах статью под заголовком «Думайте о том, что Вы являетесь мужчинами Латгалии», которая содержала призыв к жителям Латгалии добровольно наниматься на работу в Германии. В той же статье содержался пропагандистский рассказ о группе латгальцев, которые были «торжественно препровождены в Великую Германию»¹¹⁷. Но с лета 1942 года мобилизации на работу в Германию стали принудительными, а с 3 ноября 1942 года Гиммлер приказал высылать из рейхскомиссариата «Остланд» на принудительные работы в рейх «все излишнее и трудоспособное население в районах действия банд [партизанских отрядов], оккупируемых и прочесываемых нами»¹¹⁸. По словам Йекельна, «Бангерскис и Данкерс обратились с просьбой к Гиммлеру разрешить им угонять только тех лиц, которые находились в прифронтовой полосе и могли быть освобождены в скором времени Красной Армией. Разрешение было получено...»¹¹⁹. Прежде всего это касалось жителей Латгалии, так как именно здесь партизанское движение приобрело особый размах. На юге Латвии, в районе г. Россоны возникла целая партизанская «Россонская республика», с которой каратели безуспешно пытались покончить в последние месяцы оккупации Латгалии. Всего же в Латвии за годы немецко-фашистской оккупации на принудительные работы в Германию было угнано 279 615 человек¹²⁰, что было даже больше, чем в Литве. Из числа вывезенных в Германию большая часть погибла в лагерях и на сооружении укреплений в Восточной Пруссии¹²¹.

РАЗГРОМ ПОД НОВОРЖЕВОМ

С февраля 1944 года обе латышские дивизии СС, 15-я и 19-я, действовали в составе VI добровольческого корпуса СС (с 28 марта 1944 года корпус находился в подчинении 16-й армии группы

армий «Север»)¹²². Сам корпус был в начале 1944 года переименован в VI-ой армейский корпус войск СС (латышский) (VI. Waffen-Armeeekorps der SS (Lettisches))¹²³.

В июле 1944 года на VI корпус СС была возложена задача по прикрытию отступающих частей немецкой 16-й армии на Новоржевском выступе. По свидетельству многих, корпус был фактически брошен на гибель как пушечное мясо. 7 июля, говоря по прямой связи с командующим группой армий «Север» генерал-полковником Фриснером, Гитлер сказал по этому поводу: «Если у латышей прорыв будет делом неприятным, то на правом фланге — смертельным». Некоторые легионеры и сами понимали, что ими, попросту говоря, затыкают брешь в линии фронта. 10 июля в 19.30 вечера началось наступление советской 10-й гвардейской армии на участке фронта, который обороняли латышские дивизии. Легионеры бежали, бросая оружие, многие сдались в плен частям Красной Армии. Фронт был прорван за несколько часов. Наутро 11 июля 1944 года штаб группы армий «Север» докладывал верховному командованию: «Прорыв противника в полосе 6-го корпуса СС и отказ 15-й латышской дивизии [занять новые позиции] вынуждают использовать 2 батальона 93-й пехотной дивизии, которые уже погружены для перевозки». Вечером того же дня штаб группы армий в своем рапорте в Берлин по поводу отступления латышских дивизий отмечал: «Командование группы армий «Север» не может более рассчитывать на использование этих дивизий в активных операциях». Командующий немецкой 16-й армии заявлял еще более категорично: «Командование корпуса считает обе латышские дивизии непригодными в качестве пехотных формирований». 15 июля был издан приказ командующего группы армий «Север» расформировать обе латышские дивизии, а артиллерию, противотанковые и все тяжелые орудия передать 10-му армейскому корпусу.

Даже сами бывшие командиры латышских частей, в частности, капитан К. Аугусткалнс, после войны отмечали, что «наши собственные сравнительно хорошо отдохнувшие и упорядоченные дивизии (численностью около 20 тысяч человек), отступая от

Опочки, обе распались в течение нескольких дней». 15-я дивизия фактически перестала существовать всего за одну ночь, а остатки 19-й дивизии, отступившие за реку Айвиексте, удалось собрать только в августе 1944 года. От обеих дивизий осталось лишь три «боевые группы», то есть три батальона¹²⁴. В том же месяце остатки обеих латышских дивизий были отведены в Восточную Пруссию для пополнения и отдыха.

В связи со значительными потерями, понесенными на фронте 15-й и 19-й латышскими дивизиями СС летом 1944 года, в Латвии началась новая мобилизация в «Латышский легион СС». Для его пополнения был объявлен призыв лиц 1925—1926 г. р., а лица 1906—1924 г. р., ранее получившие отсрочку, были вызваны на переосвидетельствование. Призывники 1927 и частично 1928 годов рождения зачислялись в части ПВО и наземные части ВВС в качестве вспомогательного персонала («хельферов»). Мобилизация проводилась в разных округах и уездах Латвии в разные сроки. Так, в Митавском округе соответствующее распоряжение окружного фюрера СС и полиции подполковника полиции Неймана о призыве лиц 1906—1924 г. р. (на переосвидетельствование) и лиц 1925—1926 г. р. появилось лишь в августе 1944 года. Распоряжение было издано на основании аналогичного приказа генерал-инспектора и начальника Команды пополнения войск СС «Латвия» Бангерскиса¹²⁵. Постепенно, в целях доукомплектования Латышского легиона СС, в него был зачислен личный состав некоторых полицейских батальонов и полков «пограничной стражи».

Бангерскис в письме на имя рейхсфюрера СС Гиммлера от 6 июля 1944 года жаловался на то, что призыв проводится полностью под руководством Инспекции пополнения войск СС «Остланд», его же, как главу команды пополнения войск СС «Латвия», даже не информируют¹²⁶. И действительно, все вопросы, связанные с мобилизацией, теперь единолично решал Йекельн — высший представитель Гиммлера в Прибалтике, все более и более пользовавшийся диктаторскими полномочиями.

В начале июля 1944 года Йекельн объединил последние резервы СС и полиции в Латвии, образовав из них так называемые

мую «Боевую группу СС «Йекельн». 8 июля 1944 года приказом Йекельна в нее были включены все полки латышской «пограничной стражи». Ядро «боевой группы» составили 2-й, 4-й, 5-й и 6-й латышские полки пограничной стражи, все 3 латышских полицейских полка, два эстонских полицейских батальона и одна немецкая танковая рота. Все эти силы должны были занять заградительную позицию в 12—20 км позади участка II корпуса.

Это были напрасные усилия. «Полицаи» не умели сражаться на фронте. К тому же полки «пограничной стражи» состояли в основном из необстрелянных новобранцев, насильно призванных на службу. Некоторые, как, например, 5-й полк, не имели даже боеприпасов. Остальные полки — 2-й, 4-й и 6-й — в большой спешке с 7 по 10 июля были переброшены на участок фронта южнее Даугавпилса. Многие впервые получили в руки оружие только после прибытия на место, причем все это оружие было трофейным, самых разных образцов и калибров, и к нему не всегда имелись патроны. Сразу же было отмечено плохое моральное состояние этих трех полков. Сами командиры оправдывали это работой «большевистской агентуры, развернувшей свою пропагандистскую деятельность прямо в частях». Часто дело доходило до массового дезертирства. Так, например, при выгрузке 4-го полка произошел бунт, при подавлении которого многие офицеры и унтер-офицеры были ранены. По некоторым свидетельствам, зачинщики мятежа впоследствии перешли на сторону Красной Армии и сражались в рядах латышских частей по ту сторону фронта.

В это время произошла размолвка между командованием «Боевой группы «Йекельн» и II корпуса по поводу пополнения в лице трех полков «пограничной стражи» (2-й, 4-й, 6-й), в котором нуждались и те и другие. Йекельн первым покинул поле боя (в прямом и в переносном смысле). 9 июля 1944 года он отбыл в тыл, возложив командование на своего заместителя генерал-майора полиции Гизеке (в связи с этим с 24 июля соединение стало называться «Боевая группа «Гизеке»)¹²⁷. Вернувшись в Германию, 27 августа 1944 года Йекельн за свои «подвиги» в Прибалтике в качестве ко-

мандира «Боевой группы», а также за действия против Красной Армии в районе Чудского озера был награжден Рыцарским крестом.

* * *

В ходе летних боев 1944 года большая часть территории Латвии была освобождена от немецко-фашистских захватчиков советскими войсками. Но на этом оккупация не закончилась. В отличие от Эстонии и Литвы Латвия продолжала оставаться под немецкой властью вплоть до мая 1945 года. Впереди еще были бои в Курляндии, продолжавшиеся до самой капитуляции фашистской Германии...

Глава VIII

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

РЕЙХСКОМИССАРИАТА «ОСТЛАНД»

КУРЛЯНДСКИЙ ДИКТАТОР

9 июля 1944 года Фридрих Йекельн был назначен «комиссаром по обороне Балтийского пространства»¹. Согласно приказу фюрера, ему были предоставлены особые «диктаторские» полномочия для проведения мобилизации «до последнего человека» в «Остланде» для военной службы и строительства военных объектов. Об этом «фюрерском поручении» Йекельну торжественно сообщил Гиммлер в начале июля 1944 года².

Пользуясь данной ему властью, Йекельн провел мобилизацию последних человеческих ресурсов в Прибалтике. 12 июля 1944 года на оставшейся в немецких руках территории Латвии была проведена последняя мобилизация³ призывников 1925—1926 г. р. Были вызваны на переосвидетельствование и лица 1906—1924 г. р.⁴, ранее получившие отсрочку. Прежде многие из них были признаны непригодными по здоровью в ходе всеобщей мобилизации осенью 1943 года, однако на этот раз были мобилизованы почти все⁵. Большинство было направлено в «Латышский легион СС» — в 15-ю и 19-ю латышские дивизии войск СС. В эти же дни в Латвии был объявлен набор призывников 1927 и частично 1928 годов рождения, которые зачислялись в части ПВО и наземные части ВВС в качестве хельферов⁶.

В Эстонии проводить мобилизацию было уже практически невозможно, так как все трудоспособное и военнообязанное население

ние оттуда уже было вывезено. К тому же со дня на день должна была начаться эвакуация из Таллина аппарата генерального комиссара и семей эстонских коллаборационистов. Что же касается Литвы, то там это было не так просто — люди уходили в леса, и оккупантам приходилось идти на всевозможные ухищрения, заигрывая с местными националистами.

Передача всей верховной власти в рейхскомиссариате Йекельну вызвала у многих недовольство и зависть (хотя, трезво рассуждая, завидовать было нечему — дни оккупационного режима в Прибалтике были уже сочтены). 10 июля 1944 года главнокомандующий группой армий «Север» генерал-полковник Фриснер⁷ предпринял попытку передать большую часть рейхскомиссариата «Остланд» в ведение собственной военной администрации, причем генеральный комиссариат Эстонии — в свое непосредственное подчинение. Но из-за протестов Лозе и Розенберга этот приказ был отменен⁸, а через несколько дней и сам Фриснер был вынужден оставить пост главнокомандующего (возможно, не без влияния Гиммлера и Розенберга).

Тем не менее, власть гражданской администрации все равно оказывалась сведенной к нулю, к большому неудовольствию рейхскомиссара Лозе⁹. Получивший отныне «диктаторские» полномочия Йекельн потребовал, чтобы Лозе включил в состав аппарата рейхскомиссара «Остланда» представителя от его собственного штаба, который будет заниматься всеми вопросами, связанными с мобилизациями. К тому времени из-за этих самых мобилизаций, проводимых органами СС, отношения между Йекельном и Лозе обострились до крайности, так как рейхскомиссар по-прежнему считал, что мобилизационные штабы СС отбирают рабочую силу у военной промышленности. С командующим вермахта в «Остланде» генералом Бремером Лозе разругался еще в начале 1944 года.

К тому же в это время испортились и отношения между Лозе и Розенбергом. Оба начали строчить кляузы друг на друга в канцелярию фюрера. В одном из таких писем на имя фюрера (от 31 мая 1944 года) Лозе жаловался, что не может больше оставаться в подчинении Розенберга, так как в Восточном министерстве наблю-

дается явный «паралич власти». Ответа на письмо не последовало, однако, видимо, с его содержанием ознакомился рейхсфюрер СС Гиммлер, который воспользовался этим, чтобы усилить позиции своего представителя обергруппенфюрера СС Готлоба Бергера в Восточном министерстве¹⁰. Принцип «разделяй и властвуй» нацистские бонзы применяли не только в отношении поработенных народов, но и в борьбе за власть между собой.

Лозе и Розенберг были вынуждены забыть былые распри и общими усилиями принялись добиваться отставки Йекельна, который являлся представителем Гиммлера. Лозе, как гаулейтер, пытался обратиться за помощью по партийной линии к начальнику канцелярии НСДАП Борману. Неудавшийся «великий герцог Балтийский» жаловался, что он обойден и фактически даже подчинен Йекельну — как можно было так поступить со старым гаулейтером! Это унижает авторитет всей НСДАП и само дело Гитлера! Но ухудшение военного положения сделало его требования бесполезными¹¹.

Розенберг, в свою очередь, несколько раз обращался к шефу имперской канцелярии Ламмерсу (Борман и Ламмерс в то время пользовались особым доверием фюрера и постоянно находились в его окружении). При этом, за спиной Лозе, Розенберг советовал Ламмерсу вообще отстранить этого попрошайку Лозе от должности, подчинив весь рейхскомиссариат «Остланд» непосредственно Восточному министерству. Однако эти ходатайства остались безрезультатными. Розенберг мог лишь утешить своего подчиненного Лозе тем, что формально Указ фюрера о гражданской администрации на оккупированных восточных территориях от 17 июля 1941 года пока остается в силе¹².

КОНЕЦ РЕЙХСКОМИССАРИАТА «ОСТЛАНД»

В то время, когда среди верхушки рейха шли споры о том, в чье подчинение перейдут остатки рейхскомиссариата «Остланд», германские войска постепенно теряли Прибалтику. 27 июля 1944 года Красная Армия освободила Даугавпилс, центр исторической области Латгалии, находившийся на южном флан-

ге немецкой группы армий «Север», а затем расширила прорыв до городов Бауске, Елгава (Митава) и Тукумс. В результате были перерезаны коммуникации группы армий «Север». Это стало началом окружения. Генеральный комиссар Латвии Дрекслер едва успел перебраться из Риги в морской порт Лиепая всего за несколько дней до этого¹³.

6 августа 1944 года Йекельн узнал от Ламмерса, что фюрер отправил Лозе в отпуск на неограниченный срок «по болезни» (Гитлер часто поступал так в подобных случаях, и обычно это означало отставку)¹⁴. Что же, поделом ему! Фактически лишенный своих полномочий, в августе 1944 года рейхскомиссар Лозе, по словам Йекельна, «позорно бежал из Остланда»¹⁵. Рейхскомиссар и несостоявшийся «великий герцог» покинул Ригу в спешном порядке и уже 12 августа находился в Германии¹⁶.

Вслед за Лозе настал черед Литцмана. 8 сентября 1944 года новый командующий группой армий «Север» генерал-полковник Фердинанд Шёрнер сообщил ему, что вся немецкая гражданская администрация больше не имеет никаких полномочий и что вся власть переходит к командованию группы армий «Север». Немецкому гражданскому персоналу было отведено всего 10 дней, начиная с 17 сентября 1944 года, чтобы эвакуироваться из Эстонии. 15 сентября Литцман запросил разъяснений у Гиммлера, и тот подтвердил слова Шёрнера. Литцман и весь его штаб едва успели покинуть Прибалтику, так как в тот же день, когда состоялся их разговор с Гиммлером, Нарвский участок фронта был прорван. 20 сентября началась спешная эвакуация персонала генерального комиссариата Эстонии и сотрудников Эстонского самоуправления в Германию¹⁷. Буквально на следующий день Таллин был освобожден от немецких войск частями Красной Армии, а спустя три недели (13 октября 1944 года) была освобождена Рига.

За несколько дней до этих событий, в сентябре 1944 года, в Ригу прибыл уже знакомый Йекельну по Украине Эрих Кох, назначенный имперским уполномоченным в Прибалтике. Под его управление была передана средняя часть рейхскомиссариата «Остланд»¹⁸, по сути — все, что еще оставалось от него. Гитлер

уполномочил Коха провести использование всех резервов на территории «Остланда», занятой группой армий «Север» (то есть на территории Курляндии). Всей немецкой и местной администрации было приказано исполнять его указания. Он немедленно потребовал принудительной эвакуации всех работоспособных латышей, эстонцев и литовцев в Германию¹⁹. По мнению Коха, до сих пор в Латвии и Эстонии проводилась совершенно неправильная политика. «Славянам не следует предоставлять участие в управлении, так как они по своей природе ненадежны. На Востоке есть только господа и рабы, причем немец — единственный господин, а славянин — всегда раб», — считал бывший рейхскомиссар Украины. Эти слова он относил и к народам Прибалтики, которых тоже считал славянами. Местное самоуправление Кох вовсе не желал принимать в расчет — оно и раньше не имело никакой власти, а теперь и подавно²⁰. Впрочем, Эриху Коху и не пришлось иметь дело с местными органами самоуправления, так как он очень скоро покинул Ригу и с этого времени предпочитал выполнять свои обязанности из отеля в Берлине²¹.

Тем временем, с перенесением военных действий на территорию Латвии, в обеих латышских дивизиях ухудшилась дисциплина и одновременно участились случаи дезертирства. Участник этих событий Освальд Эглитис вспоминал: «Отношение к немцам в ту пору было далеко не благоприятным, скорее почиталось делом чести ненавидеть немцев, особенно там, где не было настоящего контроля за людьми, покидавшими свои части. Так возникало множество трений между немцами и латышами»²². Однако немцы были вынуждены теперь быть более покладистыми.

Особенное беспокойство Йекельна, являвшегося теперь фактическим диктатором в «Остланде», в это время вызывали частые случаи дезертирства среди латышских солдат. Как отмечают многие, его рост был связан прежде всего с решением германского командования об эвакуации большинства латышских частей в Германию.

Правительство Латвийской ССР, возобновившее свою деятельность в освобожденном Даугавпилсе, а затем в Риге, командование

2-го Прибалтийского фронта, командующий 130-м латышским стрелковым корпусом РККА генерал-майор Детлав Бранткалн, латвийские партизаны развернули активную агитацию, призывая латышей не позволить угнать себя в Германию. Немцы неустанно повторяли латышским легионерам, что теперь они — солдаты СС, а значит, большевики все равно их всех расстреляют. Курляндские партизаны (среди которых был и Вилис Самсонс, знаменитый командир 1-й латвийской партизанской бригады) пытались убедить их в обратном, говоря: «Обратный путь к народу у вас есть! Не позволяйте угонять себя в Германию!»²³ В результате дезертирство приобрело массовый характер, особенно по пути через Дундагу (где стояла «депо-бригада», собиравшая отбившихся от своих частей латышских солдат) в порт Вентспилса. По некоторым данным, число дезертиров в лесах составляло в это время около двух тысяч человек²⁴.

12 декабря 1944 года «диктатор» Курляндии Фридрих Йскельн вызвал к себе генерал-инспектора Латышского легиона СС Бангерскиса для совещания, в котором участвовали также группенфюрер СС Юнгклаус, штандартенфюрер войск СС Ласманис²⁵ и обер-лейтенант Хенхель²⁶.

Йскельн изложил Бангерскису ситуацию в Курляндии, упомянув особо о положении с дезертирством — о «бандах» латышских и немецких дезертиров, латышских националистов и советских партизан, скрывавшихся в лесах. «...В лесах теперь еще большее число бандитов и от призыва уклоняющихся граждан, — подчеркнул он. — Поэтому я и телеграфно просил Вас явиться сюда, так как Вы единственный, кто здесь в Курземе [Курляндии] еще пользуется авторитетом. Необходимо улучшить политическое настроение в Северном Курземе, также выпустить воззвание, чтобы латыши вышли из лесов, чтобы прекратили лишнее кровопролитие. Вы можете их призвать бороться за свободу и самостоятельность Латвии».

Но Бангерскиса беспокоил вопрос, как в таком случае поступать с дезертирами, которые вроде бы и не относятся к «бандитам», однако бороться «за свободу и самостоятельность Латвии» вместе с немцами не желают.

«Я согласен это делать, — ответил Бангерскис, — только мне должна быть дана возможность самостоятельно действовать и выполнять свои обещания. Мне известно, что среди бандитов имеются и немецкие дезертиры».

«До 1933 года и в Германии были коммунисты, из которых так же, поскольку они не переориентировались, составляется контингент дезертиров, — пояснил Йекельн. — В своих рапортах в Берлин о борьбе с бандитами [ни одно] латышское имя не упомянуто. Я сообщал о большевистских бандах. Тех, которые уклонялись от призыва или дезертировали со службы в полиции порядка, можно было бы оставить без наказания. Так же и дезертиры 15-й дивизии [войск СС] и остальных отрядов, дезертировавших по той же причине, что не желали ехать в Германию, не подлежали бы наказанию. Дезертиров 19-й дивизии [войск СС] полагалось бы разделить на две группы, причем дезертировавших во время боя предать суду. Эти вопросы Вы решайте самостоятельно».

Дезертиров немецкой армии расстреливают».

ДОКТОР МЯЭ И ГЕНЕРАЛ БАНГЕРСКИС ДОБИВАЮТСЯ СОЗДАНИЯ «ПРАВИТЕЛЬСТВО В ИЗГНАНИИ»

В эти дни, когда в руках немецких властей из всех прибалтийских владений оставалась лишь Курляндия, латвийские коллаборационисты снова завели разговор об автономии. Немцы в это время действительно были вынуждены стать «более покладистыми». Именно на это надеялись националистические подпольные организации — в не меньшей степени, чем коллаборационисты наподобие Бангерскиса. Еще в 1943 году в Латвии был основан «Латвийский центральный совет», в который направили своих представителей ряд подпольных организаций — социал-демократов, Демократического центра, Крестьянского союза (партии Ульманиса), Католиков Латгалии и т.д. Центральный совет поддерживал отношения с заграницей и издавал газету «Независимая Латвия». Латвийские политики, вошедшие в Центральный совет, связывали свои надежды на реставрацию своей власти

в Латвии с западными державами (подобно националистической оппозиции в Литве и Эстонии). Они рассчитывали на повторение событий 1919 года — с помощью западных держав основать свое суверенное буферное государство между Германией и Россией²⁷. Теперь, в конце войны, они надеялись на большее понимание со стороны немцев, которым уже нечего было терять — Прибалтика все равно в течение ближайших месяцев была бы оставлена немецкими войсками. Правда, германские власти в лице облеченного «диктаторскими полномочиями» Йекельна предпочитали вести все переговоры об автономии исключительно с генералом Бангерским, генерал-инспектором Латышского легиона СС. Между Йекельном и Бангерским к тому времени установились почти дружеские отношения. Ни Латвийское самоуправление, ни националистическая «оппозиция» в то время уже не играли в Латвии никакой роли и к тому же не пользовались доверием немцев. Да и германская гражданская администрация к этому времени существовала лишь номинально.

Пользуясь моментом, эстонские коллаборационисты тоже решили поднять вопрос об автономии. 27 октября 1944 года бывший эстонский ландесдиректор Хялмар Мяэ и генерал-инспектор Эстонского легиона СС Йоханнес Соодла обратились к обергруппенфюреру СС Бергеру (самого Гиммлера им не удалось застать в то время) и напомнили о данном обещании предоставить «независимость Эстонии». (В это время вся Эстония уже была освобождена Красной Армией!) Они обосновали свою просьбу тем, что эстонские эвакуированные граждане и воинские формирования, в частности, вывезенная в Германию 20-я эстонская дивизия СС, имеют неопределенный статус. Бергер не обещал ничего конкретного, сказав лишь, что обсудит этот вопрос с Гиммлером и что он лично будто бы одобряет идею независимости Эстонии и Латвии²⁸.

5 ноября 1944 года Бергер, пользуясь своим двойным положением начальника Главного управления СС и статс-секретаря в Восточном министерстве, высказал пожелание создать «правительства в изгнании» для латышей и эстонцев, «которые так храбро сражались». Но, по словам Петера Клейста, «Гитлер воспро-

тивился этим планам, и Бергер ограничился предложением о создании «национальных комитетов»²⁹.

На следующий день письмо Хялмара Мяз, адресованное Розенбергу, обсуждалось в Восточном министерстве, где вновь был поднят вопрос о предоставлении независимости Эстонии и создании «эстонского правительства в изгнании». В ходе совещания в ведомстве Розенберга пришли к выводу, что создание «правительств в изгнании» для Латвии и Эстонии нецелесообразно, но одобрили идею так называемых «национальных комитетов». Один из чиновников министерства, Турман, высказал идею, что создание таких комитетов облегчило бы мобилизацию прибалтийских беженцев, «остарбайтеров» и т.п. для военной службы в Германии. Местные самоуправления, по его словам, хотя и продолжали формально существовать, однако уже не могли справиться с этой задачей. Статус местных самоуправлений к тому времени действительно был крайне неопределенным. Другой чиновник Восточного министерства, Лабс, считал, что теперь самоуправления должны подчиняться непосредственно Восточному министерству, поскольку рейхскомиссариат «Остланд» и генеральные комиссариаты перестали существовать. Он ссылаясь на то, что по указу Гитлера от 25 апреля 1944 года даже лица без гражданства могли быть мобилизованы для воинской службы. Стало быть, «национальные комитеты» не нужны вовсе. Лабс допускал создание «национальных комитетов» лишь для обсуждения вопросов мобилизации (то есть как некий совещательный орган), но с ограниченной независимостью их под немецким контролем.

В результате Восточное министерство 16 ноября 1944 года официально предложило шефу рейхсканцелярии Ламмерсу создать «национальные комитеты» для Латвии и Эстонии, поскольку, дескать, латышские и эстонские «добровольцы» продолжают сражаться на стороне Германии. К тому же это якобы должно было произвести хорошее впечатление в международном плане на Финляндию и Швецию, которые являлись наиболее горячими сторонниками независимости прибалтийских государств и стали убежищем для многих тамошних националистов, бежавших из Прибалтики в 1940—1941 и в 1944—1945 годах.

В связи с потерей почти всей территории Прибалтики, к декабрю 1944 года рейхскомиссариат «Остланд» фактически перестал существовать. Но тем временем в Берлине продолжались оживленные дискуссии о создании «правительств в изгнании» Латвии и Эстонии, или по крайней мере «национальных комитетов».

Во главе «национального комитета Эстонии» предполагалось поставить одного из бывших директоров Эстонского самоуправления Эпика. Его кандидатуру предложили Розенбергу Турман и фон Менде. Сам Эпик считал Мяэ «полностью изолированным» и неспособным стать «вождем эстонского народа». В итоге 4 января 1945 года Розенберг принял отставку д-ра Мяэ как главы самоуправления, которое перестало существовать. В качестве компенсации ему была назначена дотация в размере 100 000 рейхсмарок³⁰.

Несмотря на это, 27 января 1945 года в газете «Eesti Sona», выходившей теперь в Германии, появился приказ от имени «главы национального комитета Эстонии» д-ра Мяэ о мобилизации эстонских призывников 1908—1926 г. р., находившихся к этому моменту в Германии. Приказ не был датирован, поэтому так и осталось загадкой — на каком основании Мяэ мог подписать его, ведь на самом деле он не был председателем «Национального комитета Эстонии» и уже не являлся главой самоуправления? По свидетельству одного из его ближайших помощников, Оскара Ангелуса, Мяэ якобы подписал этот приказ 3 января или 12 января 1945 года, во время одной из своих встреч с Бергером. Как видно из многочисленных аналогичных примеров, немецкие власти в то время шли на любую фальсификацию ради проведения новых мобилизаций. Сам же д-р Мяэ позже заявлял, что последняя мобилизация проводилась исключительно для того, чтобы эстонские солдаты не рассматривались западными державами как добровольцы немецких вооруженных сил, а как солдаты «союзной армии»³¹.

«Национальный комитет Латвии» был создан несколькими месяцами позже. Вот что сообщает об этом Петер Клейст: «Латышский генерал Бангерскис... обратился ко мне, попросив открыто высказать мое мнение насчет этого проекта. Вопрос был деликатным. Я мог лишь ответить ему: «Отправляйтесь в верховную

ставку близ швейцарской границы» [там находилась ставка фюрера в Оберзальцберге]. Однако вместе с тем я дал ему понять — к тому времени я больше года как покинул Восточное министерство и возвратился в МИД, — что министерство иностранных дел не будет участвовать в образовании «национальных комитетов». Это означало, что «национальные комитеты» не будут иметь статуса «правительств в изгнании», признанных правительством Германии и официально представленных в германском МИДе. «Бангерскис заключил из этого, — пишет далее Клейст, — что новые организации не смогут добиться международно-правового статуса»³². После этого разговора Бангерскис имел несколько резких объяснений с Главным управлением СС и его шефом Готлобом Бергером³³, так как те фактически надули его.

Незадолго до этого разговора, 18 декабря 1944 года, в штабе Йекельна, находившемся в то время в Лиепае, в доме №16 на улице Плидония состоялось очередное совещание с участием генерал-инспектора Бангерскиса, преемника Йекельна группенфюрера СС Берендса, латышского полковника Ласманиса и майора Медниса. На нем рассматривался вопрос о создании «Национального комитета Латвии».

Бангерскис передал Йекельну копию письма, которое он намеревался послать главнокомандующему Северным фронтом. Бангерскис заявлял в письме, что при существующем на данный момент немецком гражданском управлении он не может взять на себя какие-либо другие обязанности, кроме его обязанностей генерал-инспектора (речь шла о том, чтобы Бангерскис возглавил национальный комитет Латвии, что-то вроде нового самоуправления).

Йекельн с пониманием отнесся к письму и изложенным в нем условиям, и заверил Бангерскиса, что вскоре Латвии будет предоставлена «народная автономия», после чего Бангерскис сможет возглавить национальный комитет. До тех пор же он не призывает Бангерскиса брать на себя такую ответственность. Говоря об этой «товарищеской просьбе», Йекельн назвал главной задачей Бангерскиса как будущего главы «национального комитета» проведение мобилизации всех резервов для по-

беды в войне. При этом Йекельн призвал его «использовать все свои возможности», так как «независимость будет достигнута наверняка еще раньше, чем начнется последнее могучее контрнаступление». Йекельн обещал также еще раз заявить в Берлине о необходимости автономии для Латвии. До того времени Бангерскису был обещан пост «штатгальтера» (наместника) в Курляндии; за кандидатуру Бангерскиса на этот пост высказались рейхсфюрер СС Гиммлер, начальник Главного управления СС Бергер, командующий войск СС в «Остланде» и командир VI латышского корпуса СС Крюгер, а также будущий преемник Йекельна на посту ХССПФ «Остланд» Берендс. Йекельн обещал и свою личную поддержку, заверив, что скоро получит «поручение фюрера» и неограниченные полномочия в «Остланде» (точнее, в том, что от него осталось — в Курляндии). «В этот момент, когда слово за военными, — сказал Йекельн, — отец солдат является также отцом народа... Хотя политически Вы еще не утверждены, Ваше воззвание пойдет в народ. Согласно моей информации, народ радуется Вашему присутствию. Дезертиров в частях больше нет»³⁴.

Обещания, данные им Бангерскису, по-видимому, не особенно волновали Йекельна, так как в скором времени он сдал свои полномочия группенфюреру СС Берендсу и 4 января 1945 года был прикомандирован к группе армий «Верхний Рейн». Командующим этой группой армий был сам Генрих Гиммлер, который впервые решил испытать свои силы в качестве военачальника и собирал вокруг себя штаб из самых верных фюреров СС. Так и не приняв участия в боевых действиях, группа армий «Верхний Рейн» была расформирована, а ее штаб преобразован в штаб группы армий «Висла» на Восточном фронте (опять же во главе с Гиммлером). Здесь Йекельн и возглавил свою новую «Боевую группу» из частей СС, полиции и вермахта³⁵, но уже действовавшую за пределами Прибалтики. В феврале 1945 года, согласно спискам номеров полевой почты, штаб ХССПФ «Остланд» был преобразован в «Боевую группу СС «Йекельн» (номер полевой почты 19 216)³⁶. Ее не следует путать ни с прежней «Боевой группой «Йекельн», действовавшей в 1942 года и вы-

полнявшей задачи по борьбе с партизанами, ни с «Боевой группой СС «Йекельн», выполнявшей примерно такие же функции в 1944 года и состоявшей в основном из латышских и эстонских полков «пограничной стражи» (последняя была расформирована 24 июля 1944 года)³⁷.

Только в феврале 1945 года Бергер и Гиммлер осуществили свой план создания латышского «Национального комитета», причем, по словам Петера Клейста, «несмотря на противодействие самих латышей»³⁸. «Торжественное основание, — пишет Клейст, — должно было состояться в Дрездене по каким-то причинам, которых я уже не помню. Туда прибыли несколько германских официальных лиц и латышей, чтобы стать свидетелями... самых кровавых событий, совершенных во имя Атлантической хартии — разрушения Дрездена эскадрами англо-американских бомбардировщиков. Латышский национальный комитет все же был учрежден несколько недель спустя в Потсдаме»³⁹.

Неизвестно достоверно, удалось ли немцам преодолеть недоверие Бангерскиса к идее «национальных комитетов», или он был вынужден согласиться на нее за неимением лучшего. Однако идея провозглашения независимости продолжала существовать и после создания «национальных комитетов» Латвии и Эстонии. Сохранилась радиограмма уполномоченного генерала вермахта в Курляндии, бригадефюрера СС Хинриха Мёллера (бывшего фюрера СС и полиции в Эстонии), адресованная преемнику фюрера гросс-адмиралу Дёницу от... 5 мая 1945 года! Вот ее содержание:

«1. Народ [Латвии] готов сражаться до последнего в общей борьбе против большевизма плечом к плечу с вермахтом.

2. Здесь неизбежно провозглашение самостоятельного латвийского государства. Во внутренних отношениях соблюдение германских интересов гарантировано [...]»⁴⁰.

Однако к тому времени никакие призывы о формальном предоставлении независимости Латвии и Эстонии уже не могли ничего изменить. 9 мая 1945 года была подписана безоговорочная капитуляция Германии.

КАПИТУЛЯЦИЯ В КУРЛЯНДИИ

Еще 24 сентября 1944 года южное крыло Ленинградского фронта под командованием Говорова вышло к Валмиере и соединилось с силами 3-го Прибалтийского фронта (под командованием Масленникова). 15 сентября все три Прибалтийских фронта перешли в наступление на Ригу. Позиции немецкой 18-й армии оказались растянутыми от Тарту до Риги. 16-я армия сдерживала советское наступление в районе Бауски до тех пор, пока основные силы 18-й армии не были эвакуированы из Эстонии через Ригу на юго-запад. Окружить немецкие войска в районе Риги также не удалось. В течение какого-то времени немцы удерживали Ригу и узкий коридор в районе Тукумса, оставлявший им единственный путь к отступлению — в Курляндию, а оттуда — в Литву.

Но в начале октября силы Красной Армии начали новое наступление на Ригу, одновременно нанеся южнее удар силами 3-го Белорусского фронта — в направлении Таураге и Клайпеды (Литва). 10 октября они вышли к Балтийскому морю в районе Паланги, и одновременно — к границам Восточной Пруссии. В результате немецкая группа армий «Север» оказалась отрезанной. К середине октября, в результате ожесточенных уличных боев, была освобождена и Рига.

Так возник «Курляндский котел». Военные, включая тогдашнего начальника генерального штаба сухопутных войск Гудериана, просили фюрера, чтобы тот отдал приказ группе армий «Север» пробиваться сквозь окружение в Восточную Пруссию. Однако Гитлер заявил, что скоро положение изменится, и тогда «курляндская группировка» будет необходима ему для нанесения флангового удара по наступающим советским войскам. Здесь оказались блокированными 26 немецких дивизий (в том числе две танковые). Из них лишь 10 были эвакуированы по морю в первые месяцы 1945 года для обороны рейха. Когда всякая возможность прорвать окружение отпала, военные вновь предложили эвакуировать по морю остальные силы группы армий «Север» (с января 1945 года она была переименована в группу армий «Курляндия»). Однако Гитлер отказался, заявив, что эти окруженные в Прибалтике части сковывают значительные силы русских.

Советское командование же, напротив, считало более важным развивать наступление в Восточной Пруссии, позволив беспомощной «Курляндской группировке» продержаться до 9 мая 1945 года, когда была подписана безоговорочная капитуляция гитлеровской Германии. Среди немецких частей, капитулировавших в Курляндии, находилась и 19-я гренадерская дивизия войск СС (латышская № 2), а также множество прочих латышских и литовских частей.

ЛАТЫШСКИЕ ЧАСТИ, КАПИТУЛИРОВАВШИЕ В КУРЛЯНДИИ 9 МАЯ 1945 ГОДА

19-я гренадерская дивизия войск СС (латышская №2)

Общая численность дивизии на 20 апреля 1945 года составляла 10 350 чел.⁴¹ (по другим данным — от 8000⁴² до 5200 человек⁴³, однако возможно, что они не учитывают численность «боевой группы «Рутулис» и других частей, временно приданных дивизии).

42-й гренадерский полк (латышский №1)

43-й гренадерский полк (латышский №2)

44-й гренадерский полк (латышский №6,
бывший 106-й гренадерский полк)

19-й артиллерийский полк

19-й истребительно-противотанковый дивизион

19-й дивизион ПВО (к тому времени переименованный в корпусной дивизион ПВО 105/106)

19-й фузилерный батальон

2-я санитарная рота

дивизионная транспортная колонна

дивизионная транспортная рота

дивизионная рота грузовиков

1-й ездовой эскадрон СС (?) (1.SS-Fahr-Eskadron)

15-й артиллерийский полк (временно приданный дивизии)

Временная «боевая группа оберштурмбаннфюрера Русманиса» (переброшенная в Курляндию из Свинемюнде (Восточная Пруссия) в апреле 1945 года) — от 1200 до 3500 чел.⁴⁴

6 латышских полицейских батальонов, капитулировавших вместе с 19-й дивизией

271-й латышский полицейский батальон (временно приданный 19-й латышской дивизии СС)

20-й (в составе 5 рот) — 165 чел.

23-й — 250 чел.

267-й (в составе 2 рот)

269-й (о нем нет никаких данных)

319-й (в составе 3 рот, находился в подчинении 120-го охранного полка при командире тылового района 584—16-й армии) — 300 чел.

322-й — 250 чел.

полицейский строительный батальон Клавиныша — 467 чел.

полицейский строительный батальон Звайгне — 444 чел.⁴⁵

Другие части, капитулировавшие в составе «Курляндской группировки»

7 латышских строительных батальонов, сформированных при командующем силами вермахта в «Остланде» — 1655 чел.⁴⁶, по другим данным — около 2500 чел.⁴⁷

672-й латышский пионерный батальон вермахта (в подчинении VI корпуса СС) — около 300 чел.

Части ПВО — 3-я батарея ПВО и «смешанный» 645-й дивизион ПВО (ранее входившие в «Латышский авиационный легион») — около 220 чел.

латышские хельферы ПВО и ВВС — около 1000 чел. (по другим данным 500—560 чел.⁴⁸)

652-я латышская рота снабжения около 300 чел.

латышский военно-морской дивизион ПВО около 250 чел.

49-й и 47-й батальоны снабжения вермахта — в их составе служило около 115 латышей

6-я латышская рота военных корреспондентов СС (в составе штандарта СС «Курт Эггерс»)

Служащие Латышской полиции⁴⁹ — около 1500 чел.

Латышские молодые люди, проходившие службу в РАД и в организации «Тодт» и служащие латышской полиции безопасности⁵⁰ — около 1000 чел.

Раненые из латышских частей в госпиталях и фронтовых лазаретах — около 1500 чел.

Часть солдат латышских строительных батальонов, стянутых в Курляндию, была незадолго до капитуляции разоружена и отправлена в лагеря для военнопленных (как, например, личный состав IV латышского строительного батальона). По-видимому, так же немцы поступили и с «латгальскими полицейскими батальонами» (283-й, 314-й, 315-й, 325-й, 326-й, 327-й и 328-й), сформированными из «русского населения Латгалии». Они считались ненадежными с самого момента формирования и скорее всего были расформированы. Личный состав был направлен либо в лагеря военнопленных, либо в немецкие части, либо вывезен на принудительные работы в Германию⁵¹.

Вместе с латышскими частями весной 1945 года в составе «Курляндской группировки» находилось несколько литовских батальонов — 13-й литовский полицейский батальон под командованием майора Атанаса Штаркуса-Монте, ранее входивший в состав 3-го литовского добровольческого полка (войск СС)⁵², а также 255-й и 256-й литовские полицейские батальоны (незадолго до того пополненные за счет расформированного 5-го литовского строительного батальона). Однако они были разгромлены или расформированы в апреле 1945 года и дальнейшая их судьба покрыта мраком⁵³.

* * *

В заключение логично было бы задать вопрос: почему главы бывших самоуправлений и легионов СС в Латвии и Эстонии так упорно добивались независимости в то время, когда сами территории этих республик были потеряны для них, да и дни Третьего рейха были сочтены?

Как следует из заявлений самих прибалтийских националистов, они надеялись на формальный статус «независимых правительств в изгнании», который позволил бы им искать поддержки у западных держав — Англии и Соединенных Штатов Америки. В гитлеровской Германии ни на миг не расставались с мыслью, что антигитлеровская коалиция — вынужденное объединение враждебных друг другу государств. В последние месяцы и дни существования рейха эта идея особенно часто высказывалась са-

ними же немцами. Еще большие надежды связывали с расколом антигитлеровской коалиции лидеры коллаборационистов разных стран и национальностей, сражавшиеся на стороне Германии. В случае если бы правительство рейха признало их самоуправление, комитеты и организации «правительствами в изгнании», а их войска получили бы статус «союзных армий», раскол антигитлеровской коалиции давал им новые шансы на провозглашение независимости. (Примеры подобных планов можно найти в последних высказываниях Власова и его окружения, командира Русской национальной армии, белоэмигранта Хольмстон-Смысловского, белорусских националистических лидеров и других.)

Это подтверждали и участвовавшие попытки коллаборационистов и оппозиционных националистических кругов в Эстонии, Латвии и Литве установить контакт с нейтральными державами. Так, в Эстонии группа Улуотса поддерживала контакты с эстонскими эмигрантами в Швеции. Прибывший в начале 1944 года в Эстонию адмирал Питка, известный своими пробританскими симпатиями, также мог представлять связующее звено для контакта с Англией через посредство Финляндии, которая в скором времени вышла из войны, став нейтральной страной. Характерно, что глава самоуправления Хялмар Мяз с начала 1944 года любезно принял поддержку «оппозиционеров» Улуотса и Питки, хотя они и являлись его конкурентами в борьбе за власть. Аналогичные контакты с Финляндией пытались установить литовские коллаборационисты — ВЛИК и окружение генерала Плехавичюса. Еще в 1940 года они отдавали себе отчет в том, что Англия и Соединенные Штаты были бы рады возможности отторжения республик Эстонии, Латвии и Литвы от Советского Союза под предлогом восстановления их независимости и «законных прав» их правительств в изгнании.

Такому развитию событий помешало два фактора: во-первых, упорное нежелание Гитлера даже в последние свои дни признать независимыми некогда оккупированные, а теперь уже давно потерянные для Германии территории; во-вторых, соотношение сил на международной арене после победы Советского Союза в Ве-

ликой Отечественной войне, которое было не в пользу западных союзников. В результате этого заключенные в Ялте и Потсдаме договоренности не предполагали предоставления независимости республикам Прибалтики, поскольку это означало бы в действительности их попадание в сферу влияния Англии и США. Однако об этих соглашениях ни Мяз, ни Бангерскис, ни Плехавичюс, ни другие коллаборационисты не знали.

ВОЗМЕЗДИЕ НАХОДИТ НЕ ВСЕХ...

Рассказ о событиях в Прибалтике в годы немецко-фашистской оккупации был бы не полным, если не сказать хотя бы вкратце о судьбе основных виновников этих событий. Некоторые из них, как, например, Розенберг и Йекельн, получили сполна за свои преступления.

Альфреда Розенберга конец войны застал во Фленсбурге, где в то время находилось последнее правительство Третьего рейха во главе с гросс-адмиралом Карлом Дёницем, которого Гитлер назначил в своем завещании «преемником фюрера». (Фюрер в Германии мог быть только один, даже после его смерти, и Дёниц на этот титул не тянул.) Фленсбург стал тем последним оплотом, куда в начале мая 1945 года потянулись все нацистские сановники, оставшиеся не у дел в конце войны, однако не хотевшие уходить из политики. Кабинет Дёница осаждали толпы бывших «боссов» рейха — в числе которых были бывший министр иностранных дел Риббентроп, престарелый, но по-прежнему неугомонный фельдмаршал фон Бок, а также другая «закатившаяся» звезда военного искусства фельдмаршал фон Манштейн, гаулейтеры Хинрих Лозе, Тельшов, Хильдебрандт и Вегенер. В штабе Дёница обивал пороги даже всемогущий некогда рейхсфюрер СС Гиммлер, которого фюрер в своем завещании лишил всех постов и званий, назначив на его место гаулейтера Ханке.

Большинство из этих просителей Дёниц или его доверенные лица просто «отшивали» как слишком скомпрометировавших себя в годы войны. Таким образом, Гиммлер, Риббентроп и Розенберг оказались среди «персон нон-грата» во Фленсбурге. А в скором

времени, в довершение всех своих бед, они узнали о капитуляции Германии.

С горя напившись, Розенберг умудрился где-то вывихнуть ногу и оказался в госпитале. Здесь-то он и попал в руки союзников, чтобы через несколько месяцев предстать перед Международным военным трибуналом в Нюрнберге в числе главных немецко-фашистских преступников⁵⁴.

На суде бывший министр по делам оккупированных восточных территорий пытался защищаться, однако весьма неумело. Получив на руки копию обвинительного заключения, возмущенный Розенберг нацарапал на нем: «Я отвергаю обвинение в заговоре. Антисемитское движение было только мерой защиты»⁵⁵. Сидя в камере нюрнбергской тюрьмы, идеолог нацизма написал свои мемуары — очевидно, чтобы обелить себя по крайней мере перед историей. Впоследствии они были изданы и снабжены предисловием, в котором подчеркивалось, что их автор был «великим идеалистом», который «умер, глубоко и искренне веря в национал-социализм»⁵⁶. Ничего себе идеализм, стоивший жизни миллионам людей!

Фридриху Йекельну, являвшемуся главой СС и полиции в «Остланде», также не удалось уйти от возмездия. После войны он предстал перед судом — сначала в качестве свидетеля на процессе над главными немецко-фашистскими военными преступниками в Нюрнберге, а затем и в качестве подсудимого. На суде, проходившем в Риге, Йекельн с поразительным хладнокровием признавался в совершенных на территории Прибалтики массовых убийствах. 3 февраля 1946 года военный трибунал вынес ему смертный приговор, а на следующий день приговор был приведен в исполнение на территории бывшего Рижского еврейского гетто.

Те чиновники оккупационной администрации, кто сумел вовремя сдаться в плен к западным союзникам, отделались значительно легче — иногда, как говорится, просто «легким испугом».

Бывший рейхскомиссар «Остланда» и несостоявшийся «Великий герцог Балтийский», Хинрих Лозе после своего бегства из Прибалтики вернулся к своим обязанностям гаулейтера земли Шлезвиг-Гольштейн. Лишь в январе 1948 года он предстал

перед трибуналом, правда, не советским, а британским. Именно поэтому приговор оказался сравнительно мягким — 10 лет тюремного заключения. Читая материалы судебных процессов, проходивших в американской и английской оккупационных зонах Германии, остается только поражаться им. В них детально рассматривается каждое действие подсудимых, вплоть до малейших проступков, но... лишь в рамках Западной и Центральной Европы. Все, что совершалось восточнее Польши, Чехословакии, Венгрии и Румынии — то есть на оккупированных территориях Советского Союза, в них игнорируется. После этого не кажется странным, что подсудимые отделялись столь мягкими приговорами... К тому же западная фемида очень любила отпускать военных преступников на волю через пару-тройку лет. Так случилось и с бывшим рейхскомиссаром, который был амнистирован в феврале 1951 года. Ландтаг западногерманской земли Шлезвиг-Гольштейн даже пожаловал ему пенсию. Интересно знать за что? За то, что Лозе стал создателем партийной организации НСДАП в этой земле в 1925 году, а затем в течение последующих двадцати лет являлся ее бессменным гаулейтером? По-видимому, даже боннское правительство решило, что это уже чересчур, так как в скором времени пересмотрело это и отменило решение⁵⁷.

Таков был заслуженный конец нацистских главарей — людей, которые в течение почти четырех лет управляли оккупированной Прибалтикой. Их литовским, латышским и эстонским «коллегам» повезло больше. В их числе оказались эстонские коллаборационисты Хялмар Мязэ и Оскар Ангелус, их латышские собратья — Данкерс, Артур Сильгайлис (последний бежал после войны в Канаду, где дожил до своего столетнего юбилея, который отметил в 1995 году), а также многие другие. Так, благополучно ушел от расплаты бывший генерал-инспектор «Латышского легиона СС» Рудольф Бангерскис. Однако в 1958 году он погиб в результате дорожно-транспортного происшествия. Его сбила машина, водитель которой скрылся с места происшествия⁵⁸. Неизвестно, было ли это запоздалое возмездие случайностью, или же кто-то свел с ним счеты.

Наказание в виде приговора трибунала настигло лишь нескольких «мелких сошек» — рядовых исполнителей казней, но не их организаторов. Среди них оказались эстонец Карл Линнас, бывший комендант концлагеря в Тарту, латышские «полицаи» Майковскис, Эйхелис и другие исполнители массовых расстрелов близ деревни Резекне, бывший сотрудник Латышской политической полиции Лайпениекс... Послевоенные процессы над военными преступниками, проходившие в Прибалтике, можно сосчитать по пальцам. Но скольким еще удалось скрыться за границей? И кто предоставил им убежище? Это были бывшие союзники СССР по антигитлеровской коалиции. К сожалению, во многом по их вине большинство военных преступников из числа коллаборационистов остались безнаказанными. В Советском Союзе их имена называть не любили, возможно, чтобы ненароком не раскрыть масштабов этого явления. На Западе же их приветствовали как «борцов за независимость» своих стран, пострадавших от советской власти.

Глава IX

НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ В РЕСПУБЛИКАХ ПРИБАЛТИКИ, 1944—1952

ТЫСЯЧИ ИЛИ ДЕСЯТКИ ТЫСЯЧ?

После отступления немецко-фашистских войск из Прибалтики там продолжали действовать достаточно многочисленные подпольные группы националистов, оказывавших сопротивление в тылу Красной Армии. Они совершали диверсии и саботаж, убийства советских и партийных активистов, офицеров и солдат РККА, пытались вовлечь в свою деятельность местное население — отчасти с помощью агитации, а где-то и путем запугивания. Эти группы можно назвать «националистическим сопротивлением», хотя такое понятие вводится впервые. По данным западных историков, численность участников националистического сопротивления после эвакуации немецких войск в Эстонии составила 50 000 человек (так называемые «лесные братья»), в Латвии — около 60 000 человек, а в Литве — 120 000 человек¹.

Приведенные цифры впечатляют, но можно ли им верить? По всей видимости, они несколько завышены. По данным НКГБ — НКВД СССР, с ноября 1944 по 15 февраля 1945 года, в ходе ликвидации латвийских, эстонских и литовских националистических бандформирований на территории республик Прибалтики было убито всего лишь 4176 участников этих формирований. При этом в ходе боев погибло 177 сотрудников и военнослужащих НКГБ — НКВД СССР². Правда, «националистическое сопротивление» не ограничивалось ни февралем, ни августом 1945 года. Если в Эсто-

нии оно продолжалось примерно до конца 1945 года, а в Латвии — до весны 1947 года, то в Литве выстрелы не стихали до 1952 года. Однако даже если в течение 1945 года численность националистических вооруженных группировок выросла в несколько раз, все равно это будет значительно меньше, чем утверждают западные авторы.

В предвзятости можно подозревать как отечественных, так и западных историков. Однако первые, по крайней мере, в последние годы, подтверждают цифры фактами и документами; вторые же, как правило, имеют дело лишь с информацией из вторых рук. Очень возможно, что западные историки поторопились записать в число «повстанцев» также дезертиров и уклонявшихся от призыва в Красную Армию. Как можно видеть, численность последних действительно составляла десятки тысяч человек, тогда как количество боевиков исчислялось только тысячами. С тем же успехом можно было бы записать в ряды советских партизан всех дезертиров, скрывавшихся в лесах в годы фашистской оккупации.

Наконец, встает второй вопрос: что такое националистическое сопротивление? Продолжение гражданской войны в Прибалтике (как и коллаборационизм) или национально-освободительное движение (в отличие от коллаборационизма)? Кто были организаторы и участники националистического сопротивления? Были ли это те же самые люди, которые сотрудничали с немецко-фашистскими оккупантами в годы войны, или это была «третья сила», выступавшая как против нацистских оккупантов, так и против советских войск?

КТО СОЗДАВАЛ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ?

Документы свидетельствуют, что у истоков националистического сопротивления стояли германские спецслужбы. Значительная часть вооруженных формирований националистов, продолжавших действовать и после окончания войны, была подготовлена в 1944—1945 годах. немецкой военной разведкой. В годы войны

руководство разведывательной и диверсионной работой с территории Прибалтики осуществляли «Абверштелле Остланд». Ее важнейшим филиалом являлась «абвернебенштелле Ревель» (Abwehrnebenstelle Reval, ANSt Reval) и подчиненные ей абверкоманды 102, 104, 304 и 166м (военно-морская)³. Один из сотрудников абвера, лейтенант Вернер Редлих, заместитель начальника абвергруппы 326, впоследствии показал: «Всем действовавшим на советско-германском фронте органам абвера была присвоена следующая нумерация: разведывательные команды и группы получили нумерацию от 101 и выше; команды и группы экономической разведки — от 150 и выше; диверсионные команды и группы — от 201 и выше, и контрразведывательные — от 301 и выше⁴.

«Абвернебенштелле Ревель» (или АНСТ «Ревель») размещалась в Таллине и действовала под вывеской «Бюро по вербовке добровольцев» или «Бюро Целлариуса». С февраля 1944 года «Абвернебенштелле Ревель» переехала в город Кохтла-Ярве, откуда в начале сентября 1944 года была эвакуирована в Берлин. В ее распоряжении находились разведывательные и диверсионные школы в г. Валге, в селе Нурси недалеко от Выру, в селе Вихула (в бывшем имении барона Шуберта), в мызе Кумна в 22 километрах от Таллина, в селе Лээтсе в 5 километрах от г. Палдиски, и в селе Кейла-Йоа (все — на территории Эстонии)⁵.

В полосе действий группы армий «Север» всей разведывательной, диверсионной и контрразведывательной деятельностью руководили абверкоманды 104 (разведывательная), 204 (диверсионная) и 304 (контрразведывательная); штаб-квартиры всех трех находились в Пскове. Позднее, в дополнение к ней, в октябре 1943 г. из Киева в Таллин была переброшена абверкоманда 102 (разведывательная), которая стала работать с этого времени в подчинении «Абвернебенштелле Ревель». Через некоторое время она перебазировалась оттуда в мызу Кумна, где размещалась до июля 1944 года, и где при ней была создана специальная разведшкола⁶.

Особую роль в организации саботажа в тылу наступающих советских войск играла абверкоманда 204 (диверсионная), которая действовала против Ленинградского фронта, а затем Прибалтий-

ских фронтов. Ее возглавляли полковник Эшвингер, полковник Мутрайт и майор Реннеке. В ее подчинении находились абвергруппы 211 и 212, а позднее к ним добавилась абвергруппа 210, которая занималась вербовкой агентуры в лагерях военнопленных в Таллине и Вильянди⁷. Именно они с лета 1944 года, помимо непосредственной организации диверсионной работы, занялись целенаправленной организацией националистического сопротивления на территории Прибалтики накануне отступления немецких войск⁸.

ПОДГОТОВКА НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ СПЕЦСЛУЖБАМИ РЕЙХА: ЛАТВИЯ

На территории Латвии абвергруппа 212, согласно секретной оперативной сводке, приступила к организации групп сопротивления из прибалтийских националистов не позднее августа 1944 года. *«Ввиду изменения общего положения, отхода наших войск из района Мадона и южнее Двины, — говорилось в документе, — стала очевидна необходимость подготовки и организации движения сопротивления».* Еще в сентябре 1944 года абвергруппа 212 и ее начальник Хассельман при поддержке штаба немецкой 16-й армии подготовили и забросили в тыл Красной Армии 8 диверсионных групп из латышей (от 3 до 120 человек), в том числе: группы «Наполеон» из 4 чел. и «Хеннеси» из 3 чел. (19 сентября); группы «Вега» из 3 чел., «Мартель» из 4 чел. и «Курфюрст» из 16 чел. (20 сентября); «Незабудка» из 120 чел. — 22 сентября; «Петер» из 75 чел. — 24 сентября и «Капоне» из 7 чел. — 2 октября. В октябре 1944 года численность агентуры при абвергруппе (в основном из латышей) составляла еще 220 человек⁹. И они тоже дожидались отправки в советский тыл для организации националистических групп сопротивления и совершения новых диверсий!

В том же месяце органам военной контрразведки 2-го Прибалтийского фронта удалось обезвредить еще одну группу диверсантов во главе с немецким офицером Р. Пусселем, оставленную абвергруппой 212 перед отступлением. В результате удалось вскрыть

целую резидентуру в Риге (ее руководителем был А.И. Акментыньш) и арестовать 13 вражеских агентов из числа латышских националистов. При их аресте были изъяты списки еще 30 агентов¹⁰. И это результаты работы всего лишь одной абвергруппы.

Абвергруппа 206 также подготовила и забросила в тыл Красной Армии несколько диверсионных групп из латвийских националистов (все они являлись членами организации «айзсаргов»). В сентябре — октябре 1944 года контрразведкой 3-го Прибалтийского фронта было ликвидировано несколько таких групп, в том числе группа О. Айтиныша (4 чел.), оставленная немцами на территории Лыэпновской волости Абренского уезда в сентябре 1944 года, и группа Спрингиса (7 чел.), заброшенная 1 октября 1944 года для совершения диверсий и убийств советских офицеров¹¹.

Параллельно с группами фронтовой разведки абвера, работу по организации националистического сопротивления в тылу Красной Армии проводило VI управление РСХА (внешняя разведка СД) и созданный в его подчинении особый штаб во главе со знаменитым диверсантом Отто Скорцени — так называемый «Ягдфербанд Скорцени». Этот орган был создан в июле 1944 года. Его главной задачей являлась организация диверсий и саботажа на эвакуированных немцами территориях.

«ЯГДФЕРБАНД СКОРЦЕНИ» В ПРИБАЛТИКЕ

Организация «Ягдфербанд» сама по себе заслуживает особого рассмотрения. Остановимся лишь на деятельности этого органа на территории Прибалтики.

«Ягдфербанд Скорцени» (буквально: «Истребительный отряд Скорцени») имел в своем подчинении несколько штабов, отвечавших за разные районы Европы — соответственно называвшиеся «Восток», «Запад», «Северо-Запад», «Юг», «Юго-Восток» и «Центр» (Jagdverband Ost, West, Nordwest, Süd, Südost, Mitte). Территории Советского Союза находились в ведении «истребительного отряда «Восток» («Ягдфербанд «Ост»», который возглавлял оберштурмфюрер СС Адриан фон Фёлькерзам, одновременно являвшийся начальником штаба «Ягдфербанда Скорцени», быв-

ший обер-лейтенант дивизии особого назначения абвера «Бранденбург».

В марте 1944 года, после ареста нескольких высокопоставленных офицеров военной разведки, Гитлер перестал доверять адмиралу Канарису. Абвер как единый орган был передан в подчинение Главного управления имперской безопасности. После неудачного покушения на Гитлера 20 июля 1944 года гестапо провело основательную чистку военной разведки. Среди арестованных оказался и сам адмирал Канарис. Начальники трех основных управлений абвера — генералы Лахузен фон Вивремонт, Пикенброк и Бен-тивеньи — были отправлены на фронт командовать дивизиями. Абвер был фактически обезглавлен и преобразован в «Военное управление» в составе VI управления РСХА. Бывшее управление «Абвер—II», занимавшееся саботажем и диверсиями, было преобразовано в отдел «D» Военного управления РСХА во главе с Отто Скорцени. Дивизия «Бранденбург», которую называли «домашним войском адмирала Канариса», стала использоваться как обычная пехотная дивизия на фронте, и многие солдаты и офицеры поспешили перейти из нее в другие спецподразделения (всего около 1800 человек). Именно так поступил и Адриан фон Фёлькерзам, явившийся к штурмбаннфюреру СС Скорцени с просьбой принять его в свой отдел¹².

Штаб «Ягдфербанд «Ост» располагался в городе Хозэнзальца в Восточной Пруссии (ныне город Иновроцлав, Польша) и имел в своем составе два отдела — «Балтикум» (Jagdeinsatz Baltikum), также известный как «Остланд» и «Вся Россия» (Jagdeinsatz Russland insgesamt). Зоной действия первого была Прибалтика. Согласно показаниям одного из бывших сотрудников этого органа, латыша Бруно Тоне (бывшего солдата 15-й дивизии войск СС), начальником «Ягдайнзатц «Балтикум»» являлся штурмбаннфюрер СС Манфред Пехау, а оперативным офицером штаба (в немецкой терминологии эта должность называется «Ia») был унтерштурмфюрер СС Шмидт. В состав этого органа входили Латвийский и Эстонский штаб (Литвой он не занимался, хотя она входила в сферу его деятельности). Начальником Латвийского штаба был латыш Альфонс Райтумс, одновременно являвшийся руководи-

лем созданной немцами на оккупированной территории Латвии фашистской партии «Лидумнекс». Начальником Эстонского штаба был эстонец, штандартенфюрер войск СС Пулинг. Штабы комплектовались из профашистски настроенных латышей и эстонцев — из 15-й латышской дивизии войск СС, латышских полицейских и саперных батальонов, из лагерей латышских беженцев в Германии, а также из 20-й эстонской дивизии войск СС и из эстонских полицейских батальонов, эвакуированных в Германию. Но функции этих штабов были ограничены: они занимались лишь подбором агентуры и могли давать рекомендации относительно ее использования. Агентура обучалась диверсионному и стрелковому делу, изучала навыки поведения в тылу противника, а также радиодело (в каждой диверсионной группе, готовившейся к заброске в тыл Красной Армии, было по два радиста). Диверсанты носили униформу войск СС, а перед заброской через линию фронта получали форму РККА или гражданскую одежду¹³.

Штабом «Ягдайнзатц «Балтикум» было сформировано несколько групп «для заброски в тыл советских войск с целью производства диверсионных актов, организации бандгрупп и террористических актов». В их числе были:

— группа обершарфюрера войск СС Башко (18 человек, из них 3 девушки, сформированная из латышей и русских, проживающих в Латвии). Ее задачей были сбор сведений о военных перевозках и проведение ряда диверсионных актов на участке железной дороги Двинск — Режиц, а также террористические акты против работников НКВД и антисоветская агитация против советской власти среди местных жителей — с целью организации пресловутого националистического сопротивления. Группа имела в своем составе двух радистов;

— группа ротенфюрера войск СС Йонеса Рудынскиса (17 человек, все латыши). Задачей группы являлись диверсионные акты на участке железной дороги Индра — Двинск и контроль за параллельно идущей шоссейной дорогой. Группа имела в своем составе трех радистов;

— эстонская рота диверсантов, сформированная из эстонской роты войск СС, прибывшей в г. Хознзальцу в октябре 1944 года

(в составе примерно 100 человек, все эстонцы). Главная задача, поставленная перед ротой, заключалась в том, чтобы организовать сопротивление Красной Армии на территории Эстонии (ее деятельность должна была ограничиваться треугольником г. Тервете — г. Печоры — Чудское озеро). Командиром роты являлся эстонец, унтерштурмфюрер войск СС Густав Алуперс, ранее служивший в 5-й танковой дивизии СС «Викинг»; командирами двух взводов диверсантов были унтерштурмфюрер войск СС Раадма и обершарфюрер войск СС Пикел (оба эстонцы, ранее служившие в 20-й эстонской дивизии войск СС)¹⁴.

Предполагалось сформировать еще латышскую роту диверсантов, командование которой должен был принять на себя латыш Бруно Тоне, офицер войск СС, ранее служивший в штабе Латышского легиона СС, а затем командовавший ротой в 19-й латышской дивизии СС, которая охраняла концлагерь Саласпилс и участвовала в антипартизанских операциях. Но командование «Ягдайнзатц «Балтикум» не успело сделать этого¹⁵.

И все же одной из самых многообещающих акций «Ягдфербанда «Ост» стало создание так называемой «Курляндской группы», более известной под названием «Дикие кошки», или «Лесные кошки» (лат.: «Межа кати», нем.: Wildkatzen).

ОХОТА НА «ДИКИХ КОШЕК»

Организация «Дикие кошки» была сформирована в октябре 1944 года¹⁶ начальником «Ягдайнзатц «Балтикум» Манфредом Пехау из латышей, ранее служивших в Латышском легионе СС и полицейских батальонах, а затем прошедших специальную диверсионную подготовку. Она насчитывала в общей сложности 600 человек, командиром был латыш, унтерштурмфюрер войск СС Янкавс. По словам Бруно Тоне, бывшего сотрудника «Ягдайнзатц «Балтикум», главной задачей «диких кошек» было *«организовать партизанское движение в освобожденных Красной Армией районах Латвии»*, а попутно *«осуществлять диверсионные акты на важных железнодорожных и военных объектах в слабо охраняемых районах..., захватывать власть в свои руки, среди населения про-*

водить антисоветскую агитацию, вовлекать население в группы для активной борьбы против советской власти». Таким образом, «Дикие кошки» должны были стать ядром националистического движения сопротивления в освобожденной Латвии.

Несколько групп «диких кошек» во главе с Янкавсом должны были перейти линию фронта в местечке Граиздутье Талсинского уезда Латвии, а затем сосредоточиться в районе озера Лобее и начать свою подрывную деятельность. В распоряжении группы была радиостанция, с помощью которой можно было поддерживать связь со специальной радиостанцией в Вентспилсе, а та, в свою очередь, поддерживала прямую связь со штабом «Ягдфербанд «Ост» в Хоэнзальце¹⁷.

В первой половине ноября 1944 года Янкавс прибыл в местечко Кабиле Кулдигского уезда в Курляндии, где собрались все руководители групп «диких кошек». Он поставил перед ними задачу «остаться на покидаемой немцами территории и в районах предполагаемых действий против советской армии и советских властей подготовить бункера на 5—6 человек». В конце ноября и в декабре 1944 года руководители групп «диких кошек» получили оружие, боеприпасы и продовольствие со складов «Ягдфербанд «Ост» в Кулдиге. Штаб Янкавса разместился на хуторе Дравас Кабилеской волости Кулдигского уезда, а его филиалы — в городах Талси и Стенде (Курляндия)¹⁸.

Агентуру для «диких кошек» вербовали не только «Ягдфербанд» (орган СД), но и группы фронтовой разведки абвера, поскольку с июля 1944 года весь аппарат абвера перешел в подчинение СД. Например, руководитель одной из групп «диких кошек» А.-К.А. Гринховс на допросе в мае 1945 года показал, что был завербован начальником абвергруппы 212 Хассельманом и по его заданию создал из бывших айзсаргов ягдкоманду — специально для «Ягдфербанда СС» — в составе 75 человек, которая была разбита еще на 7 мелких групп. Каждая группа должна была вести диверсионную деятельность после отступления немецких войск в одном из районов Латвии. В конце октября 1944 года команда была окончательно передана абвергруппой 212 в распоряжение Янкавса¹⁹.

Многие считали «Диких кошек» самостоятельной организацией латвийских националистов — именно в этом и состоял замысел руководителей «Ягдфербанда». Однако даже помимо показаний пленных (Б. Тоне и других), сохранились документы, проливающие свет на подлинный характер этой организации и ее деятельности. Один из таких документов — докладная записка гауптштурмфюрера войск СС Янкавса на имя рейхсфюрера СС Гиммлера от 12 ноября 1944 года. (По-видимому, Янкавс был к тому времени повышен в звании, так как в октябре 1944 года он был всего лишь унтерштурмфюрером.) В докладной записке говорилось:

«В конце августа 1944 года я получил задание от оберштурмбанфюрера СС Скорцени по *созданию и руководству в Латвии движения сопротивления*. Я немедленно изъявил готовность к этому и принял руководство всем движением... Я предложил использовать для этой цели штурмбанфюрера СС д-ра Пехау, который вследствие многолетней работы в России с латышскими подразделениями знает местную обстановку и пользуется большим доверием у латышей²⁰. Это предложение было принято... Одновременно я в своем штабе выработал политику, в основу которой положил, что мы, латыши, ожидаем и заботимся о том, чтобы отношения обоюдного доверия и впредь не нарушались бы руководством прибалтийских немцев... Мне вполне ясно, и я это всегда выражал во всей своей деятельности, что наши цели могут быть осуществлены в тесной связи с Германией... Несмотря на труднейшие обстоятельства, я создал в течение нескольких дней подготовительную почву для движения сопротивления в Курляндии — 64 группы общей численностью 1164 человека. Далее я подобрал для выполнения особых поручений при штабе 160 человек, которые в настоящий момент готовы к использованию по объединению многочисленных групп, оперирующих на оккупированной большевиками территории Латвии, чтобы организовать совместные операции».

В заключение Янкавс ссылаясь на полную поддержку его действий со стороны высшего фюрера СС и полиции в «Остланде» Йекельна, командующего зипо и СД в «Остланде» Фукса и командира зипо и СД в Латвии Ланге, и просил не допускать к руковод-

ству «движением сопротивления» прибалтийских немцев, чтобы те не оттолкнули от себя латышское население и не дискредитировали идею²¹.

В связи с советским наступлением в Польше (Висло-Одерская операция), штаб «Ягдфербанд «Ост» в январе 1945 года был вынужден перебазироваться из Хоэнзальцы в г. Бойшен, близ Познани. За день до взятия советскими частями Хоэнзальцы все документы и ценности организации были перевезены в Бойшен. Последним поездом на Познань, за 3 часа до появления советских танков, из Хоэнзальцы выехало все руководство «Ягдайнзатц «Балтикум» вместе с обоими латышскими диверсионными группами и эстонской ротой диверсантов почти в полном составе.

В Хоэнзальце в качестве прикрытия были оставлены две немецкие роты парашютистов из фольксдойче, раньше служивших в дивизии особого назначения «Бранденбург» (по 120 человек каждая), а также рота оберштурмфюрера войск СС Решетникова (180 человек) и рота унтерштурмфюрера войск СС Сухачева (около 100 человек), состоявшие из русских и белорусов из бывшего карательного отряда СС и переданные в распоряжение «Ягдфербанда Ост» в октябре 1944 года. Все четыре роты заняли оборону города, но с появлением советских танков разбежались. Как раз накануне отступления командир «Ягдфербанда Ост» гауптштурмфюрер СС Фёлькерзам вместе со своим штабом приехал в Хоэнзальцу. Когда советские танки вошли в город, руководство «Ягдфербанда» было еще там. По слухам, Фёлькерзам был убит²². Больше о нем никто ничего не слышал.

Голова спрута — штаб «Ягдфербанд «Ост» — была уничтожена, но его обрубленные щупальца продолжали жить своей жизнью. «Дикие кошки» в Курляндии не закончили свою деятельность. Первоначально немцы не думали, что так называемая «Курляндская группировка» из остатков группы армий «Север» продержится долго. Отряды «диких кошек» готовились именно для того, чтобы остаться в тылу Красной Армии после эвакуации немецких войск из Курляндии. Но Курляндская группировка оборонялась до самого конца войны — вплоть до 9 мая 1945 года. В результате

отряды «диких кошек» и тому подобные спецподразделения (зачастую даже не имевшие официального статуса воинских частей) оказались не у дел. Поэтому Йекельн бросил их на борьбу с советскими партизанами, действовавшими в Курляндском котле. Знаменитый партизанский командир, Герой Советского Союза Вилис Самсонс так пишет об этом в своих воспоминаниях:

«К концу зимы [1944/1945 гг.] наметилась усиленная активизация всех противопартизанских сил в окрестностях Усмы — Ренды — Кабиле. [Штаб и основные силы «диких кошек» размещались как раз в Кабилеской волости Курляндии.] В деятельности штосгрупп, ягдкоманд²³ и отрядов «лесных кошек» чувствовалась большая согласованность; их рейды и засады стали планироваться и координироваться намного целенаправленнее. После большой встряски пришли в себя и численно возросли скудрское и граудупское отделения ягдфербанда²⁴: проявлять активность их заставило предупреждение начальства»²⁵.

«Утром 7 февраля, — пишет Вилис Самсонс, — отряд «лесных кошек» при поддержке штосгруппы в Кабильском лесу напал на след объединенного отряда Капустина и Дубровина. Разведчики расположились в 11 удобных землянках в двух с половиной километрах к северу от хутора Спрунгули, где группа в 40 человек намеревалась переждать зимние холода. Идя по следу, оставленному подвозчиками продовольствия, гитлеровцы вышли к партизанскому посту на просеке в северной стороне лагеря; пост открыл огонь из пулемета...»

Вскоре пулеметчик был убит и эсэсовцы смогли приблизиться к землянкам партизан. «Капустин приказал всем залечь в цепь навстречу вражеской атаке и выдвинул в помощь еще 2 пулемета, — рассказывает далее Самсонс. — Положение партизан стало критическим — превосходящие силы противника могли легко окружить их на небольшом холме. Однако сильный встречный огонь заставил «лесных кошек» споткнуться. Через разрывы в цепи разведчиков только двум ягдфербандовцам удалось проникнуть на территорию лагеря, но с ними было быстро покончено». Партизаны одержали победу, но были вынуждены отступить — днем в сторону села Абавы, чтобы запутать следы, а затем

в Стендские леса, где им снова пришлось отбиваться от карателей из латышской полиции.

По свидетельству одного из партизан, заместителя командира отряда К. Витолса, каратели — «лесные кошки», одного из которых он лично застрелил на территории лагеря, — были одеты в немецкие пилотки, френчи и брюки, но знаков различия он не разглядел²⁶. Бывший сотрудник «Ягдфербанд «Ост» Тоне подтвердил в своих показаниях, что до заброски в тыл Красной Армии, все служащие «Ягдфербанда» носили униформу войск СС, по видимому, включая и «лесных кошек»²⁷.

9 мая 1945 года Янкавс собрал своих командиров, чтобы объявить им о капитуляции Германии. Он приказал им направиться в заданные районы и приступить к выполнению заранее намеченных акций. Всего на момент капитуляции в его распоряжении находилось как минимум 5 групп, которые из Курземе рассеялись по всей Латвии:

— 1-я группа во главе с унтерштурмфюрером СД Карклиньшем (с ним также два радиста) и 2-я группа во главе с бывшим айзсаргом Ладыньшем отправились в Рижский уезд;

— 3-я группа под командой Гибжея и Лиепиньша и 4-я группа под командой Балодиса (с одним радистом) — отправились в район Валмиеры;

— 5-я группа во главе с Крустом — в Цесисский уезд;

— 6-я группа под командой унтерштурмфюрера СД Г. Корк-ла — в Екабпилсский уезд.

Сам Янкавс со своим штабом скрылся в лесах Курземе. Примерно в эти же дни, в мае 1945 года, органы военной контрразведки Ленинградского фронта арестовали группу «диких кошек» во главе с Гринховсом (завербованным еще в сентябре 1944 года абвергруппой 212). В октябре — ноябре 1945 года органы НКГБ Латвии обезвредили еще несколько диверсионно-террористических групп из бывших айзсаргов, подготовленных в 1944—1945 годах спецслужбами рейха. В их числе были группа Г.-А.П. Дановскиса из 11 человек, заброшенная с самолета на освобожденную территорию Рижского уезда, а также оставленные немцами при отступлении группы Дамбитиса и П.Э. Лепиньша, которые должны

были всеми средствами сдерживать наступление Красной Армии после отхода немецких войск. Все они были когда-то подготовлены, обучены и вооружены уже не раз упоминавшейся абвергруппой 212.

Руководитель «диких кошек» и один из предводителей латвийского националистического подполья Янкавс был обнаружен органами госбезопасности только в 1947 году в лесах Латвии и после вооруженного сопротивления арестован в январе 1947 года. В апреле — июне 1947 года на территории Арлавской волости была ликвидирована последняя группа «диких кошек», которую возглавлял немецкий офицер Фельберг, бывший некогда начальником одного из подразделений «Ягдфербанда». При захвате группы были изъяты оружие, немецкий войсковой радиоприемник, ротатор с принадлежностями и документы²⁸.

«АРМИЯ» ГЕНЕРАЛА КУРЕЛИСА

Так называемая «группа Курелиса» стала еще одним экспериментом по организации националистического Сопротивления в Латвии (в основном в Курляндии, или Курземе). Ее тоже долгое время считали самостоятельной организацией латвийских националистов-повстанцев. В действительности же дело обстояло иначе.

Летом 1944 года печально известная абвергруппа 212, которой командовал полковник Хассельман, действовавшая при немецкой 16-й армии, предприняла попытку сформировать из айзсаргов и «полицаев» Рижского уезда вооруженную группу. Главной задачей, поставленной перед ней, было создание «движения сопротивления» в тылу Красной Армии и осуществление диверсий. «Однако, — рассказывает далее партизанский командир Вилис Самсонс, — когда фронт приблизился, хозяйские сынки, чиновники и полицейские офицеры [из которых была сформирована группа] вовсе не собирались «складывать голову», а во главе с дряхлеющим генералом Курелисом одним духом оказались в Курземе»²⁹.

Таким образом, большая часть «группы Курелиса» бежала вместе с отступающими немецкими войсками в Курляндию.

Однако несколько отрядов осталось. В конце октября 1944 года военная контрразведка 2-го Прибалтийского фронта арестовала на территории Рижского уезда диверсионно-террористический отряд из 6 человек (А.Я. Портиетис, А.Я. Крастс, Ю.Г. Узульникс, Я.К. Крастиньш, Э.И. Земитис и И.Ф. Арман), входивший в «группу Курелиса» и оставшийся на освобожденной территории по заданию немцев. По их показаниям были обнаружены 3 тайника с оружием, боеприпасами, минами и взрывчаткой. При отступлении немцев в район Скривери отряд Портиетиса, а также другой отряд под командованием Вейзетиса были оставлены в Скриверской волости с заданием взрывать мосты, минировать дороги, выводить из строя телеграфную и телефонную связь, уничтожать советских активистов и офицеров РККА. Личный состав обоих отрядов обучался стрелковому и подрывному делу, методам действия для мелких групп и т.п. — очевидно не без помощи абвергруппы 212.

В ходе предварительного следствия сразу же выяснилось, что еще в начале августа 1944 года немцы начали создавать на территории Латвии диверсионные группы (в основном из числа бывших айзсаргов). Формированием этих групп в Рижском уезде руководил бывший генерал латвийской армии Янис Курелис. К концу сентября 1944 года ему удалось сколотить отряд численностью около 400 человек, который официально именовался «группа генерала Курелиса 5-го полка айзсаргов». В его штаб входили

- сам генерал Я. Курелис,
- начальник штаба К. Упелниекс;
- помощник по строевой части Граудиньш (бывший подполковник латвийской армии);
- помощник по хозяйственной части Грантс;
- сотрудник штаба Дышлерс (сын бывшего профессора Рижского университета)³⁰.

После отступления в Курляндию, — рассказывает далее Самсонс, — «батальон Курелиса удобно устроился в помещениях бывшей стеклофабрики у Аннахите — в излучине по другую сторону Семеского болота — и жил там не зная забот».

30 октября 1944 года «диктатор» Курляндии Фридрих Йекельн вызвал Курелиса к себе в Талси и высказал неудовольствие деятельностью его группы. Оказалось, что штаб Курелиса зачислял в свой батальон не только латышских полицейских (что было разрешено), но и тех, кто дезертировал из Латышского легиона СС. На будущее ему было строго-настрого наказано активно участвовать в борьбе с «коммунистическими бандами» и в очищении Курземе от дезертиров.

9 ноября 1944 года, приняв к сведению высказанные упреки, Курелис приказал своему штабу издать приказ, в котором говорилось: «Запрещаю вступать в какие бы то ни было инциденты с немецкими войсками или лицами, состоящими на службе в полицейских подразделениях. Предупреждаю против провокаций, то есть подстрекательства коммунистических агентов, призывающих к применению оружия против немцев, запрещаю прием каких бы то ни было новых лиц».

Но влияние Курелиса в своем собственном штабе катастрофически падало. «Так как штаб Курелиса не справлялся со своими антинародными задачами, гестапо ликвидировало эту организацию, сделав это в своей обычной кровавой манере, — пишет Самсонс. — Ранним утром 14 ноября эсэсовская часть Йекельна окружила Стикли (Аннахите), для острастки выстрелив несколькими минами; в результате были смертельно ранены две офицерские жены и три солдата. Хотя в общем-то можно было спокойно обойтись и без этого фейерверка: Курелис и его штаб даже и не думали сопротивляться хозяину и без единого выстрела передали в руки гестапо все «свое войско».

Руководство полиции безопасности и СД постаралось найти «виноватых», чтобы не оказаться самому в роли виновного — ведь, как выяснилось впоследствии, они сами же участвовали в создании «группы Курелиса». Поэтому 19 ноября немецкий военный трибунал в Лиепае вынес нескольким офицерам из армии Курелиса недоказанное обвинение в «связи с англосаксами» и приговорил 8 человек к смертной казни. Сам Курелис даже не был арестован. В то же время дальнейшая судьба арестованных «курельцев» складывалась трагически. Из 454 человек около

сотни бывших полицейских были сразу отправлены в Коницу для зачисления в 15-ю латышскую дивизию СС, а остальные — в концлагерь Штутхоф. Правда, позднее большая часть арестованных была после соответствующей политической проверки передана в ту же 15-ю дивизию или в латышские строительные батальоны. В концлагере осталось около 50 человек, которые значились в немецких документах как «коммунисты, политически ненадежные дезертиры из штрафного батальона» и т.п. «Своей патриотической деятельностью, — пишет Вилис Самсонс, — эти обреченные на смерть люди заслужили того, чтобы узнать об их печальной судьбе. ...В поисках возможности включиться в активную борьбу против гитлеровцев, они по незнанию попали в эту политическую трясику, но, как видно, их непримиримость по отношению к немцам все же дала известные результаты: между рядовыми курелевцами и немецкими жандармами произошло несколько стычек, популяризировалась необходимость активной борьбы с оккупантами. Выступая против вывоза в Германию и за борьбу с гитлеровцами, они по сути дела откликались на воззвания Советского командования и действовали в соответствии с ними»³¹.

Но при аресте штаба Курелиса произошел один инцидент, который впоследствии создал немцам немало проблем. 14 ноября 1944 года один из батальонов «армии Курелиса» взбунтовался, отказался сложить оружие и оказал вооруженное сопротивление. Этот батальон под командованием лейтенанта Рубениса размещался отдельно от других, в селе Илзики, к северу от станции Усма (именно поэтому его называли также «Усмаским батальоном»). Волдемар Мелиус, один из бывших солдат батальона, впоследствии перешедший в отряд советских партизан «Саркана булта» («Красная стрела»), рассказывал, что в батальоне было много легионеров, которые еще раньше дезертировали из своих частей и из-за этого подвергались наказанию, бывших узников концлагеря Саласпилс и других репрессированных немцами — в основном «рабочих парней». В батальоне Рубениса этот контингент был особенно многочисленным и «неспокойным». Здесь было значительно меньше бывших полицейских и айзсаргов, которые, укло-

няясь от призыва на фронт, записывались в «армию Курелиса». Единственным кадровым офицером бывшей латвийской армии был командир батальона лейтенант Рубенис. О численности батальона есть разные мнения. По словам некоторых, в нем насчитывалось до 450 человек; батальон состоял из 3 боевых и одной резервной роты, был хорошо вооружен пулеметами, имелись даже один миномет и противотанковое оружие.

«Большинство легионеров, — пишет В. Самсонс, — стояли за схватку с «сине-серыми»³², если те попытаются задержать и разоружить легионеров». Командир батальона лейтенант Рубенис был вынужден подчиниться этим настроениям. Утром 14 ноября солдаты заняли боевые позиции, а окружившим село Илзики эсэсовцам Рубенис приказал передать, что если те приблизятся, по ним будет открыт огонь. Командир эсэсовской части предпочел завязать переговоры, которые длились в течение всего дня; с обеих сторон были высланы парламентареры, но к соглашению им прийти не удалось. Ночью батальон прорвал окружение и двинулся в сторону реки Абавы (как раз в окрестных лесах действовал партизанский отряд «Саркана булта»). Лейтенант Рубенис с неохотой пошел на это под давлением своих солдат. Его доверенные люди пытались несколько раз вступить в переговоры с представителями Йекельна по пути в Абавские леса. Тем временем Йекельн готовил новую операцию по окружению мятежного батальона. В батальоне Рубениса ничего об этом не знали и довольно беспечно разбили лагерь на берегу Абавы.

Утром 18 ноября сюда из Ренды на машине под белым флагом прибыли парламентареры Йекельна. Единственной их целью, как выяснилось потом, было отвлечь внимание и выиграть время для окружения батальона. Пока шли переговоры, лесной треугольник в несколько километров между хуторами Перкони и Межзилес и озером Слукс был окружен со всех сторон. Вскоре после отъезда парламентареров немецкий полицейский батальон СС начал медленно продвигаться со стороны хутора Межзилес на запад, а другая группа карателей переправилась через запруду у межжильской мельницы на лодках, чтобы ворваться в самый центр расположения батальона и разгромить его круговую оборону. Карателям уда-

лось «отколоть» от основных сил резервную роту, а затем подстеречь лейтенант Рубениса и его адъютанта, когда те направлялись из одной роты в другую, и расстрелять из засады. Адъютант был убит на месте, а командир смертельно ранен. Батальон стал отходить на северо-запад³³.

Недалеко от хутора Перкони, в лесном квадрате 99/100, латышские солдаты наткнулись на трупы своих разведчиков и женщины, схваченных и расстрелянных эсэсовцами³⁴. До сих пор лейтенанту Рубенису удавалось хоть как-то сдерживать своих подчиненных. Теперь же ненависть к оккупантам вырвалась наружу, и «неуправляемый» батальон устремился вперед, сея смерть среди попадавшихся на пути немецких частей. Одно немецкое подразделение, окопавшееся вдоль дороги Перкони — Абриняс, чтобы блокировать единственный путь к отступлению «мятежного» батальона, было сметено всего за 10 минут!

С наступлением ночи батальон добрался до сторожки лесника в лесу близ села Новадниеки. Оказалось, что здесь, на перекрестке дорог, заняла позицию еще одна немецкая часть, которая также пыталась блокировать мятежников. Внезапным минометным огнем батальон застал немцев врасплох: по словам очевидцев, те ударили в одном нижнем белье. В ту же ночь, как вспоминал Мелиус, «бородатые айзсарги и другие из числа осмотрительных», всего около 90 человек, исчезли из батальона и в дальнейших боях не участвовали. Как раз в эти дни, с 19 по 25 ноября 1944 года, началось третье наступление советских Прибалтийских фронтов. Немцы были вынуждены прекратить карательную акцию и отозвать задействованные в ней части.

«Усмаский батальон» беспрепятственно продвигался дальше, в сторону местечка Слекас, где его солдаты повзводно расположились на окруженных лесами хуторах, установив вокруг пулеметы и посты. Несколько раз к ним приходили парламентареры из отряда «Саркана булта»³⁵, беседовали, звали идти в лес и присоединиться к отряду. Но после последних боев большинство легионеров мечтали лишь об отдыхе. «Здесь мы жили еще более беспечно, — рассказывали впоследствии сами мятежные курельцы, — ели хозяйские пироги, пили пиво...» Разведка не велась вообще³⁶.

К тому времени, осенью 1944 года, деятельность советских партизан в Курляндии приобрела особенный размах. Если в середине лета того же года там действовали всего два партизанских отряда, то к концу года было уже шесть районов, которые считались находящимися «под угрозой банд». В начале декабря 1944 года штаб окруженной в Курляндии группы армий «Север» с помощью сил полиции предпринял целый ряд крупномасштабных операций в районах действия партизан.

В ночь на 4 декабря немецкие карательные части вновь начали окружение Абавских лесов. В дневнике боевых действий группы армий «Север» 4 декабря 1944 года было записано: «В настоящее время происходит операция обергруппенфюрера СС Йекельна, поддержанная штабом 16-й армии, чтобы очистить леса севернее Кулдиги от банд и членов организации Курелиса». 6 декабря, после того как лес был окружен двойным кольцом войск, началось окружение хуторов, где засели мятежные «курельцы». Те без боя отошли в лес и направились на заранее обусловленное место встречи — на так называемое Польское болото за хутором Вевери. Той же ночью батальон попытался прорвать окружение, но был остановлен сильным огнем противника. Утром 7 декабря штурмовой батальон вермахта, растянув роты цепью, стал прочесывать еще не тронутые лесные квадраты восточнее дороги на Вевери, где засели legionеры. Батальону не оставалось ничего другого, кроме как занять круговую оборону. Решающая схватка произошла у так называемой Веверской горки. Legionеры подпустили первую волну атакующих поближе, на занесенную снегом вырубку, а затем открыли шквальный огонь.

«Несколько офицеров наскочили прямо на стволы нашего взвода, — рассказывал позднее Волдемар Мелиус. — Мы открыли огонь из всего оружия именно в тот момент, когда один из них, в фуражке с высокой тульей, развернул карту и что-то показывал. Наш «костолом» [скорострельный пулемет] буквально изрезал передних фрицев в куски. Оставшиеся в живых поползли прочь. Подбежав, мы насчитали 13 убитых, среди них оказались также майор Хазе³⁷ и оберштурмфюрер Курт Краузе³⁸. Мы забрали у убитых автоматы системы Бергмана и патроны. Детально изучи-

ли карту майора с пометками о размещении немецких подразделений. Это помогло нашему взводу следующей ночью без потерь, хотя в это время и светила луна, прорваться через Велогскую дамбу. На другой день мы, восемь человек, прихватив с собой миномет, ушли в отряд «Саркана булта». Позднее подошло еще человек 70—80 наших»³⁹.

В дневнике боевых действий группы армий «Север» за 9 декабря было отмечено, как ни странно, об успешном завершении карательной акции в Абавских лесах: «Операция обергруппенфюрера СС и полиции Йекельна против банд: со стороны противника убит 161 человек, принадлежащий к бригаде Рубениса [?] и частям «Саркана булта». Наших погибло 18 [человек] ... Следует считать, что остатки частей Курелиса, сложившие оружие, разгромлены». В действительности, упустив значительную часть солдат из «Усмаского батальона», Йекельн приказал расстрелять жителей окрестных хуторов и пленных легионеров, а затем выдал их за убитых партизан⁴⁰.

Неудивительно, что в записи из штабного журнала боевых действий за 13 декабря 1944 года вновь упоминалось об остатках «банд Курелиса», численность которых почему-то продолжала расти: «В целом в ноябре все еще наблюдается рост деятельности банд. Общая численность банд в зоне действия группы армий, по приблизительному подсчету, составила 400—500 человек (не считая остатки банд Курелиса, численный состав которых достигает 600—800 человек). Группы десантников, заброшенных многократно, шпионят, взрывают железнодорожные пути и мосты, минируют дороги. Пока еще трудно говорить о всех районах Курземе, занятых бандами. Налеты банд особенно ощущаются в прибрежном районе Павилосты, в районе Вентспилса, в 20 километрах северо-восточнее от Вентспилса, в районе Спаре, Ренды — Кулдиги и в 20 километрах восточнее Кулдиги...»⁴¹ По свидетельству Вилиса Самсона, численность советских партизан и разведчиков составляла в действительности около 1000—1300 человек, но «курелиеши» (600—800 чел.) в это число не входили, за исключением батальона Рубениса, остатки которого перешли в партизанский отряд «Саркана булта»⁴².

На совещании с генерал-инспектором Латышского легиона СС Бангерским 12 декабря 1944 года, обергруппенфюрер СС Йекельн в очередной раз поднял вопрос об остатках «армии Курелиса». На карте он показал район, где произошли бои с «бандитами», где последние были окружены, где они прорвались в северном направлении и были вторично окружены. Карту он оставил в распоряжение генерала Бангерского. После этого Йекельн напомнил Бангерскому о событиях ноября 1944 года, когда было покончено с группой Курелиса, и отметил, что последствия этого неудачного «эксперимента» дают о себе знать до сих пор. В связи с этим он просил Бангерского оказать влияние на латышских националистов.

«Деятельность группы Курелиса оставляет плохое впечатление на психологию местных жителей, — сказал Йекельн. — С Курелисом у меня было совещание, он принял мои условия, и я отдал это распоряжение (передает текст распоряжения генералу Бангерскому), но штаб Курелиса сопротивляется реализации этих распоряжений...». Говоря о «деятельности группы Курелиса», Йекельн, очевидно, имел в виду инцидент с взбунтовавшимся «Усмаским батальоном»⁴³.

Из слов Йекельна недвусмысленно следовало, что Курелис и часть его штаба продолжали действовать по указаниям немецких спецслужб. Об этом свидетельствовал сам генерал Бангерский, который на том же совещании обратился к Йекельну с вопросом: «Известно ли Вам, что в Курземе находятся некоторые лица (я могу пятерых таких персонально назвать), которыми выданы удостоверения из немецкой инстанции, что они имеют право вербовать лиц для некоторых секретных заданий, причем они эти удостоверения даже своему начальству не предъявляют? Пока такой порядок существует, заммельштелле (сборный пункт) не сможет успешно заниматься, так как Упельниеку как будто бы такое удостоверение-полномочие выдано». [Упельниек являлся начальником штаба «группы Курелиса». — *К.М.*]

«Вы решайте все эти вопросы самостоятельно, — ответил на это Йекельн, — и вербовка таких людей может происходить только с Вашего ведома. Я говорил с генералом Шёрнером и еще

сегодня Вам сообщу, когда генерал Шёрнер Вас сможет принять, чтобы вместе с ним еще обсудить эти вопросы до моего отъезда в Германию»⁴⁴.

Случай с батальоном Рубениса, вышедшим из повиновения Йекельну и Курелису, заставлял немцев постоянно опасаться, что и другие латышские националисты могут последовать его примеру. Подобные опасения высказывал, например, начальник 1-го полицейского участка Вентспилского уезда в своем донесении от 27 декабря 1944 года. «Левонастроенные уклоняются от призыва на военную службу, — писал он, — участвуют в бандах или всячески их поддерживают. Старший полицейский Усмаской волостной полиции сообщает, что люди из группы Курелиса объединились с бандой коммунистов «Саркана булта». Ее деятельность активизировалась, очевидно, из-за доставленного из Москвы руководителя, близости фронта и прочесывания лесов». Он признавал также, что в Усмаской волости по-прежнему продолжают нападать на немецких солдат, взрывать мосты и поджигать склады⁴⁵.

Очевидно, случай с «изменой» батальона Рубениса был не единственным. Отдельные солдаты «группы Курелиса» и целые отряды бывших легионеров либо выходили из подчинения немцам, образуя самостоятельные отряды сопротивления, либо переходили на сторону советских партизан.

ЭСТОНСКИЕ «ЛЕСНЫЕ БРАТЬЯ»

В Эстонии немцы столкнулись с не меньшими трудностями при организации националистического сопротивления. Здесь существовали как самостоятельные националистические группы «лесных братьев»⁴⁶, так и отряды, специально подготовленные немецкой разведкой. К первым относились в основном бывшие солдаты 2-го эстонского полка «пограничной стражи», окруженного и частично уничтоженного советскими войсками в лесах в районе реки Эмайыги, а также, возможно, остатки 6-го эстонского полка «пограничной стражи»⁴⁷. Однако здесь националистическое сопротивление оказалось слабее и малочисленнее, чем в других

республиках Прибалтики, хотя в его организации точно так же сыграли решающую роль германские спецслужбы.

Организацией националистического сопротивления и заброшкой агентуры в тыл Красной Армии на освобожденной территории Эстонии занимались как непосредственно абвер, так и уже упомянутый «Ягдфербанд «Ост».

Военная контрразведка 3-го Прибалтийского фронта начала работу по выявлению немецкой агентуры сразу после освобождения Эстонии. Так, 21 августа 1944 года в районе деревни Уникала при попытке перехода линии фронта на сторону немцев был задержан эстонец Рюккен, ранее заброшенный в тыл советских войск с разведывательно-диверсионным заданием и для связи с вражеской «ягдкомандой» в советском тылу. 25 августа на участке 326-й стрелковой дивизии был задержан эстонец Андерсон, также завербованный и заброшенный немецкой разведкой; при захвате у него изъяли мины и взрывчатку. 13 сентября сдался с повинной эстонец-диверсант Постий, бывший член Эстонского легиона СС, снабженный немецкой разведкой большим количеством взрывчатки и посланный через линию фронта в ночь с 12 на 13 сентября⁴⁸.

Органы абвера тоже активно занимались вербовкой агентуры из числа эстонцев и организацией националистического сопротивления в этой республике. Абвергруппа 206, перебросенная в Эстонию в декабре 1943 года, летом 1944 года одной из первых приступила к организации националистического сопротивления на территории Эстонии на случай отступления немецких войск. Работу по созданию бандформирований эстонских националистов возглавляли немец капитан Мишелевский и эстонцы — лейтенанты Броя и Рамдор. Аналогичной работой занималась и абвергруппа 211, которая с января 1944 года дислоцировалась в Пярну. Она занималась созданием тайных складов вооружения и боеприпасов на территории Пярнуского уезда и вербовкой агентуры. Кроме того, вербовкой агентов из числа эстонцев занимались две другие абвергруппы — 210 и 212. Абвергруппа 212, например, обучала свою агентуру в различных диверсионных школах на территории Прибалтики, в том числе в диверсионной школе в Вихула, по месту дислокации группы, где одновременно обучалось до 50 ди-

версантов и 15 радистов. Обучение продолжалось 2—3 месяца, после чего «выпускники» разбивались на группы по 4—8 человек (включавшие обязательно одного радиста). Затем они отправлялись в Таллин, Ригу, Псков, где размещались на конспиративных квартирах, получали задание, фальшивые документы, экипировку, отрабатывали легенду. Заброску в тыл Красной Армии агентов, подготовленных всеми четырьмя абвергруппами, осуществляла абверкоманда 204⁴⁹.

В октябре 1944 года военная контрразведка Ленинградского фронта арестовала группу диверсантов-эстонцев из 5 человек во главе с членом «Омакайтсе» и одновременно лейтенантом вермахта А.И. Роотсом. Как показал допрос, все они прошли подготовку в разведшколе в селе Ульброк, а затем заброшены через линию фронта абверкомандой 204 (диверсионной). Группа должна была действовать вблизи советских коммуникаций, захватывать одиночных бойцов и офицеров, минировать дороги. Тогда же в Вильяндиском уезде Эстонии были арестованы еще 5 эстонских диверсантов (Э.Х. Туулсе, Х.Я. Туулсе, Л.Р. Реомар, Ю.И. Ханко, Б.М. Арро), у которых были изъяты три радиостанции, оружие, фальшивые советские документы и банкноты. Они были заброшены в сентябре 1944 года. Впоследствии были взяты еще 14 агентов-диверсантов. Все захваченные оказались из группы Роотса и были заброшены в тыл советских войск абверкомандой 204.

В том же месяце отделом контрразведки 13-й воздушной армии Ленинградского фронта был задержан еще один эстонский диверсант, бывший член «Омакайтсе» Л.О. Колк. Он также прошел подготовку в разведывательно-диверсионной школе Ульброк. При задержании у него были изъяты мины, гранаты и взрывчатка. По показаниям Колка, в разведшколе вместе с ним проходили обучение еще 30 человек, большинство из которых являлись членами «Омакайтсе». В том же месяце в освобожденном Таллине был арестован агент немецкой разведки Л.М. Пренцлау, завербованный в конце 1943 года «Абвернебенштелле Ревель» и прошедший подготовку в разведшколе в селе Кейла-Йоа, близ Таллина (при абверкоманде 166м). По его показаниям, од-

новременно с ним в школе проходили обучение еще 22 эстонца. Одновременно с группой Пренцлау, там готовилась группа из 20 эстонцев во главе с обер-юнкером войск СС Лепусом, сыном профессора Тартуского университета. Все разведчики проходили в школе морское дело, стрелковое дело, учились использованию мин, гранат и взрывчатых веществ. В декабре 1944 года отдел контрразведки 64-й гвардейской стрелковой дивизии Ленинградского фронта арестовал агента немецкой разведки А.Э. Мяэсалу, который также был членом «Омакайтсе», закончил Таллинскую разведшколу и был оставлен немцами при отступлении за линией фронта с заданием собирать и передавать по радиации данные о наступающих советских войсках.

В конце 1944 года управлением контрразведки Ленинградского фронта было ликвидировано несколько вооруженных групп эстонских националистов. «Борцы за независимость Эстонии», за которых они себя выдавали, в действительности оказались бывшими членами «Омакайтсе», завербованными немецкой разведкой — так называемой «Службой Конрада» (Dienststelle Konrad). Этой службой были созданы 4 таких группы «сопротивления» в Пярнуском уезде под началом Ю.В. Экбаума. «Служба Конрада» снабдила их большим количеством оружия, боеприпасов, взрывчатки и продовольствия, которые хранились в специально оборудованных тайниках. В круг их задач входило проведение диверсий и организация сопротивления на территории Пярнуского и Вильяндиского уездов (при задержании групп были арестованы также несколько эстонских националистов, завербованных уже на месте, в тылу советских войск).

Помимо этих групп, подготовленных абвером, на территории Эстонии действовала агентура финской разведки. (Как известно, еще до начала войны спецслужбы Германии, Финляндии и Эстонии заключили соглашение о тесном сотрудничестве.) В последние месяцы оккупации эстонские коллаборационисты Мяэ и националистическая «оппозиция» Улуотса прилагали все усилия, чтобы установить контакт с правительством Финляндии, в том числе и чтобы добиться помощи с ее стороны в организации националистического сопротивления. По-видимому, такая по-

мощь была им оказана. Уже после окончания войны, в феврале 1946 года, МГБ Эстонской ССР арестовал агента финской разведки эстонца Х.А. Кальюранда. В результате следствия выяснилось, что Кальюранд был завербован в ноябре 1943 года финской разведкой и прошел подготовку в разведшколе «Хаук» («Сокол») на острове Секе. В июле 1944 года он был заброшен на освобожденную территорию Эстонии в составе группы Э. Соомера. Сам командир группы был арестован органами НКГБ Эстонской ССР еще в 1945 году и покончил с собой в тюрьме. На территории Эстонии Кальюранду и Соомеру удалось привлечь к организации националистического сопротивления еще 4 эстонцев (все они также были арестованы). Из названных Кальюрандом 13 агентов разведки также все были задержаны или убиты при задержании⁵⁰.

НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ В ЛИТВЕ: ВЛИК, ЛИТ И ДРУГИЕ

Литва была, пожалуй, единственной из республик Прибалтики, где, по крайней мере отчасти, националистическое сопротивление возникло стихийно, без руководства и контроля со стороны немецких спецслужб.

В оккупированной Литве деятели националистической оппозиции еще летом 1942 года создали так называемый «Верховный литовский комитет», в который вошли представители различных политических организаций — от народных социалистов до партии Таутининков и Фронта литовских активистов. Во главе комитета стал социал-демократ профессор С. Кайрис. Целью комитета провозглашалась независимость Литвы, а главной тактической задачей — создание подпольной прессы для воздействия на общественное мнение Литвы и передача последних известий о положении в Литве за рубеж.

Несколько позднее литовские католики также создали свою подпольную освободительную организацию — «Национальный совет». В ноябре 1943 года он объединился с «Верховным литовским комитетом», образовав «Верховный комитет освобождения

Литвы» (литовская аббревиатура — *ВЛИК*). Его председателем стал опять же профессор С. Кайрис⁵¹. Членами комитета также являлись П. Шилас, К. Белинис, А. Гинейтис и др.⁵² ВЛИК взял на себя функции временного правительства Литвы в подполье.

Была создана молодежная организация «*Атжалинас*», издававшая подпольную газету под тем же названием. Своим девизом организация «*Атжалинас*» провозгласила лозунг «Свобода, честь и существование нации». Ее программа предполагала восстановление суверенитета Литвы, «развитие и создание национального единства литовского народа и осуществление этого единства, развитие культуры и ее распространение»⁵³. Однако, несмотря на всю демагогию, она находилась под контролем партии Таутининков, которая уже скомпрометировала себя сотрудничеством с немецкими оккупационными властями. Существовали и другие организации, значительная часть из которых находилась под контролем ВЛИКа.

Большинство членов ВЛИК считало, что «непобежденная Германия не готова восстановить независимость Литвы», однако поражение Германии на Востоке считалось еще более нежелательным. Такое умозаключение невольно наводило на мысль о необходимости не допустить разгрома немцев и о сотрудничестве с оккупантами. Наиболее благоприятным вариантом считался разгром Германии на Западе, после чего Литва смогла бы получить независимость из рук западных держав. Многие в то время верили и в открытие второго фронта, и в то, что Германия сможет сдержать наступление Красной Армии на Востоке, пока войска Англии и Соединенных Штатов дойдут до Прибалтики⁵⁴.

Впоследствии, когда советские войска вошли в Вильнюс (13 июня 1944 года), ВЛИК издал обращение к народу, в котором призвал всех «не оказывать вооруженного сопротивления Красной Армии и перейти к пассивному сопротивлению, противиться мобилизации в армию, скрываться до окончания войны...» После освобождения Каунаса от немецких войск (2 августа 1944 года) ВЛИК издал следующее обращение аналогичного содержания: «...Призываем сохранять спокойствие, избегать любых вооруженных столкновений с частями Красной Армии». Позднее по-

добной же тактики «пассивного сопротивления» придерживалась и другая подпольная националистическая организация — «Совет освобождения Литвы» (ЛИТ), созданная в конце 1944 года в Каунасе. ЛИТ выдвинул лозунг: «Сохраним свою молодежь для будущего Родины»⁵⁵. Впрочем, как стало ясно позже, ВЛИК не исключал возможности вооруженной борьбы против советской власти, однако, по-видимому, просто не успел к ней достаточно подготовиться. (Об этом свидетельствовала, в частности, поездка литовского эмиссара Абрамсайюса в Финляндию с целью закупки оружия в апреле 1944 года.)

Часть литовской националистической оппозиции, придерживаясь тактики пассивного сопротивления в отношении немцев, тем не менее отвергала эту тактику в отношении Красной Армии и советской власти. Так, по данным партизанской агентуры на 19 октября 1943 года, в Литве уже осенью 1943 года начали нелегально формироваться воинские части по образцу старой литовской армии. Целью этих частей было дожидаться благоприятного момента и создать независимое Литовское государство. По слухам, командиром этой подпольной армии стал генерал Рапшикис — тот самый, которого немцы первоначально предполагали поставить главой Литовского самоуправления⁵⁶. По некоторым сведениям, в декабре 1943 года Рапшикис бежал из Каунаса и с тех пор скрытно руководил «националистическими вооруженными силами» в подполье⁵⁷.

По сообщениям Литовского ШПД, националистическое подпольное движение руководствовалось в своих действиях тем соображением, что немцы уже проиграли войну, и восстановление независимой буржуазной Литвы следует ждать только от США и Великобритании. Теперь, с одной стороны, они опасались, что англичане и американцы не поддержат их попытку восстановления независимости, если литовская оппозиция будет помогать немецким властям⁵⁸. С другой стороны, со временем становилось очевидным, что Красная Армия освободит Литву от немецких войск раньше, чем англичане и американцы смогут «дойти до Прибалтики». Значит, по соображениям литовских националистов, следовало все же оказать немцам поддержку и не допустить со-

ветские войска на территорию Литвы до прихода западных союзников.

Именно для того, чтобы как-то решить эту дилемму, литовские подпольные националистические организации добивались от немцев согласия на создание национального литовского воинского соединения, которое не относилось бы ни к вермахту, ни к германской полиции, ни к войскам СС. Формально такое соединение выглядело бы независимым от немцев (хотя и действовало бы под оперативным руководством немецкого армейского командования) и, таким образом, могло претендовать на статус «армии независимой Литвы». А этот статус, в свою очередь, сделал бы возможным дальнейшее сотрудничество с западными державами и признание ими независимости Литвы. Такими соединениями стали «Литовский территориальный корпус» (ЛТК, или «Легион Плехавичюса») и «Армия обороны отечества» (или «Жемайтийская армия обороны»), в формировании которых «оппозиционно настроенные» националисты приняли активное участие. Но англо-американцы так и не «дошли» до Прибалтики, а обе «независимые литовские армии» были разгромлены, показав себя неспособными к настоящим боевым действиям на фронте. Это — не деревни поджигать...

Руководство литовской партии Ляудининков (народников-селян) даже предприняло в своей подпольной прессе попытку повлиять на позицию Германии в отношении западных держав (!). По данным партизан от 4 декабря 1943 года, подпольная пресса ляудининков распространяла среди литовцев и немецких войск обращение, в котором говорилось, что Германия не может воевать на два фронта. Поэтому следует «свергнуть Гитлера и его партию, руководство армией передать генералу Герингу», после чего Германия должна «бросить все свои силы против Советского Союза, договорившись с Англией и США»⁵⁹. Автор сводки предполагал, что подобный призыв мог быть составлен с ведома или по инициативе гестапо. Известно, что немцы к этому времени сравнительно терпимо относились к подобным призывам и всячески заигрывали с националистами, видя в них прежде всего выгоду для себя.

«КЕСТУТИС»: ЛИТОВСКИЕ «ОБОРОТНИ»

Наиболее крупной и боеспособной организацией литовских националистов являлась подпольная организация «Кестутис». Она избрала тактику активного вооруженного сопротивления в отношении Красной Армии. «Кестутис» являлся глубоко законспирированной организацией, построенной по образцу воинского соединения, и согласно своему временному уставу, ставил своей целью «восстановление независимости Литвы в ее этнических границах, усиление военной мощи литовской нации и борьбу с коммунистическим движением». Руководство «Кестутиса» признавало себя составной частью Литовского фронта (НЛФ, организации — преемницы распущенного немцами «Фронта литовских активистов, ФЛА), сотрудничавшего на первых порах с немцами, и подчинялось его вождю. Организация имела свой верховный штаб, который включал в себя 5 отделов:

- 1) отдел вооружений,
- 2) отдел организации боевых единиц,
- 3) отдел военных операций,
- 4) разведывательный отдел,
- 5) отдел исполнения дисциплинарных взысканий, жестоко каравший предателей и прочих «отщепенцев».

Каждый отдел в свою очередь делился на отделения. Верховному штабу подчинялись уездные и городские штабы; уездным штабам — соответственно, районные штабы и боевые единицы. Городские и уездные штабы строились по образцу верховного штаба, но не имели в своем составе 5-го отдела⁶⁰.

По своей организации и тактике «Кестутис» предвосхищал созданную нацистами в последние месяцы войны организацию «Вервольф» («Оборотень»). Задачи последней, так же как и задачи «Кестутиса», состояли в том, чтобы поднять массовое движение среди населения, готовить и осуществлять террористические акты в отношении частей Красной Армии, а также тех, кто будет оказывать помощь последним. Максимальная законспирированность организации, наличие в ней своего «тайного суда» для расправы над изменниками и прочие атрибуты создавали вокруг нее своео-

бразный ореол загадки и страха. Все это, по мнению организаторов «Кестутиса», а впоследствии и «Вервольфа», должно было еще больше запугать всех, кто решил бы сотрудничать с Красной Армией.

В августе 1944 года в связи с освобождением большей части Литовской ССР частями Красной Армии, «Верховный комитет освобождения Литвы» (ВЛИК) решил перенести свой центр в Германию и Швецию. Перебравшееся в Берлин руководство ВЛИК взяло на себя все руководство националистическим подпольем в Литве и направило туда 25 своих эмиссаров для организации его деятельности⁶¹. Правда, по некоторым утверждениям, осенью 1944 года представитель ВЛИКа П. Шилас посылал связного к командиру «Кестутиса» полковнику Янкаускасу и якобы просил не начинать вооруженного сопротивления, чтобы избежать напрасных жертв, но его рекомендации не подействовали⁶².

В результате уже осенью 1944 года начались вооруженные столкновения между литовскими националистическими повстанцами и войсками НКВД. В конце 1944 года советские органы госбезопасности арестовали оставшихся в Литве членов ВЛИКа, а в апреле 1945 года — членов ЛИТа, формально провозглашавших себя сторонниками пассивного сопротивления и гражданского неповиновения⁶³.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ПОЛЬСКОМ НАЦИОНАЛИЗМЕ В ЛИТВЕ

Отдельно как от литовских националистов, так и от советских партизан действовали польские националисты, создавшие свои собственные подпольные вооруженные группы на территории Литвы. С первыми их разделяла давняя вражда, истоки которой лежали в литовско-польском противостоянии по поводу Вильнюса и Виленской области. Ко вторым поляки также, как правило, относились враждебно — как из-за роли СССР в разделе Польши, так и из-за давней политической вражды с Советской Россией со времени Гражданской войны. Однако в отличие от литовских, латышских или эстонских националистов поляки были резко враж-

дебно настроены и против немцев. До сих пор, по крайней мере, нет данных, которые бы говорили о том, что поляки поддерживали какие-либо контакты с оккупантами.

Польские националисты в Литве преследовали вполне конкретные цели: после изгнания немецких оккупантов воспользоваться случаем и провозгласить присоединение Виленского края к Польше. Ради этого их вооруженные отряды (из состава «Армии Крайовой») перебрасывались в Литву даже из-под Варшавы.

Осенью 1943 года поляки резко активизировали свою деятельность в Вильнюсе и Виленском уезде — проводили подпольные собрания, избирали своих старшин и старост. Подпольные типографии от лица польского правительства (находившегося в эмиграции в Англии) издавали нелегальные инструкции, бюллетени, листовки, в которых призывали всех поляков в Литве «вооружаться, соблюдать конспирацию и выжидать удобного момента для восстания». Однако в сентябре 1943 года, при невыясненных обстоятельствах, часть списков польских националистов попала в руки гестапо, которое немедленно арестовало многих из их лидеров⁶⁴.

В эти дни одна из оперативных групп советских партизан в Литве сообщала, что 19 сентября 1943 года при переходе из района озера Нароч в Рудницкую пушу, в районе деревни Гумбы, была вынуждена вступить в перестрелку с отрядом поляков. Эти польские партизаны-националисты численностью около 500 человек прибыли из района Варшавы и незадолго до того вступили в бой с немцами и литовскими полицаями. В сводке Литовского ШПД сообщалось, что «отношения поляков к нашим [советским] партизанам не выяснены. Наши партизаны, приняв все меры предосторожности, ведут разведку с целью выяснить, что из себя представляет отряд поляков»⁶⁵.

По сведениям партизан, штаб-квартира руководства польских подпольщиков-националистов находилась в Калварии (село в 7 км к северу от Вильнюса по дороге в Верки). Ячейки этой организации (до 40 человек каждая) имелись в селе Ландорово (западнее Вильнюса) и в г. Эйшишкяй. Обычно их эмиссары по 4—6 раз в месяц ездили в Калварию с донесениями или за инструкциями.

Всей организацией руководили бывшие польские офицеры. После того как гестапо арестовало часть руководства польских националистов, они несколько умерили свою активность. «В данное время, — говорилось в одной из сводок Литовского ШПД за октябрь 1943 года, — поляки активно себя не проявляют; они имеют задание накапливать силы для захвата власти [в Вильнюсе и Виленском крае] при отступлении немцев»⁶⁶.

К концу 1943 года польские националисты вновь заметно активизировались, а численность их отрядов сильно увеличилась (по-видимому, было получено новое подкрепление с территории генерал-губернаторства Польши). В случайной перестрелке с ними был убит один из литовских партизан (советских). Однако несмотря на отдельные инциденты, руководство Литовского ШПД попыталось договориться с «польскими легионерами» (как они именуются в сводках). В результате переговоров те согласились оставить решение польско-литовского территориального вопроса на усмотрение советского и польского правительств, а против немцев вести совместные действия. В последующие дни переговоры были продолжены⁶⁷. Тем не менее партизанская агентура доносила, что некая террористическая организация польских националистов «начала в Вильнюсском районе не активное, но систематичное истребление бывшего советского актива»⁶⁸.

Таким образом, сотрудничество польских националистов и советских партизан складывалось непросто и не всегда гладко — у них было достаточно разногласий, но у них был и один общий противник.

«ЛИТОВСКАЯ АРМИЯ СВОБОДЫ» — ЗОНДЕРКОМАНДА НА БУДУЩЕЕ

Помимо ЛИТа, ВЛИКа и «Кестутиса», которые, по крайней мере внешне, не были связаны с немцами, значительную часть литовского националистического подполья составляли группы, специально подготовленные германской разведкой. Некоторые литовские националистические организации, избрав тактику во-

оруженной борьбы против Красной Армии и советской власти, предпочитали непосредственно опираться на помощь немцев.

«Литовская армия свободы» (ЛЛА) была одной из таких групп. Она представляла собой военизированную организацию, созданную в последние месяцы немецкой оккупации. ЛЛА не была связана с подпольным Комитетом освобождения Литвы (ВЛИК) и действовала самостоятельно, не придерживаясь общей тактики ВЛИКа — «пассивного сопротивления». Организация ЛЛА с самого своего возникновения сотрудничала с вермахтом и даже направила в 1944 году в немецкие школы подготовки разведчиков, диверсантов, радистов несколько сотен человек. В начале 1945 года эти люди были заброшены в Литву с целью организации саботажа и партизанской борьбы. Правда, они чаще выполняли приказы местного националистического партизанского руководства, чем немецкого командования⁶⁹.

В октябре — ноябре 1944 года органы военной контрразведки 4-й ударной армии 1-го Прибалтийского фронта уничтожили несколько групп литовских националистов, которые, как выяснилось в результате допросов пленных, были связаны с немцами (как, например, члены ЛЛА Казелюнас и Матузевичус). 17 ноября 1944 года в районе деревни Ибатуны Крокиновской волости Паневежского уезда были обнаружены сброшенные с немецких самолетов три парашюта с грузом (ящик с гранатами, три батареи питания для радиостанций, теплая одежда и т.п.). В результате поиска был задержан «адресат» этой посылки — бандгруппа из 5 человек. По показаниям одного из ее членов, И. Урбалиса, он был завербован абвером и «оставлен на территории занятой советскими войсками с задачей организовать группу литовских «партизан» и присоединиться к отряду, действующему в Паневежском уезде и снабженному рацией». Спрашивается, кто снабдил националистических «партизан» рацией и с кем они поддерживали связь с ее помощью?

В декабре 1944 года органы НКГБ Литовской ССР арестовали еще двоих немецких агентов (К. Луткявичус и П. Алекна), которые окончили немецкую разведшколу в г. Кмин-Габен и были выброшены с самолетов на территории Паневежского уезда с целью

создания и объединения действующих там националистических групп. В январе 1945 года на территории Укмергского уезда был задержан агент-парашютист немецкой разведки, литовец В. Калининскас, который был заброшен в советский тыл вместе с группой диверсантов для установления связи с руководителями отрядов ЛЛА Крыштапонисом и Войтялисом и для организации диверсий на железных дорогах. В январе следующего года немецкая разведка забросила на территорию Паневежского уезда еще 5 групп парашютистов в составе 32 человек, окончивших разведшколу близ Бромберга в Восточной Пруссии (ныне г. Быдгощ, Польша). Все были снабжены оружием и взрывчаткой, три из пяти групп имели при себе портативные радиостанции. Основной их задачей являлось создание новых формирований литовских националистов и установление связи с уже существующими отрядами для совместных действий. (Часть диверсантов была впоследствии задержана органами НКГБ Литовской ССР.)

Многие из местных руководителей ЛЛА также являлись агентами немецкой разведки, прошедшими подготовку в спецшколах абвера. В январе 1945 года органами НКГБ был арестован секретарь Зарасайского уездного штаба ЛЛА П.П. Улозас. По его показаниям, он служил ранее в немецких частях, а затем окончил разведшколу в селе Прели Каунасского уезда. При отступлении немцев был направлен германской разведкой в Дусятскую волость Зарасайского уезда для создания диверсионных групп из литовских националистов. В другом случае, при ликвидации Тарагского уездного штаба ЛЛА, был арестован помощник руководителя волостной организации «Литовской армии свободы» Э.К. Лаугалис, который до того окончил разведшколу абвера и был переброшен в Литву. При задержании у него был изъят радиопередатчик, с помощью которого он поддерживал связь с «Абверштелле Кёнигсберг».

В апреле 1945 года органы НКГБ арестовали двоих членов главного штаба ЛЛА, которые на допросе показали, что в 1944 году по соглашению с германской разведкой руководство ЛЛА выделило из своих отрядов 60 человек для обучения в немецких разведшколах и последующей заброски в тыл советских войск с диверсионно-

террористическими заданиями. Один из участников такой группы, А. Кубилюс, задержанный летом 1945 года, показал на следствии, что он с группой боевиков ЛЛА был направлен штабом ЛЛА в немецкую разведшколу в Кёнигсберге. По окончании курса он был заброшен на парашюте на территорию Тельшяйского уезда с заданием разведывательного характера. В своих радиogramмах абверу он сообщал данные о дислокации штабов 3-го Белорусского фронта и о проводимых советской властью мероприятиях в Литве. Кубилюс также участвовал в создании Жемайтийского штаба ЛЛА и вооруженных формирований, для которых немцы в марте 1945 года сбросили с самолета оружие, боеприпасы и советские деньги⁷⁰.

СОПРОТИВЛЕНИЕ В ЛИТВЕ ПОСЛЕ ВОЙНЫ

После войны значительную часть литовского националистического подполья с его вооруженными отрядами составили бывшие полицаи — причем, что любопытно, в основном из тех батальонов литовской полиции, которые к началу советского зимнего наступления 13 января 1945 года находились в Курляндии или в Восточной Пруссии. Это наводит на мысль, что они были специально подготовлены немцами для подрывной деятельности в тылу Красной Армии.

Одним из командиров литовских боевиков в послевоенные годы являлся бывший капитан литовской армии Антанас Балтусис по кличке «Жвейис» («Рыбак»). Он был членом «Фронта литовских активистов» (ФЛА), организованного Казисом Шкирпой в Берлине; впоследствии командовал одной из пяти рот, организованных А. Ишкаукасом в 1941 году при эйнзатцкоманде «3». В годы немецкой оккупации он дослужился до звания подполковника, командовал одним из литовских полицейских батальонов, который в 1944 году вошел в состав одного из трех литовских добровольческих полков. В декабре 1944 года его батальон находился в районе Данцига, в Восточной Пруссии. Когда в январе 1945 года Восточная Пруссия была занята наступающими советскими войсками, Балтусис-«Жвейис» вместе со своим батальо-

ном сумел пробиться на территорию Литвы. К маю 1945 года он достиг юго-западных районов Литвы, граничивших с Восточной Пруссией.

В течение всего лета 1945 года Балтусис-«Жвейис» активно занимался организацией вооруженных отрядов литовских националистов, а 15 августа 1945 года объявил о создании «Таурусской повстанческой области» с центром в городке Таураге. В 1948 году и до начала 1949 года новым командиром повстанческой области «Таурус» был бывший майор литовской армии Грыбинас по кличке «Фаустас»⁷¹.

Командиром провозглашенной в мае 1946 года «Жемайтийской повстанческой области», северо-восточнее Клайпеды, являлся литовский полковник Владас Монтвидас «Жемайтис». Многие из его боевиков ранее служили в 5-м, 13-м и 256-м литовских полицейских батальонах, которые весной 1945 года находились в Курляндском котле.

Командиром повстанческой области, включавшей в себя города Вильнюс и Каунас с прилегающими территориями, провозгласил себя майор Ионас Мисюнас-«Жаляс Вельняс» («Зеленый черт»), бывший командир 257-го литовского полицейского батальона. Его батальон участвовал в обороне Данцига в октябре 1944 года в составе одного из добровольческих полков. Большая часть батальона была уничтожена в декабре 1944 года в Восточной Пруссии, спасся лишь сам командир батальона вместе со своим штабом⁷².

Майор Антанас Штаркус-Монте, бывший командир 13-го литовского полицейского батальона, в начале 1945 года вместе со своим штабом находился в Курляндии. Весной 1945 года ему удалось вместе с частью своих подчиненных пробиться в Литву. В 1945—1947 годах он являлся начальником штаба повстанческого района «Альгиманта» в северо-восточной Литве, а с 1947 года стал его командиром. В 1949 году он был убит в бою с частями МВД. Еще один литовский «полевой командир» — подполковник Ионас Кимстас-«Жальгирис», ранее командовавший 3-м литовским добровольческим полком (войск СС), в 1945 году «назначил» себя командиром «Свирийского повстанческого района». Подпол-

ковник Юозас Виткус-«Казимирайтис», ранее также служивший в полицейских частях, в 1945 года стал командиром «Южного повстанческого района». (Позднее оба были убиты в бою.)⁷⁴

Летом 1946 года состоялось первое крупное совещание командиров литовских националистических отрядов, на котором было решено образовать главный штаб вооруженных сил (литовская аббревиатура — ВГПШ) с центром в Вильнюсе. Он тесно сотрудничал с «Объединенным демократическим движением сопротивления» (БДПС), созданным ранее литовской националистической интеллигенцией и претендовавшим на роль руководящего органа всего повстанческого движения в Литве. В 1949 году состоялось последнее совещание БДПС, на котором было решено реорганизовать его в «Движение борцов за независимость Литвы» (ЛЛКС). Но эта организация осталась чисто формальным органом литовской эмиграции и ничем себя не проявляла⁷⁵. Между тем в самой Литве националистические повстанцы продолжали активные действия до 1952 года. Главнокомандующим Литовских повстанческих вооруженных сил в 1951—1955 годах, являлся полковник Адольфас Раманаускас-«Ванагас» («Сокол»), в период немецкой оккупации, служивший в полицейских частях и бывший командиром 1-го литовского добровольческого пехотного полка (войск СС). К повстанческому движению литовских националистов присоединились и остатки сформированной немцами летом 1944 года «Армии обороны отечества» (ТАР), известной также как «Жемайтская армия обороны». Командир первого полка этой армии, полковник Ионас Жемайтис-«Витаутас», в 1949—1953 годах являлся председателем эмигрантского президиума «Движения борцов за независимость Литвы» (ЛЛКС), а командир второго — полковник Вацлавас Иванаускас-«Витенис» (он же «Гинтаутас») — был командиром «Западного повстанческого района»⁷⁶.

В 1952 году главнокомандующий литовскими повстанческими вооруженными силами полковник Раманаускас издал приказ о прекращении боевых действий. Это стало концом националистического сопротивления в Литве, хотя не все командиры «повстанческих областей и районов» сразу же подчинились этому приказу и сложили оружие.

Связь большинства организаций повстанцев с немецкими оккупантами не вызывает сомнений. Об этом говорит то, что практически все командиры повстанческих отрядов в период оккупации служили в полицейских частях, причем именно в тех батальонах, которые отступили вместе с немецкими войсками в Курляндию и Восточную Пруссию. Эмблемой литовских боевиков (избранной, например, в отряде Балтусис-«Жвейиса») оставался нарукавный щиток с литовским желто-зелено-красным триколором и надписью «LIETUVA» — тот же самый, который носили в литовских полицейских батальонах в период оккупации. Практически во всех литовских повстанческих отрядах продолжали носить германское обмундирование (вплоть до маскхалатов), использовать германское вооружение, боеприпасы и снаряжение. Конечно, все это вполне объяснимо и в то же время говорит о многом.

* * *

Тема националистического сопротивления, развернувшегося в республиках Прибалтики в последние месяцы Второй мировой войны и после ее окончания, до сих пор недостаточно изучена. Отчасти это связано с тем, что сама тема до конца 1980-х годов считалась закрытой. Документы, касающиеся этой темы, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации, архиве ФСБ и других, до сих пор закрыты, в лучшем случае рассекречена лишь их незначительная часть. Именно поэтому трудно делать какие-либо окончательные выводы о причинах и мотивах националистического сопротивления.

И все же известные на сегодняшний день факты позволяют считать, что у коллаборационизма, как и у националистического сопротивления в послевоенные годы, во многом одни и те же причины — борьба местной правящей верхушки за возвращение себе власти и собственности, утраченных при Советской власти. Вторая гражданская война в Прибалтике продолжалась и после немецко-фашистской оккупации. Только теперь она апеллировала за помощью не к гитлеровской Германии, а к США и другим странам западного блока. Не получив же таковой поддержки и не дождавшись новой, третьей мировой войны, это сопротивление

постепенно сошло на нет. Продолжались лишь отдельные выпады в националистической эмигрантской прессе, выходившей в Америке и Западной Европе, но они не могли ничего изменить...

Во-вторых, практически неизвестны случаи, когда прибалтийские националисты обращали бы оружие против немецких оккупантов. А ведь немцы угрожали их «суверенитету» несравнимо больше, чем Советский Союз... Почему они не объединили свои усилия с советскими партизанами, хотя бы на время, ради изгнания немецко-фашистских захватчиков? Ведь заключались же договоры о совместных действиях между Литовским штабом партизанского движения и польскими националистами, несмотря на взаимную вражду, убийства советского актива, отдельные перестрелки... А ведь у поляков было не меньше поводов для ненависти к Советам, хотя бы из-за раздела Польши в сентябре 1939 года! Это ли не свидетельство разницы между национально-освободительным движением (пусть имеющим разную социальную окраску) и мнимой «борьбой за независимость», которую вели литовские, латвийские и эстонские коллаборационисты? Ведь практически все руководство националистического сопротивления состояло из бывших коллаборационистов, которые сотрудничали с фашистами и принимали участие в их преступлениях.

Остается один вопрос: как же в таком случае коллаборационистам, впоследствии возглавившим националистическое сопротивление, удалось привлечь на свою сторону значительную часть населения своих стран? Ведь националистическое повстанческое движение в республиках Прибалтики в 1944—1952 годах насчитывало не одну тысячу человек, даже если приводимые в западной литературе цифры и завышены. Разумеется, нельзя объяснять возникновение националистического сопротивления после войны исключительно организующими действиями спецслужб гитлеровской Германии или пропагандой со стороны местных самоуправлений.

Национализм, очевидно, еще долго будет существовать среди небольших наций. И это неудивительно. Слишком велик их страх, что какая-нибудь «великая» нация подомнет их под себя, поработит, подвергнет дискриминации по национальному признаку.

А когда этот страх еще и умело подогревается местными политиками или иностранными спецслужбами, ему трудно противостоять. Он становится благодатной почвой для всевозможной националистической и тому подобной агитации.

Именно поэтому лозунги интернационализма, которые так великодушно может принять «великая» нация, не вызывают доверия у малых наций — а вдруг это всего лишь приманка? И наоборот, националистическая пропаганда, в которой подчеркивается необходимость охраны национальной самобытности, суверенитета, языка, культуры, оказывается чрезвычайно популярной среди небольших народов, заставляя объединяться, считать себя одним сообществом и забывать о социальных противоречиях внутри нации.

Заключение

КОЛЛАБОРАЦИОНИСТЫ

ИЛИ «БОРЦЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ»?

Коллаборационисты Литвы, Латвии и Эстонии, как и националистическая оппозиция в этих республиках в годы войны и особенно после ее окончания, заявляли, что борются за независимость своих стран. И несмотря на это, как «явные» коллаборационисты, так и их «националистические» конкуренты в большей или меньшей степени сотрудничали с оккупантами, которые вовсе не стремились предоставить им эту независимость. Даже в Литве, где националистическое движение Сопротивления было достаточно многочисленным (по сравнению с Латвией и Эстонией), ВЛИК, «Кестутис» и другие организации предпочитали оказывать лишь пассивное сопротивление оккупационным властям, сберегая силы для борьбы против Красной Армии. Так рождался миф о том, что главную угрозу для независимости и для самого существования народов Прибалтики представляла не гитлеровская Германия, а Советский Союз. Коллаборационисты же представляли «борцами за независимость», а не соучастниками гитлеровских преступлений.

Факты опровергают этот миф. Разумеется, вхождение Эстонии, Латвии и Литвы в состав Советского Союза произошло вопреки воле их националистических правительств, хотя это и не было прямым нарушением международного права с формальной точки зрения. Факты показывают, что в Советском Союзе до 1940 года не было планов «советизации» Прибалтики, до тех пор, пока деятельность националистических правительств не стала угрожать его безопасности. Поэтому не следует сгущать

краски и винить в подъеме коллаборационизма в Прибалтике исключительно советскую власть. Западные историки любят говорить о том, что «советская оккупация» Прибалтики была чуть ли не более кровавой, чем немецкая, упоминая огромные цифры якобы депортированных из Эстонии, Латвии и Литвы «невинных людей». Откуда эти цифры и соответствуют ли они действительности? Так, Юрий Улуотс, деятель националистической оппозиции в Эстонии, в своем первом обращении к германским властям упоминает цифру в 100 000 человек (!). Однако ее опровергают даже некоторые западные историки (например, Зеппо Миллиниemi). На самом деле число вывезенных из Эстонии в июне 1941 года составляло 60 973 человека, из которых лишь 11 000 человек были действительно депортированы. Остальные — это эвакуированные в СССР государственные, партийные, хозяйственные чиновники, специалисты, инженеры, их семьи, а также те, кто проходил службу в рядах Красной Армии¹. Аналогичные цифры приводятся в советских источниках и в отношении Латвии. В ночь на 14 июня 1941 года в Латвии было арестовано 4550 человек, а вывезено из республики 9119 человек. Кто же именно был депортирован во всех трех республиках Прибалтики в июне 1941 года? В списки тех, кто подлежал депортации, в Латвии были включены бывшие охранники тюрем, жандармы, чиновники полиции. Кроме того, органы НКВД выселили из Латвии 281 проститутку и 543 уголовника-рецидивиста. Основную массу выселенных вывозили в Красноярский край². Примерно таким же было положение и в Литве.

Если для сравнения представить итоги деятельности коллаборационистов и немецкой оккупационной администрации на территории Прибалтики в цифрах, то картина получается в самом деле ужасающая.

Так, в Латвии, только по предварительным данным судебно-медицинской экспертизы, обследовавшей 58 мест захоронения на территории республики, число жертв составило свыше 300 000 человек³. Всего же за годы оккупации было уничтожено 313 798 мирных граждан, 330 032 советских военнопленных

и около 85 000 евреев. На принудительные работы в Германию угнано 279 615 человек. Из числа вывезенных в Германию большая часть погибли в лагерях и на сооружениях укреплений в Восточной Пруссии⁴.

В Литве, по признанию высшего фюрера СС и полиции в Прибалтике Фридриха Йекельна, было уничтожено 100—200 тысяч евреев⁵. Согласно одному лишь «Донесению эйнзатцгруппы «А» об уничтоженных к 15 октября 1941 года на территории рейхскомиссариата «Остланд» евреях, коммунистах и пр. (от 31 октября 1941 года), в Литве было уничтожено в общей сложности 81 171 человек⁶. Всего же за годы оккупации в Литве было уничтожено около 700 000 человек, в том числе свыше 370 000 жителей Литвы, 229 000 советских военнопленных и около 100 000 человек из других республик СССР и оккупированных государств Европы⁷. Помимо этого, в результате погромов в Литве и Латвии, было уничтожено 5500 евреев⁸. Только в течение первого периода насильственной мобилизации в Литве на работу в промышленности рейха было вывезено более 36 000 человек⁹ общая же цифра угнанных в Германию на принудительные работы мирных жителей составила по самым минимальным подсчетам около 70 000 человек¹⁰.

В Эстонии, согласно тому же «донесению эйнзатцгруппы «А» от 31 октября 1941 года, было уничтожено в общей сложности 1158 человек¹¹. Всего же за время оккупации в Эстонии было уничтожено свыше 61 000 мирных жителей и 64 000 советских военнопленных¹².

В годы оккупации в Прибалтике огромный размах приобрел расовый и политический террор. Как свидетельствует Ф. Йекельн, «за день по так называемым политическим мотивам нами арестовывалось в Литве, Латвии и Эстонии примерно по 20 человек, в основном — русских»¹³. Всего, только по признанию самого Йекельна, по «политическим мотивам» в Латвии было арестовано 20 000, в Литве — 20 000 и в Эстонии — 10 000 человек¹⁴.

Одно лишь сравнение численности немецкого и местного аппарата в полиции и органах самоуправления в Литве, Латвии

и Эстонии в годы оккупации свидетельствует о том, какова была роль коллаборационистов как соучастников в этих преступлениях. Ни один из этих «борцов за независимость» не выступил против геноцида евреев, русских, поляков, против физического уничтожения «политически неблагонадежных» или «расово неполноценных», наконец, против угона на принудительные работы в Германию тысяч своих соотечественников. Наоборот, органы самоуправления и местная полиция во многом способствовали этому. В лучшем случае они оказывали лишь «пассивное» сопротивление, как это было в Литве. Ценой независимости должны были стать кровь и страдания народов Прибалтики, которые были принесены в жертву нацистской военной машине. Коллаборационистов эта цена устраивала. В связи с этим напрашивается риторический вопрос: для кого же в таком случае должна была быть куплена эта независимость?

Разумеется, несмотря на всю эту предательскую по отношению к своему народу политику, коллаборационисты стремились добиться поддержки среди своих рядовых сограждан. Решающим фактором, повлиявшим на настроения народов Прибалтики, стала пропаганда, которую с первых же дней оккупации проводили немецкие власти, местные коллаборационисты, а также националистические оппозиционные группы. Двумя ее основными направлениями были разжигание антисоветских настроений и межнациональной вражды (прежде всего против русских, евреев, поляков).

Например, в донесении командира эйнзатцгруппы «А» Ф. Шталекера от 31 октября 1941 года среди выполненных задач значились: «[агитация за] сотрудничество с вермахтом, подстрекательство местного населения к еврейским погромам, массовое уничтожение евреев и коммунистов...»¹⁵. В другом немецком документе отмечалось, что созданные после вступления немцев на территорию Эстонии отряды «самообороны» приступили к ликвидации евреев лишь после соответственного распоряжения от немецких властей: «...Спонтанных выступлений против евреев не было, так как население предварительно не получило разъяснений»¹⁶.

Глава Эстонского самоуправления, признанный «мастер пропаганды» д-р Мяз, информируя немецкого представителя о своей программе сотрудничества с оккупационными властями, заявлял, что ему нужно лишь «1/2 года на подготовку эстонского народа», после чего будет возможна «надежная тесная связь Эстонии с рейхом». Главной мыслью идеологической подготовки эстонского народа он считал воспитание в духе борьбы за «новую Европу» против большевизма, под знаменами германского рейха¹⁷. С начала 1944 года, когда возникла реальная угроза изгнания немецких войск из Прибалтики наступающими советскими войсками, эта пропаганда усилилась; к тому же к ней подключились многочисленные националистические группы. Началось запугивание населения расправой, которую якобы немедленно учинит в Прибалтике Красная Армия.

Следует признать, что многие поддались влиянию этой пропаганды. Националистическое сопротивление в Прибалтике оказалось достаточно многочисленным — около 50 000 человек в Эстонии, 60 000 — в Латвии и до 120 000 — в Литве¹⁸. (Это — по данным западных историков, которые, по всей видимости, преувеличены, так как документы НКВД/НКГБ дают цифры в несколько раз ниже.) Ввиду того, что немецкая оккупация оказалась для республик Прибалтики значительно более кровавой, чем так называемая «советская оккупация», всплеск националистических настроений здесь можно объяснить только пропагандой и активной деятельностью спецслужб рейха по запугиванию населения на территориях, освобожденных Красной Армией, с целью организации там «антисоветского сопротивления»¹⁹.

Очевидцы, не поверившие антисоветской и антирусской пропаганде, так рассказывали о последних днях оккупации красноармейцам. Эстонец Кюппар (железнодорожный рабочий, г. Валга): «...Немцы по-всякому говорили про вас, но этому никто из железнодорожников не верил. Мы хорошо знаем Россию и русских и всегда с ними жили как братья. Немцы предлагали нам работать на них, но из этого ничего не вышло, а когда нас пытались угнать, мы ушли в лес, попрятались в подвалах». Эстонец Кронберг (скульптор, г. Тарту): «Немцы до последних дней заигрывали

с эстонцами, старались не проводить в широких масштабах германизацию, однако верховный представитель эстонской «власти» доктор Мяэ играл второстепенную роль — вся власть была в руках генерального комиссара Литцмана»²⁰.

Об отсутствии национальной вражды среди простого населения свидетельствуют и сводки Литовского штаба партизанского движения, в которых говорится о многочисленных случаях перехода литовских полицейских на сторону советских партизан, о доброжелательном отношении к ним в деревнях и т.д.²¹ Но в последние месяцы войны оккупационные власти развернули активную пропаганду, основной мыслью которой стал лозунг борьбы против Советского Союза и большевиков. Ее основной целью было привлечь на свою сторону «националистическую оппозицию» из числа литовцев, латышей и эстонцев, которые предлагали свои услуги оккупантам еще в начале войны, но немецкие власти «обидели» их, так как те просили взамен слишком большую цену. Одновременно была начата активная кампания по запугиванию населения Прибалтики тем, что с приходом Красной Армии якобы будет учинена расправа над населением. Как сообщалось в одной из сводок Литовского ШПД, такая пропаганда оказывала влияние даже на ту часть населения, которая не оказывала немцам никакой поддержки, в связи с чем Литовский ШПД направил просьбу в центр «противопоставить немецкой пропаганде нашу агитацию»²². Немцы умели подкрепить свою пропаганду и более убедительными методами. По данным партизан от 24 декабря 1943 года, в Тракайском уезде гестапо создало несколько мелких бандитских групп, которые «маскируются под видом партизан. Они ходят по деревням ночью и разговаривают между собой на русском языке. Эти бандиты только в Рудишской волости убили более 10 семей мирных граждан»²³.

Очевидно, что разжигание межнациональной розни служило вполне конкретным задачам: скрыть социальную подоплеку коллаборационизма и таким образом, затуманить головы как можно большему числу латышей, литовцев и эстонцев «национальной идеей» в духе нацистских расовых теорий.

Раскол среди населения во всех трех республиках Прибалтики, разделившегося на тех, кто открыто помогал нацистам, оказывал им «вынужденную поддержку» или «пассивное сопротивление в зависимости от условий, и тех, кто боролся с оккупантами в числе советских партизан, имел под собой прежде всего социальные причины. Среди тех, кто приветствовал освобождение Прибалтики от немецко-фашистской оккупации, как отмечают все документы, были «рабочие, служащие, кустари, ремесленники, беднота, старики»²⁴, а также, разумеется, большая часть русского населения Прибалтики. Характерно, что и немецкие власти относились с наибольшим недоверием именно к этим категориям населения. Среди тех, кто оказывался в числе немецких пособников и кому отдавали предпочтение немецкие власти при назначении в органы самоуправления и при вербовке в местную полицию и легионы СС — бывшие офицеры армий Литвы, Латвии и Эстонии до 1940 года, бывшие служащие полиции, бывшие государственные чиновники (составлявшие руководящее ядро всех националистических групп в Литве, Латвии и Эстонии — как открыто сотрудничавших с немцами, так и игравших в оппозицию). Верхушку органов самоуправления при оккупации составляли бывшие политики и государственные чиновники, военные и полицейские чины, крупные предприниматели, фабриканты, зажиточные крестьяне («кулаки»), представители духовенства.

В качестве наиболее убедительного подтверждения этого можно привести цитату из воспоминаний немецкого гауптмана полиции Буркхардта, являвшегося начальником «Призывного штаба «Рига» и занимавшегося подготовкой новобранцев для формирования 19-й латышской дивизии СС. Данные ему инструкции, с его же слов, звучали следующим образом: «...Особенно пригодными являются бывшие офицеры и унтер-офицеры латвийской армии, а также резерва, латыши с высшим образованием или буржуазного происхождения, сыновья зажиточных крестьян, а также те латыши, чьи антикоммунистические настроения хорошо известны. Латгальцев, в особенности русского и польского происхождения, сельскохозяйственных рабочих (промышленные рабочие в основ-

ном не подлежали призыву) и бывших коммунистов я должен был отсеивать»²⁵.

Правда, когда дело дошло до тотальной мобилизации, немцы несколько изменили свою политику. Как сообщил Фридрих Йекельн на допросе после войны, в легионы СС в Латвии и Эстонии начали брать «только рабочих и крестьян и совершенно не трогали представителей богатой прослойки населения»²⁶. То же сообщают советские документы сразу после освобождения Эстонии: «Волостными старшинами немцы назначали преимущественно эстонцев (кулаков, людей, враждебно настроенных против Советской власти, в свое время, в 1940 году, бежавших из Эстонии, бывших государственных чиновников)... Они же расправлялись с русским населением и с теми эстонцами, которые сочувственно относились к русским жителям и Советской власти...» Однако при проведении тотальной мобилизации «немцы остались верны себе, в армию мобилизовали только эстонских бедняков-крестьян, рабочих, мелких служащих. Под предлогом сохранения хозяйства, богатых крестьян и предпринимателей-эстонцев оставляли дома»²⁷.

Таким образом, во всех трех республиках в годы оккупации не было и речи о подлинной борьбе за независимость. Коллаборационисты боролись не столько за независимость своих стран и благополучие своих народов, сколько за возвращение своей власти и своей собственности в республиках Прибалтики, утраченных ими после 1940 года. Об этом же свидетельствуют показания обергруппенфюрера СС Йекельна в Риге в 1946 году. Говоря о руководителях местных самоуправлений в Литве, Латвии и Эстонии, он замечает: «Эти люди руководствовались только немецкими интересами и нисколько не задумывались о судьбе своих народов. Из разговоров я понял, что они хотят уничтожить большевиков не меньше, а может быть, больше, чем мы, немцы. Эти люди считали, что даже если Германия и проиграет войну, то все равно будет очень хорошо, ибо мы ликвидируем всех советских патриотов, всех коммунистов. А без патриотов и коммунистов им гораздо легче будет запродать свои народы другим сильным державам»²⁸.

Таким образом, передел собственности, национализированной в годы советской власти, и реставрация у власти прежних правящих кругов буржуазных Литвы, Латвии и Эстонии были одним из главных побудительных мотивов национализма и «борьбы за независимость». Причем, делалось это ценой невиданного до сих пор террора и разжигания межнациональной розни во всех трех республиках, ценой соучастия в преступлениях нацизма, ценой огромного числа убитых и угнанных в Германию соотечественников (даже если они являлись по большей части русскими, поляками, евреями, а не эстонцами, латышами или литовцами).

В истории известно множество примеров, когда перед лицом внешней опасности объединялись в единый народ все слои общества, забывая при этом о своих социальных противоречиях, бесправии одних и произволе других и т.п. Это и называется патриотизмом. Однако соблазн использовать мифическую внешнюю (или внутреннюю) угрозу для «сплочения» народа, для отвлечения его от социальных проблем и несправедливости — необыкновенно велик для некоторых политиков. Именно тогда социальное недовольство обращается против любого соседнего государства, против «иностранцев» внутри страны, против кого угодно, только не против истинных виновников этих проблем.

В свое время на этом успешно играли германские нацисты. «Wir sind das Volk! Мы — народ! — заявляли они. — Безработица, нищета, голод, бесправие? Во всем этом виноваты еврейские банкиры и владельцы универсальных магазинов! Они — не наш народ, они — иной крови, низшей расы. Они стремятся погубить немецкую нацию. Ну разве истинно немецкие финансисты и промышленники Крупп, Шредер, Тиссен, Рехлинг, Бош, Флик и многие другие — разве они способны на такое? Мы — один народ!»

Именно это и отличает патриотизм от национализма. Национализм рядится в одежды «патриотизма» и ради «объединения» классовых противников сеет межнациональную рознь, создает пропасть между нациями. В то время как истинный патриотизм интернационален и очень часто объединяет многие нации. Вели-

кая Отечественная война дала истории достаточно примеров как национализма, так и патриотизма.

В наши дни, видя фактическое возрождение в Прибалтике той же самой идеологии коллаборационистов и бывших легионеров СС, то же самое разжигание межнациональной розни, тот же передел собственности в пользу власть имущих и в ущерб широким массам народа, хочется сказать: нельзя строить независимость страны на межнациональной вражде и прикрывать с ее помощью социальные проблемы, что сейчас стало в ходу у многих политиков, и не только в Прибалтике.

ПРИМЕЧАНИЯ

ГЛАВА I

¹ История Латвийской ССР / Под ред. К.Я. Страздиня. Рига, 1955. С. 321—322.

² Горлов С.А. СССР и территориальные проблемы Литвы // Военно-исторический журнал. 1990. № 7. С. 20.

³ История Эстонской ССР / Под ред. Г.И. Наана. Таллин, 1952. С. 311, 313.

⁴ История Эстонской ССР. С. 325—326, 341.

⁵ Гражданская война и военная интервенция в СССР. С. 53.

⁶ Гражданская война и военная интервенция в СССР. С. 148.

⁷ Цит. по: *Ширер У.* Взлет и падение Третьего рейха. М.: Воениздат, 1991. Т. 1. С. 55.

⁸ История Эстонской ССР. С. 333.

⁹ Гражданская война и военная интервенция в СССР. С. 148.

¹⁰ Вопросы истории. 1949. № 7. С. 121. Цит. по: *Дризулис А.А.* Очерки истории рабочего движения в Латвии. С. 9—10.

¹¹ *Фест Й.* Гитлер. Биография / В 3 т. Пермь: Алетея, 1993. Т. 1. С. 185.

¹² *Lumsden R., Hannon P.* The Allgemeine-SS. London: Osprey Publishing, 1993. P. 17.

¹³ *Ширер У.* Взлет и падение третьего рейха / В 2 т. М.: Воениздат, 1991. Т. 1. С. 67

¹⁴ *Wörterbuch zur deutschen Militärgeschichte.* Bd. 1—2. Berlin, 1985. Bd. 1. S. 63, 218.

¹⁵ *Дризулис А.А.* Очерки истории рабочего движения в Латвии. С. 7—8.

¹⁶ *Wörterbuch zur deutschen Militärgeschichte.* S. 63.

¹⁷ *Wörterbuch zur deutschen Militärgeschichte.* S. 64; *Волков С.В.* Белое движение в России: организационная структура. (Материалы для справочника). М., 2000. С. 282—283.

¹⁸ История Эстонской ССР. С. 370—371.

¹⁹ ВИЖ. 1990. № 7. С. 21.

ГЛАВА II

- ¹ ВИЖ. 1990. № 7. С. 21—22.
- ² ВИЖ. 1990. № 7. С. 22—23.
- ³ История Эстонской ССР. С. 377—378.
- ⁴ *Варес П.* На чаше весов: Эстония и Советский Союз (1940 год и его последствия) / Пер. с эст. Таллин: Евроуниверситет, 1999. С. 4.
- ⁵ История Эстонской ССР. С. 397—399.
- ⁶ *Ямпольский В.П.* (публ.) В Прибалтике ждали фюрера... И фюрер пришел! // Военно-исторический журнал. 2001. № 6. С. 39—40.
- ⁷ История Эстонской ССР. С. 378.
- ⁸ История Эстонской ССР. С. 408—409; см. также: *Барков Л.* В дебрях абвера. Таллин, 1971. С. 33.
- ⁹ История Эстонской ССР. С. 410—414.
- ¹⁰ История Латвийской ССР. С. 412; *Дризулис А.А.* Очерки истории рабочего движения в Латвии. С. 12—14.
- ¹¹ *Дризулис А.А.* Очерки истории рабочего движения в Латвии. С. 126—127.
- ¹² *Дризулис А.А.* Очерки истории рабочего движения в Латвии. С. 130.
- ¹³ История Латвийской ССР. С. 454—455.
- ¹⁴ ВИЖ. 1990. № 5. С. 32; История Латвийской ССР. С. 455.
- ¹⁵ ВИЖ. 1990. № 5. С. 36—37.
- ¹⁶ *Литвинов М.* Латвийский плацдарм // Независимое военное обозрение. 2001. № 25. С. 7.
- ¹⁷ *Майданов А.Г.* Рассудит Клио // Военно-исторический журнал. 1990. № 5. С. 37.
- ¹⁸ История Эстонской ССР. С. 405.
- ¹⁹ Независимое военное обозрение. 2001. № 25. С. 7.
- ²⁰ Военно-исторический журнал. 1990. № 5. С. 32.
- ²¹ Подробнее см.: *Сергеев Ф.* Тайные операции нацистской разведки (1933—1945). М., 1991.
- ²² *Барков Л.* В дебрях абвера. Таллин, 1971. С. 26—27.
- ²³ НВО. 2001. № 25. С. 7; ВИЖ. 1990. № 5. С. 32; *Барков Л.* В дебрях абвера. С. 32.
- ²⁴ *Фест Й.* Гитлер. Биография / В 3 т. Пермь: Алетея, 1993. Т. 1. С. 226.
- ²⁵ *Munoz A.J.* Hitler's Eastern Legions. Vol. I. The Baltic Schutzmannschaft. New York: Axis Europa, 1996. P. 58.
- ²⁶ *Ширер У.* Взлет и падение третьего рейха / В 2 т. М.: Воениздат, 1991. Т. 1. С. 73.
- ²⁷ *Фест Й.* Гитлер. Биография. Т. 1. С. 226.
- ²⁸ *Ширер У.* Взлет и падение третьего рейха. Т. 1. С. 181—182.
- ²⁹ Цит. по: *Безыменский Л.* Особая папка «Барбаросса». С. 142.
- ³⁰ *Дризул А.А.* Латвия под игом фашизма. Рига: Латгосиздат, 1960. С. 199.
- ³¹ НВО. 2001. № 25. С. 7.

- ³² ВИЖ. 1990. № 5. С. 32.
- ³³ *Безыменский Л.* Особая папка «Барбаросса». М.: Новости, 1973. С. 142.
- ³⁴ НВО. 2001. № 25. С. 7.
- ³⁵ ВИЖ. 1990. № 5. С. 35.
- ³⁶ Цит. по: ВИЖ. 1990. № 5. С. 36.
- ³⁷ *Дризул А.А.* Латвия под игом фашизма. С. 206.
- ³⁸ *Барков Л.* В дебрях абвера. С. 40.
- ³⁹ Там же. С. 32.
- ⁴⁰ Там же. С. 39—40.
- ⁴¹ Там же. С. 36.
- ⁴² Там же. С. 39—40.
- ⁴³ См. подробнее: Там же. С. 54—57.
- ⁴⁴ Там же. С. 41—42.
- ⁴⁵ Там же. С. 43—44.
- ⁴⁶ Цит. по: Там же. С. 48—49, 41—42.
- ⁴⁷ Там же. С. 31, 48.
- ⁴⁸ Там же. С. 32, 27.
- ⁴⁹ Там же. С. 45, 48—49.
- ⁵⁰ Akten zur Deutschen Auswaertigen Politik. Serie D. Bd. V. S. 384. Цит. по: История Второй мировой войны. Т. 2. С. 135.
- ⁵¹ Цит. по: *Варес П.* На чаше весов: Эстония и Советский Союз. (1940 год и его последствия) / Пер. с эст. Таллин: Евруниверситет, 1999. С. 12—13.
- ⁵² *Безыменский Л.* Особая папка «Барбаросса». М., 1973. С. 140.
- ⁵³ ВИЖ. 1990. № 7. С. 23—24.
- ⁵⁴ История Второй мировой войны. Т. 1. С. 285—288.
- ⁵⁵ Там же. Т. 2. С. 131—132.
- ⁵⁶ *Черчилль У.* Вторая мировая война. Сокращенное издание. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. С. 59.
- ⁵⁷ *Черчилль У.* Вторая мировая война. С. 73.
- ⁵⁸ Документы внешней политики СССР. Т. XVI. С. 226. Цит. по: *Максимчев И.Ф.* Дипломатия мира против дипломатии войны. Очерк советско-германских отношений в 1933—1939 годах. М., 1981. С. 61.
- ⁵⁹ Цит. по: История второй мировой войны. Т. 1. С. 287.
- ⁶⁰ СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сентябрь 1938 г. — август 1939 г.). М., 1971. С. 365.
- ⁶¹ Международная жизнь. 1989. № 8.
- ⁶² ВИЖ. 1990. № 7. С. 25.
- ⁶³ *Риббентроп Й. фон.* Между Лондоном и Москвой: Воспоминания и последние записи. Из его наследия, изданного Аннелиз фон Риббентроп / Пер. с нем. М.: Мысль, 1996. С. 158.
- ⁶⁴ Международная жизнь. 1989. № 9.
- ⁶⁵ *Grosscurth H.* Tagebuecher eines Abwehroffiziers 1939—1940. Stuttgart, 1970. S. 208.

⁶⁶ Цит. по: *Безыменский Л.* Особая папка «Барбаросса». М., 1973. С. 148.

⁶⁷ *Барков Л.* В дебрях абвера. С. 50.

⁶⁸ Сообщение посланника США в Эстонии и Латвии Дж. К. Уайли в Вашингтон от 3 октября 1939 г. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Soviet Union 1933—1939. Washington, 1952. P. 949—952.

⁶⁹ Переговоры Молотова с министром иностранных дел Эстонии К. Сельтером в Москве, 24—25 сентября 1939 г. Из Государственного архива Эстонии. Ф. 957. Оп. 17. Ед. хр. 24. Л. 162—176. Цит. по: *Варес П.* На чаше весов: Эстония и Советский Союз. С. 25.

⁷⁰ История Второй мировой войны. Т. 3. С. 366.

⁷¹ Телеграмма посла Италии в Эстонии В. Чикконарди министру иностранных дел Италии Г. Чиано от 11 ноября 1939 г. Цит. по: *Варес П.* На чаше весов: Эстония и Советский Союз. С. 102—103.

⁷² Пийп А., профессор, член Государственной думы Эстонии; в то время занимал пост министра иностранных дел Эстонии (сменил на этом посту К. Сельтера).

⁷³ Телеграмма наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова полпреду СССР в Эстонии К.Н. Никитину от 23 октября 1939 г. Цит. по: *Варес П.* На чаше весов: Эстония и Советский Союз. С. 98—99.

⁷⁴ Цит. по: *Варес П.* На чаше весов: Эстония и Советский Союз. С. 31—32.

⁷⁵ Докладная записка заместителя наркома внутренних дел СССР И.И. Масленникова наркому обороны СССР, маршалу Советского Союза К.Е. Ворошилову от 27 сентября 1939 г. Цит. по: *Варес П.* На чаше весов: Эстония и Советский Союз. С. 37—38.

⁷⁶ Обсуждение предложения Советского правительства о договоре о базах на заседании государственного Совета Эстонии. 26 сентября 1939 г., протокол № 29. Из Государственного архива Эстонии. Ф. 84. Оп. 1. Ед. хр. 1047. Л. 32—39. Цит. по: *Варес П.* На чаше весов: Эстония и Советский Союз. С. 30—36.

⁷⁷ Цит. по: *Варес П.* На чаше весов: Эстония и Советский Союз. С. 31—32.

⁷⁸ Там же. С. 33, 34—35.

⁷⁹ *Барков Л.* В дебрях абвера. С. 51.

⁸⁰ История Второй мировой войны. Т. 3. С. 366—367.

⁸¹ *Барков Л.* В дебрях абвера. С. 50.

⁸² НВО. 2001. № 25. С. 7.

⁸³ История Второй мировой войны. Т. 3. С. 368.

⁸⁴ *Атамукас С.* Компартия Литвы в борьбе за Советскую власть (1935—1940 гг.). М., 1961. С. 239.

⁸⁵ История Второй мировой войны. Т. 3. С. 367.

⁸⁶ ВИЖ. 1990. № 5. С. 33.

⁸⁷ *Барков Л.* В дебрях абвера. С. 51—52.

⁸⁸ *Максимычев И. Ф.* Дипломатия мира против дипломатии войны. С. 60.

⁸⁹ Цит. по: *Варес П.* На чаше весов: Эстония и Советский Союз. С. 31.

⁹⁰ Сиполс В. Тайная дипломатия. Буржуазная Латвия в антисоветских планах империалистических держав. 1919—1940 гг. Рига, 1968. С. 330.

⁹¹ Барков Л. В дебрях абвера. С. 52—53.

⁹² Сиполс В. Тайная дипломатия. С. 330.

⁹³ Барков Л. В дебрях абвера. С. 52.

⁹⁴ Безыменский Л. Особая папка «Барбаросса». С. 150.

⁹⁵ Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 1. М.: Наука, 1973. С. 388—389.

⁹⁶ Безыменский Л. Особая папка «Барбаросса». С. 150.

⁹⁷ Барков Л. В дебрях абвера. С. 53.

⁹⁸ Безыменский Л. Особая папка «Барбаросса». С. 150; История Второй мировой войны. Т. 3. С. 368; История Эстонской ССР. С. 430.

⁹⁹ Варес П. На чаше весов: Эстония и Советский Союз. С. 5.

¹⁰⁰ См.: Meißner, Boris. Die Sowjetunion, die Baltischen Staaten und das Völkerrecht. Köln, 1956.

¹⁰¹ См.: Rauch, Georg von. Geschichte der Baltischen Staaten. Stuttgart, 1970.

¹⁰² Ленин В.И. Избранные произведения / В 4 т. М.: Политиздат, 1988. Т. 4. С. 450—451.

¹⁰³ Ленин В.И. Избранные произведения. Т. 4. С. 448—449.

¹⁰⁴ Toynbee A.J. Survey of International Affairs 1934. London, 1935. P. 409—410.

¹⁰⁵ Городецкий Г. Миф «Ледокола»: накануне войны / Пер. с англ. М.: Прогресс-Академия, 1995. С. 127—128.

¹⁰⁶ Черчилль У. Вторая мировая война. С. 83.

¹⁰⁷ Безыменский Л. Особая папка «Барбаросса». С. 140, 143.

ГЛАВА III

¹ Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. Смоленск, 1993. С. 37.

² Там же.

³ Мельников Д.Е., Черная Л. Империя смерти. Аппарат насилия в нацистской Германии 1939—1945. М., 1987. С. 135.

⁴ Myllyniemi S. Die Neuordnung der baltischen Länder 1941—1944. Zum Nationalsozialistischen Inhalt der deutschen Besatzungspolitik. Helsinki, 1973. S. 287.

⁵ Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. С. 384.

⁶ Myllyniemi S. S. 287.

⁷ Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. С. 37.

⁸ Там же. С. 278.

⁹ Мельников Д.Н., Черная Л. Империя смерти. С. 135—136.

¹⁰ Полный текст см.: Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза. Документы, материалы. М., 1987. С. 99—103; По-

ражение германского империализма во Второй мировой войне. Статьи и документы. М., 1960. С. 225—227.

¹¹ Преступные цели гитлеровской Германии. С. 101.

¹² Там же. С. 127.

¹³ Мельников Д.Н., Черная Л. Империя смерти. С. 135—136.

¹⁴ Das Schwarze Korps. 20.August 1942; цит. по: ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 93. Д. 3694. Л. 13—22.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 93. Д. 3694. Л. 13.

¹⁶ Jacobsen H.-A. Die nationalsozialistische Aussenpolitik. Frankfurt-am-Main, 1968. S. 193; Rauch, Georg von. Geschichte der Baltischen Staaten. Stuttgart, 1970. S. 122—124; Myllyniemi S. S. 58.

¹⁷ Цит. по: Myllyniemi S. S. 58.

¹⁸ Планы фашистской империи // ВИЖ. 1990. № 5. С. 39.

¹⁹ Myllyniemi S. S. 57.

²⁰ Армия. 1992. № 3/4. С. 42.

²¹ Полный текст см.: Преступные цели гитлеровской Германии. С. 123—133; Совершенно секретно! Только для командования! Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М., 1967. С. 108—113, 115—120.

²² Преступные цели гитлеровской Германии. С. 127—128.

²³ Полный текст см.: Планы фашистской империи // ВИЖ. 1990. № 5. С. 42—44.

²⁴ ВИЖ. 1990. № 5. С. 42—43.

²⁵ Преступные цели преступные средства. Сборник документов. 2-е изд. М., 1968. С. 52 (Док.10).

²⁶ Myllyniemi S. S. 59.

²⁷ Армия. 1992. № 3/4. С. 42.

²⁸ Dokumente zur deutschen Geschichte, 1942—1945. Hrsg. von O. Groehler, W. Bleyer, u.a. Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften (VEB), 1977. S. 67—68 (Dok.59).

²⁹ Преступные цели — преступные средства. С. 55.

³⁰ Петер Клейст возглавлял Отдел I.1 «Остланд» в Министерстве по делам оккупированных восточных территорий; этот отдел ведал делами немецкой оккупационной администрации в Прибалтике.

³¹ Kleist P. Entre Hitler et Staline. 1939—1945. Paris: Plon, 1953. P. 121.

³² Из рабочей директивы рейхсминистра по делам оккупированных восточных территорий по гражданскому управлению, 21 февраля 1941 г., «Коричневая папка» // Нюрнбергский процесс над главными немецко-фашистскими военными преступниками. Сборник материалов. В 3 т. Т. 2. М., 1965. С. 184.

³³ ВИЖ. 1990. № 5. С. 39.

³⁴ Kleist P. Entre Hitler et Staline. 1939—1945. P. 121.

³⁵ Преступные цели преступные средства. (Сборник документов) / 2 изд. М., 1968. С. 45—50 (Док.8).

³⁶ Преступные цели преступные средства. С. 47—48.

- ³⁷ Myllyniemi S. S. 87,89.
- ³⁸ Myllyniemi S. S. 87.
- ³⁹ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1010. Л. 3.
- ⁴⁰ Преступные цели преступные средства. С. 52.
- ⁴¹ Isberg A. Zu den Bedingungen des Befreiens: Kollaboration und freiheitsstreben in dem von Deutschland besetzten Estland 1941 bis 1944. Stockholm: Almqvist & Wiksell intern., 1992. S. 49.
- ⁴² Совершенно секретно! Только для командования! Таблица XV.
- ⁴³ Isberg A. Zu den Bedingungen des Befreiens. S. 33.
- ⁴⁴ Myllyniemi S. S. 75—77; Isberg A. S. 39.
- ⁴⁵ Haupt W. Heeresgruppe Nord. Bad Nauheim, 1967. S. 270.
- ⁴⁶ Munoz A.J. Hitler's Eastern Legions. Vol. I. The Baltic Schutzmannschaft. New York, 1996. P. 50—51.
- ⁴⁷ Мюллер Н. Вермахт и оккупация (1941—1944). М., 1974. С. 107; Munoz A.J. Hitler's Eastern Legions. Vol. I. The Baltic Schutzmannschaft. P. 15, 51.
- ⁴⁸ Thomas N., Abbot P., Chappel M. Partisan Warfare 1941—45. London, Osprey, 1983. P. 14.
- ⁴⁹ Kleist P. Entre Hitler et Staline. P. 123—124.
- ⁵⁰ Thomas N., Abbot P., Chappel M. Partisan Warfare 1941—45. London, Osprey, 1983. P. 14.
- ⁵¹ Myllyniemi S. S. 92.
- ⁵² Munoz A.J. Hitler's Eastern Legions. Vol. I. The Baltic Schutzmannschaft. P. 50.
- ⁵³ Ibid. P. 58.
- ⁵⁴ Pätzold K., Weißbecker M. Hakenkreuz und Totenkopf. (Die Partei des Verbrechens). Berlin: VEB, 1981.
- ⁵⁵ Munoz A.J. Hitler's Eastern Legions. Vol. I. The Baltic Schutzmannschaft. P. 58.
- ⁵⁶ Myllyniemi S. S. 78.
- ⁵⁷ Myllyniemi S. S. 79—80.
- ⁵⁸ Isberg A. S. 33.
- ⁵⁹ Преступные цели — преступные средства. (Сборник документов). 2 изд. М., 1968. С. 56—59.
- ⁶⁰ Myllyniemi S. S. 90—91.
- ⁶¹ Преступные цели — преступные средства. С. 60—62 (Док. 13).
- ⁶² ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 93. Д. 3695. Л. 31—32.
- ⁶³ Нюрнбергский процесс... В 3 т. Т. 2. С. 189—190.
- ⁶⁴ Isberg A. S. 64.
- ⁶⁵ Встреча П. Клейста и фон Рока происходила в Литве в 1941 г., когда районы Латвии еще находились в зоне боевых действий, а территория Эстонии еще не была оккупирована. — *Авт.*
- ⁶⁶ Kleist P. Entre Hitler et Staline. 1939—1945. P. 124—125.
- ⁶⁷ См.: Kleist P. Entre Hitler et Staline. 1939—1945. P. 121.
- ⁶⁸ Isberg A. S. 64.

- ⁶⁹ *Isberg A.* S. 64—65.
- ⁷⁰ ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 93. Д. 3695. Л. 12; *Isberg A.* S. 65.
- ⁷¹ Немецко-фашистский оккупационный режим. С. 78—79.
- ⁷² *Isberg A.* S. 65.
- ⁷³ ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 93. Д. 3695. Л. 12.
- ⁷⁴ Преступные цели — преступные средства. С. 59—60.
- ⁷⁵ *Birn R.B.* S. 73; *Tessin G.* S. 53—54; *Бобринев В., Петренко Г.* (публ.). После них была только смерть. [Показания военного деятеля Германии Ф. Йекельна на следствии по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на оккупированных территориях.] // Армия. 1992. № 3/4. С. 41.
- ⁷⁶ *Munoz A.J.* Hitler's Eastern Legions. Vol. I. The Baltic Schutzmannschaft. P. 58.
- ⁷⁷ *Birn R.B.* S. 66—67.
- ⁷⁸ *Birn R.B.* S. 64.
- ⁷⁹ Армия. 1992. № 3/4. С. 40.
- ⁸⁰ *Birn R.B.* S. 220.
- ⁸¹ *Tessin G.* S. 54; ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 93. Д. 3694. Л. 33—34, 41—43.
- ⁸² *Tessin G.* S. 54.
- ⁸³ Преступные цели — преступные средства. С. 60.
- ⁸⁴ *Bräutigam O.* Überblick über die besetzten Ostgebiete während des Zweiten Weltkrieges. Tübingen 1954. S. 11.
- ⁸⁵ *Munoz A.J.* Hitler's Eastern Legions. Vol. I. The Baltic Schutzmannschaft. P. 20.
- ⁸⁶ *Birn R.B.* S. 235; *Tessin G.* S. 54.
- ⁸⁷ *Dallin A.* Deutsche Herrschaft in Rußland 1941—1945. S. 233; *Myllyniemi S.* S. 92; *Birn R.B.* S. 235.
- ⁸⁸ *Мюллер Н.* Вермахт и оккупация (1941—1944). Пер. с нем. М.: Воениздат, 1974. С. 146; *Lumsden R., Hannon P.* The Allgemeine-SS. London, Osprey Publishing, 1993. P. 40.
- ⁸⁹ ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 97. Д. 881. Л. 6, 8.
- ⁹⁰ *Васильчикова М.* Берлинский дневник 1940—1945. М., 1994. С. 56.
- ⁹¹ *Мельников Д.Е., Черная Л.* Империя смерти. С. 324.
- ⁹² *Munoz A.J.* Hitler's Eastern Legions. Vol. I. The Baltic Schutzmannschaft. P. 16.
- ⁹³ *Ibidem.*
- ⁹⁴ *Мельников Д.Е., Черная Л.* Империя смерти. С. 327; Великая Отечественная война 1941—1945. Энциклопедия. М., 1985. С. 418.
- ⁹⁵ *Мюллер Н.* Вермахт и оккупация. С. 146; *Ямпольский В.П.* (публ.). «В Литве больше нет евреев...» // ВИЖ. 1996. № 6. С. 16—19; Немецко-фашистский оккупационный режим. С. 352
- ⁹⁶ Преступные цели — преступные средства. С. 118—120 (Док. 43).
- ⁹⁷ *Munoz A.J.* Hitler's Eastern Legions. Vol. I. The Baltic Schutzmannschaft. P. 16.
- ⁹⁸ Нацистских преступников — к ответу! М., 1983. С. 113.
- ⁹⁹ Преступные цели — преступные средства. С. 118—120 (Док. 43).
- ¹⁰⁰ Немецко-фашистский оккупационный режим. С. 343.

- ¹⁰¹ Преступные цели — преступные средства. С. 87.
- ¹⁰² *Isberg A.* S. 121.
- ¹⁰³ *Munoz A.J.* Hitler's Eastern Legions. Vol. I. The Baltic Schutzmannschaft. P. 16.
- ¹⁰⁴ *Tessin G.* S. 87; Немецко-фашистский оккупационный режим (1941—1944 гг.). М., 1965. С. 343.
- ¹⁰⁵ *Tessin G.* S. 55.
- ¹⁰⁶ *Birn R.B.* S. 225; *Tessin G.* S. 55.
- ¹⁰⁷ *Littlejohn D.* Vol. 4. P. 7—8.
- ¹⁰⁸ *Isberg A.* S. 73.
- ¹⁰⁹ *Birn R.B.* S. 225.
- ¹¹⁰ *Birn R.B.* S. 225; *Tessin G.* S. 55.
- ¹¹¹ *Tessin G.* S. 55; *Thomas N. a.o.* P. 14—15.
- ¹¹² *Birn R.B.* S. 220.
- ¹¹³ *Birn R.B.* S. 136—137.
- ¹¹⁴ ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 93. Д. 3695. Л. 173.
- ¹¹⁵ *Tessin G.* S. 55—56.
- ¹¹⁶ *Tessin G.* S. 58.
- ¹¹⁷ *Tessin G.* S. 56—57; *Littlejohn D.* Vol. 4. P. 10—13.
- ¹¹⁸ *Thomas N. a.o.* P. 16; *Littlejohn D.* Vol. 4. P. 217.
- ¹¹⁹ *Tessin G.* S. 58.

ГЛАВА IV

- ¹ Нюрнбергский процесс... В 3 т. Т. 2. С. 230 (полный текст с.230—239).
- ² Нюрнбергский процесс... В 3 т. Т. 2. С. 234.
- ³ *Kleist P.* Entre Hitler et Staline. 1939—1945 / Trad. de l'allemand. Paris: Plon, 1953. P. 130.
- ⁴ Нюрнбергский процесс... В 3 т. Т. 2. С. 230—231.
- ⁵ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1150. Л. 6—8.
- ⁶ ВИЖ. 1990. № 5. С. 40—41.
- ⁷ ВИЖ. 1990. № 5. С. 42.
- ⁸ *Isberg A.* S. 32—33; *Myllyniemi S.* S. 85—86.
- ⁹ Сводка событий из СССР № 153. Шеф полиции безопасности и СД, Берлин, 9 января 1942 г. *Алов Г.Г.* Палачи. [О злодеяниях немецко-фашистских захватчиков и их пособников на территории оккупированной Прибалтики. Публикация документов из тайных архивов Германии.] // Военно-исторический журнал. 1990. № 12. С. 20.
- ¹⁰ *Myllyniemi S.* S. 78.
- ¹¹ *Myllyniemi S.* S. 212—213; *Isberg A.* S. 77.
- ¹² *Myllyniemi S.* S. 214—215.
- ¹³ *Dallin A.* Deutsche Herrschaft in Rußland 1941—1945: Eine Studie über Besatzungspolitik. Düsseldorf, 1981. S. 200.
- ¹⁴ *Myllyniemi S.* S. 206, 231; *Isberg A.* S. 88.

- ¹⁵ Сводка событий из СССР № 153, 9 января 1942 г.: ВИЖ. 1990. № 12. С. 20; *Myllyniemi S. S.* 227.
- ¹⁶ *Stöber H.* Die lettischen Divisionen: Im VI. SS-Armee-korps. Osnabrück: Munin-Verlag, 1981. S. 45—46.
- ¹⁷ Армия. 1992. № 3/4. С. 43.
- ¹⁸ *Myllyniemi S. S.* 231; *Isberg A. S.* 88.
- ¹⁹ *Kempner R.* (Hrsg.). Der Kampf gegen die Kirche aus unveröffentlichten Tagebüchern Alfred Rosenbergs // Der Monat. 1949. Nr. 10. S. 38.
- ²⁰ *Myllyniemi S. S.* 130.
- ²¹ *Myllyniemi S. S.* 201.
- ²² *Birn R.B.* S. 230—231.
- ²³ *Birn R.B.* S. 232.
- ²⁴ *Isberg A. S.* 76.
- ²⁵ *Kleist P.* Entre Hitler et Staline 1939—1945. P. 131.
- ²⁶ Армия. 1992. № 6. С. 55.
- ²⁷ *Myllyniemi S. S.* 246—257.
- ²⁸ *Kleist P.* Entre Hitler et Staline 1939—1945. P. 133—134.
- ²⁹ Анатомия войны. Новые документы о роли германского монополистического капитала в подготовке и ведении 2-й мировой войны / Пер. с нем. М., Прогресс, 1971. С. 415—417 (Док. 221).
- ³⁰ Анатомия войны. С. 419—420 (Док. 224).
- ³¹ Анатомия агрессии. Новые документы о военных целях фашистского германского империализма во Второй мировой войне./ Пер. с нем. М.: Прогресс, 1975. С. 249—250 (Док. 37).
- ³² *Isberg A. S.* 88.
- ³³ *Myllyniemi S. S.* 225—226, 232; *Isberg A. S.* 88.
- ³⁴ *Myllyniemi S. S.* 232—233; Преступные цели — преступные средства. С. 255.
- ³⁵ Гитлеровская оккупация в Литве. (Сборник статей.) Вильнюс, 1966. С. 74.
- ³⁶ *Isberg A. S.* 89; *Myllyniemi S. S.* 231.
- ³⁷ *Isberg A. S.* 88; *Myllyniemi S. S.* 225—226, 232.
- ³⁸ *Isberg A. S.* 89—90; *Myllyniemi S. S.* 232.
- ³⁹ *Myllyniemi S. S.* 233.
- ⁴⁰ *Myllyniemi S. S.* 216; *Isberg A. S.* 77.
- ⁴¹ *Myllyniemi S. S.* 217—218; *Isberg A. S.* 77.
- ⁴² *Myllyniemi S. S.* 242—244.
- ⁴³ *Myllyniemi S. S.* 244—245.
- ⁴⁴ *Kleist P.* Entre Hitler et Staline 1939—1945. P. 134.
- ⁴⁵ *Myllyniemi S. S.* 245.
- ⁴⁶ *Myllyniemi S. S.* 246.
- ⁴⁷ *Myllyniemi S. S.* 251—252, 247; *Isberg A. S.* 96.
- ⁴⁸ *Myllyniemi S. S.* 247—248.
- ⁴⁹ *Myllyniemi S. S.* 248—49.

- ⁵⁰ *Myllyniemi S. S.* 250, 253.
- ⁵¹ *Isberg A. S.* 101.
- ⁵² *Myllyniemi S. S.* 250.
- ⁵³ *Myllyniemi S. S.* 253; *Isberg A. S.* 100.
- ⁵⁴ *Myllyniemi S. S.* 250.
- ⁵⁵ Анатомия агрессии. С. 252—253 (Док. 38).
- ⁵⁶ Анатомия агрессии. С. 295—296 (Док. 45); С. 297—299 (Док. 47).
- ⁵⁷ Преступные цели преступные средства. (Сборник документов.) 2 изд. М., 1968. С. 52.
- ⁵⁸ ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 93. Д. 3694. Л. 97, 100.
- ⁵⁹ ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 93. Д. 3695. Л. 176.
- ⁶⁰ *Myllyniemi S. S.* 250; *Isberg A. S.* 74.
- ⁶¹ *Myllyniemi S. S.* 252.
- ⁶² *Myllyniemi S. S.* 275; *Littlejohn D.* Vol. 4. P. 183.
- ⁶³ *Myllyniemi S. S.* 253—255.
- ⁶⁴ *Myllyniemi S. S.* 275.
- ⁶⁵ *Isberg A. S.* 114.
- ⁶⁶ *Myllyniemi S. S.* 276.
- ⁶⁷ *Steiner F.* Die Freiwilligen der Waffen-SS. Idee und Opfergang. Goettingen: Plesse Verlag, 1963.
- ⁶⁸ *Hausser P.* Soldaten wie andere auch. Der Weg der Waffen-SS. Osnabrueck: Munin Verlag, 1966.
- ⁶⁹ *Skorzeny O.* Geheimkommando Skorzeny. Hamburg, 1950. S. 346—347, и др.
- ⁷⁰ *Bender R.J., Taylor H.P.* Uniforms, Organization and History of the Waffen-SS (in 5 volumes). Vol. 2. San Jose (California): R.J. Bender Publishing, 1971. P. 59.
- ⁷¹ *Краус О., Кулка Э.* Фабрика смерти. Пер. с чешского. М.: Госполитиздат, 1960. С. 186, 254.
- ⁷² *Sachsenhausen.* Dokumente, Aussagen, Forschungsergebnisse und Erlebnisberichte über das ehemalige KZ Sachsenhausen. Berlin: VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1974. S. 152.
- ⁷³ Немецко-фашистский оккупационный режим. С. 341—342.
- ⁷⁴ *Бобреньев В., Петренко Г.* (публ.). После них была только смерть. [Показания военного деятеля Германии Ф. Йекельна на следствии по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на оккупированных территориях.] // Армия. 1992. № 6. С. 51.

ГЛАВА V

¹ *Ямпольский В.П.* (публ.) В Прибалтике ждали фюрера... И фюрер пришел! // Военно-исторический журнал. 2001. № 6. С. 37.

² РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1010. Л. 2. Гитлеровская оккупация в Литве. С. 28—29.

³ Myllyniemi S. S. 72.

⁴ Munoz A.J. Hitler's Eastern Legions. Vol. I. The Baltic Schutzmannschaft. P. 52.

⁵ Ibid. P. 24.

⁶ См.: *Сергеев Ф.* Тайные операции нацистской разведки (1933—1945). М., 1991.

⁷ Myllyniemi S. S. 72.

⁸ Munoz A.J. Hitler's Eastern Legions. Vol. I. The Baltic Schutzmannschaft. P. 52.

⁹ Myllyniemi S. S. 72—73, 81.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1010. Л. 15.

¹¹ Гитлеровская оккупация в Литве. С. 31; *Ямпольский В.П.* (публ.). «За что боролись?» Как немецкая власть обидела «Фронт литовских активистов» // Военно-исторический журнал. 1994. № 5. С. 47—52.

¹² Гитлеровская оккупация в Литве. С. 30—31.

¹³ Myllyniemi S. S. 81.

¹⁴ Myllyniemi S. S. 73.

¹⁵ ВИЖ. 1990. № 6. С. 17—22.

¹⁶ Гитлеровская оккупация в Литве. С. 36.

¹⁷ Myllyniemi S. S. 82—83.

¹⁸ Графе, Хайнц (род. в 1908 г.) являлся оберштурмбаннфюрером СД (1944), старшим правительственным советником, работал в аппарате Шелленберга в качестве начальника группы VI С Главного управления имперской безопасности (РСХА).

¹⁹ Myllyniemi S. S. 104.

²⁰ ВИЖ. 1994. № 5. С. 47—52.

²¹ Myllyniemi S. S. 83.

²² Оно было подписано в Каунасе еще 28 июля 1941 года, вместе с аналогичным воззванием к латышам.

²³ ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 1. Д. 3695. Л. 119—120; Myllyniemi S. S. 83.

²⁴ Доктор Теодор Адриан фон Рентельн (р.1897) являлся членом НСДАП с 1928 г., депутатом рейхстага, одним из специалистов по политэкономии в НСДАП, а также членом Большого совета Северного общества. См.: Myllyniemi S. Die Neuordnung der baltischen Länder 1941—1944. Zum Nationalsozialistischen Inhalt der deutschen Besatzungspolitik. Helsinki, 1973. S. 296.

²⁵ Преступные цели — преступные средства. (Сборник документов). 2 изд. М., 1968. С. 228—229.

²⁶ *Ямпольский В.П.* (публ.). «В Литве больше нет евреев...» // Военно-исторический журнал. 1996. № 6. С. 19—20.

²⁷ Немецко-фашистский оккупационный режим (1941—1944 гг.). (Сборник статей.) М., 1965. С. 76.

²⁸ Myllyniemi S. S. 105.

²⁹ Гитлеровская оккупация в Литве. С. 36; Немецко-фашистский оккупационный режим. С. 78; Myllyniemi S. S. 104—105.

- ³⁰ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1010. Л. 4.
- ³¹ *Myllyniemi S. S.* 104—105.
- ³² Немецко-фашистский оккупационный режим. С. 78.
- ³³ *Myllyniemi S. S.* 104—105.
- ³⁴ *Myllyniemi S. S.* 119, 209.
- ³⁵ *Myllyniemi S. S.* 119—120.
- ³⁶ *Myllyniemi S. S.* 209.
- ³⁷ Лабс был начальником отдела II.1 «Внутреннее управление» в Министерстве по делам оккупированных восточных территорий.
- ³⁸ *Myllyniemi S. S.* 209.
- ³⁹ Немецко-фашистский оккупационный режим. С. 78—79.
- ⁴⁰ Гитлеровская оккупация в Литве. С. 30—31.
- ⁴¹ Там же. С. 93.
- ⁴² *Myllyniemi S. S.* 228.
- ⁴³ ВИЖ. 1996. № 6. С. 19—20.
- ⁴⁴ *Munoz A.J.* Hitler's Eastern Legions. Vol. I. The Baltic Schutzmannschaft. P. 24.
- ⁴⁵ Гитлеровская оккупация в Литве. (Сборник статей.) Вильнюс, 1966. С. 100, 161.
- ⁴⁶ Согласно донесению командующего эйнзатцгруппы «А» Ф. Шталекера от 31 октября 1941 г. См.: Алов Г.Г. Палачи. [О злодеяниях немецко-фашистских захватчиков и их пособников на территории оккупированной Прибалтики. Публикация документов из тайных архивов Германии.] // Военно-исторический журнал. 1990. № 6. С. 25, 30.
- ⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1010. Л. 5.
- ⁴⁸ ВИЖ. 1990. № 6. С. 30.
- ⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1010. Л. 5.
- ⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1006. Л. 56—58.
- ⁵¹ ВИЖ. 1990. № 6. С. 30.
- ⁵² Народная война в тылу фашистских оккупантов на Украине 1941—1944 гг. Киев, 1985. Кн. 1. С. 129—130.
- ⁵³ Великая Отечественная война. Энциклопедия. М., 1985. С. 206.
- ⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1006. Л. 35.
- ⁵⁵ *Myllyniemi S. S.* 231.
- ⁵⁶ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1010. Л. 5.
- ⁵⁷ *Myllyniemi S. S.* 233.
- ⁵⁸ *Littlejohn D.* Vol. 4. P. 219—220.
- ⁵⁹ *Myllyniemi S. S.* 233.
- ⁶⁰ Гитлеровская оккупация в Литве. С. 118; Немецко-фашистский оккупационный режим. С. 82.
- ⁶¹ *Myllyniemi S. S.* 234.
- ⁶² Преступные цели преступные средства. С. 254—259 (Док.134).
- ⁶³ *Myllyniemi S. S.* 234.
- ⁶⁴ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1006. Л. 13; *Myllyniemi S. S.* 234.

- ⁶⁵ Преступные цели преступные средства. С. 256; *Myllyniemi S. S.* 234.
- ⁶⁶ *Littlejohn D.* Vol. 4. P. 219.
- ⁶⁷ *Myllyniemi S. S.* 234—235.
- ⁶⁸ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1006. Л. 34.
- ⁶⁹ Преступные цели — преступные средства. С. 254—259 (Док.134).
- ⁷⁰ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1006. Л. 36.
- ⁷¹ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1006. Л. 35; «Ukininko patavejas». № 11 (711). 19 марта 1943.
- ⁷² Немецко-фашистский оккупационный режим. С. 82—83.
- ⁷³ *Myllyniemi S. S.* 235.
- ⁷⁴ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1010. Л. 6.
- ⁷⁵ Преступные цели — преступные средства. С. 256—257; *Myllyniemi S. S.* 235.
- ⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1010. Л. 6.
- ⁷⁷ Преступные цели — преступные средства. С. 254—259 (Док. 134).
- ⁷⁸ Преступные цели — преступные средства. С. 256—257.
- ⁷⁹ *Myllyniemi S. S.* 236.
- ⁸⁰ *Isberg A. S.* 77.
- ⁸¹ Преступные цели преступные средства. С. 257.
- ⁸² РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1006. Л. 5.
- ⁸³ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1006. Л. 17.
- ⁸⁴ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1006. Л. 21.
- ⁸⁵ Сводка Литовского ШПД от августа 1943, РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1006. Л. 5.
- ⁸⁶ Сводка Литовского ШПД от 3 сентября 1943, РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1006. Л. 21.
- ⁸⁷ Сводка Литовского ШПД от 18 сентября 1943, РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1006. Л. 25.
- ⁸⁸ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1009. Л. 3.
- ⁸⁹ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1006. Л. 21, и др.
- ⁹⁰ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1006. Л. 5,12—15.
- ⁹¹ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1006. Л. 7.
- ⁹² РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1006. Л. 13.
- ⁹³ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1006. Л. 23.
- ⁹⁴ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1006. Л. 7.
- ⁹⁵ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1006. Л. 15.
- ⁹⁶ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1006. Л. 43.
- ⁹⁷ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1006. Л. 17.
- ⁹⁸ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1006. Л. 60.
- ⁹⁹ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1006. Л. 15.
- ¹⁰⁰ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1006. Л. 23.
- ¹⁰¹ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1006. Л. 29.
- ¹⁰² РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1006. Л. 21.
- ¹⁰³ Преступные цели гитлеровской Германии. С. 127.

- ¹⁰⁴ Преступные цели — преступные средства. С. 257.
- ¹⁰⁵ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1006. Л. 29.
- ¹⁰⁶ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1006. Л. 27.
- ¹⁰⁷ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1006. Л. 31.
- ¹⁰⁸ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1009. Л. 10.
- ¹⁰⁹ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1009. Л. 33.
- ¹¹⁰ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1009. Л. 38.
- ¹¹¹ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1009. Л. 38.
- ¹¹² РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1009. Л. 3.
- ¹¹³ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1009. Л. 3.
- ¹¹⁴ Преступные цели — преступные средства. С. 257—258.
- ¹¹⁵ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1009. Л. 3.
- ¹¹⁶ Преступные цели — преступные средства. С. 258.
- ¹¹⁷ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1006. Л. 69.
- ¹¹⁸ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1009. Л. 3.
- ¹¹⁹ Преступные цели — преступные средства. С. 258.
- ¹²⁰ Немецко-фашистский оккупационный режим. С. 83.
- ¹²¹ Разведсводка № 12 от 17 октября 1943 г. Литовского ШПД, РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1006. Л. 44.
- ¹²² Юст, генерал-майор, начальник полевой комендатуры Каунаса. См.: *Гальдер Ф.* Военный дневник. Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск 1939—1942 гг. В 3 т. Т. 3 (в 2 кн.). М., 1971. Кн.2. С. 44—45.
- ¹²³ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1006. Л. 60.
- ¹²⁴ Сводка о событиях в Литве Литовского ШПД от 28 ноября 1943 г. РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1006. Л. 61.
- ¹²⁵ Сводка от 3 декабря 1943, РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1006. Л. 63.
- ¹²⁶ По сообщению подпольной националистической газеты «И Лайсве» от 27 декабря 1943 г. РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1009. Л. 4.
- ¹²⁷ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1006. Л. 60—61.
- ¹²⁸ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1006. Л. 69.
- ¹²⁹ Сводка от 24 декабря 1943, РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1009. Л. 2.
- ¹³⁰ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1006. Л. 64.
- ¹³¹ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1006. Л. 64.
- ¹³² *Myllyniemi S. S.* 276.
- ¹³³ *Littlejohn D.* Vol. 4. P. 220.
- ¹³⁴ *Myllyniemi S. S.* 277.
- ¹³⁵ Бурмейстер — начальник I главного отдела «Администрация» в аппарате рейхскомиссариата «Остланд».
- ¹³⁶ *Myllyniemi S. S.* 277.
- ¹³⁷ *Littlejohn D.* Vol. 4. P. 220.
- ¹³⁸ *Myllyniemi S. S.* 278.
- ¹³⁹ *Munoz A.J.* Hitler's Eastern Legions. Vol. I. The Baltic Schutzmannschaft. P. 38.

- ¹⁴⁰ См.: *Tessin G.* S. 107.
- ¹⁴¹ *Myllyniemi S.* S. 277.
- ¹⁴² *Myllyniemi S.* S. 278.
- ¹⁴³ *Myllyniemi S.* S. 278.
- ¹⁴⁴ *Myllyniemi S.* S. 278—279.
- ¹⁴⁵ *Myllyniemi S.* S. 279.
- ¹⁴⁶ *Littlejohn D.* Vol. 4. P. 220; *Munoz A.J.* Hitler's Eastern Legions. Vol. I. The Baltic Schutzmannschaft. P. 38.
- ¹⁴⁷ *Littlejohn D.* Vol. 4. P. 220.
- ¹⁴⁸ *Munoz A.J.* Hitler's Eastern Legions. Vol. I. The Baltic Schutzmannschaft. P. 38
- ¹⁴⁹ *Littlejohn D.* Vol. 4. P. 220.
- ¹⁵⁰ *Myllyniemi S.* S. 279.
- ¹⁵¹ *Littlejohn D.* Vol. 4. P. 220.
- ¹⁵² *Myllyniemi S.* S. 318—319.
- ¹⁵³ *Myllyniemi S.* S. 280.
- ¹⁵⁴ *Myllyniemi S.* S. 263, 279—280.
- ¹⁵⁵ *Myllyniemi S.* S. 263.
- ¹⁵⁶ *Littlejohn D.* Vol. 4. P. 220; *Myllniemi S.* S. 280.
- ¹⁵⁷ *Munoz A.J.* Hitler's Eastern Legions. Vol. I. The Baltic Schutzmannschaft. P. 38.
- ¹⁵⁸ *Littlejohn D.* Vol. 4. P. 220—221.
- ¹⁵⁹ *Munoz A.J.* Hitler's Eastern Legions. Vol. I. The Baltic Schutzmannschaft. P. 54, 57.
- ¹⁶⁰ *Littlejohn D.* Vol. 4. P. 220—221.
- ¹⁶¹ *Myllyniemi S.* S. 284.

ГЛАВА VI

¹ Ямпольский В.П. (публ.). В Прибалтике ждали фюрера... И фюрер пришел! // Военно-исторический журнал. 2001. № 6. С. 39—40.

² *Rauch G. von.* Geschichte der Baltischen Lander. Stuttgart, 1970. S. 190.

³ *Myllyniemi S.* Die Neuordnung der baltischen Länder 1941—1944. Zum Nationalsozialistischen Inhalt der deutschen Besatzungspolitik. Helsinki, 1973. S. 85.

⁴ *Isberg A.* Zu den Bedingungen des Befreiers: Kollaboration und freiheitsstreben in dem von Deutschland besetzten Estland 1941 bis 1944. Stockholm: Almquist & Wiksell intern., 1992. S. 32—33; *Myllyniemi S.* S. 84, 85—86.

⁵ *Littlejohn D.* Foreign Legions of the Third Reich. Vol. 4. San Jose, Calif.: Bender Publishing, 1987. P. 137.

⁶ *Littlejohn D.* Vol. 4. P. 137.

⁷ Барков Л. В дебрях абвера. Таллин, 1971. С. 73—74.

⁸ *Littlejohn D.* Vol. 4. P. 137.

- ⁹ *Isberg A. S.* 30, 34.
- ¹⁰ *Myllyniemi S. S.* 73.
- ¹¹ *Isberg A. S.* 30, 34.
- ¹² Барков Л. В дебрях абвера. Таллин, 1971. С. 74.
- ¹³ *Littlejohn D.* Vol. 4. P. 137.
- ¹⁴ Барков Л. В дебрях абвера. С. 74—75.
- ¹⁵ *Isberg A. S.* 34—36.
- ¹⁶ Барков Л. В дебрях абвера. С. 75.
- ¹⁷ *Isberg A. S.* 34—36.
- ¹⁸ *Myllyniemi S. S.* 107.
- ¹⁹ *Myllyniemi S. S.* 108.
- ²⁰ *Isberg A. S.* 39—40.
- ²¹ *Isberg A. S.* 33, 54—55.
- ²² См.: *Myllyniemi S. S.* 90.
- ²³ Немецко-фашистский оккупационный режим (1941—1944 гг.). М., 1965. С. 89—91.
- ²⁴ Хайнц Грэфе — оберштурмбаннфюрер СД, начальник группы VI С Главного управления имперской безопасности (РСХА).
- ²⁵ *Isberg A. S.* 39—40.
- ²⁶ *Isberg A. S.* 43.
- ²⁷ *Myllyniemi S. S.* 54.
- ²⁸ ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 97. Д. 880. Л. 13; *Isberg A. S.* 48; *Myllyniemi S. S.* 111; Немецко-фашистская оккупация в Эстонии. С. 17 (Док. 4)
- ²⁹ Принц цу Гогенлоз являлся начальником главного отдела «Экономика» в генеральном комиссариате «Эстония».
- ³⁰ *Isberg A. S.* 71.
- ³¹ *Isberg A. S.* 49.
- ³² *Isberg A. S.* 43—44.
- ³³ *Isberg A. S.* 49.
- ³⁴ *Isberg A. S.* 64.
- ³⁵ *Myllyniemi S. S.* 213.
- ³⁶ ВИЖ. 1990. № 6. С. 19.
- ³⁷ *Myllyniemi S. S.* 53—54.
- ³⁸ ВИЖ. 1997. № 1. С. 17; *Littlejohn D.* Foreign Legions of the Third Reich (in 4 volumes). San Jose, Calif.: Bender Publishing. Vol. 4. 1987. P. 140.
- ³⁹ *Isberg A. S.* 36—37.
- ⁴⁰ *Isberg A. S.* 37.
- ⁴¹ *Isberg A. S.* 39.
- ⁴² *Littlejohn D.* Vol. 4. P. 140.
- ⁴³ *Isberg A. S.* 117—118.
- ⁴⁴ *Isberg A. S.* 39.
- ⁴⁵ Нацистских преступников — к ответу! М.: Политиздат, 1983. С. 101—108.
- ⁴⁶ Там же. С. 103—104.

⁴⁷ Сообщение УНКВД по Ленинградской области в областной комитет ВКП(б) и командованию Ленинградского фронта от 5 ноября 1941 г // ВИЖ. 1997. № 1. С. 15.

⁴⁸ *Isberg A. S.* 38.

⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1039. Л. 1.

⁵⁰ *Isberg A. S.* 87.

⁵¹ *Isberg A. S.* 87—88.

⁵² ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 97. Д. 881. Л. 8.

⁵³ *Isberg A. S.* 39.

⁵⁴ *Isberg A. S.* 51—52.

⁵⁵ ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 97. Д. 881. Л. 11.

⁵⁶ Немецко-фашистская оккупация в Эстонии (1941—1944). Сборник документов и мат-лов. Таллин, 1963. С. 52.

⁵⁷ ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 97. Д. 881. Л. 11.

⁵⁸ *Isberg A. S.* 51—52.

⁵⁹ ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 97. Д. 881. Л. 8—9.

⁶⁰ Немецко-фашистский оккупационный режим. С. 89—91.

⁶¹ Немецко-фашистский оккупационный режим. С. 89—91.

⁶² *Isberg A. S.* 86.

⁶³ ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 97. Д. 881. Л. 11.

⁶⁴ Немецко-фашистский оккупационный режим. С. 89—91.

⁶⁵ ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 97. Д. 881. Л. 11.

⁶⁶ *Isberg A. S.* 86.

⁶⁷ ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 97. Д. 881. Л. 11.

⁶⁸ По данным на 12 января 1942 г. См.: ВИЖ. 1990. № 6. С. 22.

⁶⁹ Под полицейскими эстонскими частями подразумеваются Schumabатальоны, под частями вермахта — так называемые «охранные батальоны» при 16-й и 18-й армиях и в тыловом районе группы армий «Север». Что же касается эстонцев, служивших в составе войск СС, то в то время их были единицы — в основном в добровольческой дивизии СС «Нордланд».

⁷⁰ Зондерфюрер военный чиновник в вермахте. Поскольку большинство иностранцев, в особенности представители «низших рас», в первые годы войны не имели права на офицерское звание из-за «расовой теории» нацистов, как правило, им присваивали звания «зондерфюреров».

⁷¹ *Isberg A. S.* 75.

⁷² *Isberg A. S.* 73.

⁷³ ВИЖ. 1990. № 6. С. 18.

⁷⁴ *Isberg A. S.* 73.

⁷⁵ *Isberg A. S.* 92.

⁷⁶ *Isberg A. S.* 73—74; *Myllyniemi S. S.* 229.

⁷⁷ *Isberg A. S.* 74; *Littlejohn D.* Vol. 4. P. 140.

⁷⁸ *Isberg A. S.* 72.

⁷⁹ *Myllyniemi S. S.* 229; *Isberg A. S.* 75.

⁸⁰ ВИЖ. 1990. № 6. С. 18; *Isberg A. S.* 74.

- ⁸¹ Myllyniemi S. S. 229; Isberg A. S. 75.
- ⁸² Isberg A. S. 88.
- ⁸³ ВИЖ. 1990. № 6. С. 18; Littlejohn D. Vol. 4. P. 140; Myllyniemi S. S. 229; Isberg A. S. 90.
- ⁸⁴ См.: Скрытая правда войны: 1941 год. Неизвестные документы. М., 1992. С. 130—132; ЦАМО РФ. Ф. 221. Оп. 1372. Д. 10. Л. 201—202.
- ⁸⁵ Телеграмма Зандбергера Пифрадеру от 31 января 1943 г. См.: ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 93. Д. 3695. Л. 42—43.
- ⁸⁶ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1039. Л. 8.
- ⁸⁷ Isberg A. S. 88.
- ⁸⁸ Isberg A. S. 74.
- ⁸⁹ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1039. Л. 6—7.
- ⁹⁰ Isberg A. S. 74—75.
- ⁹¹ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1039. Л. 3.
- ⁹² РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1039. Л. 1, 3.
- ⁹³ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1039. Л. 1.
- ⁹⁴ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1039. Л. 3.
- ⁹⁵ Isberg A. S. 75.
- ⁹⁶ ВИЖ. 1990. № 6. С. 18.
- ⁹⁷ Isberg A. S. 76.
- ⁹⁸ Littlejohn D. Vol. 4. P. 140.
- ⁹⁹ Bender R.J., Taylor H.P. Uniforms, Organization and History of the Waffen-SS (in 5 volumes). Vol. 2. San Jose (California): R.J. Bender Publishing, 1971. P. 135, 138, 144.
- ¹⁰⁰ Myllyniemi S. S. 213.
- ¹⁰¹ Isberg A. S. 75—76.
- ¹⁰² Myllyniemi S. S. 213—214.
- ¹⁰³ Kersten F. The Kersten Memoirs 1940—1945. London, 1956. S. 224.
- ¹⁰⁴ Isberg A. S. 96.
- ¹⁰⁵ Myllyniemi S. S. 255—256.
- ¹⁰⁶ Myllyniemi S. S. 256—259.
- ¹⁰⁷ Готлоб Бергер — начальник Главного управления СС и офицер связи рейхсфюрера СС при Министерстве по делам оккупированных восточных территорий.
- ¹⁰⁸ Isberg A. S. 90.
- ¹⁰⁹ Myllyniemi S. S. 233.
- ¹¹⁰ Littlejohn D. Vol. 4. P. 140.
- ¹¹¹ ЦАМО РФ. Ф. 54 А. Оп. 10124. Д. 71. Л. 153—155.
- ¹¹² Isberg A. S. 90.
- ¹¹³ ВИЖ. 1990. № 6. С. 18.
- ¹¹⁴ Littlejohn D. Vol. 4. P. 140.
- ¹¹⁵ Isberg A. S. 96.
- ¹¹⁶ ВИЖ. 1990. № 6. С. 18.
- ¹¹⁷ Myllyniemi S. S. 233.

- ¹¹⁸ *Myllyniemi S. S.* 252.
- ¹¹⁹ *Isberg A. S.* 97.
- ¹²⁰ ВИЖ. 1990. № 6. С. 18; *Littlejohn D.* Vol. 4. P. 140; *Myllyniemi S. S.* 252.
- ¹²¹ *Myllyniemi S. S.* 252; *Isberg A. S.* 98.
- ¹²² *Isberg A. S.* 99.
- ¹²³ *Myllyniemi S. S.* 253.
- ¹²⁴ *Isberg A. S.* 100.
- ¹²⁵ *Isberg A. S.* 98.
- ¹²⁶ *Myllyniemi S. S.* 275.
- ¹²⁷ *Myllyniemi S. S.* 255.
- ¹²⁸ *Isberg A. S.* 98, 99—100.
- ¹²⁹ *Isberg A. S.* 100. По другим данным эти цифры получены только в ходе 1-го этапа осенней мобилизации 1943 г. (октябрь — ноябрь 1943 г.) *Myllyniemi S. S.* 253.
- ¹³⁰ По данным отдела III «Трудовая политика и социальное управление» в рейхскомиссариате «Остланд» (RKO / Abteilung III Aso). См.: *Myllyniemi S. S.* 255.
- ¹³¹ *Myllyniemi S. S.* 255; *Isberg A. S.* 100.
- ¹³² *Isberg A. S.* 119.
- ¹³³ *Myllyniemi S. S.* 275.
- ¹³⁴ *Isberg A. S.* 118.
- ¹³⁵ *Myllyniemi S. S.* 275.
- ¹³⁶ *Isberg A. S.* 118.
- ¹³⁷ *Isberg A. S.* 119.
- ¹³⁸ *Munoz A.J.* Hitler's Eastern Legions. Vol. I. The Baltic Schutzmannschaft. P. 40.
- ¹³⁹ ЦАМО РФ. Ф. 344 (8.А). Оп. 5556. Д. 153. Л. 212об; *Myllyniemi S. S.* 276.
- ¹⁴⁰ *Littlejohn D.* Vol. 4. P. 140.
- ¹⁴¹ *Isberg A. S.* 119.
- ¹⁴² *Littlejohn D.* Vol. 4. P. 140—141, 142.
- ¹⁴³ *Isberg A. S.* 119.
- ¹⁴⁴ ЦАМО РФ. Ф. 309 (2 Уд.А.). Оп. 4075. Д. 53. Л. 187. По другим данным, преобразование 3-й эстонской бригады СС в дивизию произошло раньше — 24 января 1944 г. См.: *Littlejohn D.* Vol. 4. P. 141.
- ¹⁴⁵ *Littlejohn D.* Vol. 4. P. 141.
- ¹⁴⁶ *Isberg A. S.* 119.
- ¹⁴⁷ *Isberg A. S.* 115—116.
- ¹⁴⁸ *Isberg A. S.* 119.
- ¹⁴⁹ *Munoz A.J.* Hitler's Eastern Legions. Vol. I. The Baltic Schutzmannschaft. P. 40.
- ¹⁵⁰ *Isberg A. S.* 121.
- ¹⁵¹ *Myllyniemi S. S.* 262—263.
- ¹⁵² *Isberg A. S.* 129.

¹⁵³ Немецко-фашистская оккупация в Эстонии (1941—1944). Таллин, 1963. С. 80—81 (Док. 39).

¹⁵⁴ *Isberg A. S.* 129.

¹⁵⁵ Фердинанд Шёрнер — генерал-полковник, главнокомандующий группой армий «Север» с 24 июля 1944 г.

¹⁵⁶ *Isberg A. S.* 139—140.

ГЛАВА VII

¹ Сводка событий из СССР № 153. Шеф полиции безопасности и СД, Берлин, 9 января 1942: *Алов Г.Г.* Палачи. [О злодеяниях немецко-фашистских захватчиков и их пособников на территории оккупированной Прибалтики. Публикация документов из тайных архивов Германии.] // Военно-исторический журнал. 1990. № 12. С. 20.

² *Myllyniemi S. S.* 78.

³ Сводка событий из СССР № 153 шефа полиции безопасности и СД, 9 января 1942 // ВИЖ. 1990. № 12. С. 20.

⁴ *Myllyniemi S. S.* 79.

⁵ *Myllyniemi S. S.* 83—84.

⁶ В Саласпилском лагере смерти. Рига: Латгосиздат, 1964. С. 10—11; *Майданов А.Г.* Рассудит Клио // Военно-исторический журнал. 1990. № 5. С. 38.

⁷ *Myllyniemi S. S.* 105.

⁸ Немецко-фашистский оккупационный режим. С. 343.

⁹ *Myllyniemi S. S.* 84.

¹⁰ Немецко-фашистский оккупационный режим. С. 341.

¹¹ *Myllyniemi S. S.* 105.

¹² *Myllyniemi S. S.* 78.

¹³ *Myllyniemi S. S.* 105—107.

¹⁴ Сводка событий из СССР № 153, 9 января 1942. ВИЖ. 1990. № 12. С. 20—21.

¹⁵ Там же.

¹⁶ *Myllyniemi S. S.* 105—107.

¹⁷ Сводка событий из СССР № 153 шефа полиции безопасности и СД, 9 января 1942 // ВИЖ. 1990. № 12. С. 20.

¹⁸ *Myllyniemi S. S.* 78.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 93. Д. 3695. Л. 119—120.

²⁰ Великая Отечественная война 1941—1945. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1985. С. 397—398.

²¹ *Myllyniemi S.* Die Neuordnung der baltischen Länder 1941—1944. Zum Nationalsozialistischen Inhalt der deutschen Besatzungspolitik. Helsinki 1973. S. 90.

²² ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 93. Д. 3694. Л. 33—34, 41—43; Немецко-фашистский оккупационный режим. С. 343.

²³ Преступные цели — преступные средства. (Сборник документов.) 2 изд. М., 1968. С. 118.

²⁴ Немецко-фашистский оккупационный режим (1941—1944 гг.). (Сборник статей.) М., 1965. С. 343.

²⁵ *Myllyniemi S. S.* 117.

²⁶ Сводка событий из СССР № 153 шефа полиции безопасности и СД, 9 января 1942 // ВИЖ. 1990. № 12. С. 20.

²⁷ *Myllyniemi S. S.* 117.

²⁸ *Myllyniemi S. S.* 118—119.

²⁹ *Kleist P. Entre Hitler et Staline 1939—1945.* P. 129.

³⁰ *Myllyniemi S. S.* 91, 96.

³¹ *Kleist P. Entre Hitler et Staline 1939—1945.* P. 129.

³² *Myllyniemi S. S.* 107, 118.

³³ *Myllyniemi S. S.* 118—119.

³⁴ ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 93. Д. 3695. Л. 13—14; *Myllyniemi S. S.* 119.

³⁵ *Myllyniemi S. S.* 119.

³⁶ *Isberg A. Zu den Bedingungen des Befreiers: Kollaboration und freiheitsstreben in dem von Deutschland besetzten Estland 1941 bis 1944.* Stockholm: Almquist & Wiksell intern., 1992. S. 66.

³⁷ *Littlejohn D. Foreign Legions of the Third Reich* (in 4 volumes). Vol. 4. San Jose, Calif., 1987. P. 171.

³⁸ *Munoz A.J. Hitler's Eastern Legions. Vol. I. The Baltic Schutzmannschaft.* P. 24.

³⁹ ВИЖ. 1990. № 6. С. 31—32.

⁴⁰ Сводка событий из СССР № 24 шефа полиции безопасности и СД, 16 июля 1942 // ВИЖ. 1990. № 12. С. 18; *Munoz A.J. Hitler's Eastern Legions. Vol. I. The Baltic Schutzmannschaft.* P. 24

⁴¹ *Munoz A.J. Hitler's Eastern Legions. Vol. I. The Baltic Schutzmannschaft.* P. 24.

⁴² ВИЖ. 1990. № 6. С. 31—32.

⁴³ *Tessin G. S.* 101—102, 107—109.

⁴⁴ *Stöber H. Die lettischen Divisionen: Im VI. SS-Armeeekorps. Osnabrück: Munin-Verlag, 1981. S. 61.*

⁴⁵ Родник. 1990. № 3. С. 61.

⁴⁶ *Tessin G. S.* 59.

⁴⁷ Родник. 1990. № 3. С. 60.

⁴⁸ *Tessin G. S.* 60.

⁴⁹ Родник. 1990. № 3. С. 61.

⁵⁰ *Dallin A. Deutsche Herrschaft in Rußland 1941—1945: Eine Studie über Besatzungspolitik.* Düsseldorf 1981. S. 611.

⁵¹ *Isberg A. S.* 73; *Myllyniemi S. S.* 200.

⁵² Родник. 1990. № 3. С. 60.

⁵³ *Myllyniemi S. S.* 210.

⁵⁴ *Myllyniemi S. S.* 210—211.

- ⁵⁵ *Myllyniemi S. S.* 230.
- ⁵⁶ Родник. 1990. № 3. С. 60.
- ⁵⁷ *Myllyniemi S. S.* 211.
- ⁵⁸ *Myllyniemi S. S.* 230.
- ⁵⁹ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 978. Л. 4.
- ⁶⁰ Родник. 1990. № 3. С. 60.
- ⁶¹ *Littlejohn D.* Vol. 4. P. 182—184; *Thomas N. a.o.* P. 16.
- ⁶² По некоторым источникам, обязательная мобилизация призывников 1919—1924 г.г. в Латышский легион СС началась чуть раньше — еще 10 февраля 1943 г. РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 978. Л. 4.
- ⁶³ *Amtlicher Anzeiger.* № 49 (28 Februar 1943). ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 93. Д. 3695. Л. 174.
- ⁶⁴ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 978. Л. 5.
- ⁶⁵ *Stöber H. S.* 308—311.
- ⁶⁶ *Stöber H. S.* 47, 50.
- ⁶⁷ *Stöber H. S.* 47, 50. По другим сведениям, в первоначальный состав «Латышского легиона» вошел еще 4-й батальон, сформированный на базе 24-го латышского полицейского батальона. *Thomas N. a.o.* P. 16; *Myllyniemi S. S.* 230.
- ⁶⁸ См.: РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 978. Л. 4; *Munoz A.J.* Hitler's Eastern Legions. Vol. I. The Baltic Schutzmannschaft. P. 59, 60.
- ⁶⁹ *Munoz A.J.* Hitler's Eastern Legions. Vol. I. The Baltic Schutzmannschaft. P. 60.
- ⁷⁰ *Littlejohn D.* Vol. 4. P. 184.
- ⁷¹ *Munoz A.J.* Hitler's Eastern Legions. Vol. I. The Baltic Schutzmannschaft. P. 60; *Littlejohn D.* Vol. 4. P. 184.
- ⁷² *Munoz A.J.* Hitler's eastern Legions. Vol. I. The Baltic Schutzmannschaft. P. 60.
- ⁷³ Родник. 1990. № 3. С. 60.
- ⁷⁴ ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 93. Д. 3694. Л. 92. По другим данным, в ходе этой мобилизации в Латвии было призвано меньшее количество: в Латышский легион СС около 17.900 человек, а во вспомогательные службы вермахта — около 13.400 человек. *Myllyniemi S. S.* 233. Однако эти данные, возможно, относятся к более ранней стадии мобилизации.
- ⁷⁵ *Littlejohn D.* Vol. 4. P. 182.
- ⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 978. Л. 5.
- ⁷⁷ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 978. Л. 4.
- ⁷⁸ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 978. Л. 5.
- ⁷⁹ *Stöber H. S.* 64—65.
- ⁸⁰ *Littlejohn D.* Vol. 4. P. 183—184.
- ⁸¹ *Stöber H. S.* 64—65.
- ⁸² РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 978. Л. 5.
- ⁸³ *Stöber H. S.* 64, 308.
- ⁸⁴ *Stöber H. S.* 65.

- ⁸⁵ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 978. Л. 58.
- ⁸⁶ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 978. Л. 58.
- ⁸⁷ *Myllyniemi S. S.* 252.
- ⁸⁸ *Myllyniemi S. S.* 247.
- ⁸⁹ Deutsche Zeitung in Ostland (DZO). 12 Oktober 1943. *Myllyniemi S. S.* 252.
- ⁹⁰ *Myllyniemi S. S.* 252.
- ⁹¹ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 978. Л. 51.
- ⁹² *Myllyniemi S. S.* 253.
- ⁹³ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 978. Л. 41,44.
- ⁹⁴ *Myllyniemi S. S.* 253—254.
- ⁹⁵ *Myllyniemi S. S.* 254—255.
- ⁹⁶ Родник. 1990. № 3. С. 60.
- ⁹⁷ *Myllyniemi S. S.* 253.
- ⁹⁸ *Littlejohn D.* Vol. 4. P. 183.
- ⁹⁹ *Myllyniemi S. S.* 255.
- ¹⁰⁰ Разведсводка Латвийского ШПД от 12 января 1944 г. РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 978. Л. 64.
- ¹⁰¹ *Tevia. Nr.* 16 (20 Januar 1944). ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 93. Д. 3695. Л. 175.
- ¹⁰² *Myllyniemi S. S.* 255.
- ¹⁰³ Родник. 1990. № 3. С. 60.
- ¹⁰⁴ *Myllyniemi S. S.* 276.
- ¹⁰⁵ *Myllyniemi S. S.* 255.
- ¹⁰⁶ Отчет отдела III «Трудовая политика и социальные вопросы» / Abteilung III. Aso. ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 93. Д. 3694. Л. 91—100.
- ¹⁰⁷ *Myllyniemi S. S.* 255. По другим данным, к концу войны в латышских полицейских батальонах числилось 15 000 чел. *Haupt W. Heeresgruppe Nord.* Bad Nauheim, 1967. S. 280.
- ¹⁰⁸ *Myllyniemi S. S.* 276.
- ¹⁰⁹ *Tessin G. S.* 60; *Thomas N. a.o.* P. 16; *Littlejohn D.* Vol. 4. P. 172.
- ¹¹⁰ *Stöber H. S.* 60—63.
- ¹¹¹ *Littlejohn D.* Vol. 4. P. 183.
- ¹¹² Родник. 1990. № 3. С. 61.
- ¹¹³ *Littlejohn D.* Vol. 4. P. 183.
- ¹¹⁴ Родник. 1990. № 3. С. 61.
- ¹¹⁵ Родник. 1990. № 3. С. 61.
- ¹¹⁶ ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 93. Д. 3694. Л. 91—100.
- ¹¹⁷ ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 93. Д. 3695. Л. 10—11.
- ¹¹⁸ Преступные цели — преступные средства. С. 237 (док.122).
- ¹¹⁹ Армия. 1992. № 6. С. 53.
- ¹²⁰ Армия. 1992. № 6. С. 53.
- ¹²¹ *Майданов А.Г.* Рассудит Клио // ВИЖ. 1990. № 5. С. 37; *Алов Г.Г.* Пала-
чи // ВИЖ. 1990. № 6. С. 27
- ¹²² *Bender R.J.* Vol. 2. P. 40—41; *Stöber H. S.* 71.

¹²³ Bender R.J. Vol. 2. P. 40.

¹²⁴ Самсонс, Вилис. Дружба народов победила: Совместные действия красных партизан и советских разведчиков в «Курляндском котле» в 1944—1945 гг. / Пер. с лат. Рига: Авотс, 1980. С. 150—151.

¹²⁵ Tevia. Nr. 195 (19 August 1944). ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 93. Д. 3695. Л. 176.

¹²⁶ Родник. 1990. № 3. С. 61.

¹²⁷ Stöber H. S. 268—269.

ГЛАВА VIII

¹ Littlejohn D. Vol. 4. P. 192—193.

² Birn R.B. S. 232—233; Myllyniemi S. S. 250; Армия. 1992. № 6. С. 55; Stuyber H. S. 278.

³ Stöber H. S. 278; Littlejohn D. Vol. 4. P. 192—193.

⁴ Родник. 1990. № 3. С. 61.

⁵ Stöber H. S. 278; Littlejohn D. Vol. 4. P. 192—193.

⁶ Родник. 1990. № 3. С. 61.

⁷ Фриснер, Йоханнес — главнокомандующий группой армий «Север» с 3 по 23 июля 1943 г.

⁸ Birn R.B. S. 232—233; Myllyniemi S. S. 250; Isberg A. S. 124.

⁹ Birn R.B. S. 232—233.

¹⁰ Isberg A. S. 123.

¹¹ Birn R.B. S. 233—234; Myllyniemi S. S. 282—283.

¹² Isberg A. S. 124.

¹³ Myllyniemi S. S. 285.

¹⁴ Isberg A. S. 124; Myllyniemi S. S. 285.

¹⁵ Армия. 1992. № 6. С. 55.

¹⁶ Myllyniemi S. S. 285.

¹⁷ Isberg A. S. 139—140.

¹⁸ Isberg A. S. 124.

¹⁹ Армия. 1992. № 6. С. 55.

²⁰ Myllyniemi S. S. 284—285.

²¹ Isberg A. S. 124.

²² Цит. по: Родник. 1990. № 3. С. 61.

²³ Самсонс В. Дружба народов победила: Совместные действия красных партизан и советских разведчиков в «Курляндском котле» в 1944—1945 гг. / Пер. с лат. Рига: Авотс, 1980. С. 152—153.

²⁴ Самсонс В. Дружба народов победила. С. 169.

²⁵ Ласманис, Александрс — штандартенфюрер войск СС, заместитель генерал-инспектора Латышского легиона СС (то есть Бангерскиса) и одновременно начальник отдела комплектования генеральной инспекции Латышского легиона СС.

- ²⁶ ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 93. Д. 3695. Л. 166—169.
- ²⁷ *Myllyniemi S. S.* 263—264.
- ²⁸ *Isberg A. S.* 142—143.
- ²⁹ *Kleist P.* Entre Hitler et Staline 1939—1945. P. 135.
- ³⁰ *Isberg A. S.* 143—144.
- ³¹ *Isberg A. S.* 145.
- ³² *Kleist P.* Entre Hitler et Staline 1939—1945. P. 135.
- ³³ *Kleist P.* Entre Hitler et Staline 1939—1945. P. 136.
- ³⁴ ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 93. Д. 3695. Л. 166—169.
- ³⁵ *Tessin G. S.* 54; Армия. 1992. № 6. С. 24.
- ³⁶ *Tessin G. S.* 54.
- ³⁷ *Stöber H.* Die lettischen Divisionen: Im VI. SS-Armee-korps. Osnabrück: Munin-Verlag, 1981. S. 46, 268—269; *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3. М., 1971. Кн.2 С. 301; *Владимиров В.П.* (публ.). Обрубленные щупальца легионов Скорцени.// Военно-исторический журнал. 1997. № 2. С. 4.
- ³⁸ *Kleist P.* Entre Hitler et Staline 1939—1945. P. 136.
- ³⁹ Ibidem.
- ⁴⁰ *Förster G., Lakowski R.* (Hrsg.). 1945. Das Jahr der endgültigen Niederlage der faschistischen Wehrmacht. Dokumente ausgewählt und eingeleitet von G. Förster und R. Lakowski. Berlin: Militärverlag der DDR (VEB), 1985. S. 352 (Dok.214).
- ⁴¹ *Stöber H. S.* 346.
- ⁴² *Munoz A.J.* Hitler's Eastern Legions. Vol. I. The Baltic Schutzmannschaft. New York, 1996. P. 49.
- ⁴³ *Stöber H. S.* 342.
- ⁴⁴ *Stöber H. S.* 345, 346.
- ⁴⁵ *Stöber H. S.* 342—343.
- ⁴⁶ *Stöber H. S.* 342—345.
- ⁴⁷ *Munoz A.J.* Hitler's Eastern Legions. Vol. I. The Baltic Schutzmannschaft. P. 49; *Stöber H. S.* 346.
- ⁴⁸ *Munoz A.J.* Hitler's Eastern Legions. Vol. I. The Baltic Schutzmannschaft. P. 49; *Stöber H. S.* 346.
- ⁴⁹ *Stöber H. S.* 342—345.
- ⁵⁰ *Munoz A.J.* Hitler's Eastern Legions. Vol. I. The Baltic Schutzmannschaft. P. 49.
- ⁵¹ *Stöber H. S.* 342—343.
- ⁵² *Munoz A.J.* Hitler's Eastern Legions. Vol. I. The Baltic Schutzmannschaft. P. 52, 54.
- ⁵³ *Munoz A.J.* Hitler's Eastern Legions. Vol. I. The Baltic Schutzmannschaft. P. 48, 49.
- ⁵⁴ Полтораки А.И. Нюрнбергский эпилог. М.: Воениздат, 1969. С. 56.
- ⁵⁵ Полтораки А.И. Нюрнбергский эпилог. С. 67.
- ⁵⁶ Полтораки А.И. Нюрнбергский эпилог. С. 159—160.
- ⁵⁷ *Munoz A.J.* Hitler's Eastern Legions. Vol. I. The Baltic Schutzmannschaft. P. 58.
- ⁵⁸ *Munoz A.J.* Hitler's Eastern Legions. Vol. I. The Baltic Schutzmannschaft. P. 59, 60.

ГЛАВА IX

¹ *Thomas N., Abbot P., Chappel M. Partisan Warfare 1941—45.* London: Osprey, 1983. P. 17.

² *Крикунов В.П.* (публ.). Палачи. [О подрывной деятельности антисоветских националистических организаций в республиках Прибалтики, 1940—1945 гг.] // Военно-исторический журнал. 1990. № 7. С. 38.

³ *Крикунов В.П.* (публ.) Палачи // Военно-исторический журнал. 1990. № 7. С. 33; *Барков Л.* В дебрях абвера. Таллин, 1971. С. 76—80.

⁴ Цит. по: *Барков Л.* В дебрях абвера. С. 85—86.

⁵ *Барков Л.* В дебрях абвера. С. 75—79.

⁶ *Барков Л.* В дебрях абвера. С. 82.

⁷ *Барков Л.* В дебрях абвера. С. 84—85.

⁸ *Алов Г.Г.* (публ.). Палачи // Военно-исторический журнал. 1990. № 6. С. 27.

⁹ ВИЖ. 1990. № 12. С. 21.

¹⁰ ВИЖ. 1990. № 7. С. 34.

¹¹ ВИЖ. 1990. № 7. С. 33.

¹² *Skorzeny O. Geheimkommando Skorzeny.* S. 213

¹³ Из протокола допроса Бруно Тоне 11 февраля 1945 г. начальником 2-го отделения 4-го отдела Управления контрразведки СМЕРШ 1-го Белорусского фронта капитаном Гершгориным; *Владимиров В.П.* (публ.). Обрубленные шупальца легионов Скорцени // Военно-исторический журнал. 1997. № 2. С. 6—7.

¹⁴ ВИЖ. 1997. № 2. С. 7—8.

¹⁵ ВИЖ. 1997. № 2. С. 9.

¹⁶ Как следует из докладной записки самого Янкавса на имя рейхсфюрера СС Гимmlера от 12 ноября 1944 г., приказ о формировании группы он получил от самого Скорцени в конце августа 1944 года.

¹⁷ ВИЖ. 1997. № 2. С. 8.

¹⁸ По данным НКГБ Латвийской ССР на лето 1945 года. См.: ВИЖ. 1990. № 7. С. 35.

¹⁹ ВИЖ. 1990. № 7. С. 35.

²⁰ Возможно, Янкавс намеренно принижает роль своего начальника Манфреда Пехау и преувеличивает свою собственную роль в создании организации «2 Диких кошек».

²¹ Цит. по: ВИЖ. 1990. № 7. С. 34—35.

²² Согласно показаниям Б. Тоне, бывшего сотрудника «Ягдайнзатц «Балтикум». ВИЖ. 1997. № 2. С. 9.

²³ Нем.: *Stossgruppen, Jagdkommandos* — ударные группы и истребительные команды. Под «истребительными командами», очевидно, подразумеваются отряды, сформированные «Ягдфербандом» или абвером — вроде тех же «диких кошек». «Ударными группами», возможно, назывались соединения полиции.

²⁴ По всей видимости, сформированные «Ягдфербандом Ост» отряды, базировавшиеся на хуторах Скудра и Граудупе (возможно даже из числа «диких кошек»).

²⁵ *Самсонс В.* Дружба народов победила. Совместные действия красных партизан и советских разведчиков в «Курляндском котле» в 1944—1945 гг. Рига: Авотс, 1980. С. 183.

²⁶ *Самсонс В.* Дружба народов победила. С. 183—184.

²⁷ ВИЖ. 1997. № 2. С. 7.

²⁸ ВИЖ. 1990. № 7. С. 34—35.

²⁹ *Самсонс В.* Дружба народов победила. С. 162—163.

³⁰ ВИЖ. 1990. № 7. С. 34.

³¹ *Самсонс В.* Дружба народов победила. С. 163—164.

³² Немецкая полиция носила униформу синеваато-серого цвета, а некоторые части латышской полиции — устаревшие темно-синие мундиры немецкой полиции эпохи Веймарской республики.

³³ *Самсонс В.* Дружба народов победила. С. 164—165.

³⁴ Как пишет Вилис Самсонс, виновники преступления позднее пытались свалить вину за это убийство на «коммунистов». Впоследствии эту версию позаимствовал и один западный историк-эмигрант, находившийся на содержании ЦРУ, Д. Каров, который пытался представить этот расстрел делом рук партизан, утверждая, что «одному из братьев Рубенисов с сотней партизан удалось вырваться из гибзদেশских лесов (?), где его вскоре расстреляли коммунистические партизаны». Самсонс не случайно указывает на всю нелепость этой версии. Достаточно указать хотя бы на то, что г. Гибзде далеко от того района, где дислоцировалась «армия Курелиса» и где каратели пытались уничтожить батальон Рубениса. *Самсонс В.* Дружба народов победила. С. 166.

³⁵ «Саркана булта» (лат.: «Красная стрела») — отдельный латышский партизанский отряд, действовавший в Курземе.

³⁶ *Самсонс В.* Дружба народов победила. С. 165—166.

³⁷ В дневнике боевых действий группы армий «Север» погибший офицер вермахта значился как «капитан Хельд».

³⁸ Краузе, Курт — оберштурмфюрер СС, прибалтийский немец, бывший комендант концлагеря Саласпилс. Его труп был опознан одним из солдат «Усмаского батальона», легионером из Валмиеры, бывшим узником Саласпилса.

³⁹ Цит. по: *Самсонс В.* Дружба народов победила. С. 167—168.

⁴⁰ Там же. С. 168.

⁴¹ Там же. С. 48.

⁴² Там же. С. 49.

⁴³ Стенограмма совещания у обергруппенфюрера СС Йекельна, 12 декабря 1944 года: ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 93. Д. 3695. Л. 164.

⁴⁴ ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 93. Д. 3695. Л. 164—165.

⁴⁵ *Самсонс В.* Дружба народов победила. С. 182.

⁴⁶ *Rühl, Heid.* Waldbrüder // *Der Freiwillige.* 1995. Nr. 4. S. 24—25.

- ⁴⁷ Munoz A.J. Hitler's Eastern Legions. Vol. I. The Baltic Schutzmannschaft. P. 47.
- ⁴⁸ ВИЖ. 1990. № 7. С. 37.
- ⁴⁹ Барков Л. В дебрях абвера. С. 85.
- ⁵⁰ ВИЖ. 1990. № 7. С. 37—38.
- ⁵¹ Myllyniemi S. S. 265.
- ⁵² Труска Л. Война против войны: Еще много лет не смолкали в Литве оружейные выстрелы (Записал Н. Лашкевич) // Родина. 1991. № 6/7. С. 130—133.
- ⁵³ Разведсводка № 3 (21) Литовского ШПД от 19 января 1944 г. РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1009. Л. 11.
- ⁵⁴ Myllyniemi S. S. 265.
- ⁵⁵ Родина. 1991. № 6/7. С. 130—133
- ⁵⁶ Разведсводка № 13 от 27 октября 1943 г. Литовского ШПД. РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1006. Л. 47.
- ⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1009. Л. 2.
- ⁵⁸ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1006. Л. 60.
- ⁵⁹ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1006. Л. 61, 66.
- ⁶⁰ Справка о положении в оккупированной Литовской ССР от 26 ноября 1943 г. РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1009. Л. 49—50, 59.
- ⁶¹ Молодая гвардия. 1993. № 4. С. 215—216.
- ⁶² Родина. 1991. № 6/7. С. 130—133.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ Разведсводка № 10 Литовского ШПД от 2 октября 1943 г. РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1006. Л. 33.
- ⁶⁵ Разведсводка Литовского ШПД от 25 сентября 1943 г. РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1006. Л. 29.
- ⁶⁶ Разведсводка № 11 от 8 октября 1943 г. РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1006. Л. 38.
- ⁶⁷ Разведсводка № 1 Литовского ШПД от 4 января 1944 г.; Информация Литовского ШПД от 26 декабря 1943 г. РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1009. Л. 4.
- ⁶⁸ Разведсводка № 3 (21) Литовского ШПД от 19 января 1944 г. РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1009. Л. 11.
- ⁶⁹ Родина. 1991. № 6/7. С. 130—133. О террористической деятельности ЛЛА и подготовке ее бойцов в немецких разведшколах см. подробнее: Крикунов В.П. (публ.). Палачи. [О подрывной деятельности антисоветских националистических организаций в республиках Прибалтики, 1940—1945 гг.] // Военно-исторический журнал. 1990. № 7. С. 29—38.
- ⁷⁰ ВИЖ. 1990. № 7. С. 36—37.
- ⁷¹ Munoz A.J. Vol. I. The Baltic Schutzmannschaft. P. 55, 57.
- ⁷² Tessin G. S. 107; Munoz A.J. Vol. I. The Baltic Schutzmannschaft. P. 48, 57.
- ⁷³ Munoz A.J. Vol. I. The Baltic Schutzmannschaft. P. 52, 54.
- ⁷⁴ Ibid. P. 57, 56.

⁷⁵ Родина. 1991. № 6/7. С. 130—133.

⁷⁶ Munoz A.J. Vol. I. The Baltic Schutzmannschaft. P. 54, 57.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

¹ Myllyniemi S. Die Neuordnung der baltischen Länder 1941—1944. Zum Nationalsozialistischen Inhalt der deutschen Besatzungspolitik. Helsinki, 1973. S. S. 85.

² Алов Г.Г. Палачи. [О злодеяниях немецко-фашистских захватчиков и их пособников на территории оккупированной Прибалтики. Публикация документов из тайных архивов Германии] // ВИЖ. 1990. № 6. С. 26.

³ Бобренов В., Петренко Г. (публ.). После них была только смерть. [Показания военного деятеля Германии Ф. Йекельна на следствии по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на оккупированных территориях.] // Армия. 1992. № 6. С. 50.

⁴ Майданов А.Г. Рассудит Клио // ВИЖ. 1990. № 5. С. 37; Алов Г.Г. Палачи // ВИЖ. 1990. № 6. С. 27; Семиряга М.И. Тюремная империя нацизма и ее крах. М.: Юридическая литература, 1991. С. 163.

⁴ Армия. 1992. № 3/4. С. 44.

⁶ Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8 томах. Т. 5. М., 1991. С. 297—298.

⁷ Великая Отечественная война 1941—1945. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1985. С. 418.

⁸ Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8 томах. Т. 5. С. 297—298.

⁹ Немецко-фашистский оккупационный режим. С. 83.

¹⁰ Великая Отечественная война 1941—1945. Энциклопедия. С. 418.

¹¹ Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8 томах. Т. 5. С. 297—298.

¹² ВИЖ. 1990. № 6. С. 19; Семиряга М.И. Тюремная империя нацизма и ее крах. М.: Юридическая литература, 1991. С. 164.

¹³ Армия. 1992. № 3/4. С. 44.

¹⁴ Армия. 1992. № 6. С. 49

¹⁵ Алов Г.Г. Палачи // ВИЖ. 1990. № 6. С. 29.

¹⁶ Обзор событий в СССР № 111 шефа безопасности и СД от 12 октября 1941 г.// ВИЖ. 1990. № 6. С. 29.

¹⁷ Myllyniemi S. S. 108.

¹⁸ Thomas N., Abbot P., Chappel M. Partisan Warfare 1941—45. London: Osprey Publishing, 1983. P. 17.

¹⁹ Подробнее о деятельности немецких спецслужб в этом направлении см.: Оперативная сводка за период с 1.9. по 25.10.1944 года, группа фронтовой разведки 212, 23 октября 1944 г.: Алов Г.Г. Палачи // ВИЖ. 1990. № 12. С. 21; Крикунов В.П. (публ.). Палачи. [О подрывной деятельности антисо-

ветских националистических организаций в республиках Прибалтики, 1940—1945 гг.] // Военно-исторический журнал. 1990. № 7. С. 29—38; *Владимиров В.П.* (публ.). Обрубленные шупальца легионов Скорцени // Военно-исторический журнал. 1997. № 2. С. 2—9; *Skorzeny O.* Geheimkommando Skorzeny. Hamburg, 1950.

²⁰ Журавлев В.Р. (публ.). Оборванная память Эстонии. Хроника победных боев // ВИЖ. 1994. № 8. С. 13—14, 14—15.

²¹ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1006. Л. 5, 21, 25; Д. 1009. Л. 3.

²² РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1006. Л. 69.

²³ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1009. Л. 2.

²⁴ Из донесения начальника политуправления 3-го Прибалтийского фронта, 20 сентября 1944 г. // ВИЖ. 1994. № 8. С. 14—15.

²⁵ *Stöber H.* Die lettischen Divisionen: Im VI. SS-Armee-korps. Osnabrück: Munin-Verlag, 1981. S. 61.

²⁶ Армия. 1992. № 6. С. 51.

²⁷ Донесение политотдела 67-й армии начальнику политуправления 3-го Прибалтийского фронта, 8 августа 1944 г.: Журавлев В.В., Пестов Б.Е., Емельянова Н.М. Кого мы должны помнить? [Об эстонских формированиях, входящих в состав войск гитлеровской Германии.] // Военно-исторический журнал. 1990. № 6. С. 17—22.

²⁸ Армия. 1992. № 6. С. 51.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

¹⁾ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Фонд 7021 (Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков...).

²⁾ Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ) (с 1999 г. — Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Фонд 69 (Центральный Штаб партизанского движения).

³⁾ Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). Фонды 54 А, 309 (9 Уд А), 344 (8 А).

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

⁴⁾ *Bender R.J., Taylor H.P.* Uniforms, Organization and History of the Waffen-SS (in 5 volumes). Vol. 1. San Jose (California): R.J. Bender Publishing, 1969. Vol. 2. San Jose (California): R.J. Bender Publishing, 1971.

⁵⁾ *Birn R.B.* Die Höheren SS- und Polizeiführer. Himmlers Vertreter im Reich und in den besetzten Gebieten. Düsseldorf, 1986.

⁶⁾ *Bollmus R.* Das Amt Rosenberg und seine Gegner. Zum Machtkampf im nationalsozialistischen Herrschaftssystem. Stuttgart, 1970.

⁷⁾ *Bräutigam O.* Überblick über die besetzten Ostgebiete während des Zweiten Weltkrieges. Tübingen, 1954.

⁸⁾ *Buchheim H.* SS und Polizei im NS-Staat. Düsseldorf Bonn, 1964.

⁹⁾ *Buchheim H., Broszat M., Jacobsen H.A., Krausnick H.* Anatomie des SS-Staates. München 1967. Bd. 1—2.

¹⁰⁾ *Dallin A.* Deutsche Herrschaft in Rußland 1941—1945: Eine Studie über Besatzungspolitik. Düsseldorf, 1981.

¹¹⁾ *Dokumente zur deutschen Geschichte, 1939—1942.* Hrsg. von G. Hass, K. Drobisch, A. Wappler, G. Fischer. Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften (VEB), 1977.

¹²⁾ Dokumente zur deutschen Geschichte, 1942—1945 / Hrsg. von O. Groehler, W. Bleyer, u.a. Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften (VEB), 1977.

¹³⁾ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Soviet Union 1933—1939. Washington, 1952.

¹⁴⁾ Förster G., Lakowski R. (Hrsg.). 1945. Das Jahr der endgültigen Niederlage der faschistischen Wehrmacht. Dokumente ausgewählt und eingeleitet von G. Förster und R. Lakowski. Berlin: Militärverlag der DDR (VEB), 1985.

¹⁵⁾ Großcurth, Helmuth. Tagebücher eines Abwehroffiziers, 1939—1940. Stuttgart, 1970.

¹⁶⁾ Haupt W. Heeresgruppe Nord. Bad Nauheim, 1967.

¹⁷⁾ Hausser, Paul. Soldaten wie andere auch. Der Weg der Waffen-SS. Osnabrück: Munin Verlag, 1966.

¹⁸⁾ Herzog R. Besatzungsverwaltung in den besetzten Ostgebieten Abteilung Jugend. Tübingen, 1960.

¹⁹⁾ Hummel, Karl-Heinz. Die Personalprobleme der Flakartillerie // Der Freiwillige. 1988. Nr. 7/8. S. 64—66; Nr. 9. S. 27—28; Nr. 10. S. 25—26; Nr. 11. S. 18, 23; Nr. 12. S. 26—28.

²⁰⁾ Isberg A. Zu den Bedingungen des Befreiers: Kollaboration und Freiheitsstreben in dem von Deutschland besetzten Estland 1941 bis 1944. Stockholm: Almqvist & Wiksell intern., 1992.

²¹⁾ Kempner, Robert M.W. (Hrsg.). Der Kampf gegen die Kirche aus unveröffentlichten Tagebüchern Alfred Rosenbergs // Der Monat. 1949. Nr. 10. S. 26—38.

²²⁾ Kersten F. The Kersten Memoirs 1940—1945. London, 1956.

²³⁾ Kleist P. Entre Hitler et Staline. 1939—1945 / Trad. de l'allemand. Paris: Plon, 1953.

²⁴⁾ Krausnick H., Wilhelm H.H. Hitlers Einsatzgruppen: Die Truppe des Weltanschauungskrieges, 1938—1942. Durchges.Auflage. Frankfurt-am-Main, 1993.

²⁵⁾ Letzter Lettischer Ritterkreuzträger [Andreje Freimanis] // Der Freiwillige. 1995. Nr. 2. S. 25.

²⁶⁾ Littlejohn, David. Foreign Legions of the Third Reich (in 4 volumes). Vol. 4. San Jose, Calif.: Bender Publishing, 1987.

²⁷⁾ Littlejohn D. The Patriotic Traitors: the History of Collaboration in German Occupied Europe, 1940—1945. Garden City, New York: Doubleday, 1972.

²⁸⁾ Lumsden R., Hannon P. The Allgemeine-SS. London: Osprey Publishing (Men-at-Arms series), 1993.

²⁹⁾ Meißner, Boris. Die Sowjetunion, die Baltischen Staaten und das Völkerrecht. Köln, 1956.

³⁰⁾ Munoz A.J. Hitler's Eastern Legions. Vol. I. The Baltic Schutzmannschaft. New York: Axis Europa, 1996.

³¹⁾ Munoz A.J. Hitler's Eastern Legions. Vol.II. The Osttruppen. New York: Axis Europa, 1997.

³²⁾ *Myllyniemi S.* Die Neuordnung der baltischen Länder 1941—1944. Zum Nationalsozialistischen Inhalt der deutschen Besatzungspolitik. Helsinki, 1973.

³³⁾ *Quarry B., Chappel M.* German Airborn Troops 1939—1945. London: Osprey publishing (Men-at-arms series), 1991.

³⁴⁾ *Pätzold K., Weißbecker M.* Hakenkreuz und Totenkopf. (Die Partei des Verbrechens). Berlin: VEB, 1981.

³⁵⁾ *Rauch, Georg von.* Geschichte der Baltischen Staaten. Stuttgart, 1970.

³⁶⁾ *Rühl, Heid.* Waldbrüder // Der Freiwillige. 1995. Nr. 4. S. 24—25.

³⁷⁾ Sachsenhausen. Dokumente, Aussagen, Forschungsergebnisse und Erlebnisberichte über das ehemalige KZ sachsenhausen. Hrsg. Von der Zentralleitung des Komitees der Antifaschisten und Widerstandskämpfer der DDR. Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften (VEB), 1974.

³⁸⁾ *Skorzeny, Otto.* Geheimkommando Skorzeny. Hamburg, 1950.

³⁹⁾ *Steiner, Felix M.* Die Freiwilligen der Waffen-SS. Idee und Opfergang. Guttingen: Plesse Verlag, 1963.

⁴⁰⁾ *Steven A., Amodio P.* Waffen-SS. Paris, 1990.

⁴¹⁾ *Stöber H.* Die lettischen Divisionen: Im VI. SS-Armee Korps. Osnabrück: Munin-Verlag, 1981.

⁴²⁾ *Tessin G.* Die Stöße und Truppeneinheiten der Ordnungspolizei // H.-J. Neufeldt, J. Huck, G. Tessin. Zur Geschichte der Ordnungspolizei 1936—1945. (Schriften des Bundesarchives, 3. Als Manuskript gedruckt). Koblenz 1957.

⁴³⁾ *Thomas N., Abbot P., Chappel M.* Partisan Warfare 1941—45. London: Osprey Publishing (Men-at-Arms series), 1983.

⁴⁴⁾ *Toynbee A.J.* Survey of International Affairs 1934. London, 1935.

⁴⁵⁾ *Wegner, Bernd.* Hitlers politische Soldaten: Die Waffen-SS, 1933—1945. Studien zu Leitbild und Funktion einer nationalsozialistischen Elite. Paderborn: Schöningh, 1983.

⁴⁶⁾ Wörterbuch zur deutschen Militärgeschichte. Bd. 1—2. Berlin: Militärverlag der DDR (VEB), 1985.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

⁴⁷⁾ *Абсхаген Карл-Хайнц.* Адмирал Канарис / Пер. с нем. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998.

⁴⁸⁾ *Алов Г.Г.* Палачи. [О злодеяниях немецко-фашистских захватчиков и их пособников на территории оккупированной Прибалтики. Публикация документов из тайных архивов Германии.] // Военно-исторический журнал. 1990. № 6. С. 23—33; № 12. С. 18—21.

⁴⁹⁾ Анатомия агрессии. Новые документы о военных целях фашистского германского империализма во второй мировой войне / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1975.

⁵⁰⁾ *Анатомия войны. Новые документы о роли германского монополистического капитала в подготовке и ведении 2-й мировой войны* / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1971.

⁵¹⁾ *Атамукас С.* Компартия Литвы в борьбе за Советскую власть (1935—1940 гг.). М., 1961.

⁵²⁾ *Барков Л.* В дебрях абвера. Таллин, 1971.

⁵³⁾ *Барынькин В.М.* Освобождение Прибалтики // Военно-исторический журнал. 1994. № 8. С. 2—8.

⁵⁴⁾ *Безыменский Л.* Особая папка «Барбаросса». М.: Издательство Агентства печати Новости, 1973.

⁵⁵⁾ *Бобреньев В., Петренко Г.* (публ.). После них была только смерть. [Показания военного деятеля Германии Ф. Йекельна на следствии по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на оккупированных территориях.] // Армия. 1992. № 3/4. С. 39—45; № 6. С. 49—56.

⁵⁶⁾ *Бугай Н.О.* (публ.). О депортации народов из Прибалтики в 40—50-е годы // Молодая гвардия. 1993. № 4. С. 213—223.

⁵⁷⁾ В поединке с абвером. Ленинград, 1974.

⁵⁸⁾ В Саласпилском лагере смерти. Рига: Латгосиздат, 1964.

⁵⁹⁾ В сражениях за советскую Латвию. Военно-исторический очерк. Рига: Лиесма, 1975.

⁶⁰⁾ *Варес Пеэтер.* На чаше весов: Эстония и Советский Союз. (1940 год и его последствия) / Пер. с эст. Таллин: Евруниверситет, 1999.

⁶¹⁾ *Васильчикова М.* Берлинский дневник 1940—1945. М.: Издательство журнала «Наше наследие», ГФ «Полиграфресурсы», 1994.

⁶²⁾ Великая Отечественная война 1941—1945. Энциклопедия / Гл. ред. генерал армии, проф. М.М. Козлов. М.: Советская энциклопедия, 1985.

⁶³⁾ *Владимиров В.П.* (публ.). Обрубленные шупальца легионов Скорцени // Военно-исторический журнал. 1997. № 2. С. 2—9.

⁶⁴⁾ *Волков С.В.* Белое движение в России: организационная структура. (Материалы для справочника). М., 2000. (Серия «Российская историческая военно-политическая библиотека»).

⁶⁵⁾ *Гальдер Ф.* Военный дневник. Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск 1939—1942 гг. / В 3 т. Т. 3 (в 2 кн.). М.: Воениздат, 1971.

⁶⁶⁾ Гитлеровская оккупация в Литве. (Сборник статей). Вильнюс, 1966.

⁶⁷⁾ *Горлов С.А.* (публ.). «Допустить размещение войск...» (О вводе частей Красной Армии на территории Литвы, Латвии, Эстонии в 1939—1940 гг.) // Военно-исторический журнал. 1990. № 4. С. 31—42.

⁶⁸⁾ *Горлов С.А.* СССР и территориальные проблемы Литвы // Военно-исторический журнал. 1990. № 7. С. 20—28.

⁶⁹⁾ *Городецкий Габриэль.* Миф «Ледокола»: Накануне войны / Пер. с англ. М.: Прогресс Академия, 1995.

⁷⁰⁾ Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1987.

⁷¹⁾ Давыдов Д. Что ждало жителей рейхскомиссариата «Остланд»: нацистская программа колонизации Прибалтики // Независимая газета. 21 июня 1994. С. 5.

⁷²⁾ Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 1—2. М.: Наука, 1973.

⁷³⁾ Дерябин А., Паласиос-Фернандес Р. Гражданская война в России 1917—1922: Национальные армии. М.: АСТ, 1998.

⁷⁴⁾ Добровольская И.В. Гитлеровский оккупационный режим на территории Советской Литвы // Немецко-фашистский оккупационный режим (1941—1944 гг.). М., 1965. С. 75—83.

⁷⁵⁾ Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом 23 августа 1939 г., Договор о дружбе и границе между Германией и Советским Союзом 29 сентября 1939 г., [и секретные и дополнительные протоколы к ним] // Международная жизнь. 1989. № 8, 9.

⁷⁶⁾ Документы внешней политики СССР. Т. XV—XVII. М.: Международные отношения, 1969—1971.

⁷⁷⁾ Дризул А.А. (Дризулис А.А.). Латвия под игом фашизма. Рига: Латгосиздат, 1960.

⁷⁸⁾ Дризулис А.А. Очерки истории рабочего движения в Латвии (1920—1940 гг.). М.: Госполитиздат, 1959.

⁷⁹⁾ Журавлев В.Р. (публ.). Оборванная память Эстонии. Хроника победных боев // Военно-исторический журнал. 1994. № 8. С. 9—16.

⁸⁰⁾ Журавлев В.В., Пестов Б.Е., Емельянова Н.М. Кого мы должны помнить? [Об эстонских формированиях, входящих в состав войск гитлеровской Германии.] // Военно-исторический журнал. 1990. № 6. С. 17—22.

⁸¹⁾ Зегер А. Гестапо-Мюллер. Карьера кабинетного преступника / Пер. с нем. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.

⁸²⁾ Инструктивное письмо А. Розенберга. [О нацистской программе колонизации Прибалтики: Письмо главы министерства по делам оккупированных восточных территорий рейхскомиссару «Остланда» Г. Лозе, 1941 г.] // Независимая газета. 21 июня 1994. С. 5.

⁸³⁾ История второй мировой войны. 1939—1945 / В 12 т. М.: Воениздат, 1973—1982.

⁸⁴⁾ История Латвийской ССР. (С древнейших времен до 1953 г.). Сокращенный курс / Под ред. К.Я. Страздина. Рига: Издательство АН Латвийской ССР, 1955.

⁸⁵⁾ История Эстонской ССР. (С древнейших времен до наших дней) / Под ред. Г.И. Наана. Таллин: Эстонское государственное издательство, 1952.

⁸⁶⁾ Карвялис В.А. Освобождение Литовской ССР от гитлеровской оккупации (1944—1945). Вильнюс: Минтис, 1975.

⁸⁷⁾ Краус О., Кулка Э. Фабрика смерти. Пер. с чешского. М.: Госполитиздат, 1960.

⁸⁸⁾ Крикунов В.П. (публ.). Палачи. [О подрывной деятельности антисоветских националистических организаций в республиках Прибалтики, 1940—1945 гг.] // Военно-исторический журнал. 1990. № 7. С. 29—38.

- ⁸⁹⁾ *Кудряшов И.Ю.* Последняя армия республики. Вооруженные силы Литвы накануне оккупации 1940 года // *Сержант.* 1996. № 1. С. 27—30.
- ⁹⁰⁾ *Ленин В.И.* К вопросу о национальностях или об «автономизации» Избранные произведения. В 4 т. М.: Политиздат, 1988. Т. 4. С. 448—453.
- ⁹¹⁾ *Литвинов М.* Латвийский плацдарм. // *Независимое военное обозрение.* 2001. № 25. С. 7.
- ⁹²⁾ *Майданов А.Г.* Вампиры в фашистской форме // *Военно-исторический журнал.* 1995. № 2. С. 52—56.
- ⁹³⁾ *Майданов А.Г.* Рассудит Клио // *Военно-исторический журнал.* 1990. № 5. С. 32—38.
- ⁹⁴⁾ *Максимычев И.Ф.* Дипломатия мира против дипломатии войны. Очерк советско-германских отношений в 1933—1939 годах. М.: Международные отношения, 1981.
- ⁹⁵⁾ *Мартинсон Э.Я.* Фашистский террор в Эстонии (1941—1945 гг.) // *Немецко-фашистский оккупационный режим (1941—1944 гг.).* М., 1965. С. 84—94.
- ⁹⁶⁾ Материалы к истории Освободительного движения народов России, 1941—1945. London (Ontario, Canada): Издательство Союза борьбы за освобождение народов России, 1970.
- ⁹⁷⁾ *Мельников Д.Е., Черная Л.* Империя смерти. Аппарат насилия в нацистской Германии 1939—1945. М.: Политиздат, 1987.
- ⁹⁸⁾ *Молчанов В.К.* Возмездие должно свершиться. Нацистские военные преступники и их покровители. М.: Издательство политической литературы, 1981.
- ⁹⁹⁾ *Мюллер Н.* Вермахт и оккупация / Пер. с нем. М.: Воениздат, 1974.
- ¹⁰⁰⁾ *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933—1945 / Пер. с нем. И.М. Глаголева, под ред. полк. П.М. Деревянко. Т. III. Война на два фронта. М.: Воениздат. 1976.
- ¹⁰¹⁾ Народная война в тылу фашистских оккупантов на Украине 1941—1944 гг. / В 2 кн. Киев, 1985.
- ¹⁰²⁾ Нацистских преступников — к ответу! М.: Политиздат, 1983.
- ¹⁰³⁾ Немецко-фашистская оккупация в Эстонии (1941—1944). Сборник документов и материалов. Таллин, 1963.
- ¹⁰⁴⁾ Немецко-фашистский оккупационный режим (1941—1944 гг.). (Сборник статей). М., 1965.
- ¹⁰⁵⁾ Нюрнбергский процесс над главными немецко-фашистскими военными преступниками. Сборник материалов в 3 томах. Т. 2. М.: Юридическая литература, 1965.
- ¹⁰⁶⁾ Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8 томах. М.: Юридическая литература, 1987—1991. Т. 1—5.
- ¹⁰⁷⁾ *Пикер Г.* Застольные разговоры Гитлера. Смоленск: Русич, 1993.
- ¹⁰⁸⁾ Планы фашистской империи // *Военно-исторический журнал.* 1990. № 5. С. 39—44.
- ¹⁰⁹⁾ *Полторак А.И.* Нюрнбергский эпилог. М.: Воениздат, 1969.

¹¹⁰⁾ *Польман Хартвиг*. Волхов. 900 дней боев за Ленинград, 1941—1944. М.: Захаров, 2000.

¹¹¹⁾ Поражение германского империализма во второй мировой войне. Статьи и документы. М., 1960.

¹¹²⁾ Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза. Документы, материалы. / Под ред. и с предисл. чл.-корр. АН СССР ген.-лейт. П.А. Жилина. М.: Воениздат, 1987.

¹¹³⁾ Преступные цели — преступные средства. (Сборник документов). 2 изд. М., 1968.

¹¹⁴⁾ *Пэрн Л.А.* В вихре военных лет. Воспоминания. / 2-е изд. Таллин: Ээсти раамат, 1976.

¹¹⁵⁾ Рассказ гренадера. [Материал подг. Имантс Белогривс. Историческая справка д.и.н. Оярс Ниедре] // Родник. 1990. № 3 (39). С. 60—67.

¹¹⁶⁾ *Рашкевиц А.К.* Террор и преступления нацистов в Латвии (1941—1945 гг.) // Немецко-фашистский оккупационный режим (1941—1944 гг.). М., 1965.

¹¹⁷⁾ *Риббентрон Йоахим фон*. Между Лондоном и Москвой: Воспоминания и последние записи. Из его наследия, изданного Аннелиз фон Риббентрон / Пер. с нем. М.: Мысль, 1996.

¹¹⁸⁾ *Розанов Г.Л.* Сталин — Гитлер. Документальный очерк советско-германских отношений, 1939—1941 гг. М.: Международные отношения, 1991.

¹¹⁹⁾ *Самсонс Вилис*. Дружба народов победила: Совместные действия красных партизан и советских разведчиков в «Курляндском котле» в 1944—1945 гг. / Пер. с лат. Рига: Авотс, 1980.

¹²⁰⁾ *Самсонс В.П.* К весне: Воспоминания и комментарии документов / Авторизов. перевод с лат. Рига: Лиесма, 1988.

¹²¹⁾ *Самсонс В.П.* Сквозь метели: Воспоминания. Документы, комментарии. [О деятельности Отдельного латышского партизанского отряда в годы Великой Отечественной войны]. Рига: Лиесма, 1985.

¹²²⁾ Секретные документы из особой папки // Вопросы истории. 1993. № 1. С. 8—11.

¹²³⁾ *Семиряга М.И.* Тюремная империя нацизма и ее крах. М.: Юридическая литература, 1991.

¹²⁴⁾ *Сергеев Ф.* Тайные операции нацистской разведки (1933—1945). М., 1991.

¹²⁵⁾ *Ситолс Вилнис*. За кулисами иностранной интервенции в Латвии (1918—1920 гг.). М.: Госполитиздат, 1959.

¹²⁶⁾ *Ситолс В.Я.* Тайная дипломатия. Буржуазная Латвия в антисоветских планах империалистических держав. 1919—1940 гг. Рига, 1968.

¹²⁷⁾ Скрытая правда войны: 1941 год. Неизвестные документы. М., 1992.

¹²⁸⁾ «Совершенно секретно! Только для командования!». М.: Наука, 1967.

¹²⁹⁾ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938 г. август 1939 г.). М., 1971.

¹³⁰⁾ *Труска Л.* Война против войны: Еще много лет не смолкали в Литве оружейные выстрелы (Записал Н. Лашкевич) // *Родина*. 1991. № 6/7. С. 130—133.

¹³¹⁾ *Фест Й.* Гитлер. Биография / В 3 т. Пермь: Алетей, 1993.

¹³²⁾ *Черчилль У.* Вторая мировая война. [Сокращенное издание]. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.

¹³³⁾ *Ширер У.* Взлет и падение третьего рейха / В 2 т. М.: Воениздат, 1991.

¹³⁴⁾ *Штарас П.Ф.* Форты смерти в Каунасе // *Немецко-фашистский оккупационный режим (1941—1944 гг.)*. М., 1965. С. 352—360.

¹³⁵⁾ *Ямпольский В.П.* (публ.). «В Литве больше нет евреев...» // *Военно-исторический журнал*. 1996. № 6. С. 19—20.

¹³⁶⁾ *Ямпольский В.П.* (публ.) В Прибалтике ждали фюрера... И фюрер пришел! // *Военно-исторический журнал*. 2001. № 6. С. 36—43.

¹³⁷⁾ *Ямпольский В.П.* (публ.) Вместо баварского пива пуля и голод. [Из спецсообщения УНКВД по Ленинградской области № 9744 в областной комитет ВКП(б) и командованию Ленинградского фронта о положении в районах области, занятых немецкими войсками от 5 ноября 1941 г.] // *Военно-исторический журнал*. 1997. № 1. С. 12—17.

¹³⁸⁾ *Ямпольский В.П.* (публ.). «За что боролись?» Как немецкая власть обидела «Фронт литовских активистов» // *Военно-исторический журнал*. 1994. № 5. С. 47—52.

¹³⁹⁾ *Ямпольский В.П.* (публ.). «Когда план «Барбаросса» потерпел крах, абвер пытался развязать гражданскую войну в СССР» // *Военно-исторический журнал*. 1994. № 9. С. 2—7.

Шеф абвера адмирал Канарис отлично понимал важность «прибалтийского плацдарма» для будущей войны против СССР и не раз сам тайно бывал в Эстонии

Имперский министр по делам оккупированных восточных территорий Альфред Розенберг — человек, отвечавший за оккупационную политику на Востоке в течение первых месяцев войны

*Гауляйтер Хинрих Лозе —
рейхскомиссар Остланда,
мечтавший о короне Великого герцога
Балтийского*

*Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер
с 1943 г. все больше вмешивается
в дела Восточного министерства,
а с конца 1943 г. получает
неограниченное право проводить
мобилизации в легионы СС
в Прибалтике*

*Рейнхард Гейдрих,
обергруппенфюрер СС, шеф
Главного управления имперской
безопасности (РСХА) — один из
создателей эйнзатцгрупп*

Группенфюрер СС и генерал-лейтенант войск СС Готлоб Бергер, шеф Главного управления СС, одновременно являвшийся представителем Гимmlера в Восточном министерстве. Именно он был автором и координатором всех планов мобилизаций в Прибалтике, и он же от имени рейхсфюрера СС вел «торг» с коллаборационистами по вопросу об автономии

Обергруппенфюрер СС и генерал войск СС Вальтер Крюгер, занимавший пост командующего войсками СС в Прибалтике. Позднее он возглавил Инспекцию пополнения «Остланд», занимавшуюся проведением мобилизаций в легионы СС в Прибалтике

Майор Ионас Мисюнас-Жалиас Вельниас — в годы оккупации командовал 257-м литовским полицейским батальоном, оборонявшим Данциг в октябре 1944 г. После войны возглавлял националистическое сопротивление в районах Вильнюса и Каунаса

Чины литовского строительного полицейского батальона на строительстве укреплений вокруг батальонных казарм. Подобные укрепления в 1943—1944 гг. сооружались вокруг каждого лагеря полиции (обычно на окраине городов и сел) для защиты от партизан

*Часовой одного из эстонских полков
«пограничной стражи» на посту.
Побережье Эстонии, май 1944 г.*

*Д-р Хялмар Мяз, глава Эстонского самоуправления (слева)
и Карл-Сигизмунд Литцман на площади Свободы в Таллинне. 1941 г.*

*Плакат, призывающий
вступить в Эстонский
легион СС*

*Эмблема 20-й эстонской
дивизии СС*

Эстонские авиалегионеры на церемонии вручения наград

На подобных самолетах «Арадо-66» служили эстонские летчики

Эстонские авиалегионеры

Бригадефюрер СС и генерал-майор войск СС Франц Аугсбергер, командир 20-й эстонской дивизии СС, 1944 г.

Майор Альфонс Ребане в качестве командира 658-го эстонского батальона вермахта (впоследствии батальон вошел в состав 20-й эстонской дивизии СС, а сам Ребане стал заместителем командира дивизии)

*Оберштурмбаннфюрер СС
Харальд Риипалу, командир
45-го добровольческого гренадерского
полка 20-й эстонской дивизии СС,
1944 г.*

*Пауль Майтла, один из командиров
20-й эстонской дивизии СС*

*Церемония награждения Рыцарским крестом майора Альфонса Ребане
во дворце Кардриорг (Таллинн), 24 февраля 1944 г. Крайний слева — глава
Эстонского самоуправления, д-р Хялмар Мяэ; второй справа — генерал-
инспектор Эстонского легиона СС Иоханнес Соодла, крайний справа —
генеральный комиссар Эстонии Карл-Сигизмунд Литцман*

*Горящая башня собора
Св. Петра в Риге. 1941 г.*

*Торжественная встреча
немецких войск у памятника
Свободы в Риге. 1941 г.*

*Подбитый советский танк
на рижской улице. 1941 г.*

*Латыши радостно встречают
немецкие войска в Риге. 1941 г.*

*«Хлеб-соль» победителям.
Рига, 1941 г.*

*Генерал Рудольф Бангерскис
(Бангерский) — начинал свою службу
в армии царской России, впоследствии
был министром обороны Латвии. В годы
Второй мировой войны являлся генерал-
инспектором Латышского легиона
СС, а в конце 1944 г. был правой рукой
фактического диктатора Прибалтики
Йекельна*

*Группенфюрер войск
СС Бангерскис (слева)
и начальник штаба
Латышского легиона
СС Артур Сильгайлис
(справа). Октябрь
1944 г.*

Генерал Бангерскис со своим штабом, август 1944 г., село Турза (Видземе). Слева направо: штандартенфюрер СС Зоммер, оберфюрер войск СС Сильгайлис, Бангерскис и командир VI «латышского» корпуса СС обергруппенфюрер СС Вальтер Крюгер

Вальдемар Вейсс, один из создателей латышской полиции при фашистской оккупации, штандартенфюрер, командир 1-го латышского полка СС (позднее переименованного в 42-й полк). Погиб на фронте в июне 1944 г.

*В. Вейсс вручает капитану
З. Янсону Железный крест.
1944 г.*

*Бангерскис и Вейсс
перед строем латышских
легионеров, отличившихся
на Волховском фронте
и награжденных Железными
крестами*

*Оберфюрер СС Бурк,
последний командир 15-й Латышской
дивизии СС (на фото — в звании
штандартенфюрера СС), в Арользене*

Командир 36-го эстонского полицейского батальона и его адъютант, 1942 г. 36-й эстонский батальон «прославился» тем, что с октября 1942-го по январь 1943 г. выполнял карательные и охранные задачи под Сталинградом, где понес значительные потери, и по возвращении в Эстонию был расформирован

Латышские легионеры проходят церемониальным маршем перед генерал-инспектором Латышского легиона СС. 1943 г.

Рядовые одного из латышских формирований СС

*Латышские
легионеры в бою*

*Бойцы одного
из латышских
формирований СС
на привале*

*Группа «полицаев»
из 266-го латышского
резервного
полицейского
батальона, Рига,
апрель 1943 г.*

Группа латышских полицейских, июнь 1943 г.

*Янис Руцельс в довоенной форме
капитана ВВС Латвии, один из
инициаторов создания Латышского
легиона ВВС*

Националистический митинг в Риге незадолго перед вступлением в город Красной армии. 1944 г.

Один из латышских партизан

Латышские партизаны

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I	
РОЖДЕНИЕ ПРИБАЛТИЙСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА	6
Глава II	
«ПРИБАЛТИЙСКИЙ ПЛАЦДАРМ»	26
Глава III	
РЕЙХСКОМИССАРИАТ «ОСТЛАНД»: АНАТОМИЯ ОККУПАЦИИ.....	83
Глава IV	
РАБОТОРГОВЦЫ XX ВЕКА	123
Глава V	
«НАРОД, НЕ ДОСТОЙНЫЙ НОСИТЬ ОРУЖИЕ» (ЛИТВА)	154
Глава VI	
«СПАСИБО ГИТЛЕРУ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ БОЛЬШЕВИЗМА» (ЭСТОНИЯ)	198
Глава VII	
«СВОИ ПРАВА НА ПРОЖИВАНИЕ В НОВОЙ ЕВРОПЕ МЫ ДОЛЖНЫ ДОКАЗАТЬ...» (ЛАТВИЯ)	248
Глава VIII	
ПОСЛЕДНИЕ ДНИ РЕЙХСКОМИССАРИАТА «ОСТЛАНД»	285
Глава IX	
НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ В РЕСПУБЛИКАХ ПРИБАЛТИКИ, 1944—1952	308
Заключение	
КОЛЛАБОРАЦИОНИСТЫ ИЛИ «БОРЦЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ»?	350
ПРИМЕЧАНИЯ.....	360
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	391

Научно-популярное издание

Военно-историческая библиотека

Крысин Михаил Юрьевич

ПРИБАЛТИКА МЕЖДУ СТАЛИНЫМ И ГИТЛЕРОМ

Выпускающий редактор *А.А. Александров*

Корректор *Б.С. Тумян*

Верстка *И.В. Левченко*

Художественное оформление *Д.В. Грушин*

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доп. 2213), (499) 940-48-71.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 23.04.2018. Формат 84×108 1/32.

Гарнитура «Times New Roman». Бумага офсетная.

Печ.л. 13. Тираж 800 экз. Заказ № 3610.

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1

Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59